Белгородский государственный национальный исследовательский университет

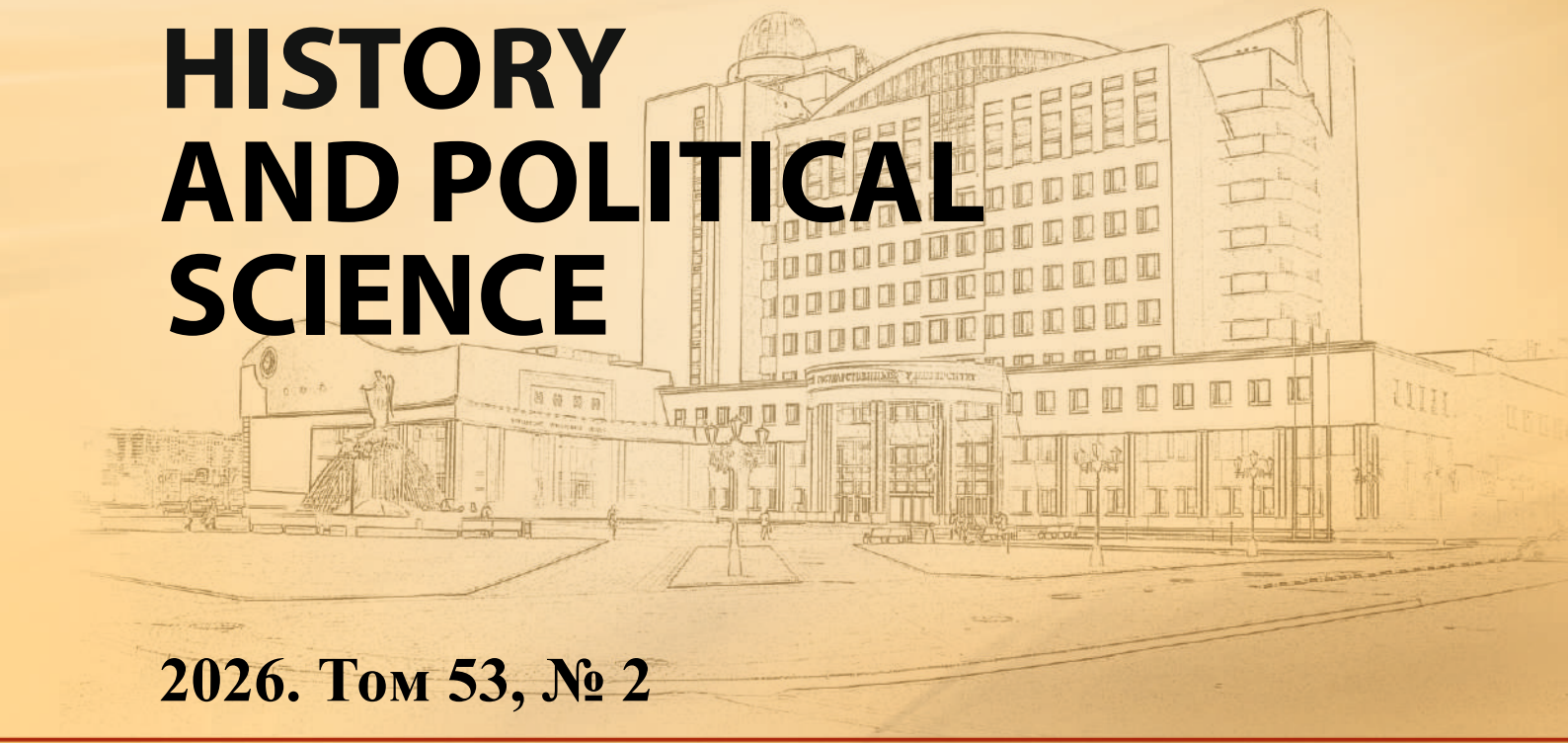
ISSN 2687-0967 (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE



2026. Том 53, № 2

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ
2026. Том 53, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 26,0. Дата выхода 30.06.2026. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

267 **Клейменов А.А.**
О присутствии «бессмертных» в персидской армии времен Дария III
275 **Болгов Н.Н., Болгова А.М.**
Аттикист Ор Александрийский (V в.) и его сочинения
285 **Арисланов Б.С.**
Памprепий Грамматик в Афинах: к истории отношений интеллектуалов и городской знати во 2-й пол. V в.
294 **Маслов В.П., Литовченко Е.В.**
Нарративные образы Рима и Константинополя в историографии: от Гиббона до школы «Поздней Античности»
303 **Павлов К.В.**
Структура дипломатии Флоренции в XV веке: персональный и институциональный аспекты
315 **Вахидов Э.Б.**
Крымский хан Шагин Гирей на страницах зарубежной научной литературы
322 **Тайгильдин А.В.**
Мемфисский конвент 1845 года в США как попытка экономического объединения страны
333 **Шумаков А.А.**
«Поттаватомская резня»: история одной казни
348 **Чернявский С.В.**
Стамбульская авантюра Уильяма Донована: как спецслужбы США торговали Украиной за ее спиной в 1943 году

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

359 **Борщик Н.Д., Подосинников Е.Ю.**
Ведомственная корреспонденция казначейств Российской империи XVIII века как отражение политических событий в стране
369 **Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н.**
Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: банковский сектор
379 **Мазаев Р.С.**
Гордость отца, пример для брата: трагедия Михаила Столыпина
391 **Кочетов И.Е.**
Практика насилия и моральный облик царской полиции: политические преследования в Царицынском уезде в начале XX в.
400 **Пшегорский А.С., Сучалкин Е.А.**
Владимир Андреевич Грингмут – лидер черносотенного движения в первой русской революции
410 **Пашин В.П.**
Допризывная подготовка молодежи в условиях военной реформы 1924–1925 годов (на материалах Курского края)
418 **Скопинцев И.А.**
Конструирование «героя»: Образ М.И. Кутузова в советской коммеморативной политике
429 **Башкирева Н.В.**
Участие французских легионеров в антипартизанских операциях на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны
438 **Веревкина Ю.И.**
Россия – Белоруссия: практика создания монетарного союза (2000–2005 гг.)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

447 **Королев П.А.**
Диалектика советской и партийной власти в условиях кризиса российской государственности: политический анализ
456 **Шукюров А.Т.**
Изменение ландшафта политической коммуникации с началом специальной военной операции
464 **Гюнтер И.Н., Половнева Л.С.**
Институциональное взаимодействие Правительства Российской Федерации и Банка России в обеспечении устойчивости финансово-экономической системы государства
474 **Игонин Д.И.**
Эволюция государственной миграционной политики в постсоветской России
484 **Бугров Р.В., Семенов О.Ю.**
От «триумфа демократии» к «тирании алгоритма»: новые вызовы демократии в эпоху цифровой революции
497 **Бурганова И.Н.**
От баланса сил к балансу интересов: эволюция системы международных отношений

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE
2026. Volume 53, No. 2

Until 2020, the journal was published as "Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science"

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".
Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of General History (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of World History (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Ancient World and the Middle Ages (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History, Ethnology and Archaoeology of Abkhazia (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. 26.0 publishing sheets. Date of publishing: 30.06.2026. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

267 **Kleymeonov A.A.**
On the Presence of "Immortals" in the Persian Army during the Time of Darius III
275 **Bolgov N.N., Bolgova A.M.**
Atticist Orus of Alexandria (5th Century A.D.) and His Works
285 **Arislanov B.S.**
Pamprepius the Grammarian in Athens: On the History of Relations between Intellectuals and the Urban Nobility in the Second Half of the 5th Century A.D.
294 **Maslov V.P., Litovchenko E.V.**
Narrative Images of Rome and Constantinople in Historiography: From Gibbon to the Late Antique Studies
303 **Pavlov K.V.**
The Structure of the Florentine Diplomacy in the 15th Century: Personal and Institutional Aspects
315 **Vakhidov E.B.**
Crimean Khan Şahin Giray on the Pages of Foreign Scholarly Literature
322 **Taigildin A.V.**
The Memphis Convention of 1845 in the USA as an Attempt of Economic Unification of the Country
333 **Shumakov A.A.**
"Pottawatomie Massacre": The Story of One Execution
348 **Cherniavsky S.V.**
William Donovan's Istanbul Gamble: How the US Secret Services Traded Ukraine Behind its Back in 1943

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

359 **Borshchik N.D., Podosinnikov E.Yu.**
Departmental Correspondence of the Treasuries of the Russian Empire in the 18th Century as a Reflection of Political Events in the Country
369 **Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N.**
Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Banking Sector
379 **Mazaev R.S.**
A Father's Pride, an Example for a Brother: The Tragedy of Mikhail Stolypin
391 **Kochetov I.E.**
The Practice of Violence and the Moral Character of the Tsarist Police: Political Persecution in Tsaritsyn District in the Early 20th Century
400 **Pshegorsky A.S., Suchalkin E.A.**
Vladimir Andreevich Gringmuth – Leader of the Black Hundred Movement in the First Russian Revolution
410 **Pashin V.P.**
Pre-Conscription Training of Young People during the Military Reform of 1924–1925 (Based on Materials from the Kursk Region)
418 **Skopintsev I.A.**
Constructing a ”Hero”: The Image of Mikhail Kutuzov in Soviet Commemorative Politics
429 **Bashkireva N.V.**
Participation of French Legionnaires in Anti-Partisan Operations in the Occupied Territory of the RSFSR during the Great Patriotic War
438 **Verevkina Yu.I.**
Russia – Belarus: The Practice of Creating a Monetary Union (2000–2005)

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

447 **Korolev P.A.**
Dialectics of Soviet and Party Power in the Context of the Russian Statehood Crisis: A Political Analysis
456 **Shukurov A.T.**
Changes in the Landscape of Political Communication with the Start of the Special Military Operation
464 **Gyunter I.N., Polovneva L.S.**
Institutional Cooperation between the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia in Ensuring the Sustainability of the State's Financial and Economic System
474 **Igonin D.I.**
Evolution of State Migration Policy in Post-Soviet Russia
484 **Bugrov R.V., Semenov O.Yu.**
From the “Triumph of Democracy” to the “Tyrany of Algorithms”: New Challenges for Democracy in the Era of Digital Revolution
497 **Burganova I.N.**
From a Balance of Power to a Balance of Interests: The Evolution of the International Relations System

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(355)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-267-274
EDN SMBUFV
Оригинальное исследование

О присутствии «бессмертных» в персидской армии времен Дария III

Клейменов А.А.
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300041, г. Тула, проспект Ленина, 125
E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема достоверности информации о наличии в составе армии Дария III элитного корпуса «бессмертных». Определяется, что единственное прямое указание на присутствие указанного подразделения в персидском войске времен македонских завоеваний оставил Курций Руф, чье свидетельство имеет явные признаки опоры на труд Геродота. Сравнительный анализ данных античной письменной традиции показывает, что представленные в историографии выводы о тождественности «бессмертных» и отряда «носителей яблока», действительно выполнявших функции царской стражи в эпоху поздних Ахеменидов, малообоснованны. Не подтверждаемое иными источниками сообщение Курция Руфа оценивается как не имеющее отношения к персидским военным реалиям эпохи Дария III и возникшее в результате литературного заимствования.

Ключевые слова: Персия, Ахемениды, Дарий III, Курций Руф, Геродот, Ксенофонт, бессмертные

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Клейменов А.А. 2026. О присутствии «бессмертных» в персидской армии времен Дария III. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 267–274. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-267-274. EDN: SMBUFV

On the Presence of "Immortals" in the Persian Army during the Time of Darius III

Alexander A. Kleymeonov
Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University,
125 Lenin Ave., Tula 300041, Russia
E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the problem of the reliability of information about the presence of an elite unit of the Immortals in the army of Darius III. It has been determined that the only direct indication of the presence of these forces in the Persian army during the Macedonian conquests was given by Curtius Rufus. This fragment has clear signs of relying on the work by Herodotus. Historiography has concluded that the Immortals are identical to the detachment of Apple Bearers who actually performed the functions of the royal guard during the time of the late Achaemenids. The results of a comparative analysis of information from ancient sources show that these conclusions are poorly substantiated. The testimony of Curtius Rufus, not confirmed by other sources, may be considered to be the result of purely literary borrowing that does not refer to Persian military practice during the reign of Darius III.

Keywords: Persia, Achaemenids, Darius III, Curtius Rufus, Herodotus, Xenophon, Immortals

© Клейменов А.А., 2026

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kleymeonov A.A. 2026. On the Presence of "Immortals" in the Persian Army during the Time of Darius III. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 267–274 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-267-274. EDN: SMBUFV

Введение

Изучение обстоятельств военного противостояния Македонии и державы Ахеменидов, приведшего к кардинальной смене вектора цивилизационного развития огромной части древней Ойкумены, сопряжено с целым рядом трудностей, в той или иной степени обусловленных обликом источниковой базы. Последняя в основном представлена сочинениями античных авторов, из которых и черпается информация о количественном и качественном составе противоборствующих войск, планах командования, ходе и результатах боевых столкновений. Письменные материалы непосредственно восточного происхождения крайне отрывисты, малоинформативны и в лучшем случае выступают средством верификации сведений, исходящих из противоположного лагеря. Обозначенные обстоятельства вынуждают даже при исследовании структуры армии Дария III опираться на греко-римское литературное наследие, пытаясь отделить пресловутое «зерно истины» от фантомов, порожденных простым незнанием, этническими предубеждениями, идеологическими установками или литературными шаблонами. Всё это имеет место даже при обращении к важнейшим и, казалось бы, хорошо известным компонентам персидского войска, к которым, без сомнения, должны быть отнесены легендарные «бессмертные».

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает структура вооруженных сил державы Ахеменидов. Раскрытие проблемы осуществляется посредством обращения к материалам античной нарративной традиции. Анализ представленных в письменных памятниках сведений проводится при опоре на методы исторической герменевтики и семиотики, позволяющие установить степень обоснованности присутствующих в научной литературе выводов и гипотез. Определение значения использовавшихся в источниках терминов, необходимое для правильного понимания смыслового наполнения письменных сообщений, осуществляется в рамках семантического анализа. В процессе исследования применяются как общенаучные, так и специальные исторические методы. Особое значение имеют историко-системный, историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также ретроспективный и перспективный анализ.

Результаты и их обсуждение

«Бессмертные» как особая составляющая вооруженных сил монархии Ахеменидов фиксируются в античном нарративе, освещающем противостояние Дария III и Александра, всего один раз. В рамках содержащегося в сочинении Квинта Курция Руфа пространного описания выдвижения в поход армии Дария, предваряющего рассказ о битве при Иссе в 333 г. до н. э., упоминается, что в колонне вслед за пышно оформленными колесницами и конницей двенадцати народов шли те, кого персы называют «бессмертными» (quos Persae Immortales vocant), насчитывавшие 10 тысяч (decem milia) и отличавшиеся от прочих «варваров» особой роскошью убранства, включавшего золотые ожерелья, расшитую золотом одежду и туники с украшенными драгоценными камнями длинными рукавами (III, 3, 13). Других упоминаний этой части войска Дария III нет ни в трудах иных древних авторов, ни в работе самого Курция Руфа, сравнительно подробно рассказывающего о диспозиции персидских сил и в последовавшей вскоре битве при Иссе (см. III, 9, 1–6), и в сражении при Гавгамелах (см. IV, 12, 6–13). Более глубокий сравнительный анализ греко-римской письменной традиции позволяет обнаружить примечательные нюансы рассматриваемого фрагмента. Так, общей канвой повествования и

отдельными событийными составляющими к сообщению Курция Руфа о подготовке Дария к походу в некоторой степени близок лишь рассказ Диодора (см. XVII, 30, 2 – 31, 2), что может быть объяснено использованием общего раннего источника, которым, как предполагается, выступало сочинение Клитарха [Hammond, 1983, p. 116–117; Heckel, 1994, p. 67–68]. Тем не менее ни упоминания «бессмертных», ни пространного описания этнического состава и экипировки персидского войска, аналогичного представленному в тексте Курция Руфа (см. III, 4–10), у Диодора нет. Схожим образом о «бессмертных» повествует лишь Геродот, согласно которому с Ксерксом в Европу отправился отряд из 10 тысяч (τῶν μυρίων) отборных персидских воинов, называвшихся «бессмертными» (ἀθάνατοι) из-за постоянной численности и отличавшихся наличием золотых украшений (Herod., VII, 83). Близость двух рассказов нельзя считать случайной, так как она хорошо вписывается в целую череду уверенно выявляемых перекличек между повествованием Геродота о приготовлениях Ксеркса и сообщением Курция Руфа о выдвижении персидского царя навстречу македонянам. В частности, римский писатель упоминает, что Дарий посчитал численность своей армии «по примеру Ксеркса» с помощью специально построенной ограды (Curt., III, 2, 2–3. ср. Herod., VII, 60), подробно перечисляет отряды разных народов и их вооружение (Curt., III, 2, 4–10. ср. Herod., VII, 61–87). Как справедливо отмечается, обнаруживаемое сходство говорит об использовании Курцием Руфом материала Геродота в качестве литературного образца [Blänsdorf, 1971, s. 17–18; Atkinson, 1980, p. 99–120]. То же можно сказать и о рассказе о ссоре Дария III и афинянина Харидема, закончившейся казнью последнего (Curt., III, 2, 10–18). Учитывая, что отчасти близкое свидетельство оставил Диодор (XVII, 30, 2–6), исследователи обоснованно считают автором изначального сообщения Клитарха, в чей материал римский писатель привнес элементы, позаимствованные из описанной Геродотом (VII, 101–105) беседы Ксеркса и Демарата [Blänsdorf, 1971, s. 19–24; Heckel, 1994, p. 68; Holt, 2016, p. 29].

Отсутствие иных сведений о «бессмертных» Дария III, а также очевидная зависимость единственного указания от литературного наследия Геродота стали основанием для выводов, согласно которым Курций Руф целиком позаимствовал информацию о данном подразделении у «Отца истории», допустив тем самым применительно к персидской армии второй половины IV в. до н. э. анахронизм [Head, 1992, p. 12; Charles, 2011, p. 129–130; Hassan, 2021, p. 1156]. Представлена в историографии и диаметрально противоположная позиция, подразумевающая, что римский писатель не совершил ошибки и привел альтернативное наименование отборного корпуса персидской пехоты, в других источниках называемого из-за шаровидного украшения на копьях μηλοφόροι («носители яблока/айвы») [Atkinson, 1980, p. 123–124; Briant, 2002, p. 261–262; English, 2011, p. 178]. О наличии последних в армии Дария III во время битвы при Гавгамелах сообщает Арриан, отмечая, что рассказ о диспозиции персидских сил взят им у Аристобула, в свою очередь, опиравшегося на найденный в лагере азиатов документ (Anab., III, 11, 3–5). Этому блоку информации, согласно которому «персидские носители яблока» (οἱ μηλοφόροι Πέρσαι) располагались в центре боевого порядка непосредственно возле царя и его «родственников» (Anab., III, 11, 5), вполне можно довериться, так как в его основе, видимо, действительно лежали материалы персидской стороны [Pearson, 1960, p. 162; Marsden, 1964, p. 44; Bosworth, 1980, p. 297–298] [1]. О том, что в державе Ахеменидов времен Дария III μηλοφόροι играли роль элитной пешей охраны монарха, свидетельствует и неоднократно отмечаемое в греко-римской письменной традиции включение «носителей яблока» в состав дворцовой стражи при новом правителе Азии – Александре (см. Athen., XII, 539e; Ael. Var. hist., IX, 3) [2], и указания на появление у македонского завоевателя почетной персидской охраны, насчитывавшей тысячу воинов (Diod., XVII, 110, 1; Just., XII, 12, 4). Первым из античных авторов о царской страже Ахеменидов с украшенными копьями сообщил Геродот, который еще до первого упоминания

[1] Отдельно можно упомянуть версию Н. Хэммонда, который, не отрицая ценность излагаемых Аррианом сведений, предположил, что изначально они содержались в сочинении Птолемея Лага [Hammond, 1993, p. 229].

[2] Арриан приводит более общую информацию, сообщая о вхождении персидских «носителей яблока» в подразделения македонян (Anab., VII, 29, 4).

«бессмертных» описал выступление Ксеркса из Сард, отметив, что царя сопровождала тысяча копьеносцев (αἰχμοφόροι) из самых знатных персов, а также 10 тысяч отборных пехотинцев. Тысяча из них имели копья с помещенным на нижнем конце золотым «гранатом» (ῥοιὰς), у 9 тысяч «гранат» был серебряным, а у ближайшей свиты царя копья украшали «яблоки» (μῆλα) (VII, 41). Афиней (XII, 514c), ссылаясь на Гераклида Кумского, указывает на комплектование тысячного отряда μηλοφόροι посредством «отбора» (ἐκλεγόμενοι) из десяти тысяч «бессмертных». Подтвердить факт наличия элитной охраны можно и персидскими политическими реалиями. Как определяется, особо важную позицию во властной иерархии державы Ахеменидов занимал hazarapatiš, отвечавший за безопасность монаршей особы, а также контролировавший дворцовую жизнь и работу царской канцелярии [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 123; Llewellyn-Jones, 2013, p. 31]. Очевидно, именно этот пост, в греческом преломлении называемый χιλίαρχος/χιλιάρχης («тысячник»), предусматривал командование тысячей элитных μηλοφόροι [Collins, 2001, p. 259–268; Meeus, 2009, p. 303–304].

В историографии широко представлено мнение о вхождении μηλοφόροι как отдельного компонента в корпус «бессмертных» [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 233–234; Черненко, 1984, с. 34–35; Frye, 1983, p. 120; Cawkwell, 2006, p. 238; Fields, 2007, p. 40–41]. Подобное заключение делает вполне закономерным сопоставление упомянутых Курцием Руфом Immortales и фигурирующих в иных источниках «носителей яблока», но весьма уязвимо при анализе. Нельзя не отметить, что о «бессмертных» как об особой составляющей военно-политического организма персидской монархии известно крайне мало. Загадкой является само происхождение использованного Геродотом понятия ἀθάνατοι. Так, существуют выводы, согласно которым галикарнасец привел сравнительно точный перевод действительно существовавшего у персов термина, в оригинале звучавшего как amrtaka [Sekunda, 1992, p. 6] или anušiya [Daryaee, 2021, p. 75–76]. Достаточно давно высказано и весьма активно поддерживается предположение о появлении «бессмертных» Геродота в результате ошибочного превращения персидской лексемы anušiya («последователь») в anauša («бессмертный») [Pagliaro, 1954, p. 146–151; Tallis, 2005, p. 215; Llewellyn-Jones, 2013, p. 37; Charles, 2021, p. 174]. Впрочем, даже эта популярная трактовка далеко не однозначна и не позволяет считать проблему происхождения понятия ἀθάνατοι решенной [Wiesehöfer, 1996, p. 92; Hyland, 2025, p. 164]. Восприятие μηλοφόροι как части корпуса «бессмертных» основано, прежде всего, на совмещении двух фрагментов седьмой книги Геродота, в первом из которых сообщается о сопровождавших Ксеркса десяти тысячах отборных пехотинцев, включавших в свой состав обладателей круглых золотых украшений на копьях, а во втором описаны ἀθάνατοι, имевшие ту же численность. Несмотря на заманчивость отождествления одного десятитысячного соединения с другим, принять подобную позицию мешает ряд факторов. Так, нужно учесть специфику самого описания Геродота, где «бессмертные» и пехотинцы с украшенными копьями никак не сопоставлены и представлены как два разных компонента войска [Нефёдкин, 2022, с. 45; Head, 1992, p. 10]. Кроме того, явно не следует делать построения лишь на основании фигурирующих у «Отца истории» данных о численности персидских подразделений. Галикарнасец, приводя ценную информацию о структуре армии Ксеркса, ее этническом составе и командирах, склонен значительно завышать размер и отдельных частей, и всего азиатского войска в целом [How, Wells, 1912, p. 151–152; Maurice, 1930, p. 234–235; Briant, 2002, p. 527; Holland, 2006, p. 237]. Даже в случае сравнительно точного указания Геродотом численности ἀθάνατοι и копьеносцев-αἰχμοφόροι наличие в обоих случаях десятитысячного состава отнюдь не выступает однозначным свидетельством тождественности подразделений, так как для древнеперсидской державы была характерна десятичная структура вооруженных сил, при которой самая крупная единица насчитывала именно 10 тысяч бойцов [Sekunda, 1992, p. 5; Tallis, 2005, p. 215; Hassan, 2021, p. 1155]. Дополняя приведенные соображения, также необходимо отметить показательное молчание Геродота о такой экзотической детали, как шаровидные украшения на копьях «бессмертных», при сравнительно подробном описании особенностей их облачения.

Иные античные свидетельства, потенциально способные пролить свет на положение «бессмертных» и их связь с μηλοφόροι, не могут быть оценены как самостоятельные и однозначные. Так, переданное Афинеем указание Гераклида Кумского на отбор тысячи «носителей яблока» из десяти тысяч «бессмертных» могло появиться в результате упрощенного перефразирования рассмотренного выше сообщения Геродота [Charles, 2011, p. 127]. Неточно транслировать информацию мог и сам Афиней: как показывают результаты сравнительного анализа, искажение сведений источников для этого писателя было вполне характерно [Pelling, 2000, p. 189–190]. Ксенофонт в «Киропедии» указывает, что Кир после захвата Вавилона отобрал из персов 10 тысяч копьеносцев (μυρίους δορυφόρους), которые охраняли дворцы и везде сопровождали царя (Cyrop., VII, 5, 68). В историографии широко представлен вывод об описании в данном случае обстоятельств создания «бессмертных» [Дандамаев, Луконин, 1980, с. 234; Cawkwell, 2006, p. 238; Farrokh, 2021, p. 22; Rope, 2025, p. 203]. Принять это мнение, также предусматривающее охранные функции «бессмертных», мешает целый ряд обстоятельств. Прежде всего, нужно учесть характер «Киропедии», являвшейся псевдоисторическим трактатом, призванным не передать картину прошлого, а представить образ идеального правителя [Фролов, 1976, с. 266–267; Tatum, 1989, p. 225–239]. Нельзя сбрасывать со счетов и существенные различия между «копьеносцами» Ксенофонта и «бессмертными» Геродота. Текст «Киропедии» подразумевает, что принципом комплектования и, видимо, вооружением телохранители отличались от остального войска, причем афинский писатель нигде не называет «копьеносцев» «бессмертными» и, по сути, дистанцирует царскую стражу от ἀθάνατοι, участвовавших в военных кампаниях наравне с другими боевыми подразделениями [Tuplin, 2013, p. 80–81]. Упомянутый Ксенофонтом корпус охраны с «бессмертными» Геродота сближает лишь численность, которая, как уже отмечалось, была типична для крупных частей персидской армии. Мало того, не без оснований предполагается возможность использования в рассматриваемом фрагменте «Киропедии» понятия μυριάς в широком литературном контексте для обозначения множества как такового [Hyland, 2025, p. 165]. Существует и проблема зависимости свидетельства Ксенофонта. Как определяется, последний при описании персидских военных реалий и деятельности Кира весьма часто опирался на материал того же Геродота [Tamiolaki, 2016, p. 184–186]. Ряд специалистов [Charles, 2011, p. 132; Tuplin, Jacobs, 2021, p. 1173] сопоставляют с ἀθάνατοι Геродота упоминаемое в «Панегирике» Исократа некое персидское «войско, везде ходящее с царем» (τὴν στρατιὰν τὴν μετὰ τοῦ βασιλέως περιπολοῦσαν) (V, 145). По мнению А.К. Нефёдкина, «бессмертными» могли являться 10 тысяч персов, охранявших шатер Александра на финальном этапе его правления (Athen., XII, 539e; Ael. Var. hist., IX, 3) [Нефёдкин, 2022, с. 46]. Принять эти выводы, базирующиеся лишь на констатации близости некоего персидского подразделения к персоне царя и упоминании той же численности в 10 тысяч, нельзя и по уже выделенным выше частным обстоятельствам, и исходя из общей картины, выстраиваемой в результате учета всех имеющихся данных. По сути, у нас нет прямых доказательств наличия персидских «бессмертных» после эпохи Ксеркса [Head, 1992, p. 12]. Кроме того, ни информация Геродота, ни сообщения более поздних авторов не позволяют говорить о связи «бессмертных» и μηλοφόροι. Напротив, больше оснований склониться к заключению о явном разграничении двух подразделений: обладавшие сравнительно небольшой численностью «носители яблока» выполняли роль царской охраны, в то время как 10 тысяч ἀθάνατοι выступали элитой полевой армии персов [Charles, 2023, p. 81–82, 85; Rope, 2025, p. 203].

Заключение

Результат комплексного анализа материала источников свидетельствует о невозможности констатировать присутствие корпуса «бессмертных» в вооруженных силах державы Ахеменидов второй половины IV в. до н. э. Мнение о тождественности указанного подразделения и элитного отряда «носителей яблока», который, согласно информации античных авторов, действительно являлся почетной стражей персидских монархов, малообоснованно. Учитывая сложившуюся

ситуацию, сообщение Курция Руфа о наличии в составе армии Дария III «бессмертных», не имеющее аналогов в других письменных материалах, освещающих македоно-персидское противостояние, но перекликающееся с приведенным Геродотом описанием войска Ксеркса, следует считать не связанным с персидскими военными реалиями времен походов Александра Великого и появившемся в результате литературного заимствования.

Список литературы

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. 1980. Культура и экономика древнего Ирана. Москва, Наука, 416 с.
Нефёдкин К.А. 2022. Военное дело древних персов. Москва, Эксмо: Яуза, 272 с.
Фролов Э.Д. 1976. Ксенофонт и его «Киропедия». В: Ксенофонт, Киропедия. Москва, Наука: 243–267.
Черненко Е.В. 1984. Скифо-персидская война. Киев, Наукова думка, 117 с.
Atkinson J.E. 1980. A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. Amsterdam, J.C. Gieben, 495 p.
Blänsdorf J. 1971. Herodot bei Curtius Rufus. *Hermes* 99/1: 11–24.
Bosworth A.B. 1980. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Commentary on books I–III. Oxford, Clarendon Press, 396 p.
Briant P. 2002. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Winona Lake, Eisenbrauns, 1196 p.
Cawkwell G. 2006. The Greek Wars: The Failure of Persia. Oxford, Oxford University Press, 316 p.
Charles M.B. 2023. Apple Bearers and Kinsmen Cavalry: Guard Units of the Kings of Achaemenid Persia. In: Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean. Leiden; Boston, Brill: 81–101.
Charles M.B. 2011. Immortals and Apple Bearers: toward a Better Understanding of Achaemenid Infantry Units. *Classical Quarterly* 61/1: 114–133.
Charles M.B. 2021. The Royal Elite of the Achaemenid Army. In: A Companion to Greek Warfare. Hoboken, Wiley-Blackwell: 173–184.
Collins A.W. 2001. The Office of Chiliarch under Alexander and the Successors. *Phoenix* 55/ 3–4: 259–283.
Daryaee T. 2021. Männerbund Aspects of Old Persian Anušiya. In: Achemenet. Vingt ans après. Études offertes à Pierre Briant à l'occasion des vingt ans du Programme Achemenet. Leuven; Paris; Bristol, Peeters: 73–78.
English S. 2011. The Field Campaigns of Alexander the Great. Barnsley, Pen and Sword Military, 256 p.
Farrokh K. 2021. Xerxes' Armed Engagements and Military Organization Before the 480–479 BCE Invasion of Greece. *Persian Heritage* 101: 22–25.
Fields N. 2007. Thermopylae 480 BC: Last Stand of the 300. Oxford, Osprey, 96 p.
Frye R.N. 1983. The History of Ancient Iran. München, Beck, 411 p.
Hammond N.G.L. 1993. Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou. Cambridge, Cambridge University Press, 345 p.
Hammond N.G.L. 1983. Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge, Cambridge University Press, 205 p.
Hassan C. 2021. Structure of the Army and Logistics. In: A Companion to the Achaemenid Persian Empire. Vol. 2. Hoboken, Wiley-Blackwell: 1151–1159.
Head D. 1992. The Achaemenid Persian Army. Stockport, Montvert Publications, 64 p.
Heckel W. 1994. Notes on Q. Curtius Rufus' History of Alexander. *Acta Classica* 37: 67–78.
Holland T. 2006. Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West. London, Abacus, 448 p.
Holt F. 2016. The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Oxford, Oxford University Press, 295 p.
How W.W., Wells J. 1912. A Commentary on Herodotus. Vol. II. Oxford, Clarendon Press, 682 p.
Hyland J. 2025. The Achaemenid Military System and Its Campaign Logistics. In: Brill's Companion to War in the Ancient Iranian Empires. Leiden; Boston, Brill: 157–186.
Llewellyn-Jones L. 2013. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE. Edinburgh, Edinburgh University Press, 272 p.
Marsden E.W. 1964. The Campaign of Gaugamela. Liverpool, Liverpool University Press, 79 p.
Maurice F. 1930. The Size of the Army of Xerxes in the Invasion of Greece 480 BC. *Journal of Hellenic Studies* 50: 210–235.
Meeus A. 2009. Some Institutional Problems concerning the Succession to Alexander the Great: Prostasia and Chiliarchy. *Historia* 58/ 3: 287–310.
Pagliaro A. 1954. Reflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografica greca. *Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII* 9: 133–153.

Pearson L. 1960. The Lost Histories of Alexander the Great. New York, American Philological Association, 275 p.
Pelling C. 2000. Fun with Fragments: Athenaeus and the Historians. In: Athenaeus and His World: Reading Greek Culture in the Roman Empire. Exeter, University of Exeter Press: 171–190.
Rope J. 2025. The Persian Way of War: Infantry Tactics in the Achaemenid Empire. In: Brill's Companion to War in the Ancient Iranian Empires. Leiden; Boston, Brill: 187–218.
Sekunda N. 1992. The Persian Army 560–330 BC. Oxford, Osprey, 64 p.
Tallis N. 2005. Transport and Warfare. In: Forgotten Empire: The World of Ancient Persia. London, The British Museum Press: 210–235.
Tatum J. 1989. Xenophon's Imperial Fiction: On the Education of Cyrus. Princeton, Princeton University Press, 328 p.
Tamiolaki M. 2016. Xenophon's Cyropaedia: Tentative Answers to an Enigma. In: The Cambridge Companion to Xenophon. Cambridge; New York, Cambridge University Press: 174–194.
Tuplin C. 2013. Xenophon's Cyropaedia: Fictive History, Political Analysis and Thinking with Iranian Kings. In: Every Inch a King: Comparative Studies in Kings and Kingship in the Ancient and Mediaeval Worlds. Leiden; Boston, Brill: 67–90.
Tuplin C., Jacobs B. 2021. Military Organization and Equipment. In: A Companion to the Achaemenid Persian Empire. Vol. 2. Hoboken, Wiley-Blackwell: 1161–1181.
Wiesehöfer J. 1996. Ancient Persia: from 550 BC to 650 AD. London; New York, I.B. Tauris, 332 p.

References

Dandamaev M.A., Lukonin V.G. 1980. Kultura i ekonomika drevnego Irana [Culture and Economy of Ancient Iran]. Moscow, Nauka, 416 p.
Nefedkin A.K. 2022. Voennoe delo drevnikh persov [Ancient Persian Warfare]. Moscow, Eksmo: Yauza, 272 p.
Frolov E.D. 1976. Ksenofont i ego "Kiropediya" [Xenophon and his Cyropaedia]. In: Ksenofont, Kiropediya [Xenophon, Cyropaedia]. Moscow, Nauka: 243–267.
Chernenko E.V. 1984. Skifo-persidskaya vojna [The Scythian-Persian War]. Kiev, Naukova dumka, 117 p.
Atkinson J.E. 1980. A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. Amsterdam, J.C. Gieben, 495 p.
Blänsdorf J. 1971. Herodot bei Curtius Rufus. *Hermes* 99/1: 11–24.
Bosworth A.B. 1980. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Commentary on books I–III. Oxford, Clarendon Press, 396 p.
Briant P. 2002. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Winona Lake, Eisenbrauns, 1196 p.
Cawkwell G. 2006. The Greek Wars: The Failure of Persia. Oxford, Oxford University Press, 316 p.
Charles M.B. 2023. Apple Bearers and Kinsmen Cavalry: Guard Units of the Kings of Achaemenid Persia. In: Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean. Leiden; Boston, Brill: 81–101.
Charles M.B. 2011. Immortals and Apple Bearers: toward a Better Understanding of Achaemenid Infantry Units. *Classical Quarterly* 61/1: 114–133.
Charles M.B. 2021. The Royal Elite of the Achaemenid Army. In: A Companion to Greek Warfare. Hoboken, Wiley-Blackwell: 173–184.
Collins A.W. 2001. The Office of Chiliarch under Alexander and the Successors. *Phoenix* 55/ 3–4: 259–283.
Daryaee T. 2021. Männerbund Aspects of Old Persian Anušiya. In: Achemenet. Vingt ans après. Études offertes à Pierre Briant à l'occasion des vingt ans du Programme Achemenet. Leuven; Paris; Bristol, Peeters: 73–78.
English S. 2011. The Field Campaigns of Alexander the Great. Barnsley, Pen and Sword Military, 256 p.
Farrokh K. 2021. Xerxes' Armed Engagements and Military Organization before the 480–479 BCE Invasion of Greece. *Persian Heritage* 101: 22–25.
Fields N. 2007. Thermopylae 480 BC: Last Stand of the 300. Oxford, Osprey, 96 p.
Frye R.N. 1983. The History of Ancient Iran. München, Beck, 411 p.
Hammond N.G.L. 1993. Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou. Cambridge, Cambridge University Press, 345 p.
Hammond N.G.L. 1983. Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius. Cambridge, Cambridge University Press, 205 p.
Hassan C. 2021. Structure of the Army and Logistics. In: A Companion to the Achaemenid Persian Empire. Vol. 2. Hoboken, Wiley-Blackwell: 1151–1159.
Head D. 1992. The Achaemenid Persian Army. Stockport, Montvert Publications, 64 p.

Heckel W. 1994. Notes on Q. Curtius Rufus' History of Alexander. *Acta Classica* 37: 67–78.
Holland T. 2006. Persian Fire: The First World Empire and the Battle for the West. London, Abacus, 448 p.
Holt F. 2016. The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Oxford, Oxford University Press, 295 p.
How W.W., Wells J. 1912. A Commentary on Herodotus. Vol. II. Oxford, Clarendon Press, 682 p.
Hyland J. 2025. The Achaemenid Military System and Its Campaign Logistics. In: Brill's Companion to War in the Ancient Iranian Empires. Leiden; Boston, Brill: 157–186.
Llewellyn-Jones L. 2013. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE. Edinburgh, Edinburgh University Press, 272 p.
Marsden E.W. 1964. The Campaign of Gaugamela. Liverpool, Liverpool University Press, 79 p.
Maurice F. 1930. The Size of the Army of Xerxes in the Invasion of Greece 480 BC. *Journal of Hellenic Studies* 50: 210–235.
Meeus A. 2009. Some Institutional Problems concerning the Succession to Alexander the Great: Prostasia and Chiliarchy. *Historia* 58/ 3: 287–310.
Pagliaro A. 1954. Reflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografica greca. *Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. *Serie VIII* 9: 133–153.
Pearson L. 1960. The Lost Histories of Alexander the Great. New York, American Philological Association, 275 p.
Pelling C. 2000. Fun with Fragments: Athenaeus and the Historians. In: Athenaeus and His World: Reading Greek Culture in the Roman Empire. Exeter, University of Exeter Press: 171–190.
Rope J. 2025. The Persian Way of War: Infantry Tactics in the Achaemenid Empire. In: Brill's Companion to War in the Ancient Iranian Empires. Leiden; Boston, Brill: 187–218.
Sekunda N. 1992. The Persian Army 560–330 BC. Oxford, Osprey, 64 p.
Tallis N. 2005. Transport and Warfare. In: Forgotten Empire: The World of Ancient Persia. London, The British Museum Press: 210–235.
Tatum J. 1989. Xenophon's Imperial Fiction: On the Education of Cyrus. Princeton, Princeton University Press, 328 p.
Tamiolaki M. 2016. Xenophon's Cyropaedia: Tentative Answers to an Enigma. In: The Cambridge Companion to Xenophon. Cambridge; New York, Cambridge University Press: 174–194.
Tuplin C. 2013. Xenophon's Cyropaedia: Fictive History, Political Analysis and Thinking with Iranian Kings. In: Every Inch a King: Comparative Studies in Kings and Kingship in the Ancient and Mediaeval Worlds. Leiden; Boston, Brill: 67–90.
Tuplin C., Jacobs B. 2021. Military Organization and Equipment. In: A Companion to the Achaemenid Persian Empire. Vol. 2. Hoboken, Wiley-Blackwell: 1161–1181.
Wiesehöfer J. 1996. Ancient Persia: from 550 BC to 650 AD. London; New York, I.B. Tauris, 332 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.02.2026
Поступила после рецензирования 28.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Received February 24, 2026
Revised April 28, 2026
Accepted April 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия
ORCID: 0000-0002-7123-0378

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Kleymeonov, Doctor of Sciences in History, Head of the Department of General History and Archeology, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

УДК 94(564.3)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-275-284
EDN UAFDQN
Оригинальное исследование

Аттикист Ор Александрийский (V в.) и его сочинения

Болгов Н.Н. [1, 2], **Болгова А.М.** [2]
[1)] Севастопольский государственный университет,
НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья»,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;
[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: bolgov@bsuedu.ru

Аннотация. Работа посвящена реконструкции основных событий биографии и анализу сочинений ранневизантийского интеллектуала – грамматика Ора Александрийского (ок. 400–460 гг.). На основании имеющихся источников, прежде всего Суды, а также рукописей сочинений самого Ора, делается ряд выводов. Прежде всего, Ор – один из немногих крупных интеллектуалов, работавших в столице в середине V в. Ор был близок культуре христианского эллинизма, сложившейся при дворе Феодосия Младшего, по всей видимости, преподавал в Константинопольском протоуниверситете. Его грамматические сочинения, посвященные аттической лексикографии, отражают момент медиевализации греческого языка: его рекомендации были нужны авторам сочинений, но реальную норму языка уже не отражали. Интересны и иные его сочинения, не сохранившиеся или сохранившиеся в небольших фрагментах. В целом данная работа является одной из первых в отечественной исторической науке, которая посвящена грамматикам – представителям огромного мира учителей позднеантичного (ранневизантийского) времени, благодаря неустанной работе которых империя в данный период поддерживала прежний уровень почти полной грамотности.

Ключевые слова: Ранняя Византия, интеллектуалы, грамматики, Ор, Александрия, Константинополь, культура

Финансирование: Исследование Н.Н. Болгова выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002). Вклад исследователя – 50 %.

Для цитирования: Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2026. Аттикист Ор Александрийский (V в.) и его сочинения. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 275–284. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-275-284. EDN: UAFDQN

Atticist Orus of Alexandria (5th Century A.D.) and His Works

Nikolay N. Bolgov [1, 2], **Anna M. Bolgova** [2]
[1)] Sevastopol State University, Research Institute of the History of Byzantium and the Black Sea Region,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia;
[2)] Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: bolgov@bsuedu.ru

Abstract. In this article, the authors attempt to reconstruct the key events in the biography of the early Byzantine intellectual and grammarian, Orus of Alexandria (c. 400–460), and analyze his works. Based on available sources, primarily the Suda, as well as manuscripts of Horus's own works, a number of conclusions

© Болгов Н.Н., Болгова А.М., 2026

are drawn. First, Orus was one of the few major intellectuals acting in the capital in the mid-5th century. Orus was close to the Christian Hellenistic culture that developed at the court of Theodosius the Younger and apparently taught at the proto-university of Constantinople. His grammatical works devoted to Attic lexicography reflect the medievalization of the Greek language: his recommendations were useful to authors, but they no longer reflected actual norms of the language. His other works, either lost or preserved in small fragments, are also of interest. Overall, this study is among the first in Russian historical science dedicated to grammarians – representatives of the vast world of teachers of the late antique (early Byzantine) period, thanks to whose tireless work the empire maintained its previous level of almost complete literacy.

Keywords: Early Byzantium, intellectuals, grammarians, Orus, Alexandria, Constantinople, culture

Funding: This research by N.N. Bolgov was carried out under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: “Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages” (FEFM-2025-0002). The author's contribution is 50 %.

For citation: Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2026. Atticist Orus of Alexandria (5th Century A.D.) and His Works. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 275–284 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-275-284. EDN: UAFDQN

Введение

Данная работа продолжает исследование, начатое ранее в статье об Орионе Фиванском [Арисланов, Болгов, Болгова, 2025, с. 855–864]. Оно посвящено исследованию позднеантичной интеллектуальной традиции в сегменте грамматиков – представителей начального уровня высшего образования в античном и ранневизантийском мире [Robins, 1993]. Ранее эта тема практически не привлекала внимание отечественной историографии, за самым небольшим исключением [Елисеева, Болгова, 2012, с. 32–39].

Интересно отметить, что в V столетии в Ранней Византии выдвигается ряд грамматиков общеимперского уровня – Орион, Ор, Гораполлон, Пампрепий и др., и значительная часть из них происходила из Египта. Место и роль грамматика Ора в Константинополе, а также его наследие представляют немалый интерес.

Объект и методы исследования

Объект исследования – биография, а также сохранившееся письменное наследие позднеантичного грамматика Ора Александрийского, работавшего в Константинополе.

Основными методами являются историко-биографический, просопографический, метод контент-анализа (содержания источников) и сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Грамматик Ор (Orus) (PLRE II, 814) своим происхождением однозначно связывается с Александрией, что отличает его от близкого ему по хронологии и по имени Ориона Фиванского. Наиболее ранние сведения об Оре мы получаем уже в качестве грамматика в Александрии [Kaster, 1988, p. 325–327], вне связи с внутренним Египтом.

Помимо «Просопографии Поздней Римской империи», наиболее фундированное досье на Ора собрал Роберт Кастер [Kaster, 1988, № 111] в своем просопографическом словаре позднеантичных грамматиков. Присутствует Ор и в каталоге грамматиков Кронерта [Kröhnert, 1897, № 7]. Ор упоминается также и в большинстве энциклопедий и тематических исследований [Hunger, 1961, p. 18, 45, 49–50; Alpers, 1981; etc.].

Материалы к биографии. Относительно времени жизни и деятельности Ора – то их, безусловно, следует датировать вслед за Р. Кастером – после грамматиков Фриниха и Геродиана (II в.) и до Тимофея из Газы (V/VI в.) [Kaster, 1988, № 156]. Наиболее вероятные датировки его жизни – около 400–465 гг. Некоторые уточнения датировок можно сделать на основании его сочинений. Труд Ора по этнической проблематике, как имеющий некоторые хронологические привязки, можно датировать после 438 г. [Reitzenstein, 1897, S. 287–288; Alpers, 1981, S. 89–90].

Основным источником по биографии грамматика является статья из византийской энциклопедии X в. Суда – Orus (Suda Ω.201). В своей значительной части этот словарь восходит к несохранившемуся собранию «Ономатологи» Гесихия Милетского (VI в.) [Синица, Болгова, 2017, с. 414–420].

Различные средневизантийские этимологические сборники, цитирующие или упоминающие грамматика Ора, часто смешивают его с Орионом Фиванским [Kaster, 1988, № 110; Reitzenstein, 1897, S. 9; Rabe, 1892, p. 405] и Ором Милетским.

Окончательное разделение Ориона и Ора стало возможным после того, как Р. Райценштейн обнаружил Кодекс A (Vatic. Gr. 1818) византийского сборника Etymologicum Genuinum. Эта рукопись дала свидетельства, позволившие определить приблизительное время жизни и деятельности Ора.

Однако в Etym. Gen. появляется обозначение Ор Милетский (ὁ Μιλήσιος), которое имеется и в некоторых других сочинениях, зависящих от него. Оно является ошибочным расширением сокращения, которое появляется в самых ранних рукописях Etym. Gen. [Reitzenstein, 1897, S. 10]. Еще в XIX в. было предложено, что правильным расширением сокращения должно быть ὁ μέλας – это эпитет, отсылающий к цвету лица Ора («черный») и, таким образом, к его этническому происхождению. В этом контексте сравнивают μελάγχροες Геродота (Hdt. II.104.2) с цветом кожи египтян. Прямую аналогию дает описание другого египетского грамматика V в., Памprепия – μέλας την χροιάν (Caster № 114; Damasc. V. Isid. fr. 178 Z).

Такое разрешение проблемы выглядит вполне удовлетворительным, однако не является окончательным. Ор Милетский, который, по мнению Ф. Ричля [Ritschl, 1834], жил не позднее II в. и был современником грамматика Геродиана и немного младше Фриниха, создает определенную проблему, так как основными трудами милетянина были трактаты «Об орфографии»; «Об аттикизмах в противовес Фриниху»; «О наименованиях народов» – и они весьма напоминают три сочинения Ора Александрийского (см. ниже).

В целом ныне считается, что Ор был учёным, проживавшим в Константинополе около 450 г., лексикографом и грамматиком. По сочинению Ора Περί εθνικών 438 год устанавливается как terminus post quem. Этому сочинению, возможно, уже предшествовала «Орфография», хотя точных доказательств тому нет, так что Ор, возможно, был уже не так молод, когда составил Περί εθνικών.

Более определённый terminus ante quern вытекает из того факта, что Гесихий Милетский дал биографию Ора в своем своде «Ономатологи» (это основа энциклопедии Суда). Гесихий жил при Анастасии (491–518) и при Юстиниане (527–565).

Цитаты из Ора впервые встречаются у Стефана Византийского, который, по всей видимости, жил в 1-й половине VI в., поскольку Гермолай посвятил своё житие Стефана императору Юстиниану (527–565), и у Георгия Хиробоска (начало VII или IX в.). Одним из самых ранних цитирующих Ора авторов был грамматик Мефодий; однако время жизни Мефодия точно не установлено, terminus post quem для него – сам Ор.

Что касается обстоятельств жизни Ора, то мы узнаём из Гесихия (в Суде), что он прибыл в столицу из Александрии и преподавал в Константинополе. Известно, что сразу несколько грамматиков после 400 г. отправились из Александрии в Константинополь: это Орион, Элладий и Аммоний, учитель церковного историка Сократа Схоластика, а также во 2-й половине V в. – Гораполлон и Памprепий. К ним примыкает историк Олимпиодор Фиванский.

Все эти люди были явными язычниками. Поскольку в фрагментах Ора не обнаружено никаких христианских элементов, то можно с достаточной уверенностью предположить, что он тоже был язычником.

Тем не менее почти все они находились в хороших отношениях с христианским двором империи эпохи Феодосия Младшего: Орион сопровождал императрицу Евдокию; Олимпиодор посвятил свой исторический труд императору Феодосию; Элладий [Болгов, 2024, с. 31–35] был профессором в недавно организованном Протоуниверситете в 425 г. и в том же году был удостоен comitiva primi ordinis; Ор льстил придворному поэту Аммонию. Только

более поздний Гораполлон [Болгов, Болгова, 2016, с. 161–162] был вынужден принять христианство при императоре Зеноне под влиянием изменения ситуации со школами и интеллектуалами в Египте в 485 г. (христианизация Александрийской философской школы).

Намного лучше мы осведомлены об условиях жизни интеллектуалов, прибывших в Константинополь примерно поколением позже (ок. 475 г.), – на примере грамматика и поэта Пампрепия [Арисланов, 2026] из Панополя, родины Нонна и Кира. Пампрепий также добился большого влияния и авторитета в христианской метрополии, хотя и оставался верным язычеству и поддерживал контакты с высшими чиновниками (пока не пал жертвой политической борьбы в ходе восстания Илла).

Неясно, был ли Ор одним из профессоров императорского Протоуниверситета, получивших определённые социальные привилегии, или же он имел практику частного учителя. Возможно, основываясь на упоминании Гесихия о παιδεύσας εν Κωνσταντίνου πόλει, сделать скорее первый вывод. Упоминание о «παιδεύσας εν ...», по-видимому, следует интерпретировать в смысле только выдающейся или каким-либо образом официально институционализированной преподавательской деятельности. Помимо этого, в биографии более позднего столичного грамматика Евгения (Suid. Ε 3394) он засвидетельствован именно как императорский профессор, как и Троил Сидский (Suid. Τ 1080), и Гораполлон (Suid. Ω 159).

Сочинения. Текст Суды (Ω 201) (Гесихия) гласит: Ὧρος, Ἀλεξανδρεύς, γραμματικός, παιδεύσας ἐν Κωνσταντίνου πόλει. ἔγραψε Περὶ διχρόνων, Ὅπως τὰ ἐθνικὰ λεκτέον, Λύσεις προτάσεων τῶν Ἡρωδιανοῦ, Πίνακα τῶν ἑαυτοῦ, Περὶ ἐγκλιτικῶν μορίων, Ὀρθογραφίαν κατὰ στοιχεῖον, Περὶ τῆς ει διφθόγγου, Ὀρθογραφίαν περὶ τῆς αϊ διφθόγγου (κατά στοιχεϊον, Αττικών λέξεων συναγωγην), κατὰ Φρυνίχου κατὰ στοιχεῖον, {Ἀνθολόγιον περί γνωμών}.

Перевод: «Ор Александрийский. Грамматик. Преподавал в Константинополе. Написал: О словах с двойными значениями; Как должны произноситься этнонимы; Разрешение предложений из Геродиана; Перечень его собственных работ; Об энклитиках; Орфография в алфавитном порядке; О дифтонге -ei; Орфография о дифтонге -ai (Свод аттической лексики); Против Фриниха в алфавитном порядке; Антология гном».

Уточним и систематизируем сведения источника. Ор написал:

1) работу о гласных разного количества (долгие, краткие), Περί δίχρονων;

2) работу по этнике (этно-географии), Όπως τα εθνικά λεκτέον (Περί εθνικών) (Как должны произноситься этнонимы);

3) работу против Фриниха, Κατά Φρυνίχου κατά στοιχεΐον (Против Фриниха в алфавитном порядке);

4) работу о Геродиане, Λύσεις προτάσεων τών Ήρωδιανοϋ (Разрешение предложений из Геродиана);

5) работу об энклитиках, Περί εγκλιτικών;

6–8) работу об орфографии: 'Ορθογραφία κατά στοιχεΐον (Орфография в алфавитном порядке); Περί της ει διφθόγγου (О дифтонге -ei); Όρθογραφία περί της αι διφθόγγου (Правописание о дифтонге -ai); последние две, вероятно, являются частью первой, в целом образующие Свод аттической лексики;

9) перечень его собственных работ, Πίναξ τών έαυτου;

10) антологию гном, Άνθολόγιον περί γνωμών – вероятно, является результатом путаницы с Орионом: ср. Суда Ω 188: Συναγωγήν γνωμών ήγουν Ανθολόγιον.

11–12) Ору также сомнительно приписывают Ίλιακή προσωδία и Περί παθών; обе, возможно, в конечном счете должны относиться к Геродиану.

Небольшая часть основного сочинения Ора – Орфографии (Свода аттических словоупотреблений) – дошла до нас (cod. Messinensis Graecus 118) – «Lexicon Messanense» [Rabe, 1892, S. 405–413]. В сохранившейся части перечислены слова, использующие подписную йоту (subscriptiva), но которая на деле часто вообще не писалась древними писцами, как свидетельствуют папирусы, или, если писалась, то всегда занимала нормальное место в строке рядом с предшествующей гласной, а не под ней.

Ряд иных фрагментов сохранились также в более поздних лексиконах [Alpers, 1981, S. 149–260]. Этот труд в целом был направлен на противодействие доктрине гиператтикизма, которой придерживались некоторые современные ему лексикографы, вдохновлявшиеся трудами грамматика II в. Фриниха.

Историк византийской школы и интеллектуальной традиции Найджел Уилсон считает, что, если попытаться составить список трудов или деятельности учёных, проживавших в Константинополе с момента его провозглашения столицей в 330 г. до восшествия на престол Юстиниана в 527 г., то результат окажется весьма скудным. Вероятно, единственной сколько-нибудь значимой фигурой общеисторического масштаба окажется лишь грамматик Присциан из Мавретании, но его труд написан полностью на латыни [Wilson, 1996, p. 52] и посвящен собственно итоговому обобщению теории латыни, уже переставшей как раз в то время быть живым языком.

Сложность возникает в связи со столичной карьерой двух известных грамматиков, которые, завоевав репутацию в других местах, завершили свою трудовую деятельность в столице. Это относится к Памprепию, работавшему на город Афины, и к Гораполлону, сделавшему себе имя в Александрии. Скорее всего, их лучшие работы не были уже написаны до переезда. Эпизод с Гораполлоном в Константинополе вообще выглядит лишь кратким и карьерно-политическим постскриптумом к биографии ученого.

Из тех же ученых, кто, по-видимому, провёл большую часть или даже всю свою профессиональную жизнь именно в Константинополе, выделяются такие люди, как Ор (ок. 450) и Евгений (ок. 500), – двое из довольно небольшого числа, которые для нас являются не просто именами и относительно жизни которых есть хотя бы какие-то материалы.

Работы Ора оказали определенное влияние на более позднюю византийскую лексикографическую традицию. Обширная книга Ора по орфографии (аттических словоупотреблениях) со временем становилась для византийцев всё более утомительной необходимостью, поскольку постепенные изменения в реальном греческом произношении в силу медиевализации языка затрудняли правописание [Wilson, 1996, p. 52].

Таким образом, труд Ора был ответом на запрос грамматиков, связанных с обучением детей грамотному письму в эпоху медиевализации греческого языка. Он ценен для нас тем, что обосновывает свои правила цитатами из широкого круга авторов, прежде всего аттических, многие из которых ныне утеряны [Robins, 1998, p. 29–38].

Есть два других сочинения Ора, о которых мы можем получить некоторое представление по их фрагментарным остаткам в Этимологиках. Сочинение против Фриниха в целом, насколько можно судить, выглядит как достаточно небрежная компиляция элементарного характера, полная неточной информации.

Список этногеографических названий цитировался более часто [Billerbeck, 2011, p. 429–448]. Сохранившиеся отрывки ясно показывают, что Ора интересовала этимология географических названий и мифов, которые были с ними связаны. Иногда этимологии приводятся как альтернативные; автор готов, например, предположить, что Адриатическое море получило своё название либо от города Адрия, основанного сицилийским тираном Дионисием, либо что и город, и море получили своё название от некоего мессапа по имени Адрий (Etim. gen., s.v. Adria). При этом приводятся самые разные источники, включая комментарии к «Гекубе» Еврипида и к поэту Ликофрону [Alpers, 1981, S. 91–92].

Из его других сочинений интересна работа о предложениях в грамматике Геродиана, чей труд, хотя и не дошел до нас, безусловно, был стандартным справочником и, несомненно, стимулировал значительную часть малой грамматической литературы поздней античности.

Невозможно сказать, является ли учёность Ора результатом непосредственного чтения, которое, вероятно, было возможно в библиотеках столицы того времени, или результатом компиляции из сочинений нескольких действительно учёных предшественников более ранней эпохи. Но можно с уверенностью сказать, что этимология и мифология были предметами, наиболее близкими сердцу среднестатистического позднеантичного учителя, и все работы Ора производят впечатление написанных для удовлетворения потребностей конкретного учебного заведения, а не абстрактного теоретизирования [Alpers, 1981, S. 87–88].

Недавние исследования пролили свет на один из главных трудов Ора – «Против Фриниха», призванный опровергнуть доктрину, изложенную в труде Фриниха на ту же тему. Ор использует более широкий круг авторов, включая Менандра, Лисия и Ксенофонта, при этом, по-видимому, игнорируя Эсхила, Софокла и авторов «Второй софистики». В обоих этих отношениях он проявляет здравый смысл. Интересно также отметить, что в давнем споре между сторонниками аналогии и аномалии как ключа к решению грамматических вопросов он стоял на стороне аномалистов [Reitzenstein, 1897, S. 346–348].

Поскольку Ор был аномалистом, Р. Райценштейн с большой проницательностью заметил: «Именно это перечисление всех индивидуальных форм характерно для противника всякой аналогии и врага всех общих правил, каким Ор себя и обнаруживает в сохранившихся остатках своей «Орфографии»» [Reitzenstein, 1897, S. 348].

Помимо Мессинской рукописи также полезны отрывки из «Орфографии» Ора в Etymologicum Genuinum. Однако позднеантичные и византийские лексиконы в понимании их авторов и пользователей были не более чем дополнениями специализированных словарей к отдельным текстам разных авторов, о чём ясно свидетельствует сохранение соответствующей их основной формы.

Грамматика со всеми ее атрибутами была необходима всем обучающимся грамоте, не исключая и клириков, так как никакой особой христианской школы в Ранней Византии не появилось. Крайне важны были и лексиконы, словари правильных (аттических) словоупотреблений; недаром даже патриарх Фотий в IX в. в своей «Библиотеке» цитирует не менее двух десятков лексиконов. Уже после грамматики были нужны законы риторики. То есть в V–VI вв. обучающимся требовалась некая герменевтика, чтобы преодолеть языковую и стилистическую дистанцию между разговорным греческим койне (не говоря уже о димотике) того времени и «классическим» аттическим или, по крайней мере, классицизирующим языком Иоанна Златоуста и Григория Назианзина [Montanari, Matthaios, Rengakos, 2015].

Аттикизм Ора и его культурный контекст. Итак, сочинения Ора «Орфография» и «Против Фриниха» представляли собой большей частью собрание аттических слов и словоформ, которые как по основной грамматической направленности (аномалистичности), так и по строгости аттического строя, то есть, главным образом, по канону авторов, принятых в качестве образцовых, имели тенденцию к противопоставлению Фриниху, но тем не менее активно использовали его в качестве источника [Alpers, 1981, S. 94].

То, что сочинение Ора «Орфография» было организовано в алфавитном порядке (в отличие от Фриниха), как указывает Гесихиева биография Ора, можно увидеть также в некоторых коротких отрывках, которые сохранились.

Аттикистское сочинение Ора кажется нам необычным для того времени, в котором оно было написано. Но это верно лишь в том случае, если не учитывать литературную среду. Первая половина V в., эпоха императора Феодосия II (род. 401, правил с 408, умер в 450), была временем большого культурного подъёма. Об этом свидетельствуют не только создание Константинопольского Протоуниверситета (425) и кодификация права в «Кодексе Феодосия» (опубликован в 438 г.), но и значительное количество важных литературных произведений, созданных в эти годы [Сапожникова, 2026]. Мы можем составить собственное впечатление о многих из них, поскольку сами произведения или, по крайней мере, обширные их фрагменты сохранились. Так, хотя нам известны лишь имена и титулы эпических поэтов Евсевия и Аммония, в антологиях сохранилось множество фрагментов, например, Паллада, или императрицы Евдокии.

Особенно богато сохранилась историография; достаточно вспомнить такие имена, как Евнапий (до 420 г.), Олимпиодор, Приск и, в особенности, церковные историки Сократ, Созомен, Феодорит, Филосторгий.

В области грамматики также сохранились некоторые имена и заглавия их произведений (Элладий), но большинство их сочинений утеряно. Исключение составляет Орион Александрийский, от которого сохранилось несколько заметных отрывков (к которым следует добавить богатые выдержки из византийских «Этимологиков»).

Поэтому, безусловно, весьма отрадно, что, по крайней мере, Ор предстаёт нам в несколько более ярком свете и благодаря своим разнообразным трудам, некоторые из которых можно реконструировать, утверждает себя как заметный представитель своего научного направления на фоне литературного и культурного расцвета эпохи Феодосия II.

Гораздо больше, чем, например, Орион, он демонстрирует высокую степень автономии и независимости. Его канон образцовых авторов совершенно независим от канона Фриниха. Более того, мы видим у Ора, что старая софистическая полемика, известная нам по Фриниху и Филострату, все еще активно ведется в V в. Однако различия, накопившиеся между II и V вв., также очевидны в работе Ора [Alpers, 1981, S. 98].

Хотя остатки сочинений Ора сами по себе являются важными документами для определения уровня лексикографии той эпохи, они также дают представление о том, насколько широкий спектр античного материала был ещё доступен в его время. Но они значимы и в другом отношении. Пути разговорного и литературного греческого языка тогда всё больше расходились, и на греческом всё чаще писали люди, для которых язык не был родным, например, Феодорит. Но он писал на почти чистом аттическом языке, как и палестинец Созомен. В этом отношении Феодорит и Созомен выглядят пуристами и продуцируют такой греческий язык, который, будучи несколько искусственным, воспринимался даже лучше, чем естественный язык иных авторов, о чем писал еще Фотий [Alpers, 2001].

Источники аттического корпуса Ора крайне сложны и ненадёжны, поскольку число фрагментов невелико. Чем дальше от византийского периода в глубь античности, тем менее благоприятными становятся отношения между сохранившимися и утраченными лексическими памятниками. Во многих местах Ор, что вполне естественно, просто следовал Фриниху, поскольку во многих случаях его утверждения были просто неоспоримы [Alpers, 1981, S. 99].

Фрагменты Ора обнаруживают многочисленные связи и с другими аттикистскими лексиконами и сочинениями, хотя сами по себе они не могли быть его источником. Однако это неизбежно подразумевает наличие некой общности источников с ними.

Доля антикварных, часто полностью устаревших слов в его лексиконе, требующих пояснения, относительно высока, и, таким образом, книга Ора недостаточно соответствовала иным его намерениям, так как он основывал свою работу не столько на научно-теоретических, сколько на элементарных и формальных потребностях [Alpers, 1981, S. 100].

Очевидно, что Ору не нужно было ориентироваться на аудиторию, которая, помимо того, что говорила и писала на аттическом языке, также стремилась имитировать древние обычаи, подобно аттикистам II в. Теперь все сводилось лишь к текстам [Hunger, 1978; Wahlgren, 2002, p. 201–204].

Рецепция Ора в средневизантийских Этимологиках.

1. Etymologicum Genuinum (стандартное сокращение EGen или EtGen) – общепринятое современное название лексической энциклопедии, составленной в Константинополе в середине IX в. Анонимный составитель опирался на труды многочисленных более ранних лексикографов и схолиастов, включая Элия Геродиана, Георгия Хиробоска, Мефодия, Ориона Фиванского, Ора Александрийского и Феогноста Грамматика. Свод, возможно, был составлен интеллектуальным кружком Фотия. Он стал важным источником для последующей византийской лексикографической традиции, включая Etymologicum Magnum, Etymologicum Gudianum и Etymologicum Symeonis [Alpers, 1990, S. 14–15].

Современные учёные обнаружили Etymologicum Genuinum в XIX в. Он сохранился в двух рукописях X в.: Codex Vaticanus Graecus 1818 (= A) и Codex Laurentianus Sancti Marci 304 (= B; 994 г.). Ни одна из них не содержит ни самой ранней редакции, ни полного текста, а содержит два разных сокращения. Данные рукописей и ссылки в более поздних работах позволяют предположить, что первоначальное название сочинения было просто τὸ Ἐτυμολογικόν, а позднее – τὸ μέγα Ἐτυμολογικόν. Современное название было придумано в 1897 г. Р. Райценштейном, который первым отредактировал один из разделов сочинения.

Etymologicum Genuinum по большей части остаётся неопубликованным, за исключением отдельных мест. Последнее издание было опубликовано под названием Etymologicum Magnum

Genuinum, что является потенциальным источником путаницы с лексическим сборником XII в., традиционно называемым Etymologicum Magnum.

2. Etymologicum Magnum (Ἐτυμολογικὸν Μέγα) (стандартное сокращение EM, или Etym. M.) – традиционное название греческой лексической энциклопедии, составленной в Константинополе неизвестным лексикографом около 1150 г. Это крупнейший византийский лексикон, основанный на многих более ранних грамматических, лексических и риторических трудах [Alpers, 1990, S. 31–32].

Его основными источниками послужили две предыдущие работы: Etymologicum Genuinum и Etymologicum Gudianum. Другие источники включают в источники Стефана Византийского, «Эпитому» Диогениана, «Лексикон Αἱμωδεῖν» (Haimōdeîn), «О божественных деяниях» Евлогия, Георгия Хиробоска, «Этимологик» Ориона Фиванского и сборники схолий. Составитель «Великой этимологии» не был простым переписчиком; он объединял, реорганизовывал, дополнял и свободно модифицировал исходный материал, создавая новое и в определенной степени оригинальное произведение.

Первое издание Etymologicum Magnum было опубликовано в Венеции в 1499 г. Новое издание выпустили Ф. Лассерр и Н. Ливадарас под названием Etymologicum Magnum Auctum в 2-х томах [Etymologicum Magnum, 1976, 1992].

Ор Александрийский в некоторой степени представлен в обоих Этимологиках, что позволяет исследователям предпринимать попытки сбора, обработки и издания собраний фрагментов, в чем наиболее преуспел К. Алперс с корпусом фрагментов «Орфографии».

Заключение

Итак, Ор Александрийский – важная фигура на пересечении ряда традиций. Его следует отличать от Ориона Фиванского и Ора Милетского. Это александриец, который представляет в столице V века целую группу земляков – интеллектуалов-египтян.

Он – ученый грамматик, которому выпала сложная задача практически приспособить аттические нормы к новым требованиям письменного греческого языка своего времени.

Его главное сочинение – «Орфография» («Аттический лексикон») – не единственное, это был плодовитый автор, чей вклад в теорию грамматики ныне сложно переоценить. Фрагменты Ора сохранились в одной рукописи и в средневизантийских Этимологиках, но извлечение оттуда мест, связанных с Ором, – крайне сложная текстологическая работа.

Аттикизм Ора связан с ранневизантийским культурным синтезом и «христианским эллинизмом» столичного Феодосиева образца. В целом в столице V в. работало не так много интеллектуалов, поэтому наследие Ора нуждается в дальнейшем изучении в контексте культурных трансформаций позднеантичного времени.

Список литературы

Арисланов Б.С. 2026. Пампрепий Грамматик в Афинах: к истории отношений интеллектуалов и городской знати во 2-й пол. V в. *Via in tempore. История. Политология*. Т. 53. 2 (в печати).

Арисланов Б.С., Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2025. Орион Фиванский – грамматик V в. *Via in tempore. История. Политология*. Т. 52. 4: 855–864.

Болгов Н.Н. 2024. Элладий из Антиноэ – греческий софист из позднеантичного Египта. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 4(105): 31–35.

Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2016. Гораполлон Младший (ок. 440–500 гг.) и его школа в Менуфисе. *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва; Магнитогорск; Новосибирск. 2: 152–162.

Елисеева О.Н., Болгова А.М. 2012. Грамматики высших школ позднеантичного Востока. *Научные ведомости БелГУ. История. Политология*. 13(132): 32–39.

Сапожникова М.Г. 2026. Феодосий Младший (408–450): политические, культурно-идеологические и внешнеполитические процессы в Восточной Римской империи. Автореф. канд. дисс. Белгород, 27.

Синица М.М., Болгова А.М. 2017. Выдающиеся писатели, историки, философы, грамматики и врачи конца V – VI вв. из «Ономатологов» Гесихия Милетского. Классическая и византийская традиция. 2017. Белгород: 414–420.

Alpers K. 1981. Das attizistische Lexikon des Oros. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 277.
Alpers K. 1990. Griechische Lexicographie in Antike und Mittelalter. Dargestellt an ausgewählten Beispielen. In: Welt der Information. Wissen und Wissensvermittlung in Geschichte und Gegenwart. Stuttgart, H.-A, Koch: 14–38.
Alpers K. 2001. Lexicographie (B. I–III). In: Historisches Wörterbuch der Rhetorik 2. Tübingen, Niemeyer: 194–210.
Billerbeck M. 2011. The Orus Fragments in the Ethnica of Stephanus of Byzantium. In: Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts. Berlin; New York, De Gruyter: 429–448.
Etymologicum Magnum Genuinum, Symeonis Etymologicum una cum Magna Grammatica, Etymologicum Magnum Auctum. Ed. F. Lasserre, N.A. Livadaras. Vol. I. Rome, Edizioni dell'Ateneo, 1976; vol. II. Athens, Ekdoseis Philologikou Eullogou Parnassos, 1992, 1652.
Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. 2015. Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. In 2 vol. Leiden; Boston, Brill, 1504.
Hunger H. 1961. Katalog der griechischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Museion: Veröffentlichungen der österreichischen Nationalbibliothek, n.s., 4. Reihe, Veröffentlichungen der Handschriftensammlung. T. 1: Codices historici. Codices philosophici et philogici. Vienna, George Plachner Verlag, xxi+503.
Hunger H. 1978. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, Beck, xx+528.
Kaster R.A. 1988. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 525.
Kröhnert O. 1897. Canonesne poetarum scriptorem artificum per antiquitatem fuerunt. Diss. Regimonti, ex officina Leupoldiana, 86.
Rabe H. 1892. Lexicon Messanense de iota ascripto. In: Rheinisches Museum. 47: 405–413.
Reitzenstein R. 1897. Geschichte der griechischen Etymologika: Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria und Byzanz. Leipzig, Teubner, 424.
Ritschl F. 1834. De Oro et Orione Commentatio. Vratislaviae, Schulze, 84.
Robins R.H. 1998. The Byzantine Grammarians. In: Cahiers Ferdinand de Saussure, 51: 29–38.
Robins R.H. 1993. The Byzantine Grammarians: Their Place in History. Berlin; New York, W. de Gruyter, ix+278.
Wahlgren S. 2002. Towards a Grammar of Byzantine Greek. In: Symbolae Osloenses, 77: 201–204.
Wilson N.G. 1996. Scholars of Byzantium. Cambridge (Mass.), Duckworth, 286.

References

Arislanov B.S. 2026. Pamprepij Grammatik v Afinah: k istorii otnoshenij intellektualov i gorodskoj znati vo 2-j pol. V v. [Pamprepius Grammarian in Athens: On the History of Relations between Intellectuals and the Urban Nobility in the Second Half of the 5th Century]. *Via in tempore. History and political science* [*Via in tempore. History and political science*]. T. 53. 1 (in print).
Arislanov B.S., Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2025. Orion Fivanskij – grammatik V v. [Orion of Thebes – Grammarian of the 5th Century]. *Via in tempore. History and political science* [*Via in tempore. History and political science]*. T. 52. 4: 855–864.
Bolgov N.N. 2024. Elladij iz Antinoe – grecheskij sofist iz pozdneantichnogo Egipta [Helladius of Antinoë as a Greek Sophist from Late Antique Egypt]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Oryol State University]*. 4(105): 31–35.
Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2016. Gorapollon Mladshij (ok. 440-500 gg.) i ego shkola v Menufise [Horapollo the Younger (c. 440–500 BC) and his school at Menouthis]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]*. Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk. 2: 152–162.
Eliseeva O.N., Bolgova A.M. 2012. Grammatiki vysshih shkol pozdneantichnogo Vostoka [Grammars of the Higher Schools of the Late Antique East]. Nauchnye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya [BelSU Scientific Bulletin. History. Political Science]. 13(132): 32–39.
Sapozhnikova M.G. 2026. Feodosij Mladshij (408–450): politicheskie, kul'turno-ideologicheskie i vneshnepoliticheskie processy v Vostochnoj Rimskoj imperii [Theodosius the Younger (408–450): Political, Cultural, Ideological and Foreign Policy Processes in the Eastern Roman Empire]. Avtoref. kand. diss. Belgorod, 27.
Sinica M.M., Bolgova A.M. 2017. Vydayushchiesya pisateli, istoriki, filosofy, grammatiki i vrachi konca V – VI vv. iz «Onomatologov» Gesihiya Miletskogo [Outstanding Writers, Historians, Philosophers, Grammarians and Physicians of the Late 5th – 6th Centuries from Hesychius of Miletus's Onomatologists]. In: Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. 2017 [Classical and Byzantine Tradition. 2017]. Belgorod: 414–420.
Alpers K. 1981. Das attizistische Lexikon des Oros. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 277.

Alpers K. 1990. Griechische Lexicographie in Antike und Mittelalter. Dargestellt an ausgewählten Beispielen. In: Welt der Information. Wissen und Wissensvermittlung in Geschichte und Gegenwart. Stuttgart, H.-A, Koch: 14–38.
Alpers K. 2001. Lexicographie (B. I–III). In: Historisches Wörterbuch der Rhetorik 2. Tübingen, Niemeyer: 194–210.
Billerbeck M. 2011. The Orus Fragments in the Ethnica of Stephanus of Byzantium. In: Ancient Scholarship and Grammar: Archetypes, Concepts and Contexts. Berlin; New York, De Gruyter: 429–448.
Etymologicum Magnum Genuinum, Symeonis Etymologicum una cum Magna Grammatica, Etymologicum Magnum Auctum. Ed. F. Lasserre, N.A. Livadaras. Vol. I. Rome, Edizioni dell'Ateneo, 1976; vol. II. Athens, Ekdoseis Philologikou Eullogou Parnassos, 1992, 1652.
Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. 2015. Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. In 2 vol. Leiden; Boston, Brill, 1504.
Hunger H. 1961. Katalog der griechischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Museion: Veröffentlichungen der österreichischen Nationalbibliothek, n.s., 4. Reihe, Veröffentlichungen der Handschriftensammlung. T. 1: Codices historici. Codices philosophici et philogici. Vienna, George Plachner Verlag, xxi+503.
Hunger H. 1978. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, Beck, xx+528.
Kaster R.A. 1988. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 525.
Kröhnert O. 1897. Canonesne poetarum scriptorem artificum per antiquitatem fuerunt. Diss. Regimonti, ex officina Leupoldiana, 86.
Rabe H. 1892. Lexicon Messanense de iota ascripto. In: Rheinisches Museum. 47: 405–413.
Reitzenstein R. 1897. Geschichte der griechischen Etymologika: Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria und Byzanz. Leipzig, Teubner, 424.
Ritschl F. 1834. De Oro et Orione Commentatio. Vratislaviae, Schulze, 84.
Robins R.H. 1998. The Byzantine Grammarians. In: Cahiers Ferdinand de Saussure, 51: 29–38.
Robins R.H. 1993. The Byzantine Grammarians: Their Place in History. Berlin; New York, W. de Gruyter, ix+278.
Wahlgren S. 2002. Towards a Grammar of Byzantine Greek. In: Symbolae Osloenses, 77: 201–204.
Wilson N.G. 1996. Scholars of Byzantium. Cambridge (Mass.), Duckworth, 286.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2026
Поступила после рецензирования 20.04.2026
Принята к публикации 22.04.2026

Received January 19, 2026
Revised April 20, 2026
Accepted April 22, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ «Институт истории Византии и Причерноморья», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0003-0478-5565

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0001-8510-093X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Sciences in History, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the History of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Anna M. Bolgova, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(564.3)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-285-293
EDN XISYKK
Оригинальное исследование

Пампрепий Грамматик в Афинах: к истории отношений интеллектуалов и городской знати во 2-й пол. V в.

Арисланов Б.С.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1252637@bsuedu.ru

Аннотация. В работе предпринимается попытка освещения афинского периода жизни грамматика 2-й половины V в. Пампрепия в контексте отношений афинских интеллектуалов и городской знати. Фигура Пампрепия вызывает особый интерес в связи с тем, что этот египтянин, заслуживший у Дамаския прозвище Тифона-чудовища, сделал имперскую карьеру, добившись влияния в столице. Он пал жертвой мятежа Илла и Леонтия, погибнув от рук своих же заговорщиков. Необычно его возвышение с позиции грамматика, так как этот слой интеллектуалов считался самым бедным и самым низким. По всей видимости, именно афинский период стал ключевым в возвышении Пампрепия благодаря удачной женитьбе и сближению с сенаторской знатью города. Афины позднеантичного времени имели особый неформальный статус культурной и образовательной столицы, а высшие школы были важнейшим источником дохода для городской общины. Такие сенаторы, как Феаген, стремились приобщиться к интеллектуалам и извлечь из этого выгоду и укрепление авторитета. Пампрепий был вынужден покинуть Афины из-за личного конфликта с влиятельным Феагеном. Специфика процесса византинизации в Афинах проявляется в том, что старая городская знать в лице Феагена побеждает внешнюю новую знать (интеллектуалов).

Ключевые слова: Ранняя Византия, интеллектуалы, грамматики, Пампрепий, Феаген, Афины, гороскоп

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Арисланов Б.С. 2026. Пампрепий Грамматик в Афинах: к истории отношений интеллектуалов и городской знати во 2-й пол. V в. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 285–293. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-285-293. EDN: XISYKK

Pamprepius the Grammarian in Athens: On the History of Relations between Intellectuals and the Urban Nobility in the Second Half of the 5th Century A.D.

Bogdan S. Arislanov
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1252637@bsuedu.ru

Abstract. This paper attempts to elucidate the Athenian period in the life of Pamprepius, an Egyptian grammarian of the second half of the 5th century, in the context of the relations between Athenian intellectuals and the urban nobility. Pamprepius is of particular interest because this Egyptian, nicknamed Typhon the Beast by Damascius, made an imperial career, achieving influence in the capital. He fell victim to the rebellion of Illus and Leontius and was killed by his own conspirators. His rise as a grammarian is unusual, as this stratum of intellectuals was considered the poorest and lowest. Apparently, the Athenian period was crucial to Pamprepius's rise, thanks to a successful marriage and his close ties with the city's senatorial nobility. In late antiquity, Athens enjoyed a special informal status as a cultural and educational capital, and higher schools were a vital source of income for the city community.

© Арисланов Б.С., 2026

Senators such as Theagenes sought to associate with intellectuals and profit from this, strengthening their authority. Pamprepius was forced to leave Athens because of a personal conflict with the influential Theagenes.

Keywords: Early Byzantium, intellectuals, grammarians, Pamprepius, Theagenes, Athens, horoscope

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Arislanov B.S. 2026. Pamprepius the Grammarian in Athens: On the History of Relations between Intellectuals and the Urban Nobility in the Second Half of the 5th Century A.D. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 285–293 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-285-293. EDN: XISYKK

Введение

Афины позднеантичного времени занимали уникальное место среди прочих городов империи. Не будучи даже столицей провинции, город имел неформальный авторитет сердца античного мира и интеллектуальной столицы империи.

Процесс византинизации муниципальной организации позднеантичного города охватил и Афины. Здесь тоже формируется замкнутый наследственный слой городской элиты, в этот слой постепенно входит и внешняя новая элита, связанная с государством.

Однако значительную специфику места и роли Афин в империи определяет наличие в городе слоя интеллектуалов, которые и составляют преобладающий и активный слой внешней элиты. В иных же городах империи это были землевладельцы, отставники с государственной и военной службы, клир.

В этой связи большой интерес представляют взаимоотношения старой муниципальной сенаторской знати города и интеллектуалов – схолархов и независимых ученых.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают взаимоотношения интеллектуалов позднеантичных Афин и городской сенаторской знати, преимущественно Феагена, как особой формы византинизации города.

Методы исследования: контент-анализ источников, историко-биографический, просопографический, сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Для взаимоотношений схолархов Афин с сенаторской знатью представляет большой интерес кейс Пампрепия, официального грамматика города, а впоследствии – государственного деятеля империи. В «Просопографии поздней империи» Пампрепий обозначен прежде всего во второй указанной ипостаси – как квестор священного дворца (востока), консул и патрикий (PLRE II, 825–828).

Более широкое досье на Пампрепия, нежели в «Просопографии», составил Роберт Кастер (№ 114 кат.) [Kaster, 1997, p. 329–332], акцентируя внимание на нем как на грамматике. Среди прочих своих ипостасей он известен как поэт, философ, маг, астролог, открытый язычник.

Биография и хронология жизни Пампрепия известны по преимуществу из его гороскопа [Броль, Кузенков, 2013, с. 179–182; Delatte, Stroobant, 1923, p. 58–76], который был составлен астрологом Реторием Египетским около 504 г., а также из статей Гесихия в словаре Суда (П 136, 137). Генетлиологический трактат Ретория «Объяснение и интерпретация всей астрологии из «Сокровищниц Антиоха»», разделенный на 117 глав, в главах 113–117 дает сведения о жизни Пампрепия [Catalogus, 1898, p. 142–164; Rhetorii, 2009; Rhetorius, 2009]. Гороскоп Пампрепия связан с политикой императора Зенона [Pingree, 1976, p. 135–150; Levente, 2020, p. 342].

Дополнительные сведения о Пампрепии сообщают Дамаский в «Философской истории» («Жизни Исидора»), Суда, Иоанн Антиохийский, Малх Филадельфийский, Фотий (cod. 242), Захария Схоластик («Жизнь Севира»), Иешуа Стилит, Кандид Исавр, Феофан Исповедник («Хронография»).

Будущий грамматик родился 29 сентября 440 г. в египетском Панополе (Dam. V. Isid. 77D; Dam. Fr. 178; Suid. Π 136; Malch., fr. 20; John. Ant., fr. 211). Реторий Астролог указывает как на родину нашего героя – Фивы (как и Суда в Π 137), но Панополь общепринят в качестве таковой. Практически все авторы именуют Пампрепия также египтянином, то есть коптом.

Раннее образование Пампрепий должен был получить на родине [Asmus, 1913, p. 320–347], в Панополе, который был в то время важнейшим центром греческой словесности и позднеантичной культуры, а затем в Александрии [Александрова, 2024, с. 326]. Далее он начал свою карьеру в роли ничем не примечательного грамматика, и вел ее, по большинству мнений, до 30–32-летнего возраста [Livrea, 1977, p. 121–134].

Несмотря на очевидный поэтический талант (Dam. V. Isid. 112.B) (Суда Π 136 прямо называет его «эпическим поэтом, процветавшим во времена императора Зенона»), он в официальной жизни оставался скромным грамматиком (Rhet. 113–117).

Нет однозначного ответа на вопрос, где жил и работал Пампрепий до переезда в Афины. Есть мнение о том, что он работал в Панополе, но нет доказательств того, что он не мог работать и в Александрии. Реторий сообщает, что он жил в разных местах, «ведя жизнь скитальца». Карьера «странствующего интеллектуала» была типична для того времени и хорошо прослеживается по биографиям.

Авторы PLRE противоречиво указывают, что Пампрепий практиковал в Египте до 30 лет, но тут же, несколькими строками ниже, говорят, что в Афины он прибыл в 33 года (PLRE II, 826). Где же он был 3 года между ними?

Не дает точного ответа и Роберт Кастер: «первые 25 или 30 лет своей жизни он провёл в тяжёлой жизни скитальца» [Kaster, 1997, p. 329], цитируя Ретория: τήν πρώτην ήλικίαν χαλεπήν έκτήσατο, άλλα δή και φυγάς έν πολλοίς τόποις έγένετο ... και ταύτα μεν περί της πρώτης ηλικίας μέχρι ετών κε' η λ' («в ранней юности он приобрёл талант, но также бежал во многие места ... и это о его ранней юности до 10 или 11 лет»). Далее Кастер говорит, что, вероятно, ок. 465/470 г., судя по Реторию, и в любом случае где-то до конца 472 г. он отправился в Афины, дабы попытать там счастья как профессиональный поэт (Damasc. V. Isid. epit. Phot. 168 = fr. 290; ср. Malch. fr. 20). При этом следует не забывать о том, что работа пусть и странствующего грамматика давала гораздо более надежный, хотя и небольшой хлеб, нежели карьера странствующего поэта.

Несмотря на мнение ведущего специалиста по позднеантичной грамматике Р. Кастера о возможном раннем переезде Пампрепия в Афины, в литературе в целом датой его приезда обычно считается 473 год (PLRE II, 826) [Александрова, 2024, с. 326].

Таким образом, мы имеем сложившуюся в историографии пространную версию афинского периода жизни Пампрепия: максимально 465–476 гг., и краткую версию: 473–476 гг. (как вариант – конец 472–476 гг.).

Относительная бедность (PLRE II, 826) и провинциализм (если не считать, что Пампрепий мог прижиться в Александрии) не помешали нашему герою в Афинах занять официальную кафедру γραμματικός города (Malch. Fr. 20; Rhet. ibid.; Suid. Π 137; Damasc. fr. 178; Ioan. Ant. frg. 21; Phot. Bibl., cod. 242). По Р. Кастеру это произошло в 473 г.

Авторы PLRE прямо указывают, что на улучшение положения грамматика в Афинах повлияла его женитьба (PLRE II, 826; Ioan. Ant. ibid.; Damasc. V. Isid. fr. 178), после которой он получил кафедру.

Подробностей женитьбы мы не знаем. Но если принимать более принятую краткую хронологию жизни Пампрепия в Афинах (473–476), то получается, что брак и получение кафедры случились в один и тот же год – 473. Если учесть, что Пампрепий был далек от афинских канонов красоты, имел смуглый цвет кожи (μέλας την χροιάν) как египтянин-копт, настолько, что (хотя и враждебный ему) Дамаский сравнивал его с чудовищем Тифоном (Dam. fr. 287), и также в целом «неприятную внешность» (Dam. fr. 178), то придется предположить в деле быстрого покорения им невесты либо его столь проявившийся в будущем гениальный авантюризм, либо скорый «брак по расчету», который прямо и непосредственно ввел жениха в круг афинской высшей знати, покровительствовавшей высшим школам и учителям.

Т.Л. Александрова предполагает женитьбу на богатой афинянке [Александрова, 2024, с. 326]. Однако гораздо более важным был бы брак на знатной (и уже вследствие этого богатой) афинянке, связанной с кругами старой муниципальной знати.

В этой связи, по нашему мнению, будет правильнее предположить все же более длительную хронологию пребывания Пампрепия в Афинах (465–476). При всех его талантах за несколько месяцев покорить сердце столь знатной афинянки, чтобы войти в круг высшей знати города, «темному египтянину» было бы очень маловероятно. Допустить скоропалительный брак по расчету тоже можно, но его выгоды были очевидны для Пампрепия, но совершенно не для дочери сенатора.

К этому мнению склоняется и Р. Кастер, отмечая, что, поскольку Дамаский и Малх говорят, что Пампрепий преподавал в Афинах в течение «значительного периода времени», то он должен был уже преподавать в Афинах ранее конца 472 г.; после этого, по словам Ретория, его судьба изменилась к лучшему. Перемену в его судьбе, таким образом, следует отнести ко времени его пребывания в Афинах, а не к прибытию, как это обычно принято.

Остается добавить, что Кастер вслед Реторию причиной улучшения положения Пампрепия считает все же получение кафедры грамматика, а не женитьбу. Следовательно, женитьба должна была произойти еще ранее. Но мы не можем и совсем отбросить брак как более эффективный и более ранний фактор возвышения Пампрепия, нежели его преподавание.

Также укажем на то, что Суда (П 137) отмечает, что Пампрепий прибыл в Афины, уже «годами изучав грамматику», а также «привыкший ко всему». Поэтому он был, несомненно, подготовлен в науках и хотел научиться еще большему. Суда также указывает, что Пампрепий уже был автором труда по этимологиям, что также помогло ему получить кафедру в Афинах.

Далее известно, что Пампрепий преподавал в Афинах несколько лет (πολύν χρόνον: Damasc. ibid., Ioan. Ant. ibid.; συχνά ετη: Malch. fr. 20) и вскоре стал широко известен как прекрасный преподаватель и эрудит (Dam. V. Isid. 112.B).

До мая 476 г. Пампрепий оставался в Афинах, «преподавал другим, и сам у славного Прокла учился высшей мудрости» (Malch. fr. 22). По всей видимости, его интеллектуальные амбиции распространялись очень широко, и он «желал превзойти всех, за исключением лишь может быть Прокла и некоторых философов» (Dam. Fr. 289; Suid. П 137). Должность грамматика не удовлетворяла Пампрепия, и он стремился стать философом. Надо сказать, что отчасти он своего добился, так как некоторые источники именуют его философом.

Однако Афинская академия Прокла в то время находилась под покровительством сенатора и эвергета Феагена, представителя одной из самых знатных языческих семей Афин (Dam. V. Isid. fr. 258), поэтому было особенно важно сохранять с ним хорошие отношения. Феаген стал для школы богатейшим и влиятельнейшим покровителем в последнее десятилетие жизни Прокла.

Феаген также выступил личным покровителем поэта Пампрепия и некоторых других учителей. В 1928 г. был открыт папирус с 4 стихотворными произведениями различной сохранности. Одним из сочинений был энкомий патрикию Феагену [Gerstinger, 1928]. Перевод строк 1–16 этого сочинения дает в своей работе Т.Л. Александрова [Александрова, 2024, с. 328]. Лучше всего атрибутировать поэму, написанную в честь Феагена к Пампрепию [Heitsh, 1964, p. xxxv]. Эта поэма упоминает огромное богатство магната и затем повторяет еще раз, подчеркивая его как «спокойное убежище для рода поэтов» [Livrea, 2014, p. 2]. Феаген и сам стремился возглавить ученых не как администратор, а как ученый [Kaldellis, 2020, p. 278].

В античной истории важное место занимала генеалогия, не только реальная, но и мифологическая. Собственно, вся героическая мифология греков родилась из стремления привязаться к героическим предкам «Темных веков» в условиях утраты письменности.

В позднеантичных Афинах среди интеллектуалов и городской знати мы видим некоторое возрождение этой тенденции. Наиболее яркий пример реанимации легендарной генеалогии в данный период дает Феаген.

Феаген утверждал, что происходит от Теламона (отца Аякса), Кекропса, Эрехтея, Геракла, Пелопса и, наконец, Мильтиада и Платона [Edwards, 2000, p. 98], что связывало его с древнейшей традицией Афин в последние времена их язычества. Однако в упомянутом энкомии так прямо не говорится, и нет уверенности в том, что это было буквальным отражением собственного генеалогического творчества Феагена. Текст восхваляет прежде всего сами Афины – город Феагена, как это было принято в энкомиях, а затем уже его родословную, но при переходе от одного к другому они сливаются воедино, а также расширяют родину магната от Афин до всей Греции [Kaldellis, 2020, p. 277].

Происхождение от Платона было очевидным и важным престижем для человека, который активно участвовал в философской жизни и политике Афинской академии. Дамаский отмечает, что Феаген жаждал получить похвалу от философов и, соответственно, был окружен множеством влиятельных людей. Утверждение о Платоне как о предке соответствует этому, и никто не осмелился бы опровергнуть слова могущественного сенатора о его предках.

С другой стороны, Феаген включил в число своих предков фигуру Мильтиада, который был стратегом победы при Марафоне, что придавало Феагену политический и военный облик, дополняющий «мягкую силу» его философских предков. Мильтиад здесь был блестящим выбором, поскольку он был самым выдающимся древним афинянином, правившим на севере, во фракийском Херсонесе, недалеко от того места, где была построена новая столица империи (Константинополь). Кроме того, Мильтиад был важной фигурой в риторическом дискурсе софистов того времени.

Другие мифологические фигуры в списке также могут быть неслучайными. Они фактически охватывают большую часть Греции, от Фессалии до Пелопоннеса, и, возможно, указывают на покровительство Феагена всей стране, а не только Афинам, в качестве ведущего сенатора.

Тем не менее родословная Феагена предназначалась не только для академического, афинского или общеэллинского населения: вероятно, она была адресована также его коллегам и в сенате Нового Рима и, вероятно, в первом Риме [Kaldellis, 2020, p. 278]. Таким образом, мы видим иной масштаб явления – легендарная генеалогия используется не только для укрепления авторитета знати среди философов Афин, но и для повышения авторитета в среде знати всей империи.

Но, помимо просто родословной, Феаген действительно имел амбиции и в качестве философа. Философы же, предоставляя Феагену почет, присущий человеку, который имел высокий ранг в империи, осознанно воздерживались от каких-либо признаний его философских претензий (Vit. Is. Ath. 100A; Z. Fr. 261). И дело тут не столько в том, что Феаген был бесталанным в этой области. Активно руководя общественной жизнью Афин, Феаген просто не мог быть собственно философом, не имея на это ни времени, ни настроения, ни сил, и «настоящие» философы это чувствовали.

Дамаский имел на это сходную реакцию (Vit. Is. Ath. 100A; Z. Fr. 258). В борьбе за высшие почести в империи, Феаген не осознавал, что этим он в реальности отдалялся от философского идеала.

Тем не менее архонт и патрикий Феаген не только лелеял свою философскую родословную, но и предпринимал такие усилия, чтобы жить по-философски, что даже Марин однажды признал, что тот был самым выдающимся из сенаторов в этом отношении (Vit. Is. Ath. 100B; Z. Fr. 261). Такая косвенная похвала, подменяя собственно философию «жизнью философа», формально делая реверанс в сторону искомого магнатом, конечно, отрицала признание сенатора настоящим философом.

И на этом фоне происходит эпизод с обвинением в адрес Пампрепия. Вступив в конфликт с всесильным Феагеном (Malch. fr. 20: διαβολής δε αύτω προς Θεαγένην τινά ... σύστασης), Пампрепий лишился всех своих позиций. Причина конфликта нам неизвестна, но, по аналогии с Марином, хотя и несколько позднее хронологически, можно предположить, что Пампрепий мог прямо усомниться в философских знаниях Феагена.

В ссоре с Феагеном во время обучения у последнего Пампрепий пострадал от физического насилия – был лично избит архонтом (PLRE II, 828). Но этим дело не закончилось. Малх (fr. 23) описывает жестокость, с которой Феаген расследовал обвинение, выдвинутое против его бывшего клиента Пампрепия в продолжение их личной ссоры. Эта жестокость наталкивает на мысль о том, что Феаген мог лично выдвинуть обвинение.

В итоге в мае 476 г. Пампрепий покинул Афины и отправился в Константинополь. Он был далеко не первым интеллектуалом и учителем, кто не смог закрепиться в ученой метрополии позднеантичного мира. Достаточно назвать имя Либания, жившего столетием ранее (и в итоге нашедшего себя на родине, в Антиохии).

Благодаря своим обширным познаниям и откровенной демонстрации своей приверженности к язычеству, Пампрепий скоро стал личностью, известной и в столичном масштабе (Malch. fr. 22).

Событий дальнейшей жизни Пампрепия в течение отмеренных ему судьбой восьми лет вполне хватило бы не на один остросюжетный роман.

В столице некий Марс познакомил его с исаврийцем Иллом (Damasc. V. hid. fr. 178; Candid. FHG 4.137; Phot. Bibl. cod. 79). Он впечатлил Илла публичным чтением поэмы (Malch. fr. 20) или рассуждениями о душе (Damasc. V. Isid. fr. 178), или, возможно, и тем и другим. Илл объявил грамматика «мудрейшим из учителей константинопольских» (Dam. V. Isid. 77D) и «назначил ему жалованье как лично от себя, так и от казны» (Malch. fr. 22). Пампрепий приобрел огромное влияние в столице. В 478 г. он отбыл с Иллом в Исаврию готовить мятеж. В последующих событиях стал известен как маг и астролог. Илл сделал его квестором, а некоторое время спустя – консулом и патрикием. На рубеже 481–482 гг. (по другим данным, в 483 г.) он совершил поездку в Александрию как μέγιστον ήδη δυνάμενος (Damasc. V. Isid. fr. 288). По-видимому, он должен был заручиться поддержкой местных язычников для восстания Илла и Леонтия, в котором он участвовал (Zach. Schol. Vie de Severe, 20; HE, p. 71.17).

В ходе восстания он был сделан магистром оффикий Леонтия (Malal. Exc. hist. 3.166.10f.). Пампрепий был казнён Иллом в конце ноября 484 г. в исаврийской крепости Папирий, в которой укрылись Илл и Леонтий (Malal. ibid.; Damasc. V. Isid. epit. Phot. 110, 174, 291 (= fr. 306), на 45-м году жизни.

В качестве дополнения отметим, что Реторий описывает Пампрепия как лицемерного, вероломного и распущенного человека. Дамаский также рисует его портрет в резкой форме, главным образом из-за непомерных амбиций Пампрепия (V. hid. frg. 287, 288, 289). Но Дамаский также описывает его как λογιώτατος и πολυμαθέστατος (многомудрого), самого искусного в ή άλλη προπαιδεία, т. е. во всех областях гуманитарной культуры, кроме философии (Damasc. V. Isid. fr. 289; epit. Phot. 168).

Suda (П 136), кроме описания Пампрепия как έπων ποιητής (поэта), приписывает ему труд по этимологии и Ίσαυρικά в прозе, но ныне считается, что от этой поэмы сохранились лишь папирусные фрагменты; главный отрывок из них – идиллия, описывающая весенний день.

Атрибуция стихотворений Пампрепию весьма неопределенна. Кроме того, есть основания сомневаться в идентификации Феагена, упомянутого в панегирике. Во введении к панегирику говорится, что «Геликон, состарившись от поругания», спрятал всех своих муз у Феагена. Эта фраза обоснованно была прочитана как жалоба язычества, вынужденного защищаться от яростной христианской враждебности по отношению к традиционной культуре. Если это так, то было бы странно обнаружить такое отношение, если получатель стихотворения был покровителем Пампрепия, поскольку Феаген определённо не был врагом христиан [Maas, 1929, p. 250–252].

Дамаский описывает Пампрепия как γραμματιστής την τέχνην (искусного грамматиста). Поскольку он в основном является «враждебным свидетелем» для Пампрепия, иногда считалось, что он использует здесь γραμματιστής в значении «начальный учитель» как оскорбительный термин с целью принизить авторитет Пампрепия. Это, вероятно, неверно. Дамаский презирает Пампрепия за его амбиции. Но в остальном он не пытается скрыть или

принизить интеллектуальные и общекультурные достижения Пампрепия; поэтому кажется маловероятным, что Дамаский пытался очернить фразой человека, ученость которого он подробно излагает в другом месте.

Пампрепий стремился показать себя многомудрым полиматом, будучи грамматиком. Он, хотя и преподавал грамматику, стремился завоевать репутацию за пределами грамматики, в других областях образования, за исключением философии.

Невозможно было предсказать, что ранние годы Пампрепия как странствующего поэта предвещали его последующую роль мятежника. Как личности, такие фигуры свидетельствуют о социальной изменчивости того времени и возможностях, которые открывались, когда амбиции, талант и нужные связи встречались в одном человеке; но их совокупность едва ли позволяет предположить наличие определённой мобильности в самой профессии грамматика.

Поскольку большинство этих людей оставили обычную практику грамматика до своего возвышения, их карьера свидетельствует скорее об обратном: амбиции и талант нашли применение в других сферах.

Хотя должности Пампрепия, по-видимому, были тесно связаны с преподаванием в качестве грамматика, его богатство было сколочено не через сеть покровителей, а благодаря благосклонности от одного могущественного покровителя.

Карьера Пампрепия может также служить предостережением о рисках, связанных с сочетанием впечатляющего взлета и необычной зависимости: связав свое положение с одним покровителем, он разделил его падение. Пампрепий был убит Иллом и Леонтием незадолго до того, как их самих разбили. Как в своей насильственной смерти, так и в своем стремительном продвижении, этот грамматик уникален.

Заключение

Итак, в V веке судьба грамматика Пампрепия в Афинах была прежде всего связана с его отношениями с магнатом Феагеном; когда его изгоняют из Афин после ссоры с Феагеном, он получает государственное жалованье грамматика в столице благодаря покровительству Илла, чья официальная карьера впоследствии во многом определяет судьбу Пампрепия далее.

Назначение Пампрепия грамматиком в Афинах сопровождалось удачной женитьбой, которая помогла ему возвыситься. Но Пампрепий, возможно, был столь же необычен в этой удаче, как и в других аспектах своей карьеры. Имеющиеся данные не свидетельствуют о том, что какой-либо другой грамматик преуспел подобным образом.

Если рассмотреть службу грамматиков в имперской бюрократии, то свидетельства говорят о похожей специфике кейса Пампрепия. Правильнее было бы сказать «служба бывших грамматиков», поскольку почти все, кто преуспел в этом деле, давно оставили свои должности грамматиков – либо продвинувшись в профессии, либо избрав другое направление. Так, в составе дворцовой службы позднеантичного времени мы находим Авсония в 375–376 гг.; Каллиопия в 388 г.; Исокасия в 467 г.; Пампрепия в 479 г. и Кориппа в 565 г. Из этих пяти человек только о Пампрепии можно с уверенностью сказать, что он достиг своего положения, будучи еще недавним представителем своей профессии грамматика [Kaster, 1997, p. 332].

Таким образом, эпизод с Пампрепием в Афинах и его взаимоотношениях с могущественным сенатором Феагеном показывает сохраняющуюся мощь местной старой знати в процессе византинизации города и в целом сохранение доминирования этого старого слоя в борьбе за влияние с интеллектуалами и схолархами. Во многом залогом этой устойчивости было стремление представителей афинской знати на примере Феагена сделать и общеимперскую карьеру.

Этот случай нетипичен для империи, так как значительно чаще внешняя новая знать, проникавшая в город, подчиняла себе старую городскую знать. Дело здесь, видимо, в том, что в большинстве случаев новая знать опиралась на материальные ресурсы (землю) и политические связи в столице. Интеллектуалы же Афин имели лишь возможности, ограниченные их нематериальным авторитетом, который оказался слабее.

Список литературы

Александрова Т.Л. 2024. Позднеэллинистическая и ранневизантийская поэзия II–VI вв. Москва, ИМЛИ РАН, 584 с.

Болгов Н.Н. 2025. Реторий Египетский и ранневизантийская астрологическая традиция. В: *Классическая и византийская традиция. 2025.* Белгород: 230–237.

Броль Р.В., Кузенков П.В. 2013. Астрология и политика в Византии V века. В: *Византийский временник*. Т. 72: 179–182.

Ведешкин М.А. 2011. Памprепий и последняя битва восточноримского язычества. В: *Классическая и византийская традиция. 2011.* Белгород: 94–99.

Asmus R. 1913. Pamprepios, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts. In: Byzantinische Zeitschrift. 22: 320–347.

Catalogus Codicum Astrologum Graecorum. 1898. Vol. 1. Bruxellis, In aedibus H. Lamertin, 162.

Delatte A., Stroobant A. 1923. L'Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance. In: *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Classe des lettres*. 5e série. T. 9: 58–76.

Edwards M. 2000. Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, Liverpool University Press, 217.

Gerstinger H. 1928. Pamprepios von Panopolis: Eidyllion auf die Tageszeiten und Enkomion auf den Archon Theagenes von Athen nebst Bruchstücken anderer epischer Dichtungen und zwei Briefe des Gregorios von Nazianz im Pap. Gr. Vindob. 29788A-C. Vienna; Leipzig, Hölder-Pikler-Tempsky, 102.

Heitsh E. 1964. Die griechischen Dichterfragmente der romishen Kaiserzeit. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 64.

Kaldellis A. 2020. The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East. In: *Athens II: Athens in Late Antiquity*. Tubingen, Mohr Siebeck, 259–277.

Kaster R.A. 1997. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Univ. of California Press, 560.

Levente L. 2020. Rhetorius, Zeno's Astrologer, and a Sixth-Century Astrological Compendium. In: *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 74: 342.

Livrea E. 1977. Pamprepio ed il P. Vindob. 29788A-C. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 25: 121–134.

Livrea E. 2014. The Last Pagan at the Court of Zeno. Poetry and Politics of Pamprepios of Panopolis. In: *New Perspectives of Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2–30.

Maas P. 1929. Review of Pamprepios von Panopolis, by H. Gerstinger. In: *Gnomon.* 5: 250–252.

Pingree D. 1976. Political Horoscopes from the Reign of Zeno. In: *Dumbarton Oaks Papers*, № 30: 135–150.

Rhetorii Aegyptii. 2009. Compendium astrologicum, secundum epitomen in cod. Paris. gr. 2425. Ed. post D. Pingree Stephan Heilen. Berlin, W. de Gruyter, 448.

Rhetorius the Egyptian. 2009. Astrological Compendium: Containing His Explanation and Narration of the Whole Art of Astrology. Transl. James Herschel Holden; Ed. Kris Brandt Riske. Tempe, American Federation of Astrologers, Inc., XX, 224.

Walden J.W.H. 1910. The Universities of Ancient Greece. New York, Charles Scribner's Sons, 368.

Watts E. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, UCP, 288.

References

Aleksandrova T.L. 2024. Pozdnejellinisticheskaja i rannevizantijskaja pojezija II–VI vv. [Late Hellenistic and Early Byzantine Poetry of the 2nd – 6th Centuries A.D.]. Moscow, IMLI RAN, 584 p.

Bolgov N.N. 2025. Retorij Egipetskij i rannevizantijskaja astrologicheskaja tradicija [Rhetorius of Egypt and the Early Byzantine Astrological Tradition]. In: *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2025* [Classical and Byzantine tradition. 2025]. 2025. Belgorod: 230–237.

Brol' R.V., Kuzenkov P.V. 2013. Astrologija i politika v Vizantii V veka [Astrology and Politics in Byzantium in the 5th Century]. In: *Vizantijskij vremennik* [Byzantine Timetable]. T. 72: 179–182.

Vedeshkin M.A. 2011. Pamprepij i poslednjaja bitva vostochnorimskogo jazychestva [Pamprepius and the Last Battle of Eastern Roman Paganism]. In: *Klassicheskaja i vizantijskaja tradicija. 2011* [Classical and Byzantine Tradition. 2011]. Belgorod: 94–99.

Asmus R. 1913. Pamprepios, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts. In: Byzantinische Zeitschrift. 22: 320–347.
Catalogus Codicum Astrologum Graecorum. 1898. Vol. 1. Bruxellis, In aedibus H. Lamertin, 162.
Delatte A., Stroobant A. 1923. L'Horoscope de Pamprépios, professeur et homme politique de Byzance. In: *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. Classe des lettres*. 5e série. T. 9: 58–76.
Edwards M. 2000. Neoplatonic Saints: The Lives of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, Liverpool University Press, 217.
Gerstinger H. 1928. Pamprepios von Panopolis: Eidyllion auf die Tageszeiten und Enkomion auf den Archon Theagenes von Athen nebst Bruchstücken anderer epischer Dichtungen und zwei Briefe des Gregorios von Nazianz im Pap. Gr. Vindob. 29788A-C. Vienna; Leipzig, Hölder-Pikler-Tempsky, 102.
Heitsh E. 1964. Die griechischen Dichterfragmente der romishen Kaiserzeit. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 64.
Kaldellis A. 2020. The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East. In: *Athens II: Athens in Late Antiquity*. Tubingen, Mohr Siebeck, 259–277.
Kaster R.A. 1997. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Univ. of California Press, 560.
Levente L. 2020. Rhetorius, Zeno's Astrologer, and a Sixth-Century Astrological Compendium. In: *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 74: 342.
Livrea E. 1977. Pamprepio ed il P. Vindob. 29788A-C. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 25: 121–134.
Livrea E. 2014. The Last Pagan at the Court of Zeno. Poetry and Politics of Pamprepios of Panopolis. In: *New Perspectives of Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2–30.
Maas P. 1929. Review of Pamprepios von Panopolis, by H. Gerstinger. In: *Gnomon.* 5: 250–252.
Pingree D. 1976. Political Horoscopes from the Reign of Zeno. In: *Dumbarton Oaks Papers*, № 30: 135–150.
Rhetorii Aegyptii. 2009. Compendium astrologicum, secundum epitomen in cod. Paris. gr. 2425. Ed. post D. Pingree Stephan Heilen. Berlin, W. de Gruyter, 448.
Rhetorius the Egyptian. 2009. Astrological Compendium: Containing His Explanation and Narration of the Whole Art of Astrology. Transl. James Herschel Holden; Ed. Kris Brandt Riske. Tempe, American Federation of Astrologers, Inc., XX, 224.
Walden J.W.H. 1910. The Universities of Ancient Greece. New York, Charles Scribner's Sons, 368.
Watts E. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, UCP, 288.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.12.2025
Поступила после рецензирования 12.03.2026
Принята к публикации 14.03.2026

Received December 8, 2025
Revised March 12, 2026
Accepted March 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арисланов Богдан Станиславович, аспирант, кафедра всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0009-0006-9021-4396

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogdan S. Arislanov, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(37)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-294-302
EDN XNXXHT
Оригинальное исследование

Нарративные образы Рима и Константинополя в историографии: от Гиббона до школы «Поздней Античности»

Маслов В.П. [1, 2, 3, 4], **Литовченко Е.В.** [4, 5]
[1)] Астраханский государственный технический университет,
Россия, г. Астрахань, 414056, ул. Татищева, 16;
[2)] Астраханский музей-заповедник,
Россия, г. Астрахань, 414000, ул. Советская, 15;
[3)] Центр стратегического анализа и управления проектами,
Россия, г. Астрахань, 414000, ул. Советская, 12/1;
[4)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85;
[6)] НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья»,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
E-mail: masl0vvalery@yandex.ru, litovchenko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция историографических подходов к исследованию нарративных образов Рима и Константинополя в письменных источниках IV–V вв. Работа прослеживает путь от классической концепции «упадка и падения» Эдуарда Гиббона до исследований в русле концепции «Поздней Античности» и современных моделей социокультурной трансформации. На основе трудов Арнольда Хью Мартина Джонса, Питера Брауна, Питера Хизера, Эйверил Кэмерон и других показан переход от восприятия имперских центров как статичных декораций деградации к их пониманию в качестве динамичных узлов административной и сакральной власти. Обосновывается значимость имагологического подхода для деконструкции механизмов переноса имперского величия, в ходе которого Константинополь интегрировался в традиционную римскую идентичность.

Ключевые слова: Рим, Константинополь, поздняя Античность, историография, нарративные образы

Финансирование: Исследование Е.В. Литовченко выполнено в рамках Государственного задания НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья» Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002). Вклад исследователя – 40 %.

Для цитирования: Маслов В.П., Литовченко Е.В. 2026. Нарративные образы Рима и Константинополя в историографии: от Гиббона до школы «Поздней Античности». *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 294–302. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-294-302. EDN: XNXXHT

© Маслов В.П., Литовченко Е.В., 2026

Narrative Images of Rome and Constantinople in Historiography: From Gibbon to the Late Antique Studies

Valery P. Maslov [1, 2, 3, 4], **Elena V. Litovchenko** [4, 5]
[1)] Astrakhan State Technical University,
16 Tatishchev St., Astrakhan 414056, Russia;
[2)] Astrakhan Museum of History Lore,
15 Sovetskaya St., Astrakhan 414000, Russia;
[3)] Center for Strategic Analysis and Project Management
12/1 Sovetskaya St., Astrakhan 414000, Russia;
[4)] Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;
[5)] Research Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia
E-mail: masl0vvalery@yandex.ru, litovchenko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the evolution of historiographical approaches to evaluating the narrative images of Rome and Constantinople in Latin written sources of the fourth and fifth centuries. The primary objective of the study is to identify key shifts in the academic perception of these cities within historical scholarship. The methodological framework of the research is based on a comparative historiographical analysis that makes it possible to contrast various research paradigms and trace the intellectual trajectory from the classical concept of decline and fall established by Edward Gibbon to contemporary models of the sociocultural transformation of Late Antiquity. Through a detailed review of the conceptual works by Arnold Hugh Martin Jones, Peter Brown, Peter Heather, Averil Cameron and others, the article demonstrates a consistent scholarly shift away from perceiving imperial centers as static backdrops of degradation. Instead, the study substantiates their understanding as dynamic narrative images. The paper summarizes the most significant research findings regarding the impact of Christianization on the transformation of the symbolic space of the cities, as well as the crucial role of the bureaucratic apparatus in maintaining their elevated status. A major outcome of the research is the validation of the imagological approach for deconstructing the complex mechanisms involved in the transfer of imperial majesty and ideological continuity.

Keywords: Rome, Constantinople, Late Antiquity, historiography, narrative images

Funding: E.V. Litovchenko's research was completed as part of the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University, "A Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages" (FEFM-2025-0002). The researcher contributed 40 %.

For citation: Maslov V.P., Litovchenko E.V. 2026. Narrative Images of Rome and Constantinople in Historiography: From Gibbon to the Late Antique Studies. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 294–302 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-294-302. EDN: XNXXHT

Введение

Проблема интерпретации переходных периодов истории, каким по праву мыслится Поздняя Античность, традиционно занимает центральное место в европейском историческом сознании, выступая в некотором смысле «зеркалом», которое последующие эпохи использовали для осмысления собственных кризисов и трансформаций. На протяжении последних столетий исследовательский интерес к периоду IV–V вв. претерпел фундаментальную эволюцию: от классического видения «разложения и падения», сформулированного в XVIII в. Э. Гиббоном, до современной концепции «Поздней Античности», акцентирующей внимание на процессах сложной социокультурной трансформации.

В рамках данного масштабного интеллектуального сдвига в гуманитарной науке особое значение приобретает анализ нарративных образов двух имперских центров – Рима и

Константинополя. Для авторов рассматриваемого периода города были не просто географическими точками, а сакральными центрами – символическими конструктами, через которые выражались идеи легитимности, божественного покровительства и исторической преемственности.

Объекты и методы исследования

Объектом данного исследования выступают исследования историков XX и XXI вв., посвященные вопросам оформления и развития концепции «Поздней Античности» в науке с акцентом на изучении вопросов конструирования позднеантичными авторами образов Рима и Константинополя. Работа проводилась с использованием метода сравнительного анализа и сопоставления современных историографических концепций с «классическим» портретом Римской империи IV–V вв., сформированным в XVIII в. и долгое время задававшим ориентиры в мировой исторической науке.

Научная новизна исследования заключается в попытке синтеза последних достижений отечественной и зарубежной историографии в демонстрации динамики подходов к рассмотрению нарративных образов Рима и Константинополя в IV–V вв., расценивающих эти образы не просто как один из необходимых элементов описания прошлого, а как сложную интеллектуальную модель, в которой города являются главными смысловыми полюсами.

Результаты и их обсуждение

«Классический» период историографии характеризовался восприятием эпохи Поздней Античности исключительно через призму «падения Рима». В нем доминировала концепция необратимого разложения и упадка, обоснованная Э. Гиббоном в XVIII в. Центральная идея заключалась в том, что Рим в IV–V вв. представал в качестве империи, утратившей свои основополагающие ценности [Gibbon, Vol. III, p. 47]. Город и империя в целом рассматривались как символ деградации, где былое величие сменялось упадком [Gibbon, Vol. III, p. 151].

Разрушение имперского центра в нарративах того времени описывалась через призму утраты традиционных ценностей и институтов [Gibbon, Vol. III, p. 275, 276]. Так, Рим представал как город, потерявший былое величие, однако эта утрата воспринималась не как абсолютная катастрофа, а как часть цикла [Gibbon, Vol. II, p. 15, 399]. Важно также указать на то обстоятельство, что символическое значение Рима в нарративах IV–V вв. проявлялось в сохранении его статуса сакрального центра, несмотря на явные признаки упадка [Gibbon, Vol. III, p. 133; Gibbon, Vol. IV, p. 8]. Город сохранял положение места сосредоточения имперской власти [Gibbon, Vol. II, p. 157; Gibbon, Vol. III, p. 399], центра христианской веры [Gibbon, Vol. III, p. 53, 340], символа исторической преемственности [Gibbon, Vol. III, p. 133].

Нарратив Гиббона строился на контрасте между идеализированным прошлым и деградирующим настоящим. Рим представал как пространство, где культурная инерция боролась с моральным разложением [Gibbon, Vol. III, p. 46]. Константинополь же транслировался как «рациональная утопия» и плод единовременной императорской воли. В отличие от органического роста Рима, образ нового города выстраивался вокруг его геометричности и стратегической безупречности [Gibbon, Vol. II, p. 67, 69]. Э. Гиббон акцентировал внимание на процессе переноса империи, показывая, как механическое копирование римских институтов – Сената, ипподрома, системы распределения хлеба – создавали образ «вторичности», который, однако, становится залогом выживания всего государства [Gibbon, Vol. III, p. 11, 570].

Исследователь С.Н. Камнев указывает, что концепция Э. Гиббона была органическим продолжением традиции Тацита, где рационалистический агностицизм служил инструментом для анализа «деградации добродетелей». По мнению Сергея Николаевича, Гиббон фиксировал момент, когда Рим переходил окончательно из политической категории в категорию эсхатологическую и символическую. Катастрофы V в. в синтезе Э. Гиббона завершили эту метаморфозу – Константинополь стал хранителем римского наследия, а Рим перешел в область религиозной метафизики [Камнев, 2010, с. 12]. В свою очередь, А.Л. Мамонтов в своей

статье, ссылаясь на Эйверил Кэмерон, указывал, что в определенных аспектах Эдуард Гиббон был зависим от трудов Прокопия Кесарийского, из-за чего не мог выстроить объективное исследование вокруг значимых событий [Мамонтов, 2024, с. 369, 370.].

Вплоть до второй половины XX в. в европейской исторической науке доминировал взгляд на падение Римской империи как на катастрофическое событие, сопровождавшееся резким разрывом с прошлым. Этот подход сохранял свою устойчивость не из-за отсутствия новых материальных данных, а из-за того, что история Поздней Античности и Раннего Средневековья использовалась исследователями как инструмент для решения актуальных политических, национальных и социальных задач своего времени [Вуд, 2019, с. 175, 178].

Возникновение нового историографического дискурса не было случайностью; оно стало результатом масштабного сдвига в гуманитарном познании, который окончательно разрушил старую парадигму «упадка и гибели» [Ушаков, 2018, с. 105].

Переход к концепции «Поздней Античности» стал возможен прежде всего потому, что к середине XX в. традиционные модели объяснения истории, опиравшиеся на национализм и жесткую классовую борьбу, зашли в тупик [Ващева, 2017, с. 6]. После двух мировых войн использование истории Рима как идеологического оружия в спорах между нациями потеряло свою моральную и научную легитимность [Вуд, 2019, с. 175, 199, 200], а идеи и достижения французской школы «Анналов», прежде всего, дали необходимый импульс в развитии новых методологических подходов в истории.

Важнейшей вехой на пути к преодолению догматичной парадигмы стал монументальный труд А.Х.М. Джонса [Матросов, 2018, с. 42]. Если Э. Гиббон рассматривал Рим и Константинополь IV–V вв. как декорации для моральной драмы упадка, то Джонс предложил радикально новый взгляд [Джонс, 1997, с. 526–528], который был укреплен и рельефно обозначен в работах П. Брауна [Головко, 2021, с. 20].

Джонс деконструировал нарративные образы обеих столиц, снимая с них слой риторических топосов и обнажая их административно-экономический скелет [Джонс, 1997, с. 149, 325]. В интерпретации Арнольда Хью Мартина Рим и Константинополь не были исключительно «сакральными центрами» или «символами легитимности». Они превращались в функциональные узлы колоссальной бюрократической машины, чьи нарративные репрезентации в светских историях, хрониках и эпистолографии IV–V вв. напрямую детерминированы их социально-правовым статусом [Джонс, 1997, с. 101, 325–327).

Рим в IV–V вв. представал не в виде угасающего античного полиса, а как специфический ареал концентрации сенаторской аристократии. На основе скрупулезного изучения письменных источников и данных эпиграфики, исследователь пришел к выводу, что нарративный образ «Вечного города» поддерживался колоссальным земельным ресурсом западной знати [Джонс, 1997, с. 101, 325, 397]. Для Джонса «праздное величие» сенаторов было не просто моральной деградацией, как полагал Гиббон, а сознательной социально-экономической стратегией сословия, сумевшего приватизировать значительную часть государственных прерогатив [Джонс, 1997, с. 400, 401].

Константинополь же трактовался Джонсом как триумф имперской логистики и фискального прагматизма [Джонс, 1997, с. 133, 232]. Исследуя структуру префектур и ведомств, автор демонстрировал, что образ «Нового Рима» конструировался вокруг принципиально иного социального типа – служилого чиновничества, чья лояльность и статус напрямую зависели от близости к императорскому дворцу [Джонс, 1997, с. 176, 177]. Таким образом, Джонс переводит проблему «переноса империи» из области идеологических спекуляций в плоскость административной географии.

Если А.Х.М. Джонс обнажил административный скелет империи, то П. Браун вдохнул в него жизнь [Браун, 2024, с. 14, 60]. В работе Питера Брауна нарративные образы Рима и Константинополя обретали новое измерение – они мыслились пространствами религиозного самовыражения и конкуренции. Христианизацию городского ландшафта IV–V вв. П. Браун показывал не просто как смену культов, а в качестве радикального изменения социального кода

[Ващева, 2009, с. 224]. Образ Рима трансформировался из сакрального центра языческой империи в «город апостолов», где на смену сенаторскому патронату пришел епископский надзор [Браун, 2024, с. 120, 128, 201]. Константинополь же становился городом, чья архитектура и церемониал были призваны репрезентировать теократический идеал земного царства [Браун, 2024, с. 142, 146].

Синтез институционального подхода Джонса и социокультурного анализа Брауна позволил современной историографии преодолеть упрощенную модель «упадка» [Соловьев, 2022, p. 88]. Сегодня нарративные образы двух столиц рассматриваются как сложные интеллектуальные модели, в которых административная реальность, зафиксированная А.Х.М. Джонсом, неразрывно связана с символическими смыслами, выявленными Питером Брауном. Именно на стыке этих подходов становится возможным увидеть Рим и Константинополь не как памятники былому величию, а как динамичные центры институциональной трансформации, в которых формировался фундамент средневековой цивилизации.

Если П. Браун обозначил общие контуры трансформации ментальности, то исследователи конца XX – начала XXI вв., такие как Дж. Карран, перешли к детальной деконструкции того, как именно городской ландшафт Рима и Константинополя в IV в. превращался в нарратив [Curran, 2000, p. 9, 175].

Джон Карран предложил оригинальную интерпретацию образа Рима, которую можно обозначить как «пространство компромисса». Анализируя письменные источники периода правления Константина I и его преемников, исследователь доказывал, что нарративный образ Рима в IV в. не был представлением о городе, находящемся в состоянии «религиозной войны» между язычеством и христианством. Напротив, Карран определял модель мирного сосуществования, где императорская власть сознательно избегала радикальной христианизации сакрального центра города, чтобы не нарушить символическую преемственность власти [Curran, 2000, p. 10, 281, 344].

Особое внимание Дж. Карран уделял образу сенаторской аристократии, дополняя институциональные выводы Джонса. Для него сенаторы – это не просто владельцы латифундий, а хранители «топографии престижа». Исследователь продемонстрировал, как в латинских надписях и панегириках IV в. конструировался образ Рима как города, где традиционные игры, празднества и восстановление общественных зданий служили способом легитимации новой христианской власти через старые языческие формы [Curran, 2000, p. 11, 12, 192].

Несмотря на развитие новых парадигм, в начале XXI в. в академической среде сохранялась определенная приверженность идеям Э. Гиббона. Если школа П. Брауна и его последователей акцентировала внимание на гибкости смыслов и плавности переходов, то новейшая историография в лице Б. Уорд-Перкинса вернула в научный дискурс категорию материальной катастрофы. Его фундаментальный труд «Падение Рима и конец цивилизации» стал своего рода «холодным душем» для сторонников теории бесконечной трансформации [Ward-Perkins, 2005, p. 130, 170].

Уорд-Перкинс предложил взглянуть на образы Рима и Константинополя не через призму интеллектуальных конструктов, а через жесткую реальность археологических данных. В его оптике образ Рима V в. – это не просто сакральный символ, переходящий из язычества в христианство, а город, переживающий реальный, физический коллапс сложной экономической и социальной системы [Ward-Perkins, 2005, p. 100, 117, 179]. Уорд-Перкинс доказывал, что за утонченными текстами позднеантичных авторов, пытавшихся осмыслить перемены, скрывалось катастрофическое упрощение жизни. Исчезновение качественной керамики, сокращение объемов строительства и деградация денежного обращения в Риме V в. превращают нарратив о «вечности» города в горькую иронию. Для Уорд-Перкинса падение Рима – это не «смена декораций», а исчезновение целого уровня человеческого бытия, который не восстанавливался столетиями [Ward-Perkins, 2005, p. 106, 179, 183].

Если Карран видел в текстах «компромисс», то Уорд-Перкинс предлагал видеть в них фиксацию шока. Он обращался к свидетельствам современников, например, Иеронима, подчеркивая, что для людей V в. события не были «этапом трансформации». Это было осознание

конца привычного мира. Археологические свидетельства пожаров и запустения центральных кварталов Рима подтверждают, что нарративный образ «города-символа» в этот период входил в глубочайшее противоречие с его физическим состоянием [Ward-Perkins, 2005, p. 16, 41].

Дальнейшее развитие дискуссии о соотношении «трансформации» и «коллапса» нашло отражение в работах британского историка П. Хизера, чья монография «Падение Римской империи» является своего рода синтетической моделью, примиряющей материализм Уорд-Перкинса с вниманием к политическим процессам. Питер Хизер вносит в исследование нарративных образов двух столиц элемент геополитического реализма, рассматривая города не просто как культурные символы, а как центры управления ресурсами в условиях беспрецедентного внешнего давления [Хизер, 2019, с. 5, 21, 22]. Исследователь подчеркивал, что для авторов этого времени Рим перестал быть «Вечным» не из-за внутреннего морального разложения, как считал Гиббон, а вследствие утраты контроля над ключевыми провинциями [Хизер, 2019, с. 200, 299].

Константинополь же в трудах Хизера представал как «уцелевший полис», чья реальная и нарративная стабильность была обеспечена не только императорской волей, но и уникальным географическим положением. Исследователь акцентировал внимание на том, что «Новый Рим» сумел пережить гуннское нашествие и сохранить контроль над богатейшими восточными провинциями. Это позволило Константинополю окончательно закрепить за собой статус единственного легитимного хранителя римской идеи. Если Рим в позднеантичной литературе этого времени все чаще уходил в область эсхатологии и церковного патроната, то Константинополь представлялся как динамичное, функционирующее государство, способное к политическому маневру и военной экспансии [Хизер, 2019, с. 21].

Важным вкладом Хизера в изучение нарративов является его тезис о том, что падение Рима не было «самоубийством» или «естественной смертью». Это было «убийство по неосторожности», где внешние факторы пересеклись с внутренней хрупкостью системы. Соответственно, нарративные образы двух столиц в V в. отражают этот геополитический разлом [Хизер, 2019, с. 303].

Закономерным этапом в развитии историографической дискуссии о судьбах двух столиц и преодолении жесткой дихотомии между «катастрофой» и «трансформацией» выступает позиция Эйверил Кэмерон, обозначенная в одной из монументальных работ XXI в. Встраивая нарративные образы Рима и Константинополя в широкий панорамный контекст всего Средиземноморья, Кэмерон предлагает отказаться от однолинейных концепций «упадка» или всепоглощающей «непрерывности» в пользу детального анализа локальных трансформаций, в том числе – деконструкции понятия «центр» [Cameron, 2012, p. 1, 4, 207].

В современной деконструкции дихотомии двух столиц большое значение имеет коллективный труд Л. Григ и Г. Келли. Эта работа знаменует собой переход от поиска различий и причин упадка к анализу единого коммуникативного и символического пространства, в котором функционировали обе столицы. Авторы предлагают отказаться от взгляда на Рим и Константинополь как на изолированные или конкурирующие сущности. Здесь нарративные образы городов IV–V вв. анализируются не через призму противопоставления, а как элементы сложной системы взаимных отражений [Grig, Kelly, 2015, p. 6, 21].

Григ и Келли подчеркивают, что авторы того времени активно работали над тем, чтобы сделать Константинополь «сопоставимым» с Римом. Этот процесс включал не просто копирование институтов, но и перенос нарративных стратегий. Использование классических панегириков, например, Латиния Паката Дрепания, для прославления «Нового Рима» создавало ситуацию, когда образы городов начинали сливаться в единый идеал имперского центра [Grig, Kelly, 2015, p. 211]. Исследователи также обращают внимание на то, как присутствие императора в городе меняло его нарративный облик. Рим, в котором императоры появлялись все реже, начинает идеализироваться как «вечный источник легитимности», в то время как Константинополь репрезентируется как «действующий штаб». Это не упадок одного и возвышение другого, а функциональное разделение единого имперского образа на две составляющие: сакрально-историческую и административно-военную [Grig, Kelly, 2015, p. 16].

В современной отечественной историографии присутствует тезис о том, что идеологическая концепция Константинополя как «Нового Рима» изначально не предполагалась. Так, М.М. Казаков доказывал, что в 330 г. город воспринимался скорее как стратегический пункт и персональный символ триумфа императора, нежели в качестве альтернативы Риму. Статус «столицы» и концептуальное равенство со «Старым Римом» стали результатом не единовременного указа, а длительной эволюции статуса Константинополя в течение IV в., что корректирует классическое представление о нем как о заранее спланированной административной утопии [Казаков, 2025, с. 209].

В этом смысле позиция российского ученого совпадает с умозаключениями немецкого византиниста, профессора Кельнского университета, Петера Шрайнера, который в своем фундаментальном труде «Константинополь: история и археология древнего города», развенчивает роль раннего Константинополя как центра образования и учености. Автор пишет о том, что город заслужил роль интеллектуального центра «в ходе долгого процесса», аргументируя тем, что «столица была основана на месте провинциального города Восточной Римской империи, незначительного в культурном отношении. Однако придворная риторика [3] IV века больше не хотела соглашаться с этим фактом и в пышных выражениях присваивала даже самому раннему Константинополю ранг культурной столицы, которой он стал только в более поздние века, чему до сих пор верят многие современные авторы» [Шрайнер, 2024, с. 202].

Заключение

Проведенное исследование трансформации историографических подходов к анализу нарративных образов Рима и Константинополя позволяет определить сдвиг в понимании обозначенной проблемы. Эволюция научной мысли – от классической телеологической модели «заката и падения» Э. Гиббона к современной концепции сложной социокультурной трансформации – значительно изменила интерпретацию роли двух имперских центров в позднеантичной традиции. Обе столицы рассматриваются в динамике их сложного сосуществования и взаимовлияния на протяжении IV–V веков. При этом акцент смещается с анализа качества самих городов (по принципу «лучше – хуже») на их различные траектории развития: Рим долго сохранял ауру сакральной вечности и был центром аристократической культуры, в то время как Константинополь быстро становился центром императорской бюрократии и христианского богословия.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на значительный массив накопленных данных, в современной науке не представлены комплексные исследования, объединяющие административные, сакральные и социально-бытовые аспекты нарративных образов двух столиц в единую систему. В связи с этим перспективным направлением представляется реализация исследования с применением имагологического подхода, который позволит деконструировать механизмы формирования, трансляции и воздействия на общество образов Рима и Константинополя не как статичных географических объектов, а как динамических ментальных конструктов.

Это поможет, в свою очередь, выявить динамику восприятия интеллектуальной элитой IV–V вв. новой геополитической реальности и проследить процесс символического и политического «переноса» имперского величия, в ходе которого административные и сакральные функции новой столицы получили легитимность через традиционные римские нарративы.

Список литературы

Браун П. 2024. Мир поздней Античности: 150–750 гг. н. э. Пер. с англ. С.А. Воронцова, Е.Ю. Рещиковой, М.Ю. Биркина; науч. ред. О.В. Ауров. Москва, Новое литературное обозрение, 432 с.

Ващева И.Ю. 2009. Концепция Поздней античности в современной исторической науке. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6(1): 220–231.

Ващева И.Ю. 2017. Поздняя античность и проблемы современного европейского общества. *The scientific heritage*, 18: 6–8.

[3] Говоря о придворной риторике, Шрайнер ссылается, прежде всего, на Фемистия и Гимерия.

Вуд И. 2019. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «Поздней Античности». Пер. с англ. О.А. Кабитовой, ред. Д.В. Сухино-Хоменко. *Vox medii aevi*, 1(4): 175–202.

Головко Д.Ю. 2021. Концепция Поздней Античности в западной историографии. В кн.: *Потемкинские чтения. Материалы международной научной конференции* (Севастополь, 24–26 марта 2021 г.). Севастополь, Изд-во СевГУ: 20–21.

Джонс А.Х.М. 1997. Гибель античного мира. Пер. с англ. Т.В. Горяйновой, науч. ред. С.Г. Горяйнов. Ростов н/Д, Феникс, 576 с.

Камнев С.Н. 2010. Историческая концепция Эдуарда Гиббона. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 25.

Казаков М.М. 2025. Новый Рим: у истоков идеи. *Известия Смоленского государственного университета*, 2(70): 205–220.

Мамонтов А.Л. 2024. Долгий путь поздней Античности. *Диалог со временем*, 86: 369–375.

Матросов М.А. 2018. Формирование в советской историографии 30-х – начала 90-х годов XX века представлений о поздней Античности как особом историческом периоде. *Причерноморье. История, политика, культура*, 26: 41–50.

Соловьев Р.С. 2022. Подходы к литературе поздней античности: в поисках золотой середины. *Филологос*, 3(54): 87–93.

Ушаков С.В. 2018. Проблема гибели Римской империи и концепция поздней Античности. *Причерноморье. История, политика, культура*, 26: 103–109.

Хизер П. 2019. Падение Римской империи. Пер. с англ. А. Короленкова. Москва, АСТ, 408 с.

Шрайнер П. 2024. Константинополь: история и археология древнего города. Пер. А. Виноградова. Москва, АСТ, 224.

Cameron A. 2012. The Mediterranean World in Late Antiquity 395–700 AD. Second Edition. London, Routledge, 300.

Curran J.R. 2000. Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century. Oxford, Clarendon Press, 389.

Grig L., Kelly G. 2015. Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. New York, Oxford University Press, 496.

Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. II. Albany, AGES Software, 753.

Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. III. Albany, AGES Software, 634.

Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. IV. Albany, AGES Software, 695.

Ward-Perkins B. 2005. The Fall of Rome and the End of Civilization. New York, Oxford University Press, 239.

References

Brown P. 2024. Mir pozdney Antichnosti: 150–750 gg. n. e. [The World of Late Antiquity: AD 150–750]. Translated from English by S.A. Vorontsova, E. Yu. Reshchikova, M. Yu. Birkin; Scientific Editor O.V. Auroy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 432 p.

Vashcheva I.Yu. 2009. The Concept of Late Antiquity in Modern Historical Science. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 6(1): 220–231.

Vashheva I.Ju. 2017. Pozdnjaja antichnost' i problemy sovremennogo evropejskogo obshhestva [Late Antiquity and the Problems of Modern European Society]. In: *The scientific heritage*, 18: 6–8.

Wood I. 2019. Debates on the Fall of Rome: From the «Old Order» to the Creation of «Late Antiquity». Translated from English by O.A. Kabitova, edited by D.V. Sukhino-Khomenko. In: *Vox medii aevi*, 1(4): 175–202 (in Russian).

Golovko D.Yu. 2021. The Concept of Late Antiquity in Western historiography. In: *Potemkinskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Potemkin Readings. Materials of International Scientific Conference] (Sevastopol, 24–26 March, 2021). Sevastopol, Sevastopol State University Publishing House: 20–21 (in Russian).

Jones A.H.M. 1997. Gibel' antichnogo mira [The Decline of the Ancient World]. Transl. from Engl. T.V. Goryaynova, ed. S.G. Goryaynov. Rostov-on-Don, Phoenix, 576 p. (Jones A.H.M. 1966. The Decline of the Ancient World. London, Longman, 414).

Kamnev S.N. 2010. Istoricheskaya kontseptsiya Eduarda Gibbona [The Historical Concept of Edward Gibbon]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Omsk, 25 p.

Kazakov M.M. 2025. Novyy Rim: u istokov idei [New Rome: At the Origins of the Idea]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2(70): 205–220.

Mamontov A.L. 2024. Dolgiy put' pozdney Antichnosti [The Long Journey of Late Antiquity]. In: *Dialog so vremenem*, 86: 369–375.

Matrosova M.A. 2018. Formirovanie v sovetskoy istoriografii 30-kh – nachala 90-kh godov XX veka predstavleniy o pozdney Antichnosti kak osobom istoricheskom periode [The Formation in Soviet

Historiography of the 30s – Early 90s of the XX Century of Ideas about Late Antiquity as a Special Historical Period]. In: *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, 26: 41–50.
Solovyev R.S. 2022. Podkhody k literature pozdney antichnosti: v poiskakh zolotoy serediny [Approaches to the Literature of Late Antiquity: In Search of the Middle Ground]. In: *Philologos*, 3(54): 87–93.
Ushakov S.V. 2018. Problema gibeli Rimskoy imperii i kontseptsiya pozdney Antichnosti [The Problem of the Fall of the Roman Empire and the Concept of Late Antiquity]. In: *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, 26: 103–109.
Heather P. 2019. Padenie Rimskoj imperii [The Fall of the Roman Empire]. Transl. from Engl. A. Korolenkov. Moscow, AST, 408 p.
Shrajner P. 2024. Konstantinopol': istoriya i arheologiya drevnego goroda [Constantinople: History and Archaeology of the Ancient City]. Per. A. Vinogradova. Moscow, AST, 224 p.
Cameron A. 2012. The Mediterranean World in Late Antiquity 395–700 AD. Second Edition. London, Routledge, 300.
Curran J.R. 2000. Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century. Oxford, Clarendon Press, 389.
Grig L., Kelly G. 2015. Two Romes: Rome and Constantinople in Late Antiquity. New York, Oxford University Press, 496.
Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. II. Albany, AGES Software, 753.
Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. III. Albany, AGES Software, 634.
Gibbon E. 1997. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. IV. Albany, AGES Software, 695.
Ward-Perkins B. 2005. The Fall of Rome and the End of Civilization. New York, Oxford University Press, 239 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.01.2026
Поступила после рецензирования 11.03.2026
Принята к публикации 20.03.2026

Received January 15, 2026
Revised March 11, 2026
Accepted March 20, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маслов Валерий Петрович, ассистент кафедры «Гуманитарные науки и психология», Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия; научный сотрудник, отдел учета, сектор документоведения, Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань, Россия; начальник отдела информационно-аналитического обеспечения деятельности Губернатора Астраханской области, Центр стратегического анализа и управления проектами, г. Астрахань, Россия; аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0009-0004-6310-2861

Литовченко Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия; главный научный сотрудник, НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья», г. Севастополь, Россия
ORCID: 0000-0002-1203-6049

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery P. Maslov, Teaching Assistant at the Department of Humanities and Psychology, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia; Researcher, Department of Records, Sector of Documentation, Astrakhan Museum of History Lore, Astrakhan, Russia; Head of the Department of Information and Analytical Support of the Activities of the Governor of the Astrakhan Region, Center for Strategic Analysis and Project Management, Astrakhan, Russia; Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Elena V. Litovchenko, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Chief Researcher, Research Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol, Russia

УДК 94 (450)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-303-314
EDN ZXWPWJ
Оригинальное исследование

Структура дипломатии Флоренции в XV веке: персональный и институциональный аспекты

Павлов К.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
Email: st055536@student.spbu.ru

Аннотация. Рассмотрение структуры дипломатии Флоренции XV столетия актуально в связи с интересом современной исторической науки к анализу институтов, определявших функционирование европейской системы международных отношений позднего Средневековья – раннего Нового времени. Новизна данного исследования будет заключаться в попытке изучить развитие институциональной составляющей истории дипломатии Флоренции Кватроченто. В качестве вывода к исследованию будет предложен тезис об определенной степени нежизнеспособности созданной во Флоренции Кватроченто системы дипломатических институтов перед фактом двух обстоятельств: кризисной ситуации Итальянских войн в конце XV столетия и извечного стремления персоналий к контролю этих институтов.

Ключевые слова: Флоренция, дипломатия, политические институты, Кватроченто, Альбицци, Медичи, посол, посольство

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Павлов К.В. 2026. Структура дипломатии Флоренции в XV веке: персональный и институциональный аспекты. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 303–314. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-303-314. EDN: ZXWPWJ

The Structure of the Florentine Diplomacy in the 15th Century: Personal and Institutional Aspects

Kirill V. Pavlov
St. Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya line, Saint-Petersburg 199034, Russia
Email: st055536@student.spbu.ru

Abstract. The article explores the development of the 15th-century Florentine practices in organizing international dialogue through the concept of the transition from the individuals' responsibility to practical involvement of diplomatic institutions. The sources used by the author include works by famous Florentine diplomats (Niccolo Machiavelli, Francesco Guicciardini, Francesco Vettori), as well as some Tuscan diplomatic documents of the Quattrocento era (missions of the House of Albizzi, correspondence of the House of Medici), and the writings of Florentine humanists (Filippo di Cino Rinuccini, Poggio Bracciolini). The novelty of the research lies in attempting to study institutions of diplomacy in Quattrocento Florence in comparison with the mechanisms for organizing and implementing international communication in other city-states of Renaissance Italy, which allows establishing their uniqueness inside Florentine political system itself or compliance with the usual political structures of the Apennines' states during the period under consideration. The research findings make it possible to determine the degree of interrelationship between individuals and institutions in the development of the 15th-century Florentine diplomacy.

Keywords: Florence, diplomacy, political institutions, Quattrocento, Albizzi, Medici, ambassador, embassy

© Павлов К.В., 2026

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Pavlov K.V. 2026. The Structure of the Florentine Diplomacy in the 15th Century: Personal and Institutional Aspects. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 303–314 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-303-314. EDN: ZXWPWJ

Введение

Рассуждая о дипломатических аспектах итальянской истории XV века, или Кватроченто, следует иметь в виду, что специфика исторического развития территории современной Италии долгие века обуславливалась внутренней раздробленностью: земли Апеннин были разбиты на множество городов-государств, формально даже не в полной мере представлявших собой суверенные государства в современном осмыслении этого понятия [Катушкина, с. 427–428]. Вместе с тем в контексте итальянской истории Кватроченто обращает на себя внимание очевидный рост влияния отдельных городов как внутри Италии, так и в европейской структуре международных отношений. Флоренция, Венеция, Милан, Неаполь практически весь XV в. находились в эпицентре политической, экономической и культурной жизни Европы, что знаменитый итальянский историк П. Пьери иронично назвал «достаточно ограниченным периодом презентации наиболее значительных возможностей» [Pieri, p. 65]. Весьма ярко этот парадокс характеризует дипломатический диалог, состоявшийся весной 1494 г. накануне грандиозной политической катастрофы Апеннин – начала Итальянских войн – между герцогом Милана Лодовико Моро и послом Флоренции. Так, советская исследовательница политической истории Италии XV–XVI вв. Л.Г. Катушкина приводит цитату из речи миланского герцога от 3 марта 1494 г., обращенной к флорентийскому послу: «Вы постоянно толкуете мне об Италии, а между тем я ее никогда не видел» [Катушкина, с. 426]. В этой связи, с точки зрения Катушкиной, нет оснований полагать, что подъем отдельных крупных городов полуострова – Флоренции, Венеции, Милана – можно интерпретировать как «этап на пути преодоления территориальной раздробленности Италии» [Катушкина, с. 428]. Итальянский ученый Дж. Галассо предлагает понимать XV столетие в истории Италии как условный «…плюрализм, охватывающий единство исторического времени в диалектике сложности и конвергенции, многообразия и расхождений, из каковых человеческий опыт (индивидуальный и социальный) отмечается в свете проблем или проблемы, которые ставит историк» [Galasso, p. 404]. Общности же политической, культурной и (или) экономической в понятии «Кватроченто» в концепции Галассо в конкретных условиях итальянской истории проследить не представляется возможным [Galasso, p. 403–406]. Предметное объяснение «парадокса Кватроченто» для политической истории Италии дает историография XXI столетия.

В представлении ряда современных итальянских историков (М. Беллок, Ф. Драго, Р. Гальбиати, [Belloc, Drago, Galbiati, p. 202–203], А. Гамберини [Gamberini, p. 406–424], И. Лаццарини [Lazzarini, 2012, p. 425–443]) в системе политических отношений городов-государств на территории Апеннин возобладала ситуация неустойчивости границ и бесчисленных рубежных споров переменной вариации и интенсивности. Характерной особенностью этих споров, как отмечает итальянский исследователь А. Гамберини, являлось разительное различие форм политического устройства итальянских государств, со времен Высокого Средневековья делившихся на республиканские, монархические и (или) «смешанные» режимы [Gamberini, p. 407–409]. Однако если сами итальянские города-государства спорили о границах, исходя из истории своего развития как свободных коммун [Belloc, Drago, Galbiati, p. 202–203], то полноту легитимности их споров, а вместе с тем и оснований этих городов-государств, оценивали политические силы, под верховенством которых они находились [Lazzarini, 2016, p. 17]. Это верховенство, в свою очередь, могло осуществляться как в форме управления крупным итальянским городом-государством более мелкими соседними землями, так и практикой внешнего управления, когда те или иные

итальянские государства (в том числе и крупные) переходили под покровительство инвеституры мощнейших европейских держав [Lazzarini, 2016, p. 17]. В этом контексте любопытны концепции некоторых современных зарубежных исследователей – Дж. Брунелли [Brunelli, p. 152–153], Х. Лейра и Б. де Карвальо [Leira, de Carvalho, p. 147–148]. Согласно их справедливым замечаниям, во внутриитальянском дипломатическом балансе сложились практики «власти на территориях» (в случае с папством) [Brunelli, p. 152–153] или «центрированных городов» (для светских форм правления) [Leira, de Carvalho, p. 147–148]. Так, государственность крупнейших итальянских городов вышла за пределы их исторического ядра и сформировались внутренние области военно-дипломатического протектората государств Италии, одновременно зависимые от внешних сил.

Объект и методы исследования

В многообразии выше перечисленных условий эпохи Кватроченто и формировалась структура дипломатии различных городов-государств Италии, в том числе крупнейшего города-государства Тосканы – Флорентийской республики. Вместе с тем предметных исследований по структуре флорентийской дипломатии XV в. не производилось. В этой связи объектом данного исследования выступит именно структура дипломатии Флоренции Кватроченто. Соответственно, целью данного исследования будет анализ становления и развития институциональной структуры дипломатии Флоренции XV столетия с предметным вниманием к переходу от практики исключительной персональной ответственности отдельных лиц за те или иные дипломатические шаги тосканской республики к опыту по построению в ней механизма функционирования ответственных за международную политику политических институтов. В свою очередь, задачи данного исследования – это рассмотрение ключевых проблем дипломатии Флоренции XV в. и краткое сопоставление дипломатических практик тосканской республики эпохи Кватроченто с практиками других городов-государств Италии.

В основу методологии данного исследования положены принципы историзма и системности, критерий корреляции исторических источников, а также идеи исторической антропологии, способствующие более эффективному выяснению изменений, происходивших в представлениях людей.

Результаты и их обсуждение

Становление структуры дипломатии Флорентийской республики в первой трети XV в. совпало по времени с выстраиванием практики межгосударственных коммуникаций на Апеннинах. Как отмечает итальянская исследовательница И. Лаццарини, эта практика изначально сложилась как специфическая двухслойная система, нижним слоем которой являлось внутриитальянское взаимодействие городов-государств полуострова, а верхним – дипломатическое представительство в европейских державах, осуществлявших, в том числе, и внешний контроль над некоторыми процессами итальянской политики [Lazzarini, 2016, p. 18–19]. Основой нижнего слоя явилось постоянное оспаривание крупнейшими итальянскими городами-государствами границ друг друга, тогда как основой верхнего слоя – динамика вовлеченности в эти споры внешних политических сил [Lazzarini, 2016, p. 18].

В то же время постоянной перестройке в ходе XV в. подвергались внутриполитические процессы в самих итальянских городах-государствах; смена форм и институций как отдельных составляющих таковых приводила и к изменению дипломатического вектора развития крупнейших городов-государств Апеннин. Так, Милан периода перехода от власти дома Висконти к власти дома Сфорца менял дипломатическую ориентацию с pro-французской (с опорой на Орлеанскую ветвь дома Валуа) [Gagne, p. 35–38] на pro-имперскую (с расчетом на старинную практику получения инвеституры от германского императорского дома) [Lazzarini, 2015, p. 306]. Венецианская республика, в свою очередь, отличавшаяся постоянством смены управленческих элит посредством «ротации» их выбора из числа

граждан аристократического происхождения, оспаривала с Империей Габсбургов полноту своего влияния над территориями Северной Италии и, следовательно, границы своего режима [Mattingly, p. 66–67]. Неаполь же, по справедливому замечанию историка международных отношений Г. Мэттингли, бывший в первой половине XV в. «…королевством столь же анархическим, как, к примеру, Шотландия или Венгрия» [Mattingly, p. 67], переживал череду смен «внешних» приходов к правлению династий. Соответственно, структурные дипломатические изменения в этих крупных итальянских городах-государствах во многом обосновывались взаимовлиянием внешних и внутренних факторов. Неслучайно в Милане эпохи ранних Сфорца сложилась практика дипломатического представительства лиц из числа «людей с полным доверием» (*'uomini di piena fiducia'*) – ближайших родственников и сподвижников Сфорца, выражавших в своих заграничных миссиях личные интересы правящего дома [Lazzarini, 2015, p. 126]. Аналогично в Неаполе Кватроченто, к примеру, ввиду внутренней специфики этого королевства, дипломатические назначения могли получать лица, приближенные к монархам, но даже не происходившие из Италии: такой фигурой неаполитанской дипломатии был, например, каталонец Симонетто Бельпрат, при Ферранте Арагонском десятилетие служивший послом Неаполя в Милане (1482–1492) [Lazzarini, 2015, p. 131]. В свою очередь, в Венеции практика дипломатических назначений зависела от характера и уровня миссии: как правило, непосредственные посольские функции получали аристократы-сенаторы, а коренные венецианцы незнатного происхождения назначались секретарями и (или) служащими дипломатических канцелярий республики [Lazzarini, 2015, p. 127–128]. Как указывает И. Лаццарини, в 1456 г. данная практика регулирования дипломатического представительства в Венеции была закреплена законодательно [Lazzarini, 2015, p. 127–128].

Несколько специфической в этом отношении была практика дипломатического представительства папства, и в значительной степени ввиду положения римского понтифика как стороннего «высшего арбитра» над итальянскими конфликтами. Удобство выступления во внутриитальянской политической системе координат с подобной позиции для папства заключалось в том, что собственная сфера влияния как будто бы предлагалась понтификами другим сторонам юридической категорией *sine qua non*. Как показало доскональное исследование австралийского историка Й. Робертсона, пример подобного отношения папства – формулируемого де-юре и поддерживаемого де-факто – явила собой позиция Рима в отношении прав контроля над Болоньей [Robertson, p. 5–22]. Хотя основное внимание Робертсона сосредоточено на периоде понтификата Павла II (1464–1471), его тезис о том, что папство XV в. стремилось «…разрешить задачу о том, как с гениальной эффективностью превратить управление собственного государства в понтификат новой и жизненной значимости – дипломатически, военно и финансово» [Robertson, p. 5–6], справедлив и для более ранних примеров. Так, флорентийский гуманист Филиппо ди Чино Ринуччини упоминает в своем сочинении «Исторические заметки» эпизод с приездом в 1418 г. папы Мартина V (1417–1431) во Флоренцию [Rinuccini. Ricordi, p. 417–418]. Согласно Ринуччини, перед понтификом со стороны Флоренции была представлена пышная процессия, в которой «…те, что были потомками капитанов гвельфов, устлались перед папой в надежде получить знак внимания» [Rinuccini. Ricordi, p. 417]. Гуманист отмечает, что подобное отношение представителей флорентийских гвельфских семей – сторонников папы – было обусловлено не только их родовой ориентацией, но и стремлением быть назначенными резидентами папы от имени Флоренции. Понтифик мог практиковать подобные назначения в рамках визитов в города-государства Италии «передачей розы», что и сделал в данном случае, «…передав розу Флорентийской общине, то есть господам-флорентийским приорам» [Rinuccini. Ricordi, p. 417]. Вместе с тем с Флоренцией была связана и более ранняя традиция политической культуры гибеллинизма, опиравшаяся на авторитет Данте и провозглашавшая идею о доблестном и рациональном имперском правлении как «панацее» для Италии [Najemy, 2006, p. 21–27]. В то же время Флорентийская республика де-юре и де-факто была в XV в. одним из немногих полноценно самоуправляемых городов-государств Италии, в связи с чем структура флорентийской дипломатии имела самостоятельную специфику, а порядок

назначения на дипломатические должности определялся внутриполитическим балансом республиканских государственных институтов.

Дипломатический курс и практику Флорентийской республики первой половины XV в. определяли фактические правители, контролировавшие гонфалоньера справедливости, обеспечивавшего «республиканизм» институционализации решений правителей [Najemy, 2006, p. 185, 208–209]. В этом отношении управлять дипломатией Флоренции лично, подобно тому, как это делали Сфорца в Милане или короли Неаполя Анжуйского и Арагонского домов, предпочитали как представители олигархии Альбицци, так и ранние правители династии Медичи [Rubinstein, p. 454–456]. И Альбицци, и ранние Медичи самостоятельно назначали дипломатических представителей для зарубежных поездок и выписывали им так называемые «commissione data» – «выданные распоряжения» – как инструкции для исполнения тех или иных поручений в осуществляемых миссиях [Albizzi. Commissioni, p. 12–88]; [Ross, 1910, p. 35–40, 42–45, 65–69, 86–93]. Такая практика была на порядок эффективнее предшествовавшей ей традиции коммунальных миссий XIV в. от имени флорентийских общин, время от времени рождавшей анекдотические ситуации. Так, в знаменитом сатирическом произведении «Фацеции» флорентийский гуманист Поджо Браччолини приводит известный современникам анекдот про делегатов флорентийской общины к герцогу Милана Бернабо Висконти (1354–1385), начавших беседу с герцогом фразой: «Мы граждане и послы Флоренции, если Вам угодно» [Bracciolini. Facezie, p. 86]. Однако на следующий день смущенные флорентинцы, как будто бы сами до конца не осознававшие принадлежность своей миссии, решили «уточнить статус» и вызвали еще одной речью неожиданный казус: «…"Мы упомянули в своей речи к Вам, что мы граждане и послы Флоренции, "если Вам так угодно", но мы поступили так, говоря, как глупцы и невежды, потому что, с Вашего позволения или без него, мы флорентинцы, граждане и послы". Герцог, который был очень суровым человеком, посмеялся над их глупой точностью и сказал, что он доволен, потому что они оказались именно такими, какими он себе их представлял» [Bracciolini. Facezie, p. 87]. Обращение Поджо к теме визита флорентийских посланников ко двору единоличного правителя (пусть и аллегорически-ироничное) неслучайно, если иметь в виду собственный опыт службы гуманиста в организации диалога между Флорентийской республикой и османским султаном Мехмедом II [Wodzicki, p. 144]. Примечательно, что Браччолини дополнительно обыграл эту неопределенность дипломатического статуса представителей флорентийской коммуны, дважды применив к ним определение «inviati» – «посланники» или даже «посланцы» – вместо устойчивого определения «imbasciatori» или «ambasciatori» («послы»), которое при обращении к герцогу употребили они сами [Bracciolini. Facezie, p. 86–87]. При личном отправлении делегатов на миссии от имени Альбицци (несмотря на номинально сохранявшуюся коммунальную «титулярную» принадлежность) и (или) Медичи (уже с республиканским «титулом») впоследствии подобных казусов возникать не могло по определению.

Более того, в ряде случаев представители обоих домов сами исполняли роль послов своей республики, что рождало достаточно щекотливые ситуации непотизма в дипломатической документации. Так, Ринальдо дельи Альбицци, руководивший дипломатией своего отца, олигархического правителя Флоренции начала XV в. Мазо дельи Альбицци, был делегирован послом в Римини в июне-июле 1402 г., и отец де-факто выписывал ему служебную инструкцию де-юре от его же имени, специфически обозначаемую «…информацией, созданной комиссией» [Albizzi. Commissioni, p. 12–13]. В свою очередь, Козимо Медичи, уже будучи фактическим правителем Флоренции (1434–1464), выполнял посольство в Ферраре в январе 1438 г. и получил письмо с инструкцией от брата Лоренцо от имени Десятки бальи (*Dieci di Balia*) Флоренции, исполнительного органа республиканского правительства, де-юре отвечавшего за дипломатию (и впоследствии реорганизованного в Совет Десяти), а де-факто в период правления Козимо, лично ему подконтрольного [Ross, p. 35–36]. Как отмечал американский исследователь истории Флорентийской республики Н. Рубинштейн, подобная «опора» для личного доминирования правителей тех или иных флорентийских «партий» («олигархической» во главе с Альбицци

(Мазо, 1382–1417; Ринальдо, 1417–1434) или «народной» во главе с Медичи) проистекала из отсутствия в законодательном механизме тосканского государства четкого конституирования понятий о дипломатии вообще [Rubinstein, p. 455–456]. Рубинштейн рассуждал о феномене «флорентийского конституционализма» первой половины XV в. как о следствии противостояния «олигархической» и «народной» партий в структуре внутриполитических отношений в тосканском обществе, традиционно славившемся наследственно-фамильным характером политических связей [Rubinstein, p. 454–455]. Дипломатия Флоренции первой половины XV в. была связана в значительной степени не с институтами, а с персоналиями, пытавшимися искать баланс во внутреннем устройстве республики и соизмерять этот баланс с практиками международного представительства.

В этой связи неслучайно и показательно, что такой вопрос флорентийской дипломатии, как пизанский, связанный со стремлением республики завладеть территорией своего соседа Пизы и получить выход к морю, возник и был первоначально разрешен при Альбицци, но остался важен и во время правления Медичи. Из одного режима в другой «перекочевала» и общая дипломатическая тактика Флоренции, обоснованная «пизанским вопросом». Так, одно из наиболее ранних упоминаний проблемы Пизы во флорентийской дипломатии, связанное со стратегией приобретения пизанского владения, относится к документации Ринальдо дельи Альбицци как главы дипломатии Флоренции при своем отце Мазо. В инструкции Ринальдо к комиссарам Флоренции «по вопросу удачного взятия Пизы» от апреля 1404 г. упоминается факт принятия миланским администратором Пизы Габриеле Мария Висконти верховного вассалитета Франции над городом [Albizzi. Commissioni, p. 35]. Примечательно, что комиссарами в инструкции значатся мессер Филиппо Магалотти, мессер Ринальдо Джанфильяцци и вновь – отец Ринальдо, мессер Мазо дельи Альбицци [Albizzi. Commissioni, p. 35]. Реакцией Флорентийской республики, заинтересованной в приобретении Пизы, последовало заявление «…о немедленном прибытии посла, сообщающего новость и требующего прекращения правонарушений с заверением, что купцы смогут пользоваться и торговать в Пизе так же уверенно, как в Генуе и в любой земле Христианнейшего короля» [Albizzi. Commissioni, p. 35]. По упоминанию Альбицци, урегулировать эту проблему Флоренции удалось в одной из следующих дипломатических миссий, инструкции по исполнению которой он выдал 14 января 1406 г. двум комиссарам по пизанскому вопросу – Бартоломео Пополески и, что характерно, отцу будущего правителя медичейской Флоренции Козимо Джованни ди Биччи Медичи [Albizzi. Commissioni, p. 87]. В них указывалось предложение французскому королю о поддержке приобретения Флоренцией Пизы на началах заключения совместной лиги Франции и Флоренции против Владислава Неаполитанского, мятежного короля Неаполя, противостоявшего в борьбе за власть Людовику II Анжуйскому и папству, у которого Владислав даже сумел отвоевать Рим [Albizzi. Commissioni, p. 87–88]. Как известно, Флоренция осуществила взятие Пизы именно в тот год, что свидетельствует о выборе Францией флорентийской стороны в данном вопросе, а не миланской.

Вскоре в этом городе состоялся церковный собор, на котором, как упоминает в своей «Истории Флоренции» дипломат и историк тосканского государства Никколо Макиавелли, был заключен союз между Францией и рядом итальянских сил [Макиавелли. История Флоренции, с. 45]. В этот судьбоносный союз вошли Флоренция, Генуя, Венеция (старинные и знатные республики Апеннин), Болонья (интересы которой представлял архидиакон Балтасар Косса) и папство (в лице нового понтифика Александра V). Целью же оформленного на Пизанском соборе союза стало изгнание Владислава из Неаполя и Рима [Макиавелли. История Флоренции, с. 45]. Контур французского присутствия во внутриитальянской политике в течение XV в., таким образом, уже был четко обозначен: это альянсы с крупнейшими республиками полуострова при посредничестве церковных владений против монархического и единоличного режимов Неаполя и Милана соответственно. В свою очередь, посредством первоначального разрешения «пизанского вопроса» была апробирована и тактическая линия дипломатии Флоренции – ориентация на Францию, начатая Альбицци и продолженная после внутриполитического

переворота в республике Медичи. Логическим закреплением этой линии стало подтверждение Францией привилегий в дипломатическом диалоге с Флоренцией, выданных Козимо Медичи, в письме Людовика XI от 1464 г. к сыну Козимо Пьеро I (1464–1469), унаследовавшему от него власть в тосканской республике [Ross, 1910, p. 86–87].

Таким образом, флорентийская дипломатия Кватроченто, так же как и дипломатии режимов Милана и Неаполя, очевидно, опирались на личное руководство правителем республики. Однако флорентийская внешнеполитическая модель своей постоянностью и выверенной тактикой выгодно отличалась от миланской и неаполитанской. Удерживать подобные специфические преимущества собственной дипломатии Флоренции удавалось вплоть до общеитальянского военно-дипломатического кризиса рубежа XV–XVI вв. с развязыванием Итальянских войн.

Вместе с тем с развитием во второй половине XV в. внутриполитического институционального аппарата тосканской республики значительно обострился вопрос ответственности тех или иных институтов политического аппарата Флоренции за ее дипломатию. Так, в период правления Лоренцо Великолепного (1469–1492) сложилась практика, когда флорентийскую дипломатию структурно контролировали так называемые *Tre maggiori* – «Большая тройка» государственных учреждений: Совет гонфалоньера справедливости (существовал во флорентийской внутриполитической структуре с 1293 г. как и должность гонфалоньера справедливости как фактического главы исполнительной власти) [Najemy, 2006, p. 84–85], Совет Семидесяти (был создан при Лоренцо Медичи Великолепном) [Rivière, 2005, p. 70] и Магистрат выборных лиц Совета десяти (техническая единица, созданная также при Лоренцо для отбора лиц в де-юре руководивший дипломатией Флоренции Совет Десяти и регулирования исполнительной практики этих лиц) [Rivière, 2005, p. 88]. Создание внутренних учреждений отбора дипломатических кадров при Лоренцо явилось, с одной стороны, ответной реакцией правителя на ситуацию, известную ему из ранних лет собственного правления и из практики Козимо, когда значительно снизилось доверие Медичи служащим канцелярий дипломатии, наладившим параллельную коммуникацию между собой, мешавшую официальным флорентийским посольствам [Lazzarini, 2015, p. 126–127]. Само появление такой неудобной практики параллельных внутренних коммуникаций дипломатических структур во Флоренции, однако, было связано скорее с многолетней тосканской традицией дипломатического двуязычия, чем с нежеланием служащих исполнять медичейские установки. Как отмечает итальянский историк А. Дзорци, канцелярский корпус флорентийской дипломатии в основном состоял из «замещавших» должности в канцелярии служащих флорентийского магистрата другой юрисдикции – ответственного за писаное право (*giustizia penale*) [Zorzi, 1988, p. 74–75]. Эти профессиональные юристы привыкли к документообороту на латыни, тогда как Лоренцо предпочитал составлять служебные донесения дипломатического характера на тосканском диалекте, выказывая тем самым стремление Флоренции к особому статусу в дипломатическом пространстве Апеннин [Zorzi, 1988, p. 76].

Вместе с тем это явилось следствием особенностей характера самого Лоренцо, предпочитавшего постоянной персональной вовлеченности в дипломатию формирование новой прослойки в политической элите Флоренции – ««новых людей» (*homines novi*), в основном секретарей-нотариусов, которые действовали от его имени… «”новые люди“ стали высоко политизированными канцлерами, вставшими за спины официальных послов во времена Макиавелли» [Lazzarini, 2015, p. 127]. Вопрос мотивации медичейского правителя в широком применении института *homines novi* в политической практике тосканской республики в современной историографии остается дискуссионным [Дмитриева, Павлов, с. 8–9]. Однако в последнее время все большее внимание ученых получает точка зрения, что Лоренцо не был пассивным «зрителем» дипломатии своего государства, но, скорее, избегал давления собственным авторитетом в вопросах, не требовавших его прямого участия [Дмитриева, Павлов, с. 8–9]. Тем не менее практика привлечения «новых людей» на какое-то время поспособствовала значительной демократизации механизма отбора флорентийских дипломатических кадров до и после Лоренцо, чаще всего представлявшего собой внутренний отбор из флорентийской аристократии.

Впоследствии основным политическим институтом государственного аппарата Флорентийской республики в конце XV в. после изгнания дома Медичи и в начале Итальянских войн стал Большой совет – *Consiglio maggiore* [Najemy, 2006, p. 398–401]. Он был создан при правлении Джироламо Савонаролы (1494–1498) с целью недопущения сосредоточения власти в республике в руках какой-либо одной влиятельной силы, что должно было заложить основы для превращения Флоренции в республику, равнозначно управляемую народными массами и аристократией во взаимодействии в рамках совета. Однако в его ведении полностью были сосредоточены внутриполитические процессы в республике, тогда как флорентийская дипломатия (как и было установлено во времена правления Лоренцо Медичи) осталась в исполнительной ответственности Совета Десяти, управлявшегося под юрисдикцией *Tre maggiori* [Rivière, 2005, p. 84-93; p. 98–106]. Более того, непосредственный отбор лиц, входивших в число дипломатической десятки Флоренции, осуществлялся и без того узким кругом «выборщиков» из трех магистратов среди двадцати кандидатов – Объединения двадцати (*Venti accoppiatori*) [Rivière, 2005, p. 85]. Таким образом, при наличии Большого совета во внутренней политике республики дипломатический механизм отбора на должности управителей, назначавших в дальнейшем все дипломатические кадры, был ограничен настолько узкими рамками, что простое меньшинство членов магистратов избирало этих управителей из исключительного меньшинства.

В определенном смысле отбор состава дипломатической «десятки» представлял собой постоянную «ротацию» десяти человек из двадцати, причем рамки круга этих двадцати предполагалось менять только в исключительных обстоятельствах (таких, как государственная измена). Как указывает французский исследователь политической системы Флорентийской республики Ж.-М. Ривьер, механизмы подобного рода приводили к превращению Совета Десяти в инструмент осуществления интересов флорентийской олигархии: «Избранные 2 декабря 1494 года, первые *Dieci* (десятеро) прекрасно символизируют дистанцию, отделяющую эту магистратуру от средних классов большинства в *Consiglio maggiore* (Большом совете). Первые десять обладателей этой должности принадлежали к знатным семьям из олигархии, привыкшим к общественным почестям и обязанностям» [Rivière, 2005, p. 85]. Соответственно, и на существенные дипломатические назначения могли претендовать только представители аристократических кругов, близких к олигархии: стремясь превратить своими реформами Флоренцию в антипод Венеции, Савонарола тем самым сделал дипломатию тосканской республики едва ли не полным подобием венецианской практики узкого аристократизма отбора кадров [Najemy, 2006, p. 393].

А уже на излете XV в. даже такое, казалось бы, точно исключающее обстоятельство, как смерть члена какого-либо высшего из флорентийских магистратов, ответственных как за внутреннюю, так и за внешнюю политику, являлось основанием не для введения в него представителя новой фамилии флорентийского общества, а для передачи должности умершего его ближайшему наследнику. В дальнейшем, уже в начале XVI в., в дипломатии Флоренции утвердится практика аналогии, когда предпочтение наследственных назначений будет характерно и в случае с послами. Это следует из анализа сочинений такого флорентийского дипломата эпохи Итальянских войн, как Франческо Веттори. В своей «Записке о магистратах» Веттори указывает, что получал такие назначения как член «восьмерки практиков» (*Otto di Prattica*) (дважды, 1515 и 1518 гг.) и посол Флоренции в Риме (1512–1515) [Vettori. Ricordo, p. 7–8]. А из его же сочинения «Жизнь Паоло Веттори-старшего», посвященного биографии его отца, следует, что Паоло Веттори занимал те же должности, кроме того – посольскую должность в Неаполе [Vettori. Vita, p. 252–253]. Последнюю Франческо Веттори никак не мог унаследовать, если иметь в виду, что Неаполь в результате Блуасского договора Франции и Испании был окончательно присовокуплен к арагонской монархии.

Характерно, что свидетельства применения подобной практики наследственного замещения посольских должностей, упоминаемые Веттори, связаны с периодом т. н. «реставрации Медичи» во Флоренции (1512–1527): представители первой формации

медичейской династии в отдельных случаях, когда считали это наиболее эффективным, также прибегали к фамильно-наследственной передаче статуса посла. Так, знаменитый современник и коллега Веттори по флорентийской дипломатической службе Франческо Гвиччардини в своей «Семейной хронике» упоминает, что послом Флоренции в Милане при Козимо и Пьеро I Медичи долгое время успешно трудился его двоюродный дед Луиджи Гвиччардини [Гвиччардини. Семейная хроника, с. 252, 255]. В свою очередь, позднее, в 1492 г., последний представитель «старых Медичи» Пьеро II назначил на пост посла в Милане отца Франческо – Пьеро Гвиччардини [Гвиччардини. Семейная хроника, с. 299]. Практика фамильно-наследственного назначения посла, примененная сыном Лоренцо Пьеро II, – возврат к традиции, сложившейся до его отца, в свою эпоху правления старавшегося этой традицией не злоупотреблять в пользу института *homines novi*. Последующий институционализм савонаролианских механизмов управления дипломатией тем самым невольно приобретал для Флоренции определенный «окрас» медичейской персонификации. Доминирование узких институций над дипломатией привело тосканскую республику, оказавшуюся в правление Савонаролы вовлеченной в Итальянские войны после пизанского мятежа и потери владения Пизой, и к другому проблемному противоречию. Оно заключалось в том, что Совет Десяти, преобразованный по своему статусу в Совет Войны и ставший чрезвычайным магистратом, начинал терять в глазах флорентинцев эффективность своего существования как таковую. При Савонароле не было предпринято ни одной убедительной попытки вернуть республике Пизу. Единственной надеждой монаха было то, что ее вернет Флоренции Франция, которая выступила своего рода «держателем» соседних с республикой тосканских земель. Об этом сатирически написал Никколо Макиавелли в первой части своей дипломатической поэмы «Десятилетия»: «Вы стояли здесь с открытым ртом и ждали, что из Франции придет тот, кто принесет манну небесную в вашу пустыню» [Machiavelli. Decennali, p. 1050]. Флорентийской дипломатии требовались преобразования, способствующие выходу из институционального и целевого кризиса, связанного с новой неразрешенностью проблемы, ставшей ключевой для практики флорентийской дипломатии XV в. – проблемы владения Пизой. Однако, помимо «пизанского вопроса», в курсе тосканской республики весь век присутствовали и другие обстоятельства, определявшие его развитие. Наиболее ранним (но также связанным с проблемой Пизы) явился вопрос взаимоотношений Флоренции с другими крупными городами-государствами Апеннин, в XV в. формировавшими структуру внутриитальянской дипломатии.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует заключить: дипломатия Флоренции на протяжении XV столетия в своем структурном развитии прошла череду трансформаций, когда для разрешения значимых для тосканской республики внешнеполитических вопросов попеременно практиковались такие стратегии действия, как привлечение персоналий и вовлечение институтов. При этом для первой половины XV в. оказались определяющими условия общей «зыбкости» ландшафта внутриитальянской дипломатии как таковой. Они же обуславливали и ситуативные изменения оснований власти отдельных правителей в итальянских городах (в том числе и в самой Флоренции). В подобных определяющих условиях приоритетной формой организации дипломатической работы в тосканской республике считалась ответственность персоналий за исполнение тех или иных миссий: таковыми персоналиями могли быть даже не просто ангажированные правителями лица, но и их родственники и сами правители, что нисколько не считалось конфликтом интересов. В случае с Флоренцией в значительной степени такая практика организации дипломатии была связана и с борьбой республики за утверждение той или иной линии внутриполитического развития – «олигархической» (во главе с домом Альбицци) или «республиканской» (под управлением дома Медичи).

В ситуации, когда устоялась в качестве жизнеспособной линия медичейского «республиканизма», правителями Медичи был выбран способ, как вовлечь в дипломатическую жизнь Флоренции представительские институты, не минуя при этом и практики привлечения

ангажированных персоналий. В конце XV в. в условиях нерегулируемого кризиса начальной фазы Итальянских войн «дрейф» сменившего медичейскую династию Джироламо Савонаролы в сторону декларируемой институционализации дипломатии на деле привел к превращению ответственных за внешнюю политику Флоренции Совета Десяти и Объединения Двадцати в учреждения, управлявшиеся олигархическим путем. Подобное развитие структуры дипломатии Флоренции на протяжении XV в. в значительной степени объяснило и всю сложность ее перипетий. Думается, именно поэтому в фундаментальном памятнике по описанию и оценке событий флорентийской международной политики XV в. «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли автор, сам известный своей яркой дипломатической карьерой, мог саркастически посетовать на подобные перипетии, обратившись к первому читателю созданного им труда. В посвящении «Истории Флоренции» ее заказчику папе Клименту VII (Джулио Медичи) (1523–1534) в отношении освещения событий XV в. Макиавелли оставил следующее ироничное замечание о созданном труде: «Я во всяком случае, святейший и блаженнейший отец, старался в этом своем повествовании, не приукрашивая истины, угодить всем, но, может быть, не угодил никому» [Макиавелли. История Флоренции, с. 8].

Список литературы

Дмитриева М.И., Павлов К.В. 2023. Итальянские дворы эпохи Ренессанса и проблемы их изучения в западной историографии XXI в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 3(125): 1–23.

Катушкина Л.Г. 1970. Итальянские войны. В изд.: *История Италии в 3 т.* Сказкин С.Д. (общая ред. изд., в 3-х т.). Москва, Наука. 1: 426–466.

Рыкова Н.Я. (пер. с ит. яз.), Рутенбург В.И. (общая ред. изд.). 1973. Никколо Макиавелли. История Флоренции. Ленинград, Наука, 447 с.

Фельдштейн М.С. (пер. с ит. яз.), Живелегов А.К. (общая ред. изд.). 1934. Франческо Гвиччардини. Семейная хроника. В изд.: *Франческо Гвиччардини. Сочинения.* Москва, Наука: 231–299.

Aiazzi G. (ed.). 1840. Ricordi Storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460, dolla continuazione di Alamanno e neri suoi figli, fino al 1506. Firenze, Stamperia Piatti, 566 p.

Belloc M., Drago F., Galbiati R. 2023. Law, Human Capital, and the Emergence of Free City-States in Medieval Italy. *European Journal of Law and Economics.* 56: 199–223.

Bonfantini M (ed.). 1954. Niccolo Machiavelli. Decennali. In: *Niccolo Machiavelli. Opere*. Milano-Napoli, Riccardo Ricciardi Editore: 1047–1072.

Brunelli G. 2025. The Papal State and the Birth of the Modern Fortress: Innovation in Military Construction between the Late Middle Ages and the Early Modern Period. *East Central Europe: Between the Baltic and the Adriatic*. 1: 149–167.

Ciampoli D. (ed.). 1912. Facezie di Poggio Fiorentino. Roma, Carabba, 191 p.

Gagne J. 2021. Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars. Cambridge / London, Harvard University Press, 465 p.

Galasso G. 1996. L'Italia del Quattrocento, Italia della «bilancia». *Annali dell'Istituto Italiano per gli studi storici*. XIII: 401–470.

Gamberini A. 2012. The Language of Politics and the Process of State-Building: Approaches and Interpretations. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 406–424.

Guasti C. (ed., 3 vol.). 1867–1873. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi per il Comune di Firenze. Firenze, M. Cellini e C., Vol.1: 617 p.

Lazzarini I. 2015. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. Oxford, Oxford University Press, 337 p.

Lazzarini I. 2016. Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 – c. 1520). In: *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. P.M. Dover (ed.). Edinburgh, Edinburgh University Press: 16–36.

Lazzarini I. 2012. Renaissance Diplomacy. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 425–443.

Leira H., de Carvalho B. 2021. The Intercity Origins of Diplomacy: Consuls, Empires, and the Sea. *Diplomatica*. 3: 147–156.

Mattingly G. 1964. Renaissance Diplomacy. London, Penguin Books, 284 p.
Najemy J. 2006. A History of Florence 1200–1575. Oxford, Blackwell Publishing, 529 p.
Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Ricordo delli Magistrati. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici.* Bari, Laterza: 7–9.
Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Vita di Piero Vettori l'Antico. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici*. Bari, Laterza: 249–257.
Pieri P. 1952. Il Rinascimento e la crisi militare italiana. Torino, Einaudi, 703 p.
Rivière J.-M. 2005. L'espace politique républicain à Florence de 1494 à 1527: réforme des institutions et constitution d'une élite de gouvernement. PhD dissertation. Paris, Université Paris, 466 p.
Robertson I. 2002. Tyranny under the Mantle of St Peter: Pope Paul II and Bologna. Turnhout, Brepols, 260 p.
Ross J. (ed. & transl.). 1910. Lives of the Early Medici as Told in their Correspondence. London, Chatto & Windus, 420 p.
Rubinstein N. 1968. Florentine Constitutionalism and Medici Ascendancy in the Fifteenth Century. In: *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence*. N. Rubinstein (ed.). London, Faber and Faber: 442–462.
Wodzicki L. 2023. The Transculturality of Virtue in the Early Modern Mediterranean: A Case Study in Florentine – Ottoman Relations. *Cromohs (Cyber Review of Modern Historiography)*. 26: 132–157.
Zorzi A. 1988. L'amministrazione della giustizia penale nell Repubblica Fiorentina. Aspetti e problemi. Firenze, L.S.Olschki, 125 p.

References

Dmitrieva M.I., Pavlov K.V. 2023. Ital'yanskie dvory epohi Renessansa i problemy ih izucheniya v zapadnoj istoriografii XXI v. [Italian Renaissance Courts and Its Research in Western Historiography of the 21st Century]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya».* 3(125): 1–23.
Katushkina L.G. 1970. Ital'yanskie vojny [Italian Wars]. In: *Istoriya Italii v 3 t. [The History of Italy in 3 vol.]*. Skazkin S.D. (ed.). Moskva, Nauka. 1: 426–466.
Rykova N.Ya. (transl.)., Rutenburg V.I. (ed.). 1973. Nikkolo Makiavelli. Istoriya Florencii [Florentine Histories]. Leningrad, Nauka, 447 p.
Fel'dshtejn M.S. (transl.), Dzhivelegov A.K. (ed.). 1934. Franchesko Gvichchardini. Semejnaya hronika [Family Memories]. In: *Franchesko Gvichchardini. Sochineniya* [*Works*]. Moskva, Nauka: 231–299.
Aiazzi G. (ed.). 1840. Ricordi Storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460, dolla continuazione di Alamanno e neri suoi figli, fino al 1506. Firenze, Stamperia Piatti, 566 p.
Belloc M., Drago F., Galbiati R. 2023. Law, Human Capital, and the Emergence of Free City-States in Medieval Italy. *European Journal of Law and Economics.* 56: 199–223.
Bonfantini M (ed.). 1954. Niccolo Machiavelli. Decennali. In: *Niccolo Machiavelli. Opere*. Milano-Napoli, Riccardo Ricciardi Editore: 1047–1072.
Brunelli G. 2025. The Papal State and the Birth of the Modern Fortress: Innovation in Military Construction between the Late Middle Ages and the Early Modern Period. *East Central Europe: Between the Baltic and the Adriatic*. 1: 149–167.
Ciampoli D. (ed.). 1912. Facezie di Poggio Fiorentino. Roma, Carabba, 191 p.
Gagne J. 2021. Milan Undone: Contested Sovereignties in the Italian Wars. Cambridge / London, Harvard University Press, 465 p.
Galasso G. 1996. L'Italia del Quattrocento, Italia della «bilancia». *Annali dell'Istituto Italiano per gli studi storici*. XIII: 401–470.
Gamberini A. 2012. The Language of Politics and the Process of State-Building: Approaches and Interpretations. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 406–424.
Guasti C. (ed., 3 vol.). 1867–1873. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi per il Comune di Firenze. Firenze, M. Cellini e C., Vol.1: 617 p.
Lazzarini I. 2015. Communication and Conflict: Italian Diplomacy in the Early Renaissance, 1350–1520. Oxford, Oxford University Press, 337 p.
Lazzarini I. 2016. Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 – c. 1520). In: *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. P.M. Dover (ed.). Edinburgh, Edinburgh University Press: 16–36.

Lazzarini I. 2012. Renaissance Diplomacy. In: *The Italian Renaissance State*. A. Gamberini, I. Lazzarini (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 425–443.
Leira H., de Carvalho B. 2021. The Intercity Origins of Diplomacy: Consuls, Empires, and the Sea. *Diplomatica*. 3: 147–156.
Mattingly G. 1964. Renaissance Diplomacy. London, Penguin Books, 284 p.
Najemy J. 2006. A History of Florence 1200–1575. Oxford, Blackwell Publishing, 529 p.
Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Ricordo delli Magistrati. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici.* Bari, Laterza: 7–9.
Niccolini E. (ed.). 1972. Francesco Vettori. Vita di Piero Vettori l'Antico. In: *Francesco Vettori. Scritti storici e politici*. Bari, Laterza: 249–257.
Pieri P. 1952. Il Rinascimento e la crisi militare italiana. Torino, Einaudi, 703 p.
Rivière J.-M. 2005. L'espace politique républicain à Florence de 1494 à 1527: réforme des institutions et constitution d'une élite de gouvernement. PhD dissertation. Paris, Université Paris, 466 p.
Robertson I. 2002. Tyranny under the Mantle of St Peter: Pope Paul II and Bologna. Turnhout, Brepols, 260 p.
Ross J. (ed. & transl.). 1910. Lives of the Early Medici as Told in their Correspondence. London, Chatto & Windus, 420 p.
Rubinstein N. 1968. Florentine Constitutionalism and Medici Ascendancy in the Fifteenth Century. In: *Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence*. N. Rubinstein (ed.). London, Faber and Faber: 442–462.
Wodzicki L. 2023. The Transculturality of Virtue in the Early Modern Mediterranean: A Case Study in Florentine – Ottoman Relations. *Cromohs (Cyber Review of Modern Historiography)*. 26: 132–157.
Zorzi A. 1988. L'amministrazione della giustizia penale nell Repubblica Fiorentina. Aspetti e problemi. Firenze, L.S.Olschki, 125 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.12.2025
Поступила после рецензирования 28.03.2026
Принята к публикации 30.03.2026

Received December 15, 2025
Revised March 28, 2026
Accepted March 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлов Кирилл Владимирович, аспирант кафедры истории Средних веков, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0009-0008-7779-3631

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill V. Pavlov, Postgraduate Student, Chair of History of the Middle Ages, Institute of History, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

УДК 94+83(=512.1)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-315-321
EDN ALJNLG
Оригинальное исследование

Крымский хан Шагин Гирей на страницах зарубежной научной литературы

Вахидов Э.Б.
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Россия, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8
E-mail: ernesvahidov@yandex.ru

Аннотация. Исследование представляет собой комплексный анализ репрезентации фигуры последнего крымского хана Шагин Гирея (1745–1787 гг.) в зарубежной (османской, западноевропейской, американской) историографии. Работа охватывает значительный хронологический период – от современников событий второй половины XVIII века до научных трудов начала XXI века – и выявляет ключевые модели зарубежных взглядов, их трансформацию и политическую обусловленность. Важным достижением зарубежных исследователей является рассмотрение фигуры Шагин Гирея в более широком контексте. Его судьба анализируется сквозь призму кризиса османской модели управления. Проведенный анализ зарубежной научной литературы позволяет сделать ряд выводов, характеризующих основные тенденции и исследовательские подходы в зарубежной историографии.

Ключевые слова: Крымское ханство, Шагин Гирей, османская историография, Российская империя, западноевропейская литература

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Вахидов Э.Б. 2026. Крымский хан Шагин Гирей на страницах зарубежной научной литературы. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 315–321. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-315-321. EDN: ALJNLG

Crimean Khan Şahin Giray on the Pages of Foreign Scholarly Literature

Ernes B. Vakhidov
Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
8 Uchebny Ln., Simferopol 295015, Republic of Crimea, Russia
E-mail: ernesvahidov@yandex.ru

Abstract. This paper presents a comprehensive analysis into the representation of the figure of the last Crimean Khan, Şahin Giray (1745–1787), in foreign (Ottoman, Western European, and American) historiography. The work covers a significant chronological period, from contemporaries of the events of the second half of the 18th century to scholarly works of the early 21st century, and identifies key models of foreign perspectives, their transformation, and political conditioning. A significant achievement of foreign researchers is the examination of Şahin Giray's figure within a broader context. His fate is analyzed through the prism of the crisis of the Ottoman model of governance. The conducted analysis of foreign scholarly literature allows for a number of conclusions characterizing the main trends and research approaches in foreign historiography.

Keywords: Crimean Khanate, Şahin Giray, Ottoman historiography, Russian Empire, Western European literature

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Vakhidov E.B. 2026. Crimean Khan Şahin Giray on the Pages of Foreign Scholarly Literature. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 315–321 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-315-321. EDN: ALJNLG

© Вахидов Э.Б., 2026

Введение

Фигура последнего крымского хана Шагин Гирея, получившего европейское образование и предпринявшего радикальную попытку трансформации Крымского ханства, неизменно приковывает внимание зарубежных исследователей. Его жизнь и правление стали объектом для изучения ключевых проблем региона: кризис традиционного общества, необходимость модернизации внутренней политики и сохранение суверенитета. В статье прослеживается, как менялась оценка его личности и проведенных реформ в зарубежной исторической науке – от восприятия его как «западника» и «новатора» до анализа его политики как российского проекта в атмосфере сопротивления со стороны консервативных элит. Целью настоящего исследования является комплексный анализ и систематизация основных зарубежных трудов, посвящённых исследованию личности и политики хана Шагин Гирея, выявление их источниковой базы и методологических оснований. Научная новизна обусловлена введением в научный оборот малоизвестных историографических материалов зарубежной литературы. Новизна заключается в сравнительном анализе трёх современных историографических школ: османской, западноевропейской и американской базы с современных методологических позиций.

Объект и методы исследования

Методологическая основа работы построена на сочетании общенаучных и исторических методов. В ходе исследования были использованы методы: источниковедческий анализ, включавший критику зарубежной литературы; историко-сравнительный метод, позволивший провести компаративный анализ ключевых трудов в турецкой, западноевропейской и американской научной литературе; историко-системный подход, рассматривавший Крымское ханство как элемент меняющейся международной системы, подверженный давлению со стороны более мощных соседних империй; биографический метод, использованный для глубокого анализа фигуры последнего крымского хана Шагин Гирея как центральной личности политического процесса; общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения. Объект исследования рассматривается через призму ключевой историографической проблемы: противоречия между оценками Шагин Гирея как «просвещённого реформатора» (в рамках европейского нарратива о модернизации) и как «марионетки» (взгляд турецких исследователей) внешних сил, чья политика привела к утрате государственности.

В работе проанализирован большой комплекс зарубежной литературы, а именно: американские – А. Фишер, Б. Уильямс; европейские – Й. Хаммер-Пургшталь, Д. Рейфилд, О. Келли; фундаментальные труды турецких исследователей на базе османских архивов – Х. Инальджик, М. Улькюсал, Ф. Эмечем, Ч. Федакар.

Статья вносит вклад в изучение истории Крымского ханства в период правления последнего крымского хана Шагин Гирея, а также служит иллюстрацией зарубежных взглядов на историю взаимоотношений Крымского ханства с Российской и Османской империями в конце XVIII века.

Результаты и их обсуждение

В работах зарубежных авторов сформировался сложный и многогранный образ последнего крымского хана Шагин Гирея. Он представлен не только как однозначная «марионетка» Российской империи, а как противоречивая фигура «реформатора», чьи амбиции вступили в противоречие с внутриполитическими реалиями Крымского ханства и геополитическими интересами великих держав.

Одними из первых на личность хана Шагин Гирея обратили внимание европейские исследовали ещё в конце XVIII века. В 1785 году итальянским профессором географии и истории Франческо Бекаттини был издан исторический труд «История Крыма, Малой Тартарии и других прилегающих провинций» в Венеции [Becattini, 1785]. В нём описывается период, последовавший за ключевым событием – присоединением Крыма к Российской империи в 1783 году. Книга служила для европейской публики источником информации о далеком и стратегически важном регионе, который стал ареной борьбы между Россией и Османской империей. В основе труд

Ф. Бекаттини является компилятивным, он сочетает в себе географическое описание, детально описываются топонимы и гидронимы Крыма, а также соседних регионов (Валахия, Бессарабия).

В тексте книги Шагин Гирей упоминается в самом конце труда, где описываются события, современные моменту написания книги [Becattini, 1785, с. 111–112]. Упоминания о Шагин Гирее были для своего времени новинкой и чрезвычайно актуальным источником информации. Они зафиксировали переломный момент в истории Крыма – формальный конец османского сюзеренитета и установление российского протектората. Шагин Гирей в книге – это марионеточный правитель, чьё воцарение и главный политический акт были инициированы и поддержаны Российской империей. Книга Ф. Бекаттини – ценный исторический источник, отражающий взгляд просвещенной Европы на «восточный вопрос» и российскую экспансию в конце XVIII века [Becattini, 1785, с. 111–131].

В середине XIX века внимание и интерес европейцев были направлены на полуостров, и в 1855 году в Лондоне опубликованы «Очерки по истории Крыма» [Grant, 1855] священника Энтони Гранта. Работа была подготовлена по материалам путешественника Э.-Д. Кларка, который совершил путешествие в Крым в конце XVIII – начале XIX в. Труд Э. Гранта во много схож с выводами Э.-Д. Кларка. В работе Э. Гранта Шагин Гирей описывается как жертва политических событий, направляемых Россией, который не сумел сохранить суверенное Крымское ханство. Также в тексте упоминаются репрессии Шагина в Карасубазаре после восстания в 1782 году, где, по записям Э. Гранта, были казнены многие представители крымской знати [Grant, 1855, с. 105–106]. По Э. Гранту, Крымское ханство было плацдармом в восточной политике России XVIII века. Его очерки были рассчитаны на широкий круг людей, поэтому они были написаны в популярном стиле и получили большой интерес читателей XIX столетия.

Не менее важным трудом в западной историографии Крымского ханства XIX века является работа барона Йозефа фон Хаммера-Пургшталя под названием «История крымских ханов в период османского владычества» [Hammer-Purgstall, 1856]. В этой работе Хаммер-Пургшталь изображает хана Шагин Гирея как противоречивую фигуру: с одной стороны – просвещённого реформатора, с другой – правителя, не сумевшего совместить реформы с традицией, вместить их в контекст модернизации во второй половине XVIII столетия. Раздел о Шагин Гирее отражает переломный момент в истории Крыма – переход вассальной зависимости от Османской империи к интеграции в состав Российской империи. Его политика привела к утрате независимости Крымского ханства, что автор подаёт как закономерный итог внутренних раздоров и внешнего давления [Hammer-Purgstall, 1856, с. 232–254].

Современным проблемам истории крымских татар уделяет внимание книга доктора философии Лондонского университета Дональда Рейфилда [Rayfield, 2024]. Произведение охватывает более пяти веков истории полуострова, с периода образовании Крымского ханства до современного положения крымских татар в Российской Федерации. В разделе под названием «Единство рушится» освящена история Крыма в XVIII веке, в которой также описывается реформаторская деятельность хана Шагин Гирея и дальнейшая судьба бывшего хана за пределами Крыма [Rayfield, 2024, с. 230–250]. Книга Д. Рейфилда восполняет важные современные пробелы в западной историографии, раскрывая исторический контекст судьбы последнего крымского хана в Османской империи.

Большой научный интерес представляет книга «Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов» профессора Г. Ахиезер [Akhiezer, 2015]. Автор освящает события не только с точки зрения истории караимов, но и для понимания событий, приведших к включению Крыма в состав Российской империи. Все хроники, использованные в работе Г. Ахиезер, связаны с шестилетним правлением хана Шагин Гирея. Первая принадлежит Рабби Азарии бен Элии, автор второй хроники не установлен, третья написана Рабби Гиллеля бен Ицхака Кирими. Хроника Рабби Азарии содержит весьма подробные сведения и о самом Шагин Гирее, и о задуманных и осуществлявшихся им реформах, и о причинах недовольства местных татар его правлением, что привело к серии восстаний против хана.

В американской исторической науке интерес к истории крымских татар возник только в конце XX в. Одним из первых данной тематикой начал заниматься профессор истории

Мичиганского государственного университета Алан Фишер. Он написал несколько трудов, посвящённых крымским татарам, в частности истории Крымского ханства. Особое внимание в его трудах необходимо уделить работе под названием «Между русскими, османами и тюрками: Крым и крымские татары» [Fisher, 1998]. Данная работа представляет собой историческое исследование, посвящённое последнему крымскому хану Шагин Гирею и аннексии Крыма Российской империей в 1783 году. Автор оспаривает распространённую точку зрения, согласно которой Екатерина II изначально планировала присоединение Крыма. Автор утверждает, что Россия сначала стремилась создать независимое крымское государство, дружественное ей, а к аннексии прибегла лишь после провала этой политики.

А. Фишер описывает Шагин Гирея как трагическую фигуру – реформатора, чьи амбиции опередили политические и социальные реалии Крыма и чья неудача напрямую привела к утрате Крымской государственности и включению полуострова в состав Российской империи [Fisher, 1998, с. 93–121].

В фундаментальных трудах по истории крымских татар Брайна Уильямса [Williams, 2001] освещается в т. ч. и история Крымского ханства в XVIII веке. В них упоминается и правление последнего хана Шагин Гирея, который изображен как трагическая фигура «просвещённого реформатора», чьи попытки модернизировать Крымское ханство потерпели крах из-за неприятия его политики традиционным обществом и геополитического противостояния между Россией и Османской империей. Автор полагает, что провал и непринятие реформ Шагина показал неспособность крымско-татарской элиты того времени объединиться вокруг общей национальной идеи, что в конечном счёте привело к утрате государственности [Williams, 2001, с. 78–79].

Не менее важным для изучения зарубежной историографии о событиях XVIII века в Крыму является работа доцента истории Гарвардского университета Келли О`Нилла [O'Neill, 2017]. Основная концепция его исследования строится вокруг политических событий на полуострове между Крымских ханством, Российской и Османской империями во второй половине XVIII века. Автор также рассматривает политику и реформы Шагин Гирея, описывает своевременность его преобразований в области административной и военной реформы. Однако непринятие его реформ местным населением вскоре привело к его отречению и ликвидации Крымского ханства [O'Neill, 2017, с. 51].

Ведущую роль в освящении жизни последнего крымского хана Шагин Гирея, несомненно, занимают современные турецкие исследователи. Одним из первых в XX веке к личности Шагин Гирея обратился его земляк, нашедший убежище в Турции, Джафер Сейдамет [Seidamet, 1921]. Его труд, вышедший в 1921 в Швейцарии, был написан по французским источникам и охватывал всю историю крымско-татарского народа до того времени. Важным в его работе является анализ событий в Крыму во второй половине XVIII века, где также упоминается правление Шагин Гирея как ставленника из Российской империи, который был признан Турцией в 1779 году 21 марта после Айналы-Кавакской конвенции. Исследование Д. Сейдамета в начале XX в. является важным историческим дополнением по истории крымских татар, в частности упоминаний о Шагин Гирее как последнем хане, при котором существовало крымско-татарское государство [Seidamet, 1921, с. 36–38].

Во второй половине XX века в Стамбуле вышел труд турецкого исследователя Мустеджипа Улькюсала «Крымские тюрки-татары: вчера, сегодня, завтра» [Müstecip, 1980]. Вторая глава книги посвящена правлениям всех Гиреев, в конце главы основное внимание уделяется правлению хана Шагин Гирея. Раздел начинается с описания борьбы между Девлет Гиреем и Шагин Гиреем за крымский престол. Российская империя представлена историком как активный и расчетливый игрок. Она использует дипломатию, подкуп местной знати (мирз, беев, мулл) и военную силу для утверждения своего ставленника и последующей аннексии. Османская империя, ослабленная войнами и внутренними проблемами, не смогла эффективно противостоять российскому давлению.

М. Улькюсал подробно описывает, как Российская империя, используя проблемы Шагин Гирея, аннексировала Крым, пообещав ему новый удел на Кубани в обмен на отречение правившего хана. Автор осуждает этот акт как «беспрецедентное вероломство» [Müstecip, 1980, с. 105–120].

Одним из ведущих турецких исследователей Крымского ханства в новейшей истории является историк профессор Халил Ибрагим Иналджик [İnalcık, 2002], который использовал в

работе османские архивные материалы. Его труды посвящены различным событиях эпохи Крымского ханства – от образования до ликвидации ханства и присоединения к России. В своих трудах он уделял большое внимание внутренней структуре и просвещённой политике крымских ханов. Опираясь на османские источники, Х. Инальджик проанализировал социально-политическое изменение в ханстве в XVIII веке и сделал вывод, что интерес к просвещению в Крыму появился раньше эпохи правления Шагин Гирея. В 1768 г. хан Кырым Гирей (1758–1764 гг., 1768–1769 гг.) попросил у барона де Тотта, французского консула при дворе крымского хана, переводы книг драматурга Мольера; именно в середине XVIII в. складывается дипломатия ханства с западноевропейскими государствами. Другой крымский хан Шагин Гирей (1777–1783), изучив достижения западной цивилизации, задумался о реформах в Крыму на западный манер. Х. Иналджик в своём труде Шагин Гирея называл Петром Крыма из-за его схожей реформаторской политики. Однако, в отличие от Петра I, Шагин не сумел интегрировать нововведения в ханстве [İnalcık, 2002].

В 2015 году вышла на свет статья Ченгиза Фидакара «Об имуществе последнего крымского хана Шагин Гирея» [Fedakar, 2015]. Статья Ч. Федакара – это уникальное историческое исследование, которое освещает малоизвестный эпизод с наследством Шагин Гирея и с глобальными политическими процессами его эпохи. Через судьбу имущества хана автор рассказывает о трагедии его власти, геополитическом соперничестве с Российской и Османской империями. В первой части статьи автор описывает путь Шагин Гирея к власти, его пророссийскую ориентацию, неудачные реформы, приведшие к восстаниям, и окончательную аннексию Крыма Россией в 1783 году [Fedakar, 2015, с. 385–389].

Во второй части описывается имущество Шагин Гирея, оставленное в разных городах (Эдирне, Бургас) и на двух его личных кораблях (фрегатах), что было собрано, доставлено в Стамбул и тщательно инвентаризировано. Автором подчеркивается ключевой момент, когда султан отверг конфискацию и приказал распределить имущество среди наследников Шагин Гирея, живших в Османской империи [Fedakar, 2015, с. 389–406].

В контексте общих работ по истории Шагин Гирея стоит отметить статью Мустафы Энеса Актюркоглу «Влияние эпохи просвещения на политику последнего крымского хана Шагин Гирея» [Aktürkoğlu, 2024]. В статье М. Актюркоглу исследовано влияние идей европейского образования и просвещения на политику последнего крымского хана Шагин Гирея. Автор рассматривает этот случай как уникальный и первый пример попытки модернизации в мусульманском мире, инициированной сверху по модели «просвещённого абсолютизма». Главным проводником идей Просвещения в регионе выступила Российская империя в лице Екатерины II. Её политика «просвещённого абсолютизма» была инструментом для установления влияния и контроля над соседними территориями, в первую очередь над Крымским ханством. Хан, получивший западноевропейское образование и находящийся под влиянием императрицы Екатерины, попытался радикально преобразовать ханство в современное централизованное и светское государство [Aktürkoğlu, 2024, с. 243–262].

Военно-политические реформы Шагин Гирея исследовал в статье «Военные реформы Шагин Гирея» докторант университета Хаджеттепе Уфук Айкол [Aykol, 2025]. Он анализирует военные реформы хана Шагин Гирея и их влияние на судьбу Крымского ханства. Автор выделяет ключевые мероприятия хана, например, создание регулярной европейской армии для замены устаревшей, основанной на племенных ополчениях и степной кавалерии, которая не могла противостоять современным армиям; создание двух типов войск, «бешлеев» – регулярные части, формируемые по принципу мобилизации 1 солдата с 5 домов, «сеймены» – гвардейские части для охраны хана и поддержания порядка. Автор отмечает жесткое сопротивление знати и духовенства, чьи интересы были задеты реформами хана, что привело к многочисленным восстаниям и гражданской войне в ханстве в 1782 году [Aykol, 2025, с. 431–440]. Статья Айкола о военных реформах Шагин Гирея является современным комплексным анализом и ценным зарубежным историографическим исследованием, посвященным неудачной попытке реформировать крымское войско.

Интерес для изучения истории правления Шагин Гирея представляет и статья Серхата Кузуджу и Мустафы Койунджу «Политическая деятельность России в Крымском ханстве (1774–1783) (Период Шагин Гирея)» [Kuzucu, Koyuncu, 2020], подробно исследующая ключевой период истории Крымского ханства – между подписанием Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года и аннексией Крыма Российской империей в 1783 году. Исследование раскрывает личность чиновника Али Паши, ответственного за транспортировку бывшего хана после прибытия в Османскую империю, который был тайно проинструктирован отравить Шагин Гирея при первой же возможности. Однако Али Паша не смог или не решился выполнить этот приказ [Kuzucu, Koyuncu, 2020, с. 386]. Это прямо указывает на то, что османское правительство с самого начала планировало его убить. Его казнь на острове Родос стала символическим актом возмездия и попыткой поставить точку в одном из самых унизительных эпизодов османской истории.

Турецкий учёный Хакан Кырымлы в своей работе «Гераи и Османы» [Kırımlı, 2022], исследовал правление ханов в различных эпохах. Рассмотрел жизни и роли Гиреев в Османском государстве, анализировал падение Крымского ханства и его последнего правителя Шагин Гирея. Автор описывает последнего крымского хана ставленником России, который пришел к власти и правил благодаря прямой военной поддержке Российской империи [Kırımlı, 2022, с. 250]. Его правление, зависящее от иностранной поддержки, привело к гражданской войне и способствовало падению Крымского ханства.

Необходимо отметить важный исследовательский труд профессора истории Стамбульского университета Феридун Эмечена «К вопросу о казни последнего крымского хана Шагин Гирея» [Emecen, 2011]. Его работа целиком посвящена одному из ключевых эпизодов поздней истории Крымского ханства, а именно судьбе последнего хана Шагина Гирея после отречения от Крымского престола. Автор ставит целью не просто описать казнь хана, но и раскрыть мотивы и расчёты Османской и Российской империй в отношении свергнутого хана. Османы, потерпевшие поражение в войне с Россией и подписавшие Кючук-Кайнарджийский мир, формально признали независимость Крыма, но не смирились с его потерей.

Как отмечал автор, в Российской империи изначально проявляли видимость лояльности к Шагину Гирею после отречения от престола, надеясь использовать его в своих целях. Однако, когда Шагин бежал в Османскую империю, султан Абдул-Хамид I, по мнению автора, увидел в нём не только политического соперника, но и личного врага, ответственного за потерю Крыма. Эмечен детально прослеживает путь Шагина Гирея от границы до Эдирне, а затем на остров Родос [Emecen, 2011, с. 317–325]. Особое внимание уделяется его попыткам заручиться поддержкой местных татар, черкесов и даже молдавских бояр, что лишь усиливало подозрения османских властей. Эмечен цитирует фирманы, переписку, донесения, которые показывают, что приказы о казни отдавались лично султаном, а исполнение несколько раз срывалось из-за страха исполнителей или бдительности охраны Шагина Гирея [Emecen, 2011, с. 332–333].

Статья Ф. Эмечена представляет собой ключевое историческое исследование, сочетающее глубину анализа с опорой на первоисточники. Она не только восстанавливает события последних лет жизни Шагин Гирея, но и вписывает его личную трагедию в широкий контекст борьбы великих империй за контроль над Чёрным морем. Работа остаётся одним из ключевых исследований по данной теме и ярко описывает методы современной османской историографии.

Заключение

Зарубежная историография склонна интерпретировать его реформы не просто как подражание Европе или России, но как попытку модернизации государственных институтов с целью централизации власти и преодоления сепаратизма знати, что в конечном итоге и стало одной из причин его падения. Вместе с тем в зарубежной литературе наметилась отчетливая научная дискуссия. С одной стороны, присутствует взгляд на Шагин Гирея как на трагического и опередившего свое время правителя, чьи прогрессивные начинания были обречены в силу объективных обстоятельств и борьбы двух империй за обладание полуостровом, с другой стороны, звучит более критическая оценка, акцентирующая его политические просчеты из-за стремления сохранить независимость Крымского ханства.

Подводя итог, можно утверждать, что зарубежная историография внесла значительный вклад в изучение фигуры хана Шагин Гирея, сместив фокус с дипломатической истории на анализ внутренней социально-политической динамики Крымского ханства. Таким образом, фигура хана Шагин Гирея продолжает оставаться актуальным объектом для исследования ключевых процессов, определивших судьбу Северного Причерноморья в конце XVIII века.

References

Akturkoğlu M.E. 2024. The Influence of Enlightenment Politics on the last Crimean Khan, Şahin Giray. Journal of Religious Education Research in Turkey, 18: 243–262.

Akhiezer G. 2015. The Conquest of the Crimea by the Russian Empire through the Eyes of Karaite Chroniclers. Jerusalem; Moscow: Gesharim, 240 p.

Aykol U. "On Şahin Geray Hani's Military Reform Initiatives". Journal of General Turkish History Studies 7, no. 14 (May 2025): 431–440.

Becattini F. 1785. Storia della Crimea, Piccola Tartaria ed altre provincie circonvicine soggetto delle recenti vertenze tra la Russia e la Porta otomana: Con un esatto ragguaglio delle usanze, costumi di quel popoli, ultime loro vicende, e produzioni del pase inservienti al commercio d'Europa. Venezia.

Religious Affairs Islamic Encyclopedia (Dia). İnalcık H. 2002. Ankara, Vol. 25. 456 p.

Rayfield D. 2024. A Seditious and Sinister Tribe: The Crimean Tatars and Their Khanate: London. Reaktion Books, 352 p.

Emecen F. 2011. The Execution of the Last Crimean Khan Şahin Giray and the Documents Regarding This. History Journal. June (34): 315–346.

Fedakar C. 2015. About The Opposition Of The Last Crimea Khan Şahin Giray. From Pre-Islamic to the Contemporary Turkish World Prof. Dr. A Tribute to Gülçin Çandarlıoğlu, Turkish World Research Foundation, Istanbul: 385–408.

Fisher A. 1998. "Sahin Giray, The Reformer Khan and the Russian Annexation of Crimea", Between Russians, Ottomans and Turks: Crimea Tatars, Istanbul: 91–121.

Grant A. 1855. An Historical Sketch of the Crimea. London.

Hammer-Purgstall J. 1856. Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Wien: K.K. Hof- und Staatsdruckerei, 258 p.

Crimean H. 2022. The Gerais and the Ottomans: The Story of the Crimean Khanate Dynasty in the Ottoman Empire. Istanbul: Ötüken Publications.

Kuzucu S., Koyuncu M. 2020. Russia's Political Activities in the Crimean Khanate (1774–1783) (During the Şahin Giray Period). In Memory of Bilge Tonyukuk, Turkish and Turkic World Studies-I: 371–393.

Müstecip Ü. 1980. Crimean Turkish Tatars. Past-Present-Future. Istanbul: Baha Printing House, 366 p.

O'Neill K. 2017. Claiming Crimea: A History of Catherine the Great's Southern Empire. Kelly O'Neill. New Haven; London, Yale University Press, cop. XVIII, 361 p.

Seidamet D. 1921. La Crimee: Passe, Present, Revendications des Tatars de Crimee. Lausanne.

Williams B.G. 2001. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation, Leiden.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.11.2025
Поступила после рецензирования 26.02.2026
Принята к публикации 28.02.2026

Received November 28, 2025
Revised February 26, 2026
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахидов Эрнес Бахтиярович, преподаватель кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, Республика Крым, Россия
ORCID: 0009-0001-4521-0023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ernes B. Vakhidov, Lecturer at the Department of History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

УДК 94
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-322-332
EDN FEFRFW
Оригинальное исследование

Мемфисский конвент 1845 года в США как попытка экономического объединения страны

Тайгильдин А.В.
Марийский государственный университет,
Россия, Республика Марий Эл, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1
E-mail: andreitaigildin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из этапов отношений трех экономических, политических и культурных секций Соединенных Штатов Америки первой половины XIX века. К этому времени сформировалось три региона, которые в историографии закрепились под термином «секция», – Север, Юг, Запад. На протяжении всего времени до начала Гражданской войны в 1861 году между секциями усиливались различия, а две из них – Север и Юг – превратились в антагонистов. Однако нельзя говорить, что конфликт между секциями был неизбежен и не было попыток объединения страны. В 1845 году в городе Мемфис, штат Теннесси, прошел экономический конвент, на которой был поставлен вопрос об объединении экономических возможностей Севера, Запада и Юга, строительстве железной дороги, улучшении судоходности западных рек и др. На тот момент федеральное правительство не могло удовлетворить всех просьб делегатов, а результаты американо-мексиканской войны 1846–1848 годов привели лишь к обострению противоречий Юга и Севера.

Ключевые слова: XIX век, США, промышленный переворот, экономика, Мемфисский конвент

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Тайгильдин А.В. 2026. Мемфисский конвент 1845 года в США как попытка экономического объединения страны. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 322–332. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-322-332. EDN: FEFRFW

The Memphis Convention of 1845 in the USA as an Attempt of Economic Unification of the Country

Andrei V. Taigildin
Mari State University,
1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Republic of Mari El, Russia
E-mail: andreitaigildin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Memphis Convention, held in 1845 in Memphis, Tennessee. The first half of the 19th century before the American Civil War was a time of economic development known as the industrial revolution, which led to the formation of three sections of the South, North and West. There were differences between these regions, and by the 1840s, the South was already lagging behind the northern states in industrial development. Some southern politicians and planters understood the need to develop industry, infrastructure, and economical unite with the western and northeastern states. The West also needed better access to the northeastern states. To achieve these goals, the Convention was organized in Memphis in 1845. It addressed issues of internal improvement, the construction of railways, the improvement of the navigation of the Mississippi River basin, the creation of a military steam fleet, the construction of lighthouses along the seashore, etc. The resolutions of the convention were presented to the US Congress, but were rejected at that time. The Mexican-American War of 1846–1848, which resulted in the United States ceding vast territories southwest of the border, distracted

© Тайгильдин А.В., 2026

American politicians from the issue of economic unification and brought to the fore the question of which states would be formed in the new territories – free or slave ones.

Keywords: 19th century, USA, industrial revolution, economics, Memphis Convention

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Taigildin A.V. 2026. The Memphis Convention of 1845 in the USA as an Attempt of Economic Unification of the Country. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 322–332 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-322-332. EDN: FEFRFW

Введение

Период первой половины XIX века до Гражданской войны в США был временем бурного экономического развития и получил название «промышленный переворот». Однако этот процесс проходил неоднородно в разных регионах страны: природно-климатические особенности и социокультурные различия повлияли на формирование трех экономических зон: Севера, Юга и Запада. Если на Севере промышленный переворот привел к формированию индустриально-развитого центра, то на Юге и Западе сформировался аграрный центр. До американо-мексиканской войны 1846–1848 годов у многих политиков, плантаторов и предпринимателей было понимание о необходимости объединения всех секций в единое экономическое пространство. Попытка выработать концепцию этого объединения была осуществлена в 1845 году в городе Мемфис, штат Теннесси.

Объект и метод исследования

Объектом исследования является Мемфисский конвент 1845 года. Источниковой базой стали речи политиков, газетные статьи, стенограммы заседаний, резолюция конвента. В исследовании применяются принципы историзма, объективности, научности. Использованы общенаучные и специальные исторические методы, такие как историко-генетический метод, позволивший установить причинно-следственную связь оформления проблемных вопросов, а также попыток их решения посредством Мемфисского конвента и обсуждения их в Конгрессе.

Результаты и их обсуждение

Некоторые отечественные исследователи подвергают сомнению наличие промышленного переворота где бы то ни было, кроме как в северо-восточных штатах. Так, Шпотов Б.М. пишет: «если неукоснительно придерживаться научных терминов, мы поймем, что никакой промышленной революции, сопоставимой с европейской или северо-восточных штатов, на Юге и Западе США в действительности не было» [Шпотов, 1991a, с. 127]. Он же полагает, что во время промышленного переворота Юг превратился во внутреннюю аграрно-сырьевую колонию [Шпотов, 1991b, с. 13].

С начала XIX века темпы развития промышленности на Юге были очень медленными. В основном развитие было связано с очисткой хлопка-сырца, которое упростилось благодаря изобретению в 1793 г. хлопкоочистительного «джина», специальной машины, приводимой в действие вручную, либо водяным или паровым двигателем. Это изобретение сделало хлопковое волокно пригодным для переработки его в пряжу на фабриках. Но на Юге хлопкопрядение не прижилось, и немаловажной причиной этому были климатические условия, которые мешали развитию машинного прядения. Высокая температура и влажность воздуха не позволяли изготавливать прочную ткань [Гринспен, Вулдридж, 2020, с. 249]. Это привело к ситуации, когда северные промышленники закупали южный хлопок и делали из него ткань на своих фабриках. Одна из таких крупнейших фабрик находилась в городе Лоуэлл, штат Массачусетс.

Развитие промышленности тормозилось еще и «особым институтом» Юга, то есть рабством. Не только на плантациях, но и на имеющихся фабриках использовался рабский

труд: в текстильной промышленности, в металлургии, на постройке железных дорог; рабы могли владеть различными специальностями, такими как механик, медник, горновщик, кузнец, литейщик, рудокоп и другие [Ефимов, 1969, с. 200]. Так же были предприятия по прессовке табака, лесопильные и мукомольные мельницы, мельницы по переработке сахарного тростника, работавшие от паровых машин [Шпотов, 1991а, с. 129].

И если Юг отставал в техническом плане, то это никак не сказывалось на экономическом процветании плантаторов. Юг существовал за счет продажи сельскохозяйственных плантационных товаров, в первую очередь хлопка, а также сахара, риса и табака. Эти товары вывозились из региона в обмен на промышленные товары. Юг не обеспечивал ни внутренний, ни внешний рынок товарами потребления. Еду также завозили на Юг из других регионов, в основном с Запада [North, 1966, p. 67–68]. Исключения составляли пограничные штаты Кентукки, Миссури, Мэриленд, Делавэр, где экономическое хозяйство было переходным. Но в долгосрочной перспективе это стало проблемой для Юга, поскольку плантаторы не спешили вкладываться в развитие местной промышленности, так как не видели в этом необходимости [Беккерт, 2018, с. 291]. Такое положение привело к мнению, что на рабовладельческом Юге не могло быть экономического развития и технического прогресса. Американский историк Бурстин Д., описывая Юг, постоянно упоминает о его отсталости и нежелании развиваться. Он акцентирует внимание не на появлении чего-то нового, а на сохранении старого, вроде грубой мотыги у южнокаролинских фермеров и устаревших очистительных и паковальных станков на хлопкоочистных фабриках [Бурстин, 1993, с. 228].

Таким образом, главными проблемами Юга являлись отсутствие развитой промышленности вместе с высокой доходностью плантаторского хозяйства. Но из-за преобладания монокультур и отсутствия производства необходимых товаров, в том числе продовольственных, Юг зависел от внешнего рынка, и ему необходима была развитая транспортная система. Это была третья проблема Юга.

Изобретение парохода ускорило передвижение по реке Миссисипи в несколько раз. К середине XIX века количество перевозимых товаров по реке и Великим Озерам в два раза превысило количество товаров, провозимых через Нью-Йорк [Krooss, Gilbert, 1972, p. 122]. Но Юг постепенно начал отходить на второй план в торговом балансе между регионами. По мнению американского исследователя Чарльза Селлерса, «Торговля между Севером и Югом замедлилась, поскольку транспортная революция… привела к увеличению торговли между Северо-Востоком и Северо-Западом» [Sellers, 1991, p. 392]. Югу было необходимо объединение речной транспортной системы с железнодорожной и развитие последней. Но, несмотря на очевидные преимущества железной дороги над реками, отдельные штаты не могли позволить строительство, так как стоимость одной мили могла достигать 30 000 $ [Krooss, Gilbert, 1972, p. 124]. С начала XIX века многие предприниматели, финансисты и представители крупного бизнеса поддерживали идею финансирования федеральным правительством «внутренних улучшений» [Алентьева, Филимонова, 2021, с. 279]. К 1840-м годам эта идея стала казаться заманчивой среди южных и западных политиков. Однако большинство представителей южного истеблишмента не считали необходимым решение всех этих вопросов, более того, после окончания американо-мексиканской войны (1846–1848) их стал интересовать вопрос расширения плантаций на новые территории и распространения рабства на них, а после политического кризиса 1850 года постепенно стала преобладать идея сецессионизма, то есть выхода из состава Союза, как решение всех накопившихся проблем. Но в середине 40-х годов некоторые южане все же понимали важность промышленного развития и интеграции Юга с Западом и Севером в единое экономическое пространство.

Владелец хлопковой фабрики из Южной Каролины Уильям Грегг призывал к развитию индустрии на Юге, особенно в сфере хлопковой промышленности, и созданию независимой южной экономики. Он полагал, что главной проблемой был особый южный склад ума (state of mind), который не позволял южанам выйти за рамки представления о Юге как об аграрном, хлопководческом регионе. Грегг писал, что южане живут неосуществимой мечтой, поскольку,

по его мнению, ни о каком развитии в аграрном обществе не может быть и речи, для этого нужна промышленность. Он обращал внимание, что экстенсивное сельское хозяйство уже уничтожило их штат – Южную Каролину, поскольку наблюдался отток людей и богатства на Запад. Грегг спрашивал: «Разве они не знают, что деньги приносят пользу только тогда, когда их тратят в пределах штата на улучшение интеллектуальных и физических условий существования, на удобрение почв, на строительство дорог и мостов, на возведение красивых домов, садов…» [Gregg, 1968, p. 277]. Он призывал строить различные мануфактуры, чтобы самим обеспечивать себя всем необходимым, чем отправлять куда-то сырой материал и покупать вещи за гораздо большую цену. При этом Грегг критиковал неприязненное отношение к северянам: «Позвольте нашим политикам вместо насаждения ненависти к северным братьям стараться создать хорошие условия для развития своей индустрии…» [Gregg, 1968, p. 277]. По его мнению, в Южной Каролине было все для развития мануфактур: и реки, и водопады. Призывы Уильяма Грегга к развитию мануфактур касались не всего Юга, а лишь Южной Каролины. Этим самым он пытался удержать плантаторов и бизнесменов от переезда на юго-запад [Gregg, 1968, p. 279]. Однако его воззвания красноречиво говорят о запросе некоторой части южан на развитие собственной промышленности и объединения с другими регионами.

Другой южнокаролинец, будущий редактор одной из престижнейших газет Юга De Bow`s Review Джеймс Де Боу перед Мемфисским конвентом 1845 года тщательно изучил экономическое положение Юга. Он также пришел к выводу об упадке южноатлантических штатов в результате их зависимости от системы выращивания одной культуры и недостаточного коммерческого прогресса. Но, в отличие от Уильяма Грегга, Де Боу был сторонником создания экономической системы, которая бы объединила весь Юг.

Подобные умонастроения привели к пониманию объединения всего региона в некое единое экономическое пространство, что и попытались сделать делегаты Мемфисского конвента.

В марте 1845 года в Мемфис прибыл капитан Бингем из Арканзаса для строительства военной дороги до Индейской территории. По результатам встречи с местными жителями было решено созвать конвент в их городе для обсуждения насущных экономических вопросов. На призыв откликнулось более шестисот делегатов из шестнадцати штатов [The Commercial Review, 1846, p. 9]. Это были самые главные производящие штаты страны, то есть конвент носил не секционный, а общегосударственный характер.

В газете The Southern Literary Messenger, редактором которой в это время был Бенджамин Майнор, вице-президент конвента от Вирджинии, торжественно писалось: «Съезд пройдет с пользой и благоразумием. Представитель Флориды приедет туда, чтобы рассказать об опасностях, подстерегающих его на побережье, и продемонстрировать важность возведения вдоль него маяков для безопасности судоходства. Лучшие таланты Южной Каролины, Джорджии, Алабамы и Луизианы расскажут о том, как пришла в упадок их торговля... Там будут озерные штаты со своими планами общей обороны и собственной безопасности во время войны. Там также должны присутствовать Западная Пенсильвания, Старый Доминион (Вирджиния – прим. Т.А.) и все речные штаты, чтобы обсудить нынешнее состояние связей между ними…» [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 578].

Джеймс Де Боу, секретарь конвента, в 1846 году писал: «Весь мир увидел редкое явление, когда люди из разных слоев общества, от самых высокопоставленных до самых скромных, разных политических воззрений, несмотря на разногласия по многим фундаментальным вопросам, сообща трудились над решением этих самых вопросов в атмосфере, подобной той, которая царила при подписании Конституция» [The Commercial Review, 1846, p. 7].

К единству на конвенте призывал и Джон Кэлхун: «Хорошо известно, что я придерживаюсь узкого толкования Конституции, в то время как другие выступают за более широкий взгляд. Но я надеюсь, что мы все воздержимся от навязывания своих взглядов по вопросам, где есть расхождения во мнениях. Только благодаря такой выдержке мы сможем избежать конфликтов и сохранить гармонию; и я, со своей стороны, готов показать пример такой выдержки» [Calhoun, 1870, p. 279].

Примечательно, что и Бенджамин Майнор, и Джеймс Де Боу, и Джон Кэлхун были выразителями интересов Юга, но на момент 1845 года еще видели Юг как неотъемлемую часть Союза и, хоть и призывали к развитию своего региона, то только в контексте экономического объединения всей страны.

Съезд проходил с 4 июля по 12 ноября. Президентом был избран Джон Кэлхун из Южной Каролины. Вице-президентами избраны 15 человек из штатов Теннеси, Кентукки, Арканзаса, Миссисипи, Миссури, Алабамы, Луизианы (два человека), Южной Каролины, Иллинойса, Северной Каролины, Огайо, Индианы, Айовы, Вирджинии. Назначено семь секретарей. Организаторами были три человека из Мемфиса. На конвент прибыли: из Пенсильвании – 3 человека; Северной Каролины – 1 человек; Южной Каролины – 9; Алабамы – 24; Техаса – 3; Теннеси – 219; Миссури – 36; Иллинойса – 22; Айовы – 4; Вирджинии – 5; Луизианы – 14; Миссисипи – 177; Арканзаса – 22; Кентукки – 25; Индианы – 7; Огайо – 14 [The Commercial Review, 1846, p. 10–12].

Мы видим, что самые большие делегации прибыли из Миссисипи и Теннеси. Но также следует обратить внимание на трех делегатов из Техаса. Формально Техас был независимым государством, хоть и не признавался Мексикой. В 1844 и 1845 годах проходили переговоры и юридические процедуры по принятию Техаса в состав Союза в качестве штата [Токарев, 2025]. Отдельно техасцев приветствовал президент конвента Джон Кэлхун, который верил, что Техас будет аннексирован в ближайшем будущем [Calhoun, 1870, p. 273].

У каждого из этих штатов были свои виды на конвент, и периодически возникали трудности из-за обилия предлагаемых вопросов на рассмотрение. Однако президент и вице-президенты смогли не допустить излишней демагогии, опасной в условиях совершенно разных экономических интересов. Председатели комитетов старались направить и упорядочить деятельность конвента, иначе даже при обсуждении судоходства по реке Миссисипи каждый старался «произнести речь о ручье, который протекает в его родной деревне» [The Commercial Review, 1846, p. 13]. Мы уже видели призыв Кэлхуна к единству, и благодаря ему и благоразумию остальных делегатов на съезде старались не останавливаться на второстепенных вопросах и не задерживаться на их обсуждении. Некоторые делегации имели при себе уже готовые аргументы и доводы по всем основным вопросам.

Такой конструктивный тон деятельности конвента задавал Джон Кэлхун. Джон Кэлхун был видным идеологом Юга, он отстаивал права штатов и выступал против тарифов. В 1833 году именно позиция Кэлхуна и его южнокаролинских друзей привела к кризису нуллификации. Тогда многие южные политики в ответ на повышение тарифов объявили, что штаты имеют право отменять (нуллифицировать) решения федерального правительства, если они не выгодны штатам. Радикалы из Южной Каролины стали угрожать выходом из Союза, если тарифы не будут отменены. Идея прав штатов Кэлхуна базировалась на мысли, что федеральное правительство не должно вмешиваться в дела штатов, в том числе по вопросам внутреннего улучшения. Но на конвенте Кэлхун отстаивал позицию, что Юг, Юго-Запад и Запад имеют одни и те же условия и должны объединиться в усилии развития инфраструктуры. Кэлхун выделил три экономических региона – территорию бассейна реки Миссисипи, южные штаты, где выращивался рис, табак и хлопок, и отдельно регион Техас [Calhoun, 1870, p. 273].

Делегатами конвента руководила идея экономического объедения Юга и Запада, чтобы сделать его более доступным друг для друга, для всего Союза и для всего мира. Решения конвента они планировали опубликовать, чтобы привлечь внимание общественности и воплотить некоторые из них через Конгресс.

Основные вопросы, которые рассматривались на конвенте:

1) военно-стратегические возможности долины реки Миссисипи и возможность создания парового военного флота;

2) улучшение судоходности реки Огайо;

3) улучшение судоходности реки Миссисипи;

4) создание арсеналов на Западе;

5) строительство канала между Миссисипи и Великими Озерами;

6) развитие почтовой службы на реках;

7) строительство военной дороги на юго-западе;

8) мелиорация затопляемых земель вдоль берегов западных рек для их дальнейшего использования;

9) разведение хлопка;

10) развитие мануфактур на Юге;

11) строительство железной дороги между Чарльстоном и Мемфисом [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 577].

В газете, опубликовавшей этот список, три последних пункта снабжены комментарием, что они касаются исключительно Юга, и конвент не ставил целью обращения федерального правительства на них внимания.

В первую очередь на конвенте рассматривался вопрос об улучшении судоходства рек Миссисипи, Миссури, Теннеси, Иллинойс, Осейдж, Огайо, Ред-Ривер, развитии здесь речного транспорта и строительство каналов. Кэлхун, несмотря на его доктрину прав штатов, утверждал, что Миссисипи – слишком важная река, чтобы ее игнорировало федеральное правительство, и что Вашингтон должен содействовать в развитии этой реки, улучшению судоходности, строительству мостов, доков, верфей и т. д. [The Commercial Review, 1846, p. 14–15]. Он говорил, что инженер Роберт Фултон изобрел пароход и тем самым превратил Миссисипи во внутреннее море. А это, по мнению Кэлхуна, ставило реку в один ряд с побережьем Мексиканского залива, Атлантического океана, Великими озерами, развитие и защита которых находились в ведении Федерального правительства [Calhoun, 1870, p. 280].

Для лучшего и быстрого сообщения и быстрой мобилизации сил необходимо было развитие речной почтовой службы. Почтовую службу планировалось расширить до Орегона. Это помогло бы завершить объединение регионов Великих Озер, Миссисипи и Мексиканского залива в единую систему, выйти на новые рубежи и установить сообщение с Сандвичевыми островами (Гавайи) [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 601]. Планировалось по всем рекам разместить таблички с указанием глубины фарватера, чтобы облегчить выбор перевозимого груза и его количества. На конвенте обращали внимание и на защиту региона.

В статье The Southern Literary Messenger отмечалась угроза со стороны Великобритании в районе Великих Озер, которые наращивали здесь присутствие и имели хорошую транспортную связь с Атлантическим океаном. Эти опасения не были безосновательны, так как отношения США и Великобритании были довольно сложными. Еще в 1837 году американцы поддержали восстание в Верхней Канаде под предводительством Уильяма Лайона Макензи. В 1844 году в США президентом избран Дж. Н. Полк, предвыборная кампания которого содержала призывы захвата спорной с Великобританией территории Орегона. Связь Озер с Миссисипи посредством канала усилило бы эти районы со стороны США. Для защиты единой транспортной водной системы рассматривался вопрос о паровом флоте и строительстве инженерной школы в Мемфисе. Выпускники этой школы должны были служить на таких кораблях [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 582]. В рамках усиления обороны рассматривался вопрос о Флориде. Проблема Флориды заключалась в том, что кораблям приходилось огибать полуостров, что было долго, дорого и опасно. У берегов было много отмелей, опасных течений и рифов и огромное количество утонувших кораблей [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 583]. Поэтому была необходимость возведения маяков во Флориде. В свою очередь, Кэлхун предлагал построить здесь военно-морскую базу в Пенсаколе [Calhoun, 1870, p. 275].

Другой важной частью развития транспортной системы были железные дороги. Еще до конференции в январе 1845 года Аса Уитни из Нью-Йорка представил Конгрессу Соединенных Штатов первый план строительства железной дороги между Озером Мичиган и побережьем Тихого Океана. По его плану маршрут должен был проходить через Скалистые горы [Whitney, 1968, p. 272]. Реки и железные дороги могли бы создать единую транспортную систему и объединить территорию США. По его подсчетам, время сообщения между Нью-Йорком и

странами по ту сторону Океана (Китай и Япония) сократилась бы в десять раз. Он подсчитал, что расстояние от Нью-Йорка до озера Мичиган составляло 840 миль, от Мичигана до реки Колумбия – 2 160 миль, от реки Колумбия до Сандвичевых островов (Гавайи) – 2 100 миль, до Японии – 5 600 миль, до Китая (г. Амой, совр. Сямынь) – 6 200 миль. Общее расстояние от Нью-Йорка до Китая таким образом составляло 9 200 миль, что было в два раза меньше морского маршрута через Атлантический океан (17 000 миль). Уитни утверждал, что время сообщения могло сократиться со 100–150 до 30 дней [Whitney, 1968, p. 273]. При постройке железной дороги и объедения ее с возможностями реки Миссисипи соединились бы все крупные торговые центры США: Нью-Йорк, Бостон, Новый Орлеан и Чарльстон. Для строительства дороги, по мнению Уитни, требовалось 50 млн долларов и еще 15 млн для ее содержания.

Помимо экономической выгоды, Уитни полагал, что открытие западных земель разгрузит социальную напряженность городов восточного побережья. Неимущие и иммигранты могли бы легче уйти на Запад и начать осваивать новые земли [Whitney, 1968, p. 274]. Подобную проблему еще в 1830-х годах заметил Алексис де Токвиль, который писал, что европейцы не ехали сразу на Запад, а, не имея средств к существованию, оставались на восточном побережье [Токвиль, 2018, с. 245]. По мнению Уитни, эта проблема могла разрешиться строительством железной дороги. Хотя Конгресс не принял никаких мер по его предложению, этот вопрос рассмотрели на конвенте.

Члены конвента соглашались, что Запад и Юг должны были обрасти сетью железных дорог, чтобы все южные экономические и политические центры были объединены с долиной реки Миссисипи. Выгода развития инфраструктуры была не только экономического характера, но и военного. Кэлхун предупреждал, что в случае войны дельта Миссисипи могла быть перекрыта вражескими кораблями в Мексиканском заливе. В этом случае единственная связь Юга и Запада с Северо-Востоком могла быть только при наличии железной дороги [The Commercial Review, 1846, p. 15]. Он считал, что строить железные дороги нужно между южными городами и рекой Миссисипи и соединить их в Атланте, штат Джорджия [Calhoun, 1870, p. 276]. Однако железная дорога и реки объединяли только Юг и Запад, и для объединения всего Союза предлагалось строительство канала между Миссисипи и Озерами. Канал позволил бы сплотить штаты, расположенные вдоль реки Миссисипи, с штатами севера и северо-востока [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 579].

Вопрос о строительстве железных дорог привел, в свою очередь, к дебатам о тарифах. В целях единства Кэлхун отказывался поднимать вопрос о тарифах, хотя признавал, что для успешного развития внутреннего рынка необходимо снизить пошлины на те товары, которые были необходимы для развития Юга и Запада. Автор статьи в The Southern Literary Messenger был противником таможенной политики США. Он сетовал, что таможенные ограничения мешают проникновению импорта, что на руку северным капиталистам, «многие из которых иностранцы» [The Southern Literary Messenger, 1845, p. 584], и что южанам сложно с ними конкурировать. При принятии резолюции жаркие дебаты возникли по вопросам о беспошлинной перевозке железа, поскольку оно было необходимо для железнодорожного строительства [Calhoun, 1870, p. 281–282]. Этот пункт так и не вошел в финальную версию.

Среди других немаловажных проблем, обсуждаемых на конвенте, были вопрос о строительстве системы складов, которые могли бы лучше распределить импортные товары по стране и развить торговлю в южных штатах; вопрос по улучшению судоходства у Сент-Луиса в Миссури и Мобила в Алабаме; вопрос о строительстве дороги в Арканзасе; вопрос о рекультивации затопляемых земель, для решения которого Кэлхун предлагал отменить государственную собственность на эти земли, чтобы сами штаты решали, как их использовать [Calhoun, 1870, p. 283]. Рассмотреть все предложения в рамках одной статьи не представляется возможным.

Для решения всех обсуждаемых вопросов были созданы следующие комитеты:

1. Комитет по военным и военно-морским ресурсам и потребностям Юга и Запада. Председатель – Роджер Бартон из Миссисипи, члены комитета были из Алабамы, Теннесси, Луизианы, Индианы, Южной Каролины, Пенсильвании и Миссури.

2. Комитет по улучшению состояния реки Огайо. Председатель – Т. Дж. Бигхэм из Пенсильвании, члены комитета из Индианы, Миссури, Огайо, Вирджинии, Кентукки, Луизианы и Иллинойса.

3. Комитет по улучшению состояния Западных рек. Председатель – А. Б. Чемберс из Миссури, члены комитета из Миссури, Миссисипи, Теннесси, Огайо, Вирджинии, Пенсильвании, Луизианы, Кентукки, Арканзаса, Иллинойса и Алабамы.

4. Комитет по обороне, фортам и западному фронтиру. Председатель – А. Г. Мейерс из Арканзаса, члены комитета из Миссури, Техаса, Айовы, Луизианы, Огайо и Иллинойса.

5. Комитет почтовой службы. Председатель – М. Б. Винчестер из Теннесси. Члены комитета из Миссисипи, Луизианы, Индианы, Миссури, Иллинойса, Огайо, Вирджинии, Арканзаса, Айовы, Кентукки и Теннесси.

6. Комитет развития промышленности на Юге. Председатель – А. Д. Парк из Теннесси, члены комитета из Теннесси, Миссури, Луизианы, Кентукки, Миссисипи, Иллинойса, Вирджинии и Южной Каролины.

7. Комитет по больничным учреждениям. Председатель – Доктор У. Кристиан из Теннесси, члены комитета из Миссури, Индианы, Кентукки, Техаса, Огайо, Вирджинии, Пенсильвании, Иллинойса, Миссисипи, Арканзаса и Луизианы.

8. Комитет по строительству дамб и рекультивации государственных земель в затопляемых низменностях у берегов крупных западных рек. Председатель – Дэвид Крейгхед из Теннесси, члены комитета из Арканзаса, Иллинойса, Теннесси, Вирджинии, Миссури, Луизианы, Кентукки, Миссисипи и Иллинойса.

9. Комитет по строительству канала между Великими Озерами и западными реками. Председатель – У. Уолтерс из Иллинойса, члены комитета из Иллинойса, Огайо, Индианы, Миссури, Кентукки, Луизианы и Арканзаса.

10. Комитет по железнодорожному соединению портов южных атлантических штатов с рекой Миссисипи. Председатель – Робертсон Топп из Теннесси (полковник Дж. Гадсден из Южной Каролины представил отчет), члены комитета из Теннесси, Миссисипи, Алабамы, Кентукки, Луизианы, Иллинойса, Арканзаса, Вирджинии, Индианы, Огайо, Миссури и Южной Каролины.

11. Комитет по строительству арсеналов на Западе. Председатель – Генри Эдди из Иллинойса, члены комитета из Теннесси, Миссисипи, Индианы, Миссури, Пенсильвании, Луизианы, Вирджинии, Арканзаса, Айовы и Кентукки.

12. Комитет по строительству военной дороги через Арканзас. Председатель – Д. Х. Бингем из Арканзаса, члены комитета из Арканзаса, Теннесси, Кентукки, Иллинойса и Вирджинии.

13. Комитет по озерам, гаваням и обороне. Председатель – Дж. А. Бриггс из Огайо, члены комитета из Кентукки, Пенсильвании, Иллинойса и Индианы.

14. Комитет по системе складов и хранилищ. Председатель – Б. Б. Майнор из Вирджинии, члены комитета из Южной Каролины, Луизианы, Арканзаса, Миссисипи, Кентукки, Айовы, Миссури, Пенсильвании, Алабамы, Иллинойса, Теннесси и Индианы [The Commercial Review, 1846, p. 15–16].

При составлении резолюции старались отметать несущественные, по мнению делегатов, решения. Это делалось для того, чтобы не спугнуть правительство, поскольку просьб к центру было довольно много: строительство парового флота, доков, оружейных складов, верфей, дорог, мостов и др. Подразумевалось, что представление всех этих вопросов на рассмотрение будет логичным и постепенным [The Commercial Review, 1846, p. 13].

Резолюция состояла из 20 пунктов, в которых было принято решение об улучшении судоходства по западным рекам (пункты 2, 16), углублении устья реки Миссисипи, чтобы увеличить проходимость для больших кораблей (пункт 4), создании военно-морского и речного парового флота (пункт 5), строительстве канала между Миссисипи и Озерами (пункт 6), строительстве укреплений и маяков вдоль побережья Мексиканского залива

(пункт 7), строительстве арсеналов, госпиталей по территории рек (пункты 9, 10), осушении и рекультивации затопляемых земель (пункт 12), строительстве железной дороги между южными портами атлантического побережья и Миссисипи (пункт 13), строительстве дорожной системы, в том числе военной дороги к фронтиру (пункт 14, 17), создании почтовой службы и строительстве телеграфа (пункт 11), улучшении проходимости гавани у Сент-Луиса (пункт 16) и др. Федеральное правительство должно было либо снабжать деньгами (пункты 3, 8, 9, 10, 11, 16, 17, 18), либо предоставлять общественные, т. е. государственные земли (пункты 12, 15) [The Commercial Review, 1846, p. 18–22].

Выполнение этих резолюций требовало единство всех штатов, принявших участие в конвенте. Возможно, это единство было утопичным или наивным, поскольку слишком разнообразны были требования, слишком мало средств у федерального правительства, а на Юге слишком сильна доктрина прав штатов. Но само наличие идеи единства, которой требовалась дисциплина и понимание пути экономического развития, говорит нам, что делегаты осознавали общность интересов Юга и Запада. По нашему мнению, это была крайне важная попытка объединить страну, если не в идеологическом и социальном плане, то хотя бы в экономическом. Мемфисский конвент был неким шансом на спасение Союза, который не был использован.

Заключение

Таким образом, Мемфисский конвент имел как политическое, так и экономическое значение. Этот конвент не был исключительно южным, да и сказать, что все южане были заинтересованы в нем, мы не можем. Но те деятели, которые приняли участие в конвенте, попытались интегрировать регион в экономическую жизнь страны и разнообразить хозяйственную деятельность Юга. Однако эта попытка была обречена на провал.

В феврале 1846 года мемфисские резолюции были представлены в Палате представителей, но были отклонены. Доклад, подготовленный Кэлхуном для рассмотрения в Сенате, постигла та же участь. Работы Де Боу по развитию Юга вызвали отторжение и критику со стороны южнокаролинского истеблишмента. Они посчитали, что Де Боу предает идеалы Юга, поскольку он в своих статьях о необходимости промышленного развития Юга развивал мысль об объединении Юга через развитие собственной независимой экономической системы [Aphornsuvan, 1990, p. 103]. В июне 1846 года члены Конгресса решили, что план Асы Уитни по строительству железной дороги непрактичен. Но Уитни продолжил свою пропаганду, и его проект рассматривали на 30, 31 и 32 Конгрессах [30 Congress, 1st Session, H.R. 468; 30 Congress, 2nd Session, S. 297; 31 Congress, 1st Session, H.R. 156; 31 Congress, 1st Session, S. 333; 32 Congress, 1st Session, H.R. 186].

Конечно нельзя сказать, что таких политиков, как Джон Кэлхун, и других делегатов Мемфисского конвента могли сломить неудачи. Нельзя сказать также, что отклонение в Конгрессе проектов перечеркивало результаты конвента, они могли подаваться до их реального рассмотрения. Но очень скоро ситуация кардинально поменялась. В конце 1845 года Техас стал 28 штатом США, на что надеялся Кэлхун. Это привело к американо-мексиканской войне 1846–1848 годов, по результатам которой американцы получили огромные территории, доходившие до Тихого Океана. Для всего Союза, и для южан в частности, теперь главным был вопрос не об экономическом развитии Юга или интеграции его с Западом и Севером, а о том, можно ли будет на новые земли распространить рабовладельческое плантационное хозяйство.

Список литературы

Алентьева Т.В., Филимонова М.А. 2021. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. Санкт-Петербург, Алетейя, 518 с.

Беккерт С. 2018. Империя хлопка: Всемирная история. Москва, Изд-во Института Гайдара, 736 с.

Бурстин Д. 1993. Американцы: национальный опыт. Москва, Издательская группа «Прогресс», «Литера», 624 с.

Гринспен А., Вулдридж А. 2020. Капитализм в Америке: История. Москва, Альпина Паблишер, 560 с.

Ефимов А.В. 1969. США: пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). Москва, Изд.: «Наука», 696 с.
Токарев Г.А. 2025. Вопрос аннексии Техаса в контексте радикализации политического пространства Юга США. *Общество: философия, история, культура*. 8: 191–197.
Токвиль А. 2018. О демократии в Америке. Москва, T8RUGRAM, 638 с.
Шпотов Б.М. 1991a. Была ли на Юге и Западе США промышленная революция? Постановка проблемы. *Американский Ежегодник.* 1990: 126–141.
Шпотов Б.М. 1991b. Промышленный переворот в США. Ч. I. Москва, Институт всеобщей истории АН СССР, 205 с.
30 Congress, 1st Session, H.R. 468.
30 Congress, 2nd Session, S. 297.
31 Congress, 1st Session, H.R. 156.
31 Congress, 1st Session, S. 333.
32 Congress, 1st Session, H.R. 186.
Aphornsuvan T. 1990. James D.B. De Bow and the Political Economy of the Old South. PhD diss. State University of New York at Binghamton, 202 p.
Gregg W. 1968. Southern Manufacturing. *The Annals of America. Vol. 7. 1841–1849. Manifest Destiny.* Encyclopaedia Britannica, Inc.: 276–281.
Krooss H.E., Gilbert Ch. 1972. American Business History. 358 p.
North D.C. 1966. The Economic Growth of the United States, 1790–1860. New York, W.W. Norton & Company, inc., 304 p.
Sellers Ch. 1991. The Market Revolution. Jacksonian America, 1815–1846. New York, 502 p.
The Commercial Review of the South and West. 1846. Vol. 1. New Orleans, 546 p.
The Southern Literary Messenger. 1845. Vol. 11. 762 p.
The Works of John C. Calhoun. 1870. Vol. VI. New York, D. Appltone and Company, 445 p.
Whitney A. 1968. A Railroad to the Pacific. *The Annals of America. Vol. 7. 1841–1849. Manifest Destiny*. Encyclopaedia Britannica, Inc.: 272–275.

References

Alent'eva T.V., Filimonova M.A. 2021. Prosvetitel'skie idei i revoljucionnyj process v Severnoj Amerike [Enlightenment Ideas and the Revolutionary Process in North America]. Saint Petersburg, Aletejja, 518 p.
Beckert S. 2018. Empire of Cotton. A Global History. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 736 p. (in Russian).
Boorstin D. 1993. The Americans: The National Experience. Moscow, Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Litera», 624 p. (in Russian).
Greenspan A., Wooldridge A. 2020. Capitalism in America: A History. Moscow: Al'pina Pablisher, 560 p. (in Russian).
Efimov A.V. 1969. SShA: puti razvitija kapitalizma (doimperialisticheskaja jepoha) [USA: Ways of Developing Capitalism (Pre-Imperialist Era)]. Moscow, Izd.: «Nauka», 696 p.
Tokarev G.A. 2025. Vopros anneksii Tehasa v kontekste radikalizacii politicheskogo prostranstva Juga SShA [The Issue of Texas Annexation in the Context of Radicalization of the Political Space of the USA South]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. 8: 191–197.
Tocqueville A. de. 2018. Democracy in America. Moscow, T8RUGRAM, 638 p. (in Russian).
Shpotov B.M. 1991a. Byla li na Juge i Zapade SShA promyshlennaja revoljucija? Postanovka problemy [Was there an Industrial Revolution in the South and West of the United States? Articulation of Issue]. *Amerikanskij Ezhegodnik.* [American Yearbook 1990]. 1990: 126–141.
Shpotov B.M. 1991. Promyshlennyj perevorot v SShA. Ch. I [The Industrial Revolution in the USA. P. I]. Moscow, Institut vseobshhej istorii AN SSSR, 205 p.
30 Congress, 1st Session, H.R. 468.
30 Congress, 2nd Session, S. 297.
31 Congress, 1st Session, H.R. 156.
31 Congress, 1st Session, S. 333.
32 Congress, 1st Session, H.R. 186.
Aphornsuvan T. 1990. James D.B. De Bow and the Political Economy of the Old South. PhD diss. State University of New York at Binghamton, 202 p.

Gregg W. 1968. Southern Manufacturing. *The Annals of America. Vol. 7. 1841–1849. Manifest Destiny.* Encyclopaedia Britannica, Inc.: 276–281.
Krooss H.E., Gilbert Ch. 1972. American Business History. 358 p.
North D.C. 1966. The Economic Growth of the United States, 1790–1860. New York, W.W. Norton & Company, inc., 304 p.
Sellers Ch. 1991. The Market Revolution. Jacksonian America, 1815–1846. New York, 502 p.
The Commercial Review of the South and West. 1846. Vol. 1. New Orleans, 546 p.
The Southern Literary Messenger. 1845. Vol. 11. 762 p.
The Works of John C. Calhoun. 1870. Vol. VI. New York, D. Appltone and Company, 445 p.
Whitney A. 1968. A Railroad to the Pacific. *The Annals of America. Vol. 7. 1841–1849. Manifest Destiny*. Encyclopaedia Britannica, Inc.: 272–275.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.11.2025
Поступила после рецензирования 04.03.2026
Принята к публикации 06.03.2026

Received November 2, 2025
Revised March 4, 2026
Accepted March 6, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тайгильдин Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия
ORCID: 0000-0003-1849-673X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei V. Taigildin, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of World History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia

УДК 94 (100)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-333-347
EDN FIEASQ
Оригинальное исследование

«Поттаватомская резня»: история одной казни

Шумаков А.А.
Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Россия, 300000, г. Тула, проспект Ленина, 53
E-mail: takamori@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из самых известных и в то же время ужасающих эпизодов гражданской войны в Канзасе 1854–1859 гг. В американскую историю это событие вошло под названием «Резня на Поттаватоми-крик» или «Резня Поттаватоми». Жестокая расправа над пятью поселенцами-южанами, совершенная отрядом аболиционистов во главе с Джоном Брауном в ночь на 25 мая 1856 г., привела к небывалому всплеску насилия на Территории Канзас и положила начало открытому вооруженному противостоянию между сторонниками и противниками рабства. В перспективе она стала еще и одним из факторов нарастания напряженности между Севером и Югом, которое впоследствии приведет уже к общенациональной Гражданской войне 1861–1865 гг. В исследовании анализируются причины и предыстория «расправы на Поттаватоми-крик», мотивы совершенного преступления, а также приводится подробное критическое описание событий 24–25 мая и их последствий. Отдельное место занимает обзор историографии, в рамках которого особое внимание акцентируется на восприятии указанного события. Работа опирается на материалы ведущих специалистов и широкую источниковую базу, включающую в себя материалы переписки, свидетельские показания и газетные публикации. В ходе своих научных изысканий автор использует нарративный, сравнительно-исторический, ретроспективный и каузальный методы исторического исследования.

Ключевые слова: резня на Поттаватоми-крик 1856 г., гражданская война в Канзасе 1854–1859 гг., малая гражданская война, «Истекающий кровью Канзас», фристейтеры, рабство, аболиционизм, Джон Браун, американская историография, история Канзаса

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шумаков А.А. 2026. «Поттаватомская резня»: история одной казни. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 333–347. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-333-347. EDN: FIEASQ

"Pottawatomie Massacre": The Story of One Execution

Andrey A. Shumakov
G.V. Plekhanov Tula branch of the Russian University of Economics,
53 Lenin Ave., Tula 300000, Russia
E-mail: takamori@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to one of the most famous and at the same time terrifying episodes of the Kansas Civil War of 1854–1859. It went down in American history as the "Pottawattomie Creek Massacre" or the "Pottawattomie Massacre". The brutal massacre of five Southern settlers, committed by an abolitionist group led by John Brown on the night of May 25, 1856, led to an unprecedented surge in violence in Kansas and an open armed confrontation between supporters and opponents of slavery. In the future, it also became one of the factors of the growing tension between the North and the South, which would later lead to the Civil War of 1861–1865. This study analyzes the causes and background of the "Pottawattomie Creek massacre", the motives of the crime, and provides a detailed critical description of the events of May 24–25 and their consequences. A special place in the study is occupied by a review of historiography, in which the author focuses on the perception of this event. The work is based on the materials of leading experts and a large source base, including correspondence materials, witness statements and newspaper publications. The research uses narrative, comparative historical, retrospective and causal methods of historical research.

© Шумаков А.А., 2026

Keywords: Pottawattomie Massacre, Kansas Civil War of 1854–1859, Small Civil War, "Bleeding Kansas", Free State, slavery, abolitionism, John Brown, American historiography, history of Kansas

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shumakov A.A. 2026. "Pottawatomie Massacre": The Story of One Execution. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 333–347 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-333-347. EDN: FIEASQ

Введение

Это массовое убийство, совершенное группой аболиционистов под командованием Джона Брауна в ночь на 25 мая 1856 г. близ ручья Поттаватоми, навсегда вошло в американскую историю как поворотное событие гражданской войны в Канзасе 1854–1859 г. Фактически оно вывело локальный конфликт малой интенсивности на новый, подлинно национальный уровень. Шокирующие новости о кровавой «резне на Поттаватоми-крик» [4] раскололи не только американское общество, но и само аболиционистское движение.

По прошествии более чем полутора веков исследователи продолжают спорить о мотивах Джона Брауна, побудивших его пойти на столь ужасающее преступление, а также о моральной допустимости подобного рода действий во имя, несомненно, благой цели – освобождения рабов [Poland, 2020. p. 343]. Наверное, не будет преувеличением, если предположить, что именно расправа над безоружными фермерами на Поттаватоми-крик по сей день воспринимается подавляющим большинством историков и обывателей как едва ли не единственное «темное пятно» в биографии легендарного аболициониста, претендующего на роль главного героя-мученика в истории США.

Другим крайне важным и в то же время дискуссионным вопросом можно назвать последствия и значение поттаватомской расправы. Практически никто из ведущих исследователей не отрицает того, что события 24–25 мая 1856 г. оказали существенное влияние не только на ход гражданского конфликта в Канзасе, но и на складывание предпосылок к гражданской войне 1861–1865 гг., однако последнее, как правило, остается исключительно на уровне сугубо умозрительных утверждений.

Данная работа не ставит своей целью вынесение моральных оценок в отношении действий «Северной армии», осуждения или оправдания Джона Брауна, вместо этого она всецело сосредотачивается на объективном анализе рассматриваемого события, а именно – выявлении каузальных связей, мотивов, реконструкции, определении последствий и значения поттаватомской резни.

Стоит отметить, что степень изученности указанной темы в американской историографии достаточно высока. Причем особой популярностью она пользуется не только у исследователей, но и у публицистов и простых обывателей. Свидетельством последнего являются частые обращения к майским событиям 1856 г. в американских СМИ и регулярное проведение дискуссий по этому вопросу в различных форматах. Другим важным проявлением неувядающей актуальности рассматриваемого события можно назвать его отражение в американской художественной культуре. К примеру, к сюжету Поттаватомской расправы обращались два самых популярных сериала последних лет, посвященных американской истории XIX в., – «Ад на колесах» (2013) [Hell on Wheels] и «Птица доброго Господа» (2020) [The Good Lord Bird].

Результаты и их обсуждение

Историография вопроса

Можно сказать, что начало изучению «резни на Поттаватоми-крик» было положено американским журналистом Джеймсом Редпатом, побывавшим в лагере Джона Брауна почти

[4] Именно такое название закрепилось за событием в американской историографии.

сразу после кровавых событий 25 мая 1856 г. В своей работе он ставит под сомнение сам факт непосредственного участия Джона Брауна в тех убийствах, называя произошедшее «одним из суровых актов суммарного правосудия, которыми изобилует история Запада и любой гражданской войны» [Redpath, 1860, p. 115], а его эффект – «очень полезным для безопасности жителей Свободного штата» [Redpath, 1860, p. 119].

Аналогичной точки зрения придерживались английский биограф Джона Брауна Ричард Д. Уэбб [Webb, 1861, p. 51–54] и ближайший сподвижник аболициониста Франклин Бенджамин Сэнборн. Последний и вовсе усматривает в произошедшем некие мессианские мотивы, а саму казнь называет «ужасным, но полезным уроком» [Sanborn, 1885, p. 250]. При этом Ф.Б. Сэнборн провел довольно обстоятельный разбор как непосредственно событий 24–25 мая, так и их предыстории, опираясь на материалы переписки Джона Брауна и последующие показания участников.

В конце XIX – начале XX века наблюдаются первые попытки объективного анализа «расправы на Поттаватоми-крик». В 1894 г. году к этим событиям обратился американский писатель Ричард Джозайя Хинтон. После подробного изложения хода конфликта в Канзасе он пришел к выводу, что такие люди, как Джон Браун, действуют исключительно в соответствии с собственными убеждениями, а следовательно, неподвластны суду истории и простых людей [Hinton, 1894, p. 91–92].

Еще более подробное рассмотрение можно встретить в работе одного из самых известных и глубоких исследователей биографии Джона Брауна Освальда Гаррисона Вилларда. Этот американский исследователь не просто обобщает все имеющиеся сведения, но и проводит критический анализ и разбор основных версий объяснения действий аболициониста в ночь на 25 мая 1856 г. В заключение Виллард приходит к следующему, довольно необычному для ранних биографов Джона Брауна выводу: «Если он и заслуживает остаться в истории, то не благодаря жестокому, отвратительному, предосудительному действу на Поттаватоми, а вопреки ему» [Villard, 1910, p. 188].

За год до опубликования масштабного труда О.Г. Вилларда в свет вышла еще одна объемная биография Джона Брауна, написанная ведущим представителем афроамериканской общественно-политической мысли Уильямом Эдвардом Бургхардтом Дюбуа, однако в ней приводятся лишь общие сведения о резне в Поттаватоми. Автор сознательно избегает акцентирования внимания на данном событии, отводя его описанию всего 3 страницы [Du Bois, 1909, p. 156–159]. Говоря о значении Поттаватомской расправы, Дюбуа как бы пытается «примирить» два, по его мнению, противоположных подхода к оценке указанного события: «По сей день люди расходятся во мнениях о последствиях нападения Джона Брауна. Одни говорят, что оно освободило Канзас, в то время как другие утверждают, что оно снова ввергло страну в гражданскую войну. В обоих утверждениях есть доля правды. Этот удар послужил освобождению Канзаса, ввергнув его в гражданскую войну и заставив людей бороться за свою свободу, которой они тщетно надеялись добиться успеха посредством политической дипломатии» [Du Bois, 1909, p. 157]. Аналогичное описание можно видеть и в работе американского писателя-социалиста Эмануэля Холдемана-Джулиуса 1929 г., назвавшего действия «Северной армии» на Поттаватоми-крик «самым ужасным, но в то же время первым жестким и решительным шагом в карьере Джона Брауна» [Haldeman-Julius, 1925, p. 28–29].

И тем не менее, несмотря на выход этих апологий, можно констатировать, что в первой половине XX в. восприятие данного события, равно как и самой фигуры Джона Брауна, в американской историографии резко меняется. В это время выходят критические работы за авторством Хилла Пиблса Уилсона [Wilson, 1913], Роберта Пенна Уоррена [Warren, 1993] и Джеймса Клода Малина [Malin, 1942]. Все трое ставили целью разрушить стереотипное представление о «полусвятом мученике-идеалисте» Джоне Брауне и некоторые мифы, связанные с его биографией. Разумеется, одним из главных контраргументов являлась история немотивированных кровавых расправ в ночь на 25 мая 1856 г. При этом Х.П. Уилсон, Р.П. Уоррен и Д.К. Малин не просто осуждали действия Джона Брауна на Поттаватоми-крик, но и усматривали

в них исключительно корыстные мотивы. К примеру, Уилсон писал, что причиной ночного нападения на безоружных поселенцев являлось банальное ограбление [Wilson, 1913, p. 22].

Еще одной знаковой биографией Джона Брауна можно назвать работу профессора истории Массачусетского университета в Амхерсте Стивена Уэтса. Давая развернутое, хоть не вполне критическое описание указанных событий, автор сознательно избегает вопроса о мотивах, по сути, сводя их к обычной мести [Oates, 1972, p. 128], а в качестве основных последствий резни на Поттаватоми-крик называет лишь дальнейшее развязывание партизанской войны.

В 2004 г. выходит книга американского историка Николь Этчесон, посвященная конфликту в Канзасе. Вписывая события 24–25 мая в контекст Малой гражданской войны, автор приходит к однозначному выводу, что действия Брауна «поставили под угрозу дело, которому он служил» [Etcheson, 2004, p. 112].

Последней на сегодняшний момент большой работой, затрагивающей тему Поттаватомской резни, является труд Дэвида С. Рейнолдса. Пытаясь разобраться в мотивах Джона Брауна, американский историк выдвигает довольно странную версию, что аболиционист в своих действиях вдохновлялся примером Оливера Кромвеля, с биографией которого был хорошо знаком [Reynolds, 2005, p. 215]. Еще одной особенностью трактовки Д.С. Рейнолдса является отдельное выделение «расового элемента». Автор делает крайне спорное утверждение, что, выбрав такую форму мести «белым угнетателям», Браун сознательно копировал действия восставших рабов и индейцев, а сам «акт насилия проистекал из самого сердца расового угнетения» [Reynolds, 2005, p. 219]. При этом сами «полуночные убийства» Рейнолдс называет справедливым ответом насилию южан, а жертв – тщательно выбранными целями [Reynolds, 2005, p. 217].

Причины и предыстория

Сразу стоит оговориться, что, вопреки достаточно распространенному мнению, нападение отряда Джона Брауна на поселенцев-южан близ Поттаватоми-крик не являлось первым проявлением общественно-политической или даже «военной» активности легендарного аболициониста на территории Канзаса, куда тот перебрался в начале октября 1855 г. Браун и его сыновья, пятеро [5] из которых поселились со своими семьями в 8 милях от Осаватоми еще раньше – весной того же года [Sanborn, 1885, p. 189], с первых дней пребывания там оказались вовлечены в разворачивающееся противостояние между сторонниками «Свободного штата» и т. н. «миссурийцами» [6].

Так, 9 октября семейство аболиционистов приняло участие в выборах конгрессмена от Территории Канзас и делегатов на предстоящий конституционный съезд в Топике. Причем, если верить свидетельствам самого Брауна и его сыновей, уже в то время они были готовы к вооруженной конфронтации, планируя защищать избирательный участок в Поттаватоми от возможного нападения «южан». 14 октября 56-летний аболиционист писал своей жене и дочери, проживавшим на ферме в Северной Эльбе, штат Нью-Йорк: «В прошлый вторник проходил день выборов среди представителей Свободного штата в Канзасе. Услышав, что нас ожидают трудности, мы все основательно вооружились (кроме Джейсона, который был слишком слаб). Однако враг так и не появился, и я не слышал о каких-либо беспорядках на Территории. Я действительно считаю, что Миссури быстро разочаруется в идее превращения Канзаса в рабовладельческий штат, и думаю, что перспектива его освобождения становится все отчетливей с каждым днем» [Sanborn, 1885, p. 201–202].

Первым же опытом непосредственного участия в боевых действиях для Брауна и его сыновей стала оборона Лоуренса в декабре 1855 г., куда они прибыли 7-го числа [Sanborn, 1885,

[5] Фредерик, Оуэн, Сэлмон, Джейсон и Джон-младший.

[6] Так аболиционисты называли всех сторонников рабства в Канзасе и Законодательного собрания в Миссии Шауни вне зависимости от происхождения, стараясь тем самым подчеркнуть то, что они являются представителями и проводниками интересов соседнего штата, а не Канзаса. После 30 августа 1855 г., когда было объявлено о создании «Партии сторонников рабства – приверженцев Союза на Территории Канзас» («Pro-Slavery Party, the Union-Loving men of Kansas Territory»), это неофициальное наименование перешло еще и на всех ее сторонников.

p. 218] по призыву исполняющего обязанности губернатора «Свободного штата» Чарльза Робинсона. Там аболиционист получил звание капитана и был назначен командующим ротой «Гвардия свободы» в составе Пятого полка. Уже в первый день своего пребывания в новой должности Браун предложил план дерзкого ночного нападения на позиции «южан», располагавшиеся на противоположной стороне реки Уакаруса. Впрочем, несмотря на все приготовления и активное желание аболициониста как можно скорее приступить к проведению военной операции против «сторонников рабства», до вооруженного столкновения дело так и не дошло. Назначенный федеральным правительством губернатор Уилсон Шеннон лично прибыл в Лоуренс для переговоров с лидерами «Свободного штата» Ч. Робинсоном и Джеймсом Лейном. 8 декабря они пришли к согласию по вопросу необходимости снятия осады с города и возвращения многочисленных ополченцев из штата Миссури домой.

Для Брауна прекращение так и не начавшихся боевых действий оказалось крайне неприятным сюрпризом. По свидетельству специального корреспондента газеты New York Tribune Уильяма Филлипса, присутствовавшего на том собрании, аболиционист пытался отчаянно протестовать, требуя оглашения условий договора [Phillips, 1856, p. 222]. Еще один очевидец по фамилии Коулман описывал реакцию капитана следующим образом: «Как только Браун услышал о том, что произошло, он пришел со своими сыновьями в зал заседаний нашего совета – самый безумный человек, которого я когда-либо видел. Он заявил Робинсону, что все, что тот сделал, является фарсом; что менее чем через шесть месяцев миссурийцы раскроют обман, и все станет еще хуже, чем было в тот день (и так оно и было); что он приехал, чтобы помочь им в борьбе, но если Робинсон собирается поступить именно так, то не стоит посылать за ним вновь» [Sanborn, 1885, p. 220]. После этого разочарованный Браун сложил с себя полномочия командующего «Гвардией свободы» и отправился домой.

Такое поведение новоиспеченного капитана во время «войны на Уакарусе» [7] дает ключ к пониманию последующих событий на Поттаватоми-крик.

В первую очередь это «стояние» наглядно продемонстрировало готовность Джона Брауна к открытому вооруженному столкновению со сторонниками рабства. Капитан не просто рвался в бой, он пребывал в полной уверенности, что ополчение «Свободного штата» способно одолеть кратно превосходящие его по численности силы «миссурийцев». «Я не видел ни малейших признаков трусости или отсутствия самообладания, проявленных кем-либо из добровольцев одиннадцати рот, составлявших силы Свободного штата», – писал он своей жене 16 декабря 1855 г. [Sanborn, 1885, p. 220]. В то же время Браун крайне низко оценивал боеготовность и мотивацию сил противника. В частности, в том же письме супруге аболиционист приводил пример с пересечением его отрядом моста через Уакарусу, который контролировался силами «миссурийцев». Несмотря на тотальное превосходство в численности, ни один из «южан» не посмел тогда открыть огонь или хотя бы преградить им путь [Sanborn, 1885, p. 220].

Еще одним важным уроком «стояния на Уакарусе» стал первый опыт непосредственного взаимодействия Джона Брауна с лидерами «Свободного штата», окончательно убедивший его, что ни один из них не готов к прямому вооруженному столкновению. Существует свидетельство некого мистера Фостера из Осаватоми. Сразу по возвращении из Лоуренса он спросил капитана о Робинсоне и Лейне. «Они оба люди без принципов. Но когда дойдет до худшего, Лейн будет сражаться, а Робинсон – нет», – таков был краткий ответ аболициониста [Sanborn, 1885, p. 220].

И тем не менее после того, как условия соглашения между У. Шенноном и Ч. Робинсоном были обнародованы, Джон Браун поменял свое отношение к договору, заключенному в Лоуренсе, заявив о безоговорочной победе «Свободного штата» и выразив уверенность в скором освобождении Канзаса [Villard, 1910, p. 119]. Эту уверенность усилило принятие 15 декабря 1855 г. в Топике Конституции «Свободного штата» [8], провозгласившей Канзас территорией, свободной от рабства.

[7] Общепринятое в западной историографии название конфликта.

[8] В историографии за ней закрепилось название «Конституция Топики» по месту принятия и нахождения Законодательного собрания «Свободного штата».

В январе капитан и его сыновья приняли участие в выборах депутатов Законодательного собрания и губернатора «Свободного штата». Джон-младший получил депутатский мандат и чуть позже сформировал боевое соединение «Поттаватомские стрелки». Выборы в альтернативный законодательный орган на Территории Канзас вызвали сильное негодование не только у сторонников «официального» правительства, но и у федеральных властей. Во время голосования близ Ливенворта, мэр которого запретил в своем городе проведение выборов в «альтернативные» органы власти, произошли столкновения, закончившиеся гибелью нескольких человек, что спровоцировало бегство сторонников «Свободного штата» в Лоуренс. После этого Браун и его сыновья считали «вторжение» неизбежным. В феврале 1856 г. капитан писал жене, что только зимние холода и грядущая весенняя распутица удерживают миссурийцев от нападения [Sanborn, 1885, p. 223].

Еще большую тревогу у фристейтеров [9] вызвали известия о специальном послании президента Франклина Пирса Конгрессу США (24 января 1856 г.), в котором тот объявил У. Шеннона и «прорабовладельческое» законодательное собрание в Миссии Шауни [10] единственными легитимными органами власти на территории Канзаса, а также осудил действия сторонников «Свободного штата» [Villard, 1910, p. 130]. 11 февраля была принята прокламация с требованием роспуска всех незаконных вооруженных формирований и предоставления в распоряжение губернатора федеральных войск, дислоцируемых в Форте Ливенворт и Форте Райли [Etcheson, 2004, p. 92]. Для Джона Брауна и всех сторонников «Свободного штата» данная новость стала тревожным предзнаменованием готовящегося нападения. Косвенным подтверждением этих опасений стало прибытие в Поттаватоми нескольких рот солдат якобы для выдворения «гостей с индейской территории» [Villard, 1910, p. 131]. 20 февраля в письме к бывшему сенатору от штата Огайо Джошуа Риду Гиддинсу аболиционист выражал абсолютную уверенность в готовящейся провокации и истерически вопрошал «во имя Всемогущего Бога, во имя наших почитаемых предков, во имя всего, что когда-либо было дорого добрым и истинным людям» о том, какую позицию по этому вопросу займет конгресс [Villard, 1910, p. 131]. Все это указывает на то, что Браун был не в восторге от перспективы прямого столкновения с Армией США. Однако после того как в марте Законодательное собрание Топики продолжило работу, капитан, по всей видимости, убедившись в нежелании Федерального правительства напрямую вмешиваться в конфликт, решил взять инициативу в свои руки, запланировав нанесение сокрушительного удара по сторонникам рабства в Канзасе.

В его письме к жене и дочери от 7 апреля содержится намек на некие грядущие события. Сама цитата звучит следующим образом: «Мы делаем дом для Дэя Орсона [11] и надеемся вскоре закончить его. После чего, скорее всего, вскоре покинем этот район. Расскажем вам больше, когда уедем» [Sanborn, 1885, p. 229]. Первым, кто обратил внимание на странный фрагмент, был критик Брауна Х.П. Уилсон, усмотрев в нем связь с последующей трагедией на Поттаватоми-крик. Правда, при этом историк настаивал, что изначальной целью аболициониста являлась банальная кража лошадей и «тихое убийство их владельцев» [Wilson, 1913, p. 99]. Последнее предположение не выдерживает никакой критики, учитывая то, как будут разворачиваться события в ночь 25 мая. Впрочем, вопрос о подготовке Брауном некой секретной операции против сторонников рабства действительно не лишен оснований.

Еще более интересным суждением капитана, содержащемся в том письме, является уверенность, что все сторонники «Свободного штата» вскоре будут арестованы, а главное – нежелание препятствовать «агрессивным действиям рабской власти, время которой еще придет» [12]. Здесь также можно усмотреть убежденность капитана в скорой эскалации конфликта. И этот процесс он явно хотел ускорить.

С этого момента аболиционист взял курс на жесткую конфронтацию с «официальными» властями Территории Канзас. 16 апреля на собрании в Осаватоми Джон Браун открыто

[9] Сторонники «Свободного штата».
[10] Законодательное собрание «Свободного штата» располагалось в Топике.
[11] Зять Джона Брауна.
[12] Браун процитировал Ветхий завет.

провозгласил отказ от уплаты налогов «рабовладельческому правительству» в Шауни, фактически изгнав из зала «консерваторов» [Oates, 1972, p. 118]. Священник Мартин Уайт, возглавлявший сторонников умеренной линии на том собрании, год спустя, выступая перед Законодательным собранием Канзаса, так цитировал своего оппонента: «Я убежденный аболиционист старой закалки. Негры являются моими братьями и равными мне. Я, скорее, готов увидеть этот Союз распущенным, а страну – залитой кровью, чем платить налоги хотя бы в размере одной сотой миллионной» [Villard, 1910, p. 143]. В принципе подлинность данной цитаты можно поставить под сомнение, учитывая крайне враждебные отношения Брауна и Уайта [13], хотя спустя некоторое время подобные высказывания станут для капитана вполне обыденными.

21 апреля федеральный судья Стерлинг Като вызвал Брауна и его сыновей для дачи показаний. По словам другого сына аболициониста, Сэлмона, отец изначально планировал послать их в суд, чтобы спровоцировать арест, а затем освободить при помощи оружия. Сам он, разумеется, был не в восторге от подобной идеи. «Я думал, отец не в себе, раз посылает нас, но он всегда хотел ускорить сражение», – вспоминал Сэлмон [Reynolds, 2005, p. 202]. В итоге семейство Браунов явилось в суд в сопровождении вооруженного отряда «Стрелки Поттаватоми». Поведение аболиционистов было подчеркнуто вызывающим. Испуганный судья даже отказался отвечать на вопрос Джона-младшего: согласно какому законодательству им будут предъявлены обвинения [Villard, 1910, p. 136]? А на следующее утро после окончания заседания Като поспешил покинуть Поттаватоми из-за опасений за собственную безопасность, перебравшись в Лекомптон, считавшийся самым «лояльным» городом Канзаса.

Интересным штрихом являлось то, что описанное слушание проходило в таверне открытого сторонника рабства Генри Шермана, больше известного в тех краях под прозвищем «Голландец Генри». Именно он станет главным объектом нападения в ночь на 25 мая. Также на заседании присутствовали Аллен Уилкинсон, Джеймс и Уильям Дойлы. В отличие от Шермана, все трое погибнут в «Поттаватомской резне».

Как бы то ни было, планы Брауна относительно нанесения первого удара, если таковые, конечно, действительно имели место, оказались сорваны. Причиной тому стало заявление федерального маршала Исраэля Б. Доналдсона от 11 мая о нападении в Лоуренсе на его заместителя и последующий призыв ко всем «законопослушным гражданам Территории» прибыть в Лекомптон для формирования вооруженного отряда и обеспечения соблюдения правопорядка [Oates, 1972, p. 124]. Как и в прошлый раз, первыми на него откликнулись ополченцы из Миссури, которые вновь прибыли в Канзас в значительном количестве. Особо стоит отметить, что еще до этого федеральный судья Сэмюэль Декстер Лекомпт поручил своему большому жюри предъявить обвинения всем должностным лицам «Свободного штата», а также закрыть их газеты и отель в Лоуренсе [Etcheson, 2004, p. 102].

Губернатор Ч. Робинсон, в свою очередь, отправил призыв ко всем сторонникам «Свободного штата» вновь прийти на помощь осажденному городу. Браун и его сыновья получили это известие 21 мая 1856 г., после чего сразу же выдвинулись в направлении Лоуренса. Однако события развивались весьма стремительно. В тот же день город был взят без какого-либо сопротивления.

Захват и разграбление главного оплота аболиционистов в Канзасе, безусловно, стали основной побудительной причиной «полуночных убийств». В тот момент, когда весть о падении Лоуренса дошла до Джона Брауна, его отряд, состоящий из 34 добровольцев [Oates, 1972, p. 126], находился на марше в двух милях от реки Мэри-де-Син [Villard, 1910, p. 149].

Дальнейшие действия указывают на сильное замешательство в рядах аболиционистов, включая Джона Брауна и его сыновей. По свидетельству Джона-младшего, выступавшего в роли командующего, и его первого лейтенанта Генри Уильямса, после ошеломляющего известия по настоянию отца было принято решение продолжать поход, а также отправить гонца в Осаватоми за подкреплением [Villard, 1910, p. 149]. Когда отряд добрался до Прери-

[13] Именно Мартин Уайт застрелил одного из сыновей Брауна – Фредерика.

сити, выяснилось, что вооруженных групп «Свободного штата» в Лоуренсе нет, равно как и миссурийцев, при этом последние удерживали мост Блэнтона через Уакарусу. К тому же гонец настоятельно просил не идти в город, т. к. запасы продовольствия там были уже на исходе [Sanborn, 1885, p. 257]. В итоге аболиционисты разбили лагерь на Мидл-Оттава-крик и на общем совете решили дожидаться подкреплений. Джон Браун назвал это «трусливым поступком» [Oates, 1972, p. 127–128] и призвал к атаке на главный оплот действующего правительства – Лекомптон. На следующий день, 23 мая, он, по свидетельству Джейсона Брауна, предложил Теодору Винеру и Джеймсу Таунсли что-то предпринять и реальными действиями продемонстрировать, что «в этом деле имеются две стороны, и что они (миссурийцы) не могут оставаться безнаказанными» [Villard, 1910, p. 151].

Браун не стал посвящать в свой план всех добровольцев, выбрав около дюжины человек. Сэлмон Браун сообщал, что список потенциальных жертв отцу передал Г. Уильямс [Villard, 1910, p. 152]. Однако это свидетельство выглядит крайне сомнительным, учитывая, что лейтенант не только не принял участия в расправе, но и фактически сместил Джона Брауна-младшего с поста командующего «Стрелками Поттаватоми» сразу, как только узнал о произошедшем. Возможно, мотивом Сэлмона являлось снятие части ответственности с себя и своего отца, а также дискредитация оппонента своего брата. Еще более сомнительным выглядит его сообщение о встрече по пути в Поттаватоми с гонцом из Лоуренса, сообщившим новость о жестоком избиении в Капитолии 22 мая сенатором от Южной Каролины Престоном Бруксом другого конгрессмена, видного аболициониста Чарльза Самнера, избранного от свободного штата Массачусетс.

Примечательно, что многие историки и биографы Брауна отводят данному эпизоду роль едва ли не главного мотивирующего фактора, фактически толкнувшего аболициониста к расправе над поселенцами на Поттаватоми-крик. Например, Стивен Пулео, автор большого исследования, посвященного инциденту в Капитолии 21 мая, пишет, что после встречи с гонцом любая возможность обойтись без насилия испарилась [Puleo, 2012, p. 139]. Автор одного из последних крупных биографических исследований о Джоне Брауне Чарльз Поланд и вовсе указывал на избиение Самнера как на главную причину произошедшей трагедии [Poland, 2020, p. 42]. Между тем маловероятно, что весть об избиении в Вашингтоне так быстро могла дойти до Канзаса, т. к. ближайшая телеграфная станция находилась в Сент-Луисе [Reynolds, 2005, p. 211]. Но даже если допустить, что каким-то образом новость смогла достичь отряда капитана, то, по словам того же Сэлмона Брауна, он уже находился на марше, а значит, к тому моменту все уже было решено.

Очевидно, что инициативу Джона Брауна поддержали далеко не все. Джеймс Хэнвей и даже Джон Браун-младший пытались отговорить капитана [Oates, 1972, p. 129–130]. Старший сын аболициониста, все еще находившийся в статусе командующего объединенными силами, после отъезда отца и прибытия подкрепления – отряда из Осаватоми под командованием капитана Сэмюеля Т. Шора – попытался провести собственную операцию, а именно освободить Ч. Робинсона, по слухам, конвоируемого из Уэстпорта в Лекомптон. Группа двинулась по тропе Санта Фе, чтобы перехватить отряд неприятеля, но никого не встретила и остановилась в поселке Пальмира в 12 километрах от Лоуренса. На следующий день Джон Браун-младший лично повел отряд, чтобы разведать обстановку в городе. Убедившись в отсутствии очагов сопротивления, он предложил возвращаться в лагерь [Villard, 1910, p. 150].

Особо стоит отметить версию о причастности к событиям в Поттаватоми лидеров «Свободного штата» Ч. Робинсона и Д. Лейна. Впервые она была озвучена капитаном Сэмюелем Уокером в письме от 8 февраля 1875 г., где тот вспоминал, как Браун жаловался ему летом 1856 г., что именно указанные персонажи предлагали капитану совершить данное преступление, а затем отказались его поддерживать [Villard, 1910, p. 184]. О схожем содержании его личной беседы с Уокером семь лет спустя сообщал и Ф.Б. Сэнборн [Sanborn, 1885, p. 338]. Джон Браун-младший и Генри Томпсон также подтверждали, что бывший губернатор «Свободного штата» говорил Брауну об убийствах сторонников рабства [Villard, 1910, p. 184]. Однако, несмотря на данные свидетельства, принять подобную версию все же сложно,

особенно если учесть крайне непростые отношения Брауна и Робинсона, которого капитан считал человеком беспринципным. Кроме того, в таком случае остается совершенно неясным, почему аболиционист в дальнейшем прилюдно так ни разу и не озвучил данных обвинений и не переложил ответственность за «Поттаватомскую расправу» на своего оппонента.

Реконструкция событий 24–25 мая 1856 г.

В «карательный» отряд Джона Брауна, названный «Северной армией», вошли 4 его сына, Оуэн, Фредерик, Сэлмон и Оливер, и зять Генри Томпсон[14]. Также в составе данного соединения находились еще двое бойцов: Теодор Винер и Джеймс Таунсли. Первый вызвался добровольно – по его словам, он не раз подвергался оскорблениям и издевательствам со стороны Шерманов [Villard, 1910, p. 151], а второй был специально приглашен капитаном, т. к. владел фургоном и лошадиной упряжкой [Oates, 1972, p. 129]. Позднее Таунсли утверждал, что ничего не знал о цели поездки и был введен в заблуждение Брауном, сообщившим, что они едут исключительно для того, чтобы следить за ситуацией на Поттаватоми-крик, где ожидались некие «неприятности» [Wilson, 1913, p. 101].

Несмотря на то что во многом именно благодаря последующим показаниям Д. Таунсли была в немалой степени восстановлена картина событий 23–25 мая, а также фактически доказана причастность к ним Джона Брауна, очень сложно допустить, что сам он не догадывался о цели «путешествия». Слишком многое указывало на готовящуюся расправу. Достаточно сказать, что, помимо винтовок, револьверов и охотничьих ножей, капитан и его люди взяли с собой абордажные палаши, подаренные аболиционисту летом 1855 г. генералом Люциусом В. Бирсом в Акроне, штат Огайо. Их, по воспоминаниям очевидцев, на протяжении нескольких часов на глазах у всего лагеря затачивали Джон-младший и Джейсон [Oates, 1972, p. 130].

По пути в Поттаватоми отряд Брауна, выдвинувшийся из лагеря 23 мая примерно в 2 часа дня [Sanborn, 1885, p. 257], как минимум трижды встречался с путниками.

Первой группой, по всей видимости, было упомянутое выше «подкрепление» из Осаватоми, возглавляемое капитаном С.Т. Шором. После приезда в лагерь Джона Брауна-младшего они говорили, что встретили по дороге его отца, и тот сказал, что отправляется со своими людьми в некую секретную экспедицию и вскоре присоединится к ним для совместного похода на Лоуренс [Oates, 1972, p. 129–131]. Те же самые объяснения люди Брауна дали небольшому отряду ополченцев-фристейтеров под командованием Дж. М. Энтони, с которым повстречались близ дома Оттавы Джонса [Villard, 1910, p. 154] [15]. И наконец, на закате между Мидл-крик и Поттаватоми-крик группа встретилась с еще одним сторонником «Свободного штата», будущим героем Гражданской войны Джеймсом Бладом. Последний был знаком с Брауном еще со времен «стояния на Уакарусе» и довольно точно описал состав и вооружение отряда, передвигавшегося в запряженном фургоне в сопровождении одного всадника по фамилии «Уаймер или Винер» [Brown, 1880, p. 70]. Он оставил довольно любопытное описание той встречи. «Он (Браун), казалось, был очень возмущен тем, что не было оказано никакого сопротивления и что Лоуренс никто не защитил, назвав членов комитета и ведущих деятелей «Свободного штата» трусами или еще хуже. Его манеры были дикими и неистовыми, но вся компания с возбужденным вниманием следила за каждым словом или движением старика. Наконец, когда я уходил, он попросил меня не упоминать о нашей встрече, поскольку они были в секретной экспедиции и не хотели, чтобы кто-то знал об их присутствии поблизости» [Brown, 1880, p. 70], – писал полковник Джеймс Блад 23 года спустя. Это дает определенное представление о настрое и мотивации капитана.

Когда до ручья Поттаватоми оставалось приблизительно две-три мили, аболиционисты свернули с главной дороги вправо и, подъехав к опушке леса между двумя глубокими оврагами, разбили лагерь примерно в миле «выше переправы Голландца Генри» [Brown, 1880,

[14] Женат на старшей дочери Джона Брауна – Рут.

[15] Есть основания полагать, что речь идет об одном и том же военном отряде.

р. 73]. По показаниям Д. Таунсли, именно тогда капитан посвятил его в свой план, попросив довести группу до развилки ручья, располагавшейся примерно в пяти или шести милях выше, и показать им, где живут здешние сторонники рабства [Brown, 1880, p. 73]. Подобное обращение выглядело вполне логичным, т. к. Таунсли с семьей как раз проживали неподалеку. При этом, по словам извозчика, Браун не скрывал своих намерений полностью очистить район Поттаватоми-крик от сторонников рабства. Однако Таунсли, если верить его показаниям, отказался, чем фактически отсрочил казнь поселенцев на сутки.

Операция началась около десяти часов вечера 24 мая, когда группа аболиционистов пересекла Москито-крик выше участка Дойлов и подошла к дому неназванного поселенца. Первая попытка нападения обернулась конфузом. По словам Сэлмона Брауна, постучав в дверь, аболиционисты услышали звук взводимого курка и быстро ретировались [Villard, 1910, p. 158].

Затем, оставив Д. Таунсли, Т. Винера и Фредерика Брауна на дороге, группа направилась к дому своей первой жертвы – Джеймса Дойла. Последний вместе со своей неграмотной женой Махалой, тремя сыновьями – Уильямом (22 года), Дрюри (20 лет), Джоном (14 лет) [Oates, 1972, p. 129–134], пятилетней дочерью перебрался в Канзас из Теннеси в ноябре 1855 г. [Reynolds, 2005, p. 203]. По иронии судьбы главной причиной их переезда на бывшую индейскую территорию являлась невозможность конкурировать с рабским трудом. С самого начала своего пребывания в Канзасе семейство Дойлов влачило довольно жалкое существование. Разумеется, никакими рабами оно никогда не владело, о чем в ноябре 1859 г. уже перед казнью самого Джона Брауна напомнит Махала Дойл, попросив, чтобы петлю на шее капитана затянул ее сын Джон – единственный из мужчин ее семьи, выживший в ту злополучную ночь [Brown, 1880, p. 20]. Тем не менее, несмотря на свою бедность, Джеймс Дойл все же играл заметную роль в общественно-политической жизни округа. Будучи членом ультраправой партии «Закон и порядок» (равно как два его старших сына) и убежденным сторонником «официального» Законодательного собрания, он заседал в большом жюри суда Като 21 апреля и даже поддерживал обвинение против представителей «Свободного штата», а его старший сын был судебным приставом [Oates, 1972, p. 119]. При этом глава семейства никогда не скрывал своих расистских взглядов, о чем, в частности, впоследствии заявлял Г. Томпсон [Reynolds, 2005, p. 203]. Возможно, между Джеймсом Дойлом и Джоном Брауном существовала и взаимная личная неприязнь. По крайней мере, такой вывод можно сделать из сохранившегося пересказа слов Джорджа Партриджа, погибшего спустя три месяца при Осаватоми. Последний утверждал, что единственная известная ему перепалка между указанными людьми произошла незадолго до весенних выборов, когда Дойл выразил свою неприязнь к неграм и аболиционистам, а Браун – к сторонникам рабства [Brown, 1880, p. 71].

Прямо перед домом на группу аболиционистов налетели два «свирепых бульдога» [16], одного из которых Таунсли зарубил абордажным палашом, а другого Фредерик загнал в лес [Oates, 1972, p. 129–134]. Браун постучал в дверь и, дождавшись ответа Дойла, очевидно, встревоженного лаем собак, спросил, как пройти к дому Уилкинсона. Хозяин открыл дверь незнакомцам, и в этот момент группа из 4–5 человек во главе с капитаном ворвалась в помещение. Аболиционист потребовал немедленно сдаться и объявил главу семейства пленником «Северной армии» [Reynolds, 2005, p. 224]. На момент налета в доме находились все 6 членов семьи. Мужчинам было приказано выйти из здания. Только 14-летнему Джону Дойлу по просьбе матери, ругавшей своего мужа и умолявшей о пощаде для младшего сына, позволили остаться. Примерно в двухстах ярдах от дома Оуэн и Сэлмон Брауны начали рубить палашами своих пленников, которые пытались отчаянно отбиваться, а Дрюри даже попытался бежать. Наутро его тело будет найдено у оврага с разбитой головой и отсеченной рукой [Oates, 1972, p. 129–135]. После того как все было кончено, Джон Браун произвел контрольный выстрел из револьвера в голову Джеймса Дойла. Этот факт разрушает версию о том, что, выбрав такой изуверский способ умерщвления, капитан хотел все обставить под нападение индейцев.

[16] Таунсли заявляет, что это была одна большая собака.

Стоит отметить и некое расхождение в показаниях участников этого нападения. Так, Д. Таунсли утверждал, что первую кровь в ту ночь пролил именно капитан, выстрелив в голову Джеймсу Дойлу [Brown, 1880, p. 73], в то время как Сэлмон Браун и Г. Томпсон настаивали, что Джон Браун лично никого не убивал, а сами Дойлы погибли на месте под ударами палашей, «не пробежав ни шагу» [Villard, 1910, p. 159]. Ко всем трем свидетельствам следует относиться скептически, т. к. они содержат ряд несостыковок. К примеру, версия С. Брауна и Г. Томпсона идет вразрез с установленным фактом выстрела, который подтвердила даже сама Махала Дойл, и обнаружением тела Дрюри Дойла у оврага, а версия Таунсли и вовсе предполагает, что одним из участников той расправы был Уотсон Браун, находившийся в тот момент за несколько сотен километров от Поттаватоми-крик – с матерью и сестрой на семейной ферме в Северной Эльбе, штат Нью-Йорк. Более надежным свидетельством событий той ужасной ночи являются леденящие кровь показания юного Джона Дойла. «Я нашел моего отца и одного брата, Уильяма, лежащими мертвыми на дороге, примерно в двухстах ярдах от дома, – заявлял он. – Я видел другого моего брата, лежащего мертвым на земле, примерно в ста пятидесяти ярдах от дома, в траве, возле оврага. Его пальцы и руки были отрублены, голова – рассечена, а в груди зияла дыра. Голова Уильяма была рассечена, и в его челюсти была дыра, как будто проделанная ножом, еще одна дыра была в боку. Моего отца застрелили в лоб и ударили ножом в грудь» [Villard, 1910, p. 160].

Затем вооруженный отряд проследовал вниз по дороге к дому Аллена Уилкинсона, расположенного примерно в полумиле к югу от места убийства. Также как и семейство Дойлов, Уилкинсон с женой и двумя малолетними детьми перебрался в Канзас из Теннеси. Однако, в отличие от своих соседей, он был не просто членом партии «Закон и порядок» и известным в тех краях поборником рабства, но и являлся избранным депутатом Законодательного собрания в Шауни. Во время того судебного заседания Като 21 апреля Уилкинсон выполнял обязанности окружного обвинителя [Reynolds, 2005, p. 203].

Налетчики действовали по схожей схеме. Разбуженный встревоженной лаем собак женой, Уилкинсон в ответ на свой вопрос услышал просьбу показать дорогу к таверне «Голландца Генри». Сославшись на то, что не может найти одежду, он попытался объяснить маршрут из-за двери, но путники настоятельно просили выйти и показать дорогу. После небольшого замешательства, по свидетельству супруги, кто-то из них спросил: «Вы северный армист [Sanborn, 1885, p. 161]?» Сама Луиза Джейн Уилкинсон считала, что не поняла до конца суть вопроса, но при этом была абсолютно уверена, что речь шла о том, является ли ее муж противником северян и сторонником рабства. Услышав утвердительный ответ, один из аболиционистов объявил его пленником и приказал немедленно открыть дверь. Попытка тянуть время со стороны Уилкинсона ни к чему не привела, т. к. один из налетчиков заявил, что в противном случае они попросту выломают дверь. Несмотря на протесты жены, хозяин впустил в дом группу из четырех человек, которые тут же велели ему одеться и поинтересовались, нет ли поблизости других мужчин. Затем один из налетчиков, судя по описанию, это был сам Джон Браун, спросил у Луизы Джейн, есть ли у них неподалеку соседи, вероятно, намекая на еще одного сторонника рабства Томаса МакМинна, выступавшего 21 апреля председателем большого жюри в суде Като и жившего на соседнем участке [Oates, 1972, p. 119]. Услышав отрицательный ответ, он приказал Уилкинсону собираться. А в ответ на вопрос супруги о том, куда именно они уводят ее мужа, один из мужчин заявил, что теперь он является их пленником и будет доставлен в лагерь. Вскоре кто-то из налетчиков вернулся в дом и забрал два седла. На следующий день тело Аллена Уилкинсона было обнаружено в сухом кустарнике с колото-рублеными ранами на голове и боку в ста пятидесяти ярдах от дома (по другим свидетельствам – с перерезанным горлом) [Villard, 1910, p. 161–162].

Обстоятельства этой казни еще более туманны, чем в случае с Дойлами. В частности, Сэлмон Браун утверждал, что на тот момент группа разделилась, а саму расправу осуществляли Г. Томпсон и Т. Винер [Villard, 1910, p. 162], в то время как Таунсли настаивал на том, что он, Винер и Фредерик Браун находились на дороге к востоку, а само убийство осуществил «кто-то из юных Браунов» [Brown, 1880, p. 73]. Томпсон же и вовсе умалчивает об этом эпизоде.

Третьим и заключительным актом майской трагедии стал «визит» отряда Джона Брауна в дом Джеймса Харриса. Последний также являлся членом участником апрельского судебного заседания, выступая в качестве присяжного, при этом он работал на Генри Шермана и проживал в одном из его домов. По всей видимости, нападение на Харриса было ошибкой, т. к. главной целью нападавших, безусловно, являлся сам «Голландец Генри». К примеру, «проводник» Таунсли пребывал в полной уверенности, что они пришли именно к нему. «Затем мы пересекли Поттаватоми и подошли к дому Генри Шермана, более известного как «Голландец Генри» [Brown, 1880, p. 73], – показывал он позднее.

Примерно в два часа ночи они были на месте. На сей раз Браун не стал прибегать к трюку с «заблудившимся путником». Его вооруженная группа ворвалась в здание, разбудив всех. В доме, помимо главы семейства, его жены и ребенка, находились еще три гостя: Джером Глэнвилл, Уильям Шерман и Джон С. Уайтман. Всем им было предложено сдаться «Северной армии». После аболиционисты изъяли два ружья, нож Боуи и приступили к допросу мужчин, по одному выводя их из дома на улицу. Согласно показаниям Д. Харриса, нападавшие интересовались, есть ли поблизости другие мужчины, где сейчас находится Г. Шерман, который, по крайне удачному для него стечению обстоятельств, в тот вечер отправился в степь в поисках потерявшегося скота, помогал ли он (Харрис) когда-нибудь сторонникам рабства прибывать на территорию Канзаса, наносил ли или намеревался когда-либо нанести вред партии «Свободного штата», что «заставило его жить в таком месте, и есть ли в доме какие-нибудь седла и уздечки» [Villard, 1910, p. 162–164]. Далее аболиционисты заставили хозяина дома оседлать свою лошадь, пригрозив в противном случае забрать его с собой. Следующим на допрос был вызван брат «Голландца Генри» – У. Шерман. Его изуродованное тело с многочисленными рубленными ранами на голове на следующее утро было найдено Харрисом в ручье Поттаватоми. Фермер так описывает увиденные увечья: «Череп Шермана был расколот в двух местах, а часть его мозга была вымыта водой. В его груди была проделана большая дыра, а его левая рука почти отрезана, за исключением небольшого кусочка кожи с одной стороны» [Villard, 1910, p. 164].

Сэлмон Браун позднее показывал, что данное убийство совершили Томпсон и Винер [Villard, 1910, p. 164], а Таунсли по-прежнему настаивал, что это сделал кто-то из «младших братьев Браунов» [Brown, 1880, p. 73]. Между тем сам Харрис и его жена отмечали, что узнали как минимум одного налетчика, – это был Джон Браун. Последний, судя по показаниям Д. Таунсли, помимо Генри Шермана, планировал казнить еще одного члена партии «Закон и порядок» и участника судебного заседания Като – Джорджа Уилсона, судью по наследственным делам округа Андерсон. Однако его не нашли [Brown, 1880, p. 73]. Перед рассветом группа вернулась в лагерь между оврагами, а затем отправилась в обратный путь, чтобы присоединиться к «Поттаватомским стрелкам» Джона Брауна-младшего.

Последствия

Известия о произошедшем на Поттаватоми-крик вызвали мгновенный раскол в рядах аболиционистского движения, канзасских фристейтеров и даже среди сыновей Брауна, с этого момента фактически перешедших на нелегальное положение. Джон Браун-младший, на первых порах поддержавший действия отца, почти сразу был смещен Г. Уильямсом с поста командующего отрядом «Поттаватомские стрелки» и вместе с братом Джейсоном, так же, как и он сам, не участвовавшим в расправе 24–25 мая, попытался скрыться. Уже в конце месяца оба были задержаны. Потрясение от произошедшего оказалось настолько велико, что, по свидетельству очевидцев, Джон-младший помутился рассудком. Дальнейшие усилия его отца фактически были направлены исключительно на их освобождение в первую очередь путем захвата пленных для последующего обмена. Эти события, несомненно, продлили пребывание аболициониста на территории Канзаса до сентября 1856 г., когда старший сын наконец-то был освобожден [17]. Спустя три дня в Осаватоми состоялось заседание с участием Г. Уильямса, на

[17] Джейсон был освобожден раньше.

котором была принята резолюция о недопустимости подобного рода действий, а также выявлении и передаче властям всех виновных [Villard, 1910, p. 168].

В то же время убийства на Поттаватоми-крик привели фактически к выходу конфликта на качественно новый уровень. Уже 2 июня у местечка Блэк Джек произошло первое полноценное сражение между отрядами Джона Брауна и капитана ополчения Миссури Генри Пейта, завершившееся победой аболиционистов. Война, о которой так долго грезил Старый Джон Браун, началась. Но, вопреки представлению аболициониста, она не вызвала массового энтузиазма и сопротивления жителей Канзаса, почти сразу превратившись в герилью, а главное – не была столь успешной для противников рабства. После того как 4 июля полковником армии США Эдвином Самнером в Топике было низложено Законодательное собрание «Свободного штата», у фристейтеров де-факто не осталось крупных центров и единого руководства. Их разрозненные отряды, как правило, действовали обособленно друг от друга, собираясь лишь для проведения совместных боевых операций. Единого командования также не существовало, обычно все решалось на военных советах.

Ответная реакция со стороны «сторонников рабства» также не заставила себя ждать. Уже в августе миссурийские ополченцы под командованием генерал-майора Дэвида Р. Атчисона предприняли наступление на Осаватоми, подвергнув его жестокому разорению. Отчаянная попытка Джона Брауна и других капитанов защитить город успеха не имела. Кроме того, бессудные ночные казни на Поттаватоми-крик, несомненно, повысили и без того высокий градус социально-политической напряженности в Канзасе и способствовали целой череде конфликтов между группами поселенцев. Безусловно, особую роль в этом играли «пограничные хулиганы» из Миссури, которые нередко совершали набеги на приграничные территории.

Еще большее значение имел общественный резонанс, вызванный убийством безоружных поселенцев. Южные газеты на протяжении нескольких месяцев пестрели броскими заголовками об ужасающем преступлении, призывая к ответным жестким действиям. Причем объектом этих нападок, как правило, становились не только аболиционисты, но и обычные жители Северных штатов и сторонники Республиканской партии, стремительно набирающей популярность в то время. Имя Джона Брауна стало нарицательным на Юге. С этого момента сторонники рабства обвиняли его едва ли не в каждом преступлении в Канзасе [Gilpin, 2011, p. 39].

Таким образом, как это ни парадоксально звучит, своим «диким поступком» Брауну удалось достичь как минимум одной из поставленных целей, а именно – вселить ужас в сердца южан-поселенцев. Даже наиболее критически настроенный участник майского нападения Д. Таунсли впоследствии был вынужден признать, что их ужасающее деяние все же пошло на пользу фристейтерам, в особенности тем, что проживали у ручья Поттаватоми, т. к. многие сторонники рабства, узнав о произошедшем, поспешили покинуть эти территории [Brown, 1880, p. 74]. Однако у всего этого была и своя обратная сторона в виде «миссурийского террора».

Заключение

Как видим, к расправе на Поттаватоми-крик вела целая цепь взаимосвязанных событий. Противостояние сторонников и противников рабства на Территории Канзас, в основе которого лежали в первую очередь социально-экономические причины, нарастание общественно-политической напряженности, первые конфликты между поселенцами и вмешательство со стороны соседнего штата, принятие антирабовладельческой Конституции, формирование альтернативных органов власти, бросивших вызов в том числе и федеральному правительству, арест ведущих представителей «Свободного штата» и, наконец, разграбление главного оплота – все это сделало эскалацию конфликта практически неизбежной. Достаточно было одной искры, чтобы пламя гражданской войны запылало по всей территории Канзаса, а затем, возможно, перекинулось на всю страну. Собственно, этой искрой и должна была стать «Резня на Поттаватоми-крик».

Данную операцию следует воспринимать как попытку со стороны отдельных радикальных представителей аболиционистского движения возглавить и ускорить процесс нарастания противоречий, ведущий к неизбежному гражданскому противостоянию. Джон

Браун как раз являл собой пример такого человека, искренне убежденного в том, что находится на правильной стороне истории и призван вершить «волю Всевышнего». Воля эта, по мнению аболициониста, заключалась в ускорении тех самых объективных процессов.

Если говорить более конкретно, то проведенный анализ материалов наглядно показывает, что еще в декабре 1855 г., оказавшись в центре гражданского конфликта, Браун пришел к выводу о скором освобождении рабов. Однако добиться этого можно было только путем масштабного кровопролития. «Война на Уакарусе» показала, что далеко противники рабства не все готовы идти на жертвы ради своей возвышенной цели. Нужно было сделать так, чтобы у них попросту не осталось выбора. «Резня в Поттаватоми», по мнению Брауна, как раз и представляла собой простое решение этой сложнейшей задачи.

Впрочем, эффект от произошедшего все же оказался не таким, как ожидал Джон Браун. Американское общество было еще не готово к столь резкому повороту событий. Именно поэтому капитан так и не признал своего участия в «Поттаватомской резне». Ему потребовалось еще три с половиной года упорной борьбы, завершившейся организацией массового восстания рабов в октябре 1859 г., которое представляло собой не что иное, как попытку развязывания масштабной гражданской войны уже на территории всей страны. Изучая биографию Джона Брауна, равно как и историю противостояния противников и сторонников рабства, исследователям не следует забывать, что все эти события взаимосвязаны и путь к Харперс-Ферри проходил через Поттаватоми-крик.

References

Brown G.W. 1880. The truth at last. History corrected. Reminiscences of old John Brown. Thrilling incidents of border life in Kansas; with an appendix, containing statements and full details of the Pottawotomie massacre, by Gov. Crawford, Col. Blood, Jas. Townsley, Col. Walker, and others. Rockford, Ill., Stereotyped and printed by A.E. Smith, 100.

Du Bois W.E.B. 1909. John Brown. Philadelphia: G. W. Jacobs & company, 229.

Etcheson N. 2004. Bleeding Kansas. Contested Liberty in the Civil War Era. – Lawrence, Kansas, 370.

Gilpin R.B. 2011. John Brown Still Lives! America’s Long Reckoning with Violence, Equality, & Change. Chapel Hill. The University of North Carolina Press, 308.

Haldeman-Julius E. 1925. John Brown – The Facts of his life and martyrdom. Girard, KS: Haldeman-Julius Co, 64.

Hell on Wheels. URL: https://www.imdb.com/title/tt1699748/ (data obrashcheniya: 1 avgusta 2025).

Hinton R.J. 1894. John Brown and his men; with some account of the roads they traveled to reach Harper\'s Ferry. NY and London: Funk & Wagnalls Company, 766.

Malin J.C. 1942. John Brown and the legend of fifty-six. Philadelphia: American Philosophical Society, 794.

Oates S.B. 1972. To purge this land with blood: a biography of John Brown. NY: Harper & Row, 484.

Phillips W.A. 1856. The Conquest of Kansas by Missouri and her allies: a history of the troubles in Kansas, from the passage of the Organic Act until the close of July, 1856. Boston: Phillips, Sampson and Company, 432.

Poland C.P. 2020. America\'s Good Terrorist: John Brown and the Harpers Ferry Raid. Casemate Publishers & Book Distributors, LLC, 413.

Puleo S. 2012. The Caning: The Assault that Drove America to Civil War. Yardley, Pennsylvania: Westholme Publishing, 375.

Redpath J. 1860. The public life of Capt. John Brown. Boston: Thayer and Eldridge, 428.

Reynolds D.S. 2005. John Brown, Abolitionist: The Man Who Killed Slavery, Sparked the Civil War, and Seeded Civil Rights. NY: Alfred A. Knopf, 728.

Sanborn F.B. 1885. The life and letters of John Brown, liberator of Kansas, and martyr of Virginia. Boston: Roberts Brothers, 682.

The Good Lord Bird. URL: https://www.imdb.com/title/tt3673480/?ref_=ls_i_100 (data obrashcheniya: 1 avgusta 2025).

Villard O.G. 1910. John Brown 1800–1859: A Biography Fifty Years After. London, Constable, 808.

Warren R.P. 1993. John Brown: The Making of a Martyr. Nashville: J.S. Sanders; Lanham, MD: Distributed to the trade by National Book Network, 474.

Webb R.D. 1861. The life and letters of captain John Brown. London: Oxford University, 478.
Wilson H.P. 1913. John Brown, soldier of fortune: a critique. Lawrence, Kan.: Hill P. Wilson, 450.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.11.2025
Поступила после рецензирования 26.02.2026
Принята к публикации 28.02.2026

Received November 28, 2025
Revised February 26, 2026
Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Тула, Россия
ORCID: 0000-0003-4184-6232

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Shumakov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, G.V. Plekhanov Tula Branch of the Russian University of Economics, Tula, Russia

УДК 94(73).091
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-348-358
EDN FTULDY
Оригинальное исследование

Стамбульская авантюра Уильяма Донована: как спецслужбы США торговали Украиной за ее спиной в 1943 году

Чернявский С.В.
Независимый исследователь, сотрудник Секретариата ООН (1986–2012 гг.)
США, Флорида, 33928, Рукери драйв 20380
E-mail: cherniavsky@me.com

Аннотация. В статье с привлечением рассекреченных источников из национального архива США и современной западной историографии анализируется тайная операция Управления стратегических служб США, направленная на торпедирование Тегеранской конференции 1943 г. и создание антисоветской коалиции с участием Германии без Гитлера. В качестве стимула к созданию такого антисоветского фронта фигурировала богатая ресурсами Украина, которую предполагалось передать под контроль Германии.

Ключевые слова: Вторая мировая война, США, Украина, сепаратные контакты, Управление стратегических служб США, Уильям Донован, Франц фон Папен, Теодор Морде

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Чернявский С.В. 2026. Стамбульская авантюра Уильяма Донована: как спецслужбы США торговали Украиной за ее спиной в 1943 году. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 348–358. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-348-358. EDN: FTULDY

William Donovan's Istanbul Gamble: How the US Secret Services Traded Ukraine Behind Its Back in 1943

Sergei V. Cherniavsky
Independent researcher, UN Secretariat staff member (1986–2012)
20380 Rookery Dr., FL 33928, USA
E-mail: cherniavsky@me.com

Absract. This article presents a historical study of a covert operation carried out by the U.S. Office of Strategic Services (OSS) under the leadership of William Donovan in October 1943. The study is based on declassified archival documents from the U.S. National Archives and Records Administration, the memoirs of Franz von Papen, and the testimonies of individuals directly involved in the events. The author analyzes the circumstances surrounding the meeting between OSS agent Theodore Morde and the German ambassador to Turkey, Franz von Papen, during which a document was handed over containing proposals for a separate peace, providing for the removal of Hitler, German dominance in continental Europe, and the transfer of Ukraine – the "breadbasket of Europe"– under German control. Using historical-systemic and retrospective methods, the author reveals the mechanism of the American "deep state's" activities aimed at torpedoing the Tehran Conference and undermining allied relations with the USSR. The study concludes that there is continuity in the West's anti-Soviet and anti-Russian policies, which use Ukraine as a tool for geopolitical bargaining, confirming the relevance of this research in the context of contemporary international relations.

Keywords: Second World War, United States, Ukraine, Separate contacts, U.S. Office of Strategic Services, William Donovan, Franz von Papen, Theodore Morde

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

© Чернявский С.В., 2026

For citation: Cherniavsky S.V. 2026. William Donovan's Istanbul Gamble: How the US Secret Services Traded Ukraine Behind its Back in 1943. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 348–358 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-348-358. EDN: FTULDY

Введение

В истории Второй мировой войны есть немало эпизодов тайных операций спецслужб воюющих сторон, которые еще ждут своего анализа на основе имеющихся документов и свидетельств участников событий. Ряд таких событий связаны с осуществлением сепаратных контактов между государствами антигитлеровской коалиции и нацистской Германией. Один из такого рода контактов имел место в Стамбуле в 1943 году. Американец, представившийся «посланником президента Рузвельта», посетил в октябре 1943 г. германского посла в Турции Франца фон Папена и в ходе двух личных встреч предложил план выхода Германии из войны с устранением Адольфа Гитлера и замены его на лояльного западным державам кандидата.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является тайная операция Управления стратегических служб США, инициированная руководителем УСС Уильямом Донованом с целью торпедирования подготовки Тегеранской конференции «большой тройки» – лидеров трёх стран: И.В. Сталина (СССР), Ф.Д. Рузвельта (США), У. Черчилля (Великобритания), которая состоялась в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г.

Необходимость настоящего исследования связана с рассекречиванием большого массива ранее неизвестных документов американских правительственных органов, в том числе и о «миссии» Теодора Морде и связанной с ней переписке государственных органов по принятому в 1998 году конгрессом США законодательному акту о раскрытии хранящихся в госархивах сведений о нацистских военных преступниках.

Обращение к первоисточникам в архивах США позволяет более предметно проанализировать роль так называемого «глубинного государства» (англ. “deep state” или, по удачному переводу на русский, – «номенклатуры») в осуществлении внешнеполитического курса, хотя и противоречивого по отношению к официальной политической линии, но полностью соответствующего интересам определенных монополистических групп. «Глубинное государство» представляет собой неизбираемых представителей основных бюрократических структур государства, неофициально проводящих политическую линию наиболее влиятельных в политическом отношении властных групп. Именно таким типичным представителем американской «номенклатуры» был глава экономического Управления стратегических служб (УСС) У. Донован.

Анализ документальной базы позволяет раскрыть механизм использования Украины, в то время неотъемлемой части Советского Союза, как фактора антисоветской и впоследствии антироссийской политики Запада на протяжении длительного исторического периода.

Методология настоящего исследования основывается на применении историко-системного и ретроспективного методов анализа исторических событий, которые в совокупности обеспечивают многоуровневый подход к изучению заявленной проблематики. Историко-системный метод позволяет рассматривать тайную операцию спецслужб США как целостное явление, обусловленное взаимосвязью внутренних структурных элементов и внешних факторов международно-политической среды соответствующего периода. Ретроспективный метод, в свою очередь, даёт возможность реконструировать логику развития событий от их конечных результатов к исходным причинам, выявляя скрытые механизмы принятия решений и причинно-следственные связи. Применение указанных методов позволило детально исследовать происхождение, основные этапы и динамику проведения тайной операции спецслужб США на основе анализа рассекреченных архивных документов, реконструировать систему внутренних и внешних связей авторов замысла и непосредственных

исполнителей акции, а также продемонстрировать преемственность и взаимосвязь событий прошлого с современным геополитическим контекстом, что подчёркивает научную и практическую актуальность исследования.

Для удобства последующих ссылок будет применяться название «операция Морде – Папен».

Результаты и их обсуждение

Во время личной встречи в октябре 1943 г. «посланник Рузвельта», агент Управления стратегических служб США (УСС), настоящее имя которого было Теодор Морде, предложил фон Папену документ в форме микропленки с предполагаемым планом действий оппозиционных кругов Германии, в котором фигурировала богатая ресурсами Украина в качестве лакомой приманки для будущего правительства Германии. Подразумевалось участие «новой» Германии без Гитлера в западной «антибольшевистской коалиции», направленной на уничтожение или по меньшей мере сдерживание СССР. Об этой встрече подробно рассказал в своих мемуарах, изданных в 1952 г., сам Франц фон Папен [Papen, 1952, p. 503–505; Папен, 2005, с. 343–344]. Этот эпизод также детально изложил известный советский литератор и историк Лев Безыменский в своих книгах [Безыменский, 1987, с. 166–171; Безыменский, 2003, с. 252–258].

По версии фон Папена, изложенной в его мемуарах, дело обстояло следующим образом: 5 октября 1943 г. в его кабинет провели джентльмена лет сорока от роду, предъявившего португальский паспорт:

«... Он утверждал, что президент Рузвельт поручил ему обсудить лично со мной возможности скорейшего заключения мира. Президент с большим интересом прочитал о моем мартовском выступлении в Стамбуле и захотел получить представление о тех личностях в Германии, с которыми было бы возможно вступить в переговоры. Вопрос о том, чтобы в этой роли могли выступить Гитлер и вся его камарилья, даже не ставился. Мой посетитель явился не с пустыми руками. Он извлек из портфеля рулончик микропленки длиной сантиметров в пять, содержавшей перечисление условий, которые могли послужить основой для заключения мира с Германией. Единственным предварительным условием являлся арест Гитлера и выдача его союзникам, которые давали обязательство предать его беспристрастному суду …

… Я пообещал изучить его предложения и договорился встретиться с ним на следующий день где-нибудь вне территории посольства...

… Микропленку я прочитал через лупу и убедился, что составители условий не собирались лишить Германию ее роли в Центральной Европе. На западе предполагалось восстановить ее прежние границы, а Польша на востоке должна была получить гарантии независимого существования. На пленке также было засвидетельствовано, что союзники, признавая невозможность автономного экономического существования Германии, предлагали создать независимое Украинское государство, связанное, однако, каким-то образом с Германией. Я сообщил нашему посланцу, что эти условия могут составить прочный фундамент для мирных переговоров, но рекомендовал ему проинформировать пославших его лиц, что *для Германии будет предпочтительнее отказаться от всякой ассоциации с Украиной, ибо такая схема может стать причиной нескончаемого конфликта с Россией, сделав наше положение на Востоке невыносимым*» [курсив наш – С.Ч.].

По словам фон Папена «Этот курьезный инцидент не имел никаких последствий, и мне остается только предположить, что президент посчитал для себя слишком рискованным предпринять что-то более конкретное. Другое объяснение состоит в том, что все дело было организовано по неизвестным причинам некой третьей силой…» [Папен, 2005, с. 343–344].

Мы сознательно привели достаточно длинную цитату из мемуаров фон Папена, поскольку анализ рассекреченных документов из Национального управления архивов и документации США позволяет с уверенностью определить «третью сторону», которую упомянул фон Папен.

Обратимся к непосредственным участникам этой акции.

Это прежде всего сам Теодор Морде. Операция Морде – Папен началась в июле 1943 года, когда подполковник Пол Уэст прибыл в Каир в качестве начальника оперативного отдела УСС, привезя с собой своего знакомого, тридцатидвухлетнего Теодора Морде. Морде был не новичок в Каире, поскольку ранее работал там секретным агентом сначала военной разведки США, а затем – Бюро координатора информации (БКИ). Он был на короткое время переведен в Бюро военной информации (БВИ), где исполнял обязанности директора по Ближнему Востоку, а затем уволился, чтобы стать личным помощником посла А. Кирка. По профессии Морде был исследователем, журналистом и известным довоенным лектором в Нью-Бедфорде (штат Массачусетс). В тот период он учился в Брауновском университете. В 1943 году он вернулся в Каир в качестве корреспондента журнала «Ридерз дайджест» на Ближнем Востоке. Этот пост был прикрытием агента УСС «Дейзи» («Ромашка»), оперативного псевдонима Т. Морде. В апреле 1943 г. полковник Густав Гюнтер, резидент УСС в Каире, порекомендовал У. Доновану использовать Морде в качестве специального агента [Brown, 1984, p. 366].

Перед поездкой в Турцию в октябре 1943 г. Морде посвятил Гюнтера в амбициозный план – привлечь Франца фон Папена с целью устранения Гитлера и передачи его западным союзникам. По всей видимости, еще до визита к нему Морде полковник Гюнтер уже имел инструкции всячески содействовать «миссии» Морде в Турции. Он также опирался на поддержку бригадного генерала Патрика Херли, в то время личного представителя президента, находившегося в тот период в Каире. Во исполнение инструкций П. Херли подполковник Дж. Тулмин, главный резидент УСС в Каире на Ближнем Востоке, несмотря на строгий запрет на контакты с врагом без санкции госдепартамента, всячески способствовал поездке Т. Морде в Турцию. По словам Тулмина, Херли «запросил приказ для Морде о выезде в Турцию – приказ, который он не мог получить иным способом». Отметим, что в октябре-ноябре 1943 г. в Каире находился У. Донован [Brown, 1984, p. 367], который, помимо прочих оперативных дел, вполне вероятно мог отдать такой приказ резиденту.

УСС начало свою деятельность в Турции в начале 1943 года и основало свою региональную штаб-квартиру в нейтральном Стамбуле. В поисках кандидата на руководителя стамбульской резидентуры Донован обратился к Л. Макфарленду, выпускнику Гарварда из известной чикагской семьи, который быстро поднялся по служебной лестнице в инвестиционной фирме «Норзерн траст». Номинально тот находился в прямом подчинении главной резидентуры УСС на Ближнем Востоке в Каире, возглавляемой Дж. Тулмином.

Коллеги Макфарленда по УСС (Оперативный псевдоним «Juniper» («Можжевельник») [Bauer, 1996, p. 142] явно не способствовали его усилиям сохранить прикрытие в качестве банкира в рамках программы правительства США по ленд-лизу. Вскоре после учреждения резидентуры УСС в Стамбуле расстроенный новоявленный резидент отправил отчаянную телеграмму в резидентуру УСС в Каире: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Проинструктируйте всех, чтобы при адресовании конвертов не упоминалось ни о каком Управлении стратегических служб. Сегодня пришли еще два почтовых отправления с таким же адресом» [Anderson, 2020, p. 14, 27].

Пренебрежение правилами конспирации в деловой переписке было далеко не единственным «проколом» УСС. Были и более существенные просчеты. Еще на этапе легендирования дипломатического прикрытия Макфарленда в качестве дополнительного представителя программы ленд-лиза госдепартамент выступил с возражением, указывая, что в Стамбуле уже есть единственный представитель программы ленд-лиза и назначение еще одного лица будет выглядеть подозрительным. Аналогичным образом госдепартамент указал руководству УСС, что прикрытие двух дополнительных лиц в качестве представителей Бюро координатора информации (БВИ) в Турции (А. Колмэна и Дж. Сперлинга) также выглядит довольно прозрачным с точки зрения легендирования кадров УСС. После окончательного решения о том, что сотрудники УСС будут действовать под прикрытием БВИ, выяснилось, что оборудование из США, высланное в адрес представительства БВИ (6 радиопередатчиков и радиоприемники для специальной связи), явно не

соответствует официальному профилю его деятельности в Стамбуле [NARA, M1642, roll 118, frames 0133–0138]. Такого рода просчеты были вполне в характере руководителя УСС Донована, известного в Вашингтоне своими авантюрными наклонностями.

По прибытии в Турцию Т. Морде встретился с Л. Макфарлендом. Тот не проявил никакого энтузиазма по поводу организации предполагаемой встречи с фон Папеном, однако после обсуждения свел Морде с другим непосредственным участником описываемых событий – А. Колмэном (оперативные псевдонимы «Snapdragon» – «Львиный зев» и «Cereus» – «Кактус») дал добро на проведение операции.

Поступив на службу в УСС в 1940 г., А. Колмэн был отправлен в Мексику на короткое время, где под видом торговца локомотивами должен был следить за тайными агентами Японии и гестапо. В декабре 1941 года его отозвали в Вашингтон, где он занял должность главного инструктора центра подготовки агентуры УСС, известного как «Ферма». Вскоре он был повышен до уровня директора. С эскалацией и вовлечением США во Вторую мировую войну Колмэн стал нужен на местах. Он был отправлен в Стамбул в Турции под прикрытием корреспондента газеты «Сатердей ивнинг пост», где и получил свой оперативный псевдоним. Во время работы в Турции он завербовал и курировал 75 агентов из Польши, Венгрии и Турции, помогая им собирать секретную информацию о нацистских системах вооружений по всей Центральной Европе[18]. В 1977 г. в региональном журнале «Метро» (Норфолк, штат Вирджиния) были опубликованы его воспоминания о «стамбульском эпизоде» в октябре 1943 г. с участием Теодора Морде, в том числе впервые текст документа, переданного фон Папену [Coleman, 1977, p. 24–31, 64–69].

По версии Колмэна, при первой встрече Морде попросил организовать встречу с фон Папеном, используя ресурсы резидентуры УСС в Стамбуле: контакты, переговоры, транспорт. Т. Морде также попросил А. Колмэна организовать микрофильмирование документа для фон Папена и доклада о встрече с фон Папеном в лаборатории УСС в Стамбуле с тем, чтобы он смог лично привезти позитив в США по окончании своей «миссии». При этом Т. Морде категорически потребовал, чтобы не производилось никаких дополнительных копий и чтобы резидентура не принимала участие в написании доклада по итогам встречи с фон Папеном.

В ноябре 1944 г. один из старших сотрудников резидентуры УСС в Стамбуле (предположительно А. Колмэн) написал отчет об операции «Догвуд», который хранится в архиве Центрального разведывательного управления США (ЦРУ) [Narrative account, 1944]. Доклад дает представление о состоянии разведывательных операций в Стамбуле и агентурной сети УСС в регионе.

Ключевой фигурой в опосредованном управлении резидентурой УСС сетью агентов в Стамбуле был чешский еврей Альфред Шварц. Предприниматель А. Шварц обосновался в Стамбуле в 1928 г., где быстро добился успеха в создании импортной фирмы по продаже машинного оборудования, судоходства и сельского хозяйства. Большая часть импорта поступала из Германии, Австрии и Чехословакии, и он установил прочные связи с важными промышленниками и торговцами в этих странах. Он также выучил турецкий язык и стал доверенным лицом турецких правительственных чиновников. Проживая в Турции более 15 лет, А. Шварц был первоначально завербован Управлением межведомственной связи британской разведслужбы «Интеллидженс сервис». Это управление с филиалами на Ближнем и Дальнем Востоке являлось ничем иным, как прикрытием британской спецслужбы Ми-6, и занималось сбором разведывательных сведений часто в прямой конкуренции с Управлением специальных операций (УСО), одной из строго законспирированных и наиболее активных британских разведывательных организаций времен Второй мировой войны.

Несмотря на ряд выгодных коммерческих контрактов, которые он получил от британских вооруженных сил, А. Шварц принял решение уйти из Ми-6 и начать сотрудничество с УСС. Резидент британской разведки в Стамбуле Г. Гибсон попросил Шварца работать с вновь прибывшими сотрудниками УСС в качестве советника по европейским делам. Шварц согласился,

[18] The Virginian-Pilot, Dec 2, 2015.

и в апреле 1943 года подписал контракт с Макфарлендом [Rubin, 1989, p. 167; Bauer, 1996, p. 121]. Его также рекомендовал стамбульской резидентуре Р. Паркер из Бюро военной информации [Narrative account, 1944, p. 1]. Л. Макфарленд одобрил создание отдельной сети агентов под руководством А. Шварца, которую с полным правом можно охарактеризовать как своего рода «оранжерею». По-видимому, руководство разведывательными сетями УСС в регионе возглавлял большой любитель ботаники, поскольку все оперативные псевдонимы агентуры УСС в Турции и близлежащих странах носили названия разного рода растений, иногда весьма экзотических.

Главным направлением работы сети А. Шварца были Венгрия, Австрия, Германия и отчасти Чехословакия. В качестве прикрытия своей агентурной сети он открыл в Стамбуле представительство американской компании «Вестерн электрик компани». 20 июля 1943 г. ему был присвоен оперативный псевдоним «Dogwood» («Кизил») [Bauer, 1996, p. 122–123, 129]. Вскоре агентурная сеть «Догвуда» составила весьма существенную долю докладов стамбульской резидентуры в Вашингтон: 31 из 177 в 1943 г. и 83 в январе и 43 в феврале 1944 г. [Rubin, 1989, p. 169].

Примечательным является упоминание в секретном докладе УСС 1944 г. о контактах агентуры ведомства в Турции с фон Папеном: «[Агенты] «Магнолия»[19] и «Гардения»[20], действующие как одна сеть с частичной помощью [агента] «Ленок»[21], находились в прямом контакте с немецким послом фон Папеном. Эта сеть большую часть времени была неактивной, но был один случай, когда мы действительно работали непосредственно с немецким послом. Об этом знает только генерал Донован» [Narrative account, 1944, p. 12–13]. Вполне логично предположить, что здесь речь идет именно об операции Морде – Папен.

Что же за документ привез Т. Морде фон Папену? Его полный текст приводится в книге Л. Безыменского. Взяв предложенный им перевод за основу, мы воспроизведем скорректированный перевод с английского языка:

«1. Признание принципа, согласно которому Германия будет доминировать в политике, промышленности и сельском хозяйстве континентальной Европы, со всеми вытекающими отсюда последствиями:

а. Союзники благожелательно отнесутся к предложению о том, чтобы Берлин стал местом заседания парламента, состоящего из представителей всех федеративных государств Европы.

б. Союзники благожелательно рассмотрят предложение о пересмотре границ Германии с включением в ее состав немецких меньшинств, проживающих в Польше, Судетской области, Австрии и т. д.

2. Германия, США и Великобритания станут «державами большой тройки»: Германия в континентальной Европе; США на американском континенте и в Китае; Великобритания за океаном в целом и в Африке (Континентальная Европа включает Польшу, Прибалтийские государства и Украину).

а. Германия будет закупать сырье у США и Великобритании в обмен на промышленные товары. Великобритания и США не будут конкурировать с Германией на европейском рынке.

3. Германия НЕ будет вмешиваться в действия союзников против Японии. Взамен Германия получит компенсацию за счет голландской колониальной империи.

4. Ленд-лиз и прямая помощь России прекращается при условии, что Германия не будет помогать Японии против России или против союзников.

5. США и Великобритания гарантируют, что Россия никогда ни на дюйм не вторгнется на территорию Германии; кроме того, при необходимости они помогут Германии силой оружия, дабы воспрепятствовать вмешательству России в торговые, политические и промышленные дела новой, послевоенной Европы» [Безыменский, 1987, с. 167–168; Безыменский, 2003, с. 253–254; Coleman, 1977, p. 24–31, 64–69].

[19] Оперативный псевдоним Александра Рюстова, немецкого эмигранта, профессора экономической географии и экономической истории в университете Стамбула. Был близок к фон Папену.

[20] Настоящее имя определить не удалось.

[21] Англ. «Coreopsis». Настоящее имя определить не удалось.

В 1943 г. произошел коренной перелом в результате крупномасштабного контрнаступления Красной армии, которое началось после Курской битвы. Советские войска смогли разгромить немецкие силы и занять значительную территорию, включая территорию Украины и Белоруссии. Изложенные в документе предложения германскому послу были сделаны накануне знаковых событий на Восточном фронте Второй мировой войны: 6 ноября 1943 года советские войска освободили Киев от немецко-фашистских захватчиков в ходе Киевской наступательной операции 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н. Ватутина. Оставался почти год до полного вывода немецких войск с территории Украинской ССР в октябре 1944 года.

Даже с учетом отставания от реальных событий авторов, подготовивших данный документ, поражает чрезвычайная наглость американских претензий в отношении Украины. Возникает вполне закономерный вопрос: кто были эти авторы и в недрах какой бюрократической структуры был составлен документ? К сожалению, мы можем только строить предположения относительно авторства. По словам А. Колмэна, который, вопреки инструкциям, сохранил фотокопии всех документов Т. Морде, предложения фон Папену «были подготовлены …с глубоким пониманием проблем войны и мира и с холодным и беспристрастным взглядом циника» [Coleman, 1977, p. 30].

По нашему мнению, вряд ли документ был подготовлен Службой информации и анализа разведывательной информации УСС. Костяк экспертов Службы составляли довольно известные представители академического сообщества, в том числе «зубры» так называемой «Франкфуртской школы», немецкие эмигранты-антифашисты: Отто Киркхаймер, Герберт Маркузе, Франц Нойманн и др. [Kātz, 1989]. Во время своей работы в Секции Центральной Европы Службы информации УСС они подготовили множество объективных материалов по национал-социализму и политическому развитию Германии с позиций неомарксизма [Secret reports, 2013]. Каждый отчет секции обсуждался в секции открыто и критически. После утверждения и редактирования ему присваивался уровень секретности, и он направлялся руководству Службы информации и анализа разведывательной информации, в соответствующие оперативные подразделения УСС, а также в подразделения военного министерстве и госдепартамента [Kātz, 1989, p. 36]. С учетом существовавших в УСС бюрократических процедур вряд ли какой-либо материал, подобный предложениям фон Папену, мог быть подготовлен в Секции. Более того, обращение У. Донована за помощью к аналитикам Секции представляется маловероятным по чисто идеологическим причинам.

По нашему предположению, автора (или авторов) предложений фон Папену следует искать среди штатных или работавших по контракту сотрудников Консультативного комитета по послевоенной внешней политике, который был создан государственным секретарем К. Хэллом в 1942 г. Задачей комитета была подготовка к послевоенному устройству мира. Одной из ключевых задач было определение роли и места США в формирующейся новой мировой системе. В рамках комитета рассматривались вопросы, касающиеся будущего Германии, Европы и мира в целом. В частности, обсуждались вопросы политического и территориального устройства Германии, ее демилитаризации, репараций, а также наказания нацистских преступников. Также затрагивались вопросы мирного урегулирования отношений со странами, воевавшими на стороне Германии [Notter, 1949]. Можно предположить, что, скорее всего, документ с предложениями фон Папену был приватно подготовлен штатным сотрудником [или сотрудниками) подкомитета по территориальным проблемам [Post World War II foreign policy planning, 1987, p. XI] по заданию У. Донована. Наконец, учитывая широкий круг деловых и личных связей руководителя УСС, документ мог быть подготовлен частным образом, вне правительственных учреждений.

По поводу возможного авторства документа достаточно определенно высказался А. Браун, биограф У. Донована: «Одно можно сказать наверняка: Ф. Д. Рузвельт не мог написать условия перемирия. Хотя внутренние свидетельства указывают на то, что они были написаны в Соединенных Штатах, условия были таковы, что возможны два варианта: 1) либо это была уловка, направленная на дезорганизацию и подрыв Третьего рейха и, возможно, даже на то, чтобы подтолкнуть Папена к действиям против Гитлера, либо 2) этот план был

разработан группой влиятельных американских ультраправых, которые считали главным врагом не Германию, а Россию» [Brown, 1984, p. 378–379].

Антисоветские мотивы руководителя УСС были совершенно очевидными. Немецкий историк Р. Мокельманн в своей монографии с красноречивым названием «Франц фон Папен: вечный вассал Гитлера» обращает внимание на то, что У. Донован начал эту операцию в Вашингтоне без ведома Белого дома: «Воинственный антикоммунист Донован стремился всеми доступными ему средствами сорвать союз США с Советским Союзом. В сочетании с другими акциями он хотел доказать президенту Рузвельту, что широкие слои немецкого населения готовы свергнуть Гитлера и сдаться западным союзникам. Бывший рейхсканцлер и вице-канцлер Франц фон Папен казался Донована идеальным представителем, который мог доказать, что высокопоставленные немецкие чиновники, которые, как и Папен, в течение десяти лет лояльно служили гитлеровскому государству, хотели порвать с режимом и положить конец войне» [Möckelmann, 2016, S. 237].

Последующее развитие событий вокруг авантюры Донована показало полную утопичность расчетов и ожиданий тех, кто за ним стоял. Они предполагали представить встречу Т. Морде с Ф. фон Папеном в качестве шага, направленного на скорейшее прекращение войны. Политическая мудрость американского президента и его ближайшего окружения, справедливо рассматривавших эту провокацию как подрыв сотрудничества с СССР по антигитлеровской коалиции, не оставили камня на камне от этих расчетов. Тем более что операция Морде – Папен была прямо рассчитана на торпедирование готовившейся в этот период Тегеранской конференции.

По возвращении из Турции в октябре 1943 г. Т. Морде встретился с Р. Шервудом (возглавлял Службу зарубежной информации Бюро военной информации; входил в круг ближайших советников президента Ф. Д. Рузвельта), рассчитывая на поддержку своей «миссии» президентом. Выслушав Т. Морде, Шервуд пришел в ужас. 26 октября 1943 г. он обратился с меморандумом к Рузвельту. В нем, ссылаясь на негативный предыдущий опыт службы Морде в СКИ, он упомянул, что Морде ссылался на разрешение генерала П. Херли на поездку в Турцию и встречу с фон Папеном. По информации Р. Шервуда, Херли полностью открестился от какой-либо ответственности за «миссию» Морде. Шервуд потребовал, чтобы госдепартамент аннулировал зарубежный паспорт Т. Морде. В меморандуме он также не преминул раскритиковать политику журнала «Ридерз дайджест» в его нападках на администрацию Рузвельта [NARA, 1943, p. 111–114].

Потерпев неудачу на встрече с Р. Шервудом, Т. Морде обратился непосредственно к У. Донована. 29 октября 1943 г. Донован направил президенту меморандум по поводу пресловутой «миссии». В нем, в частности, говорилось следующее:

«Прошу вас внимательно прочитать это. Здесь содержится идея, которую вы могли бы развить, используя свои навыки и воображение.

…*Если* [курсив в оригинале – С.Ч.] план будет реализован, виновные будут доставлены, подвергнуты надлежащему суду и казнены, а также будет достигнута безоговорочная капитуляция, это укрепит вашу моральную позицию за столом мирных переговоров…

…Этот документ представлен Теодором А. Морде, представителем «Ридерз дайджест» в Каире. Первоначально он работал в СКИ [Служба координатора информации], а затем в БВИ [Бюро военной информации]. Впоследствии он стал помощником Алекса [Александра К.] Кирка в Каире. Он уволился, чтобы работать в «Ридерз дайджест» и встретиться с нужным человеком.

Этот агент представил свой план только двум лицам: бригадному генералу Патрику Херли, когда тот находился в Каире в качестве личного представителя президента, и полковнику Гюнтеру, ответственному за УСС на Ближнем Востоке. Оба были приведены к присяге, и ни один из них не знает о результатах плана или встреч. Оба считали план осуществимым. Бригадный генерал Херли выразил желание отправиться в Турцию с этим агентом, чтобы помочь в реализации плана, но не сделал этого, по-видимому, потому что его приказы не позволяли ему участвовать в этом мероприятии. Полковник Гюнтер, хотя ни он, ни УСС в целом официально не поддерживали действия или план этого агента, оказал ему всяческую помощь в вопросах транспорта и контактов.

Этот агент в конце концов сумел установить личный контакт с фон Папеном, завоевав доверие Александра Рюстова, немца, настроенного против Гитлера, в то время профессора университета в Турции. Рюстов, в свою очередь, связался с ближайшим другом фон Папена, г-ном Постом, главой банка «Дойче ориент» в Стамбуле, который организовал фактические встречи с фон Папеном» [NARA, 1943, p. 116–142].

К меморандуму Донована был приложен полный текст докладной записки Т. Морде о результатах встречи с Ф. фон Папеном в Стамбуле 5 и 6 октября 1943 г. При этом, однако, У. Донован совершенно сознательно «забыл» приложить к меморандуму копию документа с предложениями фон Папену.

Обращаем внимание на тот факт, что сюжет, связанный с Украиной в докладной записке Т. Морде, разительно отличался от версии, озвученной фон Папеном в его мемуарах. По версии Морде, фон Папен сказал ему буквально следующее: «…Украина необходима новой Европе в качестве «житницы» …Украину, возможно, нужно сделать независимым государством, связанным с Европой общим договором, но обязательно с Европой, а не с Россией, или под каким-либо азиатским влиянием; …Украина должна быть независимой и служить лишь житницей для населения Европы, всех стран на справедливой и равной основе» [NARA, 1943, p. 133]. Примечательно, что в официальной 2-томной истории УСС, изданной под грифом «секретно» в 1949 г., полностью отсутствуют какие-либо ссылки на пресловутый документ с предложениями фон Папену, не говоря уже о «миссии» Морде [War report, 1949; 1976].

Из текста докладной записки Морде, в полном соответствии с замыслом его кураторов, явствует, что пожелание установить контроль над Украиной исходило от германского посла, что явно противоречит формулировкам указанного документа. Там о «житнице» нет ни слова. Напомним, что в предложениях фон Папену прямо указывалось, что Германия будет являться державой «большой тройки» (наряду с США и Великобританией) в континентальной Европе (включая Польшу, Прибалтийские государства и Украину). Это нельзя истолковать иначе, чем предложение принять на себя контроль над указанными территориями.

После меморандума Р. Шервуда последовали «оргвыводы»: по личному указанию президента госсекретарь Э. Стеттиниус аннулировал зарубежный паспорт Т. Морде [NARA, 1943, p. 109–110], тот был переведен в Морской отдел УСС, где прослужил до конца войны. Покончил жизнь самоубийством в 1954 г.

При планировании и осуществлении операции Морде – Папен ее кураторами были учтены личностные характеристики Теодора Морде и его довольно противоречивый опыт работы в Бюро военной информации. Это позволяло при неудачном исходе операции представить дело так, будто бы эта акция была эксцессом идеалистически настроенного дилетанта и списать все на поведение эксцентричного и экзальтированного индивидуума. На самом деле агент «Ромашка» с честью выполнил задание Донована. Т. Морде был награжден медалью «Бронзовая звезда». Она была учреждена 4 февраля 1944 года президентом Франклином Д. Рузвельтом. Предназначалась для награждения военнослужащих, чей подвиг не был достаточен для награждения «Серебряной звездой» («Silver Star») за героизм в бою, либо медалями соответствующих родов войск за заслуги в прочих случаях. Ее действие также было распространено на заслуги и подвиги, совершенные начиная с 7 декабря 1941 г. Понятно, что такое представление к награде могло произойти только по инициативе руководителя УСС. Лейтенант Теодор Морде числится в базе данных о награждениях медалью «Бронзовая звезда» с пометкой, что получил он ее за работу в Анкаре в 1943 г. [22] Сам же Донован всего лишь «получил по рукам», учитывая его положение и связи.

Заключение

События более чем 80-летней давности вновь напомнили о неизменности антисоветской и антироссийской политики западных держав. Предложения Морде фон Папену, прежде всего передача Украины под контроль Германии, представляли собой характерную для Запада

[22] URL: https://www.specialforcesroh.com/index.php?threads/morde-theodore-a.37178/ (дата обращения – 24.01.2026).

политику распоряжения территориями и ресурсами других стран и народов без их участия. Предметом торга являлось то, что американцам никогда не принадлежало – ресурсы и территория Украинской ССР, в то время неотъемлемой части Советского Союза.

Операция «Морде – Папен» является ярким примером подрывной работы «глубинного государства», направленной на разрушение союзнических отношений между США и СССР, складывавшихся во время второй мировой войны против общего врага – гитлеровской Германии. И если во время Второй мировой войны эта деятельность носила скрытный характер, то нынешние события в отношениях между США и Россией по поиску взаимоприемлемых решений конфликта на Украине изобилуют примерами явных действий американской «номенклатуры» по торпедированию даже слабых и противоречивых попыток президента США найти взаимопонимание между двумя мировыми державами. Сегодняшние события вокруг СВО, в особенности вассальные взаимоотношения Украины с США и Великобританией, вновь демонстрируют поразительное совпадение прошлого и настоящего. Отсюда следует непреложный вывод: учет исторического опыта в современной политике сегодня важен как никогда.

Список источников

National Archives and Records Administration (NARA). Collection FDR-FDRPSF: President's Secretary's File (Franklin D. Roosevelt Administration). Series: Subject Files. Office of Strategic Services – Reports – Donovan, William J., 1941–1943. NAID: 16620578.

National Archives and Records Administration (NARA). National Archive Microfilm Publication. Records of the Office of Strategic Services, 1941–1945. Microfilm Publication M1642, roll 118: Washington Director's Administrative Files WASH-DIR-OFF-OP-266: 1334) Turkey through WASH-DIR-OFF-OP-266: 1343) UNRAA, Fed. 1943 – Sept. 1944.

Narrative account of the organization and activities of the Dogwood Project. 1944 (URL: https://www.cia.gov/readingroom/document/0000493983) (дата обращения – 11.05.2026).

Список литературы

Безыменский Л.А. 1987. Тайный фронт против второго фронта. Москва, Изд-во агентства печати «Новости», 276 с.

Безыменский Л.А. 2003. Третий фронт: Секретная дипломатия Второй мировой войны. Москва, Вече, 441 с.

Папен Ф. фон. 2005. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. Москва, Центрполиграф, 589 с.

Heideking J., Mauch C., Frey M. (eds). 1998. American Intelligence and the German Resistance to Hitler: A Documentary History. Boulder, Westview Press, 457 p.

Anderson S. 2020. The Quiet Americans: Four CIA Spies at the Dawn of the Cold War – a Tragedy in Three Acts. New York, Doubleday, 562 p.

Bauer Y. 1996. Jews for Sale? Nazi-Jewish Negotiations, 1933–1945. New Haven, Yale University Press, 306 p.

Brown A.C. 1984. The Last Hero: Wild Bill Donovan: The Biography and Political Experience of Major General William J. Donovan, Founder of the OSS and "Father" of the CIA, from his Personal and Secret Papers and the Diaries of Ruth Donovan. New York, Vintage Books, 891 p.

Coleman A.F. 1977. Master Spy Talks – Was FDR Ready to Give Europe to the Germans in 1943? // *Metro: the magazine of Southeastern Virginia*. 1977. Vol. 1. №. 5. P. 24–31, 64–69.

Kātz B. 1989. Foreign Intelligence: Research and Analysis in the Office of Strategic Services, 1942–1945. Cambridge, Harvard University Press. 251 p.

Möckelmann R. 2016. Franz von Papen: Hitlers ewiger Vasall. Darmstadt, Philipp von Zabern. 480 S.

Notter H. 1949. Postwar foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington DC, Government Printing Office. 726 p.

Papen F. von. 1952. Memoirs. London, E. Deutsche. 664 p.

Post World War II Foreign Policy Planning: State Department Records of Harley A. Notter, 1939–1945. 1987. Bethesda, Congressional Information Service. 587 p.

Rubin B.M. 1989. Istanbul intrigues: A True-Life Casablanca. New York, McGraw-Hill. 301 p.

Laudani R. (ed.) 2013. Secret Reports on Nazi Germany: the Frankfurt School Contribution to the War Effort. Princeton, Princeton University Press. 679 p.

War report: Office of Strategic Services (OSS): in 2 vols. 1949. Washington DC, U.S. Government Printing Office; Department of State Service Office.
War report of the OSS (Office of Strategic Services): in 2 vols. 1976. New York, Walker.

References

Bezymenskij L.A. 1987. Tajnyj front protiv vtorogo fronta [The Secret Front Against the Second Front, Mocow]. Moskva: Izd-vo agentstva pechati “Novosti”. 276 p.
Bezymenskij L.A. 2003. Tretij front: Sekretnaja diplomatija Vtoroj mirovoj vojny [The Third Front: Secret Diplomacy During World War II]. Moskva, Veche, 441 p.
Papen F. fon. 2005. Vice-kancler Tret'ego rejha. Vospominanija politicheskogo dejatelja gitlerovskoj Germanii. 1933–1947 [Vice-Chancellor of the Third Reich: Memoirs of a Politician in Hitler’s Germany, 1933–1947]. Moskva, Centrpoligraf, 589 p.
Heideking J., Mauch C., Frey M. (eds). 1998. American Intelligence and the German Resistance to Hitler: A Documentary History. Boulder, Westview Press, 457 p.
Anderson S. 2020. The Quiet Americans: Four CIA Spies at the Dawn of the Cold War – a Tragedy in Three Acts. New York, Doubleday, 562 p.
Bauer Y. 1996. Jews for Sale? Nazi-Jewish Negotiations, 1933–1945. New Haven, Yale University Press, 306 p.
Brown A.C. 1984. The Last Hero: Wild Bill Donovan: The Biography and Political Experience of Major General William J. Donovan, Founder of the OSS and “Father” of the CIA, from his Personal and Secret Papers and the Diaries of Ruth Donovan. New York, Vintage Books, 891 p.
Coleman A.F. 1977. Master Spy Talks – Was FDR Ready to Give Europe to the Germans in 1943? // *Metro: the magazine of Southeastern Virginia*. 1977. Vol. 1. №. 5. P. 24–31, 64–69.
Kātz B. 1989. Foreign Intelligence: Research and Analysis in the Office of Strategic Services, 1942–1945. Cambridge, Harvard University Press. 251 p.
Möckelmann R. 2016. Franz von Papen: Hitlers ewiger Vasall. Darmstadt, Philipp von Zabern. 480 S.
Notter H. 1949. Postwar foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington DC, Government Printing Office. 726 p.
Papen F. von. 1952. Memoirs. London, E. Deutsche. 664 p.
Post World War II Foreign Policy Planning: State Department Records of Harley A. Notter, 1939–1945. 1987. Bethesda, Congressional Information Service. 587 p.
Rubin B.M. 1989. Istanbul intrigues: A True-Life Casablanca. New York, McGraw-Hill. 301 p.
Laudani R. (ed.) 2013. Secret Reports on Nazi Germany: the Frankfurt School Contribution to the War Effort. Princeton, Princeton University Press. 679 p.
War report: Office of Strategic Services (OSS): in 2 vols. 1949. Washington DC, U.S. Government Printing Office; Department of State Service Office.
War report of the OSS (Office of Strategic Services): in 2 vols. 1976. New York, Walker.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.01.2026
Поступила после рецензирования 29.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Received January 24, 2026
Revised April 29, 2026
Accepted April 30, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернявский Сергей Викторович, сотрудник Секретариата ООН с 1986 по 2012 г., независимый исследователь, шт. Флорида, США
ORCID: 0009-0001-5991-2333

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei V. Cherniavsky, UN Secretariat Staff Member from 1986 to 2012, Independent Researcher, Florida, USA

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(336.1.07)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-359-368
EDN FZKLCA
Оригинальное исследование

Ведомственная корреспонденция казначейств Российской империи XVIII века как отражение политических событий в стране

Борщик Н.Д. [1], **Подосинников Е.Ю.** [2]
[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
[2)] Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: arktur4@rambler.ru, podosinnikov_e_u@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется ведомственная переписка казначейств Российской империи XVIII века. Эта документация представляет собой ценный источник для изучения политических процессов, происходивших в государстве в изучаемый период. Казначейства, являясь главными финансовыми учреждениями в регионах, играли важную роль в управлении экономическими ресурсами Империи. Их деятельность была тесно связана с государственной политикой, что находит отражение в содержании и характере их корреспонденции. В исследовании привлечены документы Государственного архива Курской области. На конкретных документах из фонда Курской казенной палаты представлен исторический контекст одного из самых масштабных народных восстаний в истории Российской империи – Крестьянской войны 1773–1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева. Особое внимание уделено комплексным мерам, принятым властями в ответ на это историческое событие, а также их отражению в документации казначейских учреждений Российской империи.

Ключевые слова: история финансовых органов, казначейская служба, Курская казенная палата, Емельян Пугачев, Крестьянская война 1773–1775 гг.

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Борщик Н.Д., Подосинников Е.Ю. 2026. Ведомственная корреспонденция казначейств Российской империи XVIII века как отражение политических событий в стране. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 359–368. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-359-368. EDN: FZKLCA

Departmental Correspondence of the Treasuries of the Russian Empire in the 18th Century as a Reflection of Political Events in the Country

Natalia D. Borshchik [1], **Evgeny Yu. Podosinnikov** [2]
[1)] Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia;
[2)] Kursk State University,
33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia
E-mail: arktur4@rambler.ru, podosinnikov_e_u@mail.ru

Abstract. The activities of financial authorities have always attracted public attention and caused a wide response, as they affect the most important aspects of society. The article analyzes the departmental correspondence

© Борщик Н.Д., Подосинников Е.Ю., 2026

of the treasuries of the Russian Empire dating back to the 18th century. This documentation is a valuable source for studying the political processes that took place in the State during the period under study. The treasuries, being the main financial institutions in the regions, played an important role in managing the Empire's economic resources. Their activities were closely linked to government policy, which is reflected in the content and nature of their correspondence. The study uses documents from the State Archive of the Kursk region. The historical context of one of the largest popular uprisings in the history of the Russian Empire, the Peasant War of 1773-1775 led by Yemelyan Pugachev, is presented in specific documents from the Kursk Treasury Fund. Special attention is paid to the comprehensive measures taken by the authorities in response to this historic event, as well as their reflection in the documentation of treasury institutions of the Russian Empire. The above texts of archival documents preserved in the fund of the Kursk State Chamber, make it possible to trace not only the reaction of the authorities to the uprising itself, but also the government's efforts to normalize the future lives of the country's residents.

Keywords: history of financial authorities, treasury service, Kursk Treasury Department, Yemelyan Pugachev, Peasant War of 1773–1775

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Borshchik N.D., Podosinnikov E.Yu. 2026. Departmental Correspondence of the Treasuries of the Russian Empire in the 18th Century as a Reflection of Political Events in the Country. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 359–368 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-359-368. EDN: FZKLCA

Введение

Деятельность финансовых институтов всегда привлекает внимание общественности и вызывает широкий резонанс, поскольку затрагивает важнейшие аспекты жизни общества: материальное обеспечение, денежное довольствие, налоговую политику и другие важные вопросы. Казначейские органы, являясь неотъемлемой частью финансовой системы страны, также вызывают интерес исследователей. Первые попытки изучения их истории были предприняты еще до революции [Анучин, 1869]. Известный в досоветской России предприниматель и ученый-экономист И.С. Блиох, автор-составитель фундаментального труда «Финансы России XIX столетия» (в 4-х т.), писал: «История финансов и статистики в России, более чем в каком-либо другом государстве, представляет собой в известном смысле самые точные протоколы государственной жизни» [Блиох, 1882]. В советской историографии деятельность финансовых органов, в том числе и казначейств, изучалась в русле истории органов государственного управления Российской империи [Ерошкин, 1983]. На современном этапе появились публикации, освещающие деятельность региональных казенных палат: в Москве [Соловьев, 2008], Тобольске [Записка…, 2005], в Крыму [Борщик, 2024]. Можно отметить, что деятельность казенных палат Центральной России изучена фрагментарно [Борщик, 2015], многие аспекты их функционирования нуждаются в специальном изучении.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает ведомственная переписка казенных палат Российской империи. Для локализации исследования территориальные рамки ограничены Курской губернией в границах 1779 года (современные территории Курской, Белгородской областей и части Украины. – Авт.) [23]. В статье сделана попытка рассмотреть ведомственную корреспонденцию казначейств Российской империи на предмет отражения важнейших событий внутренней политики – событий Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева (1773–1775 гг.), провести анализ последовавших мер реагирования публичной власти. Это позволит не только обогатить источниковедческую базу, глубже понять историю крупнейшего народного восстания в истории Российской империи, но и документально выявить

[23] Именной указ Екатерины II «Об учреждении Курской губернии» от 23 мая 1779 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14880. СПб., 1830. С. 825–826.

социальные, экономические и политические последствия этого народного выступления. В этой связи представляется важным изучить нормативы как центральных властей, так и региональных чиновников по исследуемой тематике, выявить обстоятельства их появления для показа общего и особенного в действиях служащих казенных палат; обозначить специфику Курской губернии в этом отношении. Привлечены документы Государственного архива Курской области из фонда Курской Казенной палаты (ф. 184) [24].

В научном инструментарии данной статьи методологические подходы играют ключевую роль. Среди них выделяются такие общенаучные методы, как историзм и объективность. Эти методы позволяют проводить глубокий анализ исторических процессов, выявлять причинно-следственные связи и закономерности их развития. Хронологический метод, например, позволил детально изучить документацию Казенной палаты Курской губернии во второй половине XVIII века, учитывая ее взаимосвязь с социальными, экономическими и культурными процессами той эпохи. Метод обобщения способствовал формулировке значимых выводов и определению перспективных направлений для будущих исследований в этой области.

Результаты и их обсуждение

Крестьянская война 1773–1775 годов стала самым мощным народным выступлением в истории Российской империи. Возглавил ее казак Емельян Пугачев, выдававший себя за «царя Петра III». Восстание распространилось на обширные регионы Урала, Поволжья и Западной Сибири. В нем приняли участие казаки, крестьяне, горожане и т. п., включая представителей народов Поволжья – башкир, татар, марийцев и других. После первоначальных успехов восстание силами армии было подавлено, сам Пугачев был казнен в 1775 году. Это событие стало фактором для пересмотра социальной политики государства, что было отражено в ведомственной документации.

Ведомственная корреспонденция финансовых органов выбрана источником информации для исследуемых событий неслучайно, так как финансовые ресурсы необходимы для реализации государственных полномочий как в сфере внутренней, так и внешней политики. В условиях имперской экономической системы, масштабных преобразований в социальной сфере, а также с учетом современных геополитических реалий вопросы эффективного использования государственных финансовых ресурсов становятся особенно актуальными и востребованными [Борщик, 2015].

Казначейства как ядро финансовой системы страны прошли долгий и сложный путь, прежде чем стали надежной системой, обеспечивающей финансовую стабильность Российского государства [Борщик, 2014]. Наибольший интерес представляют исторические практики трансформации механизмов управления страной и отдельными регионами, причины и результаты реформ, нашедшие отражение в исторических документах, а также последовавшие меры реагирования публичной власти.

В рамках заявленной проблематики статьи необходимо решить следующие задачи:

– проанализировать содержание источникового комплекса, сохранившегося в Государственном архиве Курской области, – документов Курской казенной палаты, непосредственно связанных с событиями Крестьянской войны 1773–1775 годов;

– рассмотреть последовавшие меры реагирования публичной власти, нашедшие отражение в ведомственной корреспонденции казначейств Российской империи.

В современной исторической науке акцент делается на более детальном исследовании идеологических и политических взглядов участников народных движений в России, возникает также новая задача – классификация типов народных выступлений: восстание, крестьянская война, бунт. Это обусловлено отказом от советской интерпретации и поиском новых методологических подходов к изучению этой темы. Кроме того, значимость данного вопроса связана с попытками определить роль казачества, башкир и других социальных и этнических групп в этих движениях, так как их вклад в восстание под предводительством Пугачева был особенно значительным.

[24] Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 12, 13, 15; Оп. 3. Д. 16.

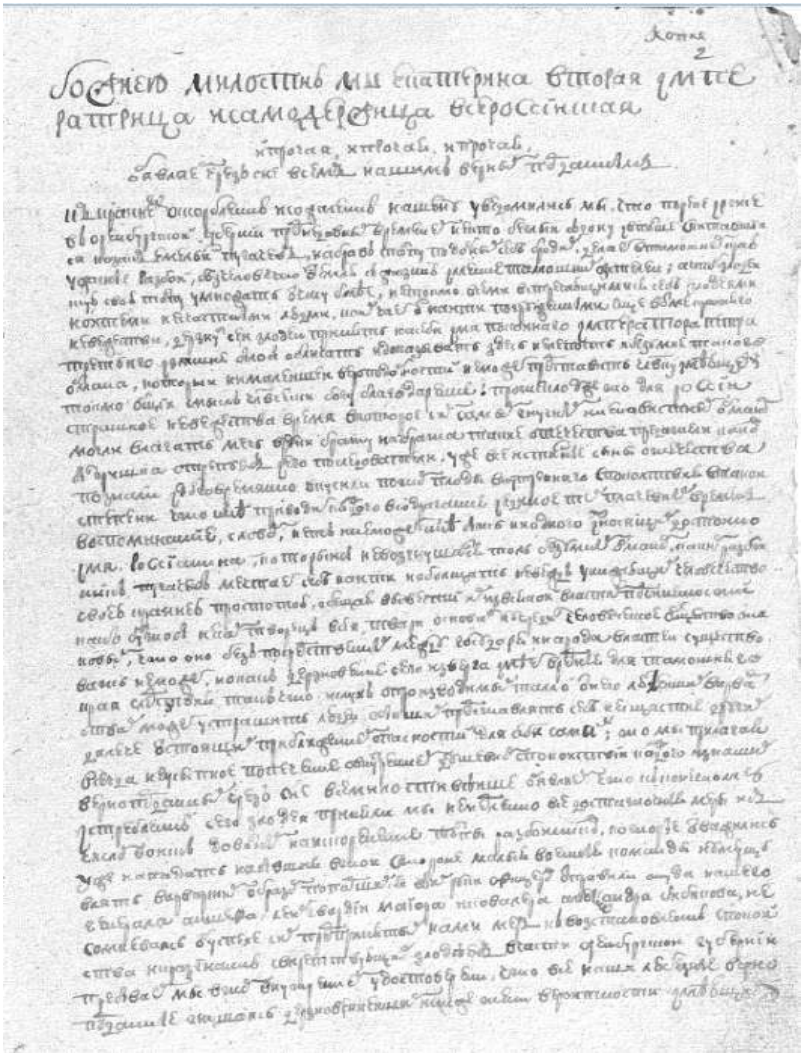


Рис. 1. Манифест Императорского Величества об оказавшемся в Оренбургской губернии изменнике беглом казаке Емельяне Пугачеве [25]
Fig. 1. Manifesto of His Imperial Majesty regarding the fugitive traitor Cossack Yemelyan Pugachev who found himself in the Orenburg province

В представленном на рис. 1 Манифесте речь идет о том, что Екатерина Вторая, «Императрица и Самодержица Всероссийская», «к крайнему сожалению» объявляет всем подданным, что по реке Яике в Оренбургской губернии недавно некто беглый с Дона и скитавшийся в Польше казак Емельян Пугачев, «набрав толпу подобных себе бродяг, делает в данном крае ужасный разбой, бесчеловечно забирая жизни местных жителей». Далее сообщается, что «для того, чтобы злодейскую свою толпу умножать не только всеми встречающимися себе злодеями, но и теми несчастными людьми, кто погружен во тьму крайнего невежества, дерзнул этот злодей принять на себя имя покойного Императора Петра Третьего. Излишне будет обличать и доказывать нелепость и безумие такого обмана, который ни малейшей правды не может представить человеку, имеющему общий смысл. Наступило для России страшное время невежества, в которое самым гнусным и ненавистным обманом могли вложить меч в руки брату на брата такие предатели Отечества, каким был Гришка Отрепьев и его последователи. Уже все истинные сыны Отечества познали и долговременно вкусили потом плоды внутреннего спокойствия в такой степени, что ныне приводит каждого в содрогание воспоминание тех плачевных времен.

[25] Документ создан в Санкт-Петербурге 24 декабря 1773 года. Подлинный Манифест подписан собственною рукою Императорского Величества и печатан в Санкт-Петербурге при Сенате, 24 декабря 1773 года. В должности секретаря коллежской регистратор Иван Гаврилов.

Нет и не может ныне быть ни одного из носящих достойно имя россиянина, который бы не воздержался только безумным обманом, каким разбойник Пугачев мечтает себе найти и обольщать невежд, унижающих человечество своей крайней простотой, обещая вывести их из всякой власти, как будто бы не сам Творец основал и учредил человеческое общество таковым, что оно без посредничества между государем и народом существовать не может. Но как дерзновение сего изверга имеет время для края, так и слух о производимых там лютейших варварствах может устрашить людей, прилагая всегда неусыпное попечение о внутреннем душевном спокойствии каждого из верноподданных, объявляем о том, что к истреблению этого злодея приняты все достаточные меры, с числом воинов, довольным на искоренение толпы разбойников, которые отважились уже нападать на бывшие в той стороне малые военные команды и умерщвлять варварским образом попавшихся в их руки офицеров, отправили туда генерала-аншефа Лейб-гвардии майора и кавалера Александра Бибикова. Не сомневаясь об успехе предпринятых мер к восстановлению спокойства и изгнанию свирепствующих злодеев в Оренбургской губернии, уверены, что все наши любезные верноподданные не пойдут на обман разбойника Пугачева, никогда не допустят себя уловить и никакими ухищрениями людей злоковарных, ищущих своей корысти в слабомыслящих людях и не могущих насытить своей алчности, как опустошениями и пролитием невинной крови. Впрочем, надеемся, что, следуя долгу своему, каждый из истинных сынов Отечества поспособствует сохранению тишины и порядка и оградит себя от злых намерений должным повиновением начальству».

В метаданных документа сказано, что он создан в Санкт-Петербурге 24 декабря 1773 года. Подлинник подписан собственною рукою Императорского Величества и напечатан «в Санкт-Петербурге при Сенате» 24 декабря 1773 года. В должности секретаря коллежской регистратор Иван Гаврилов. На рис. 2 представлен рапорт о получении Манифеста в Курской губернии.

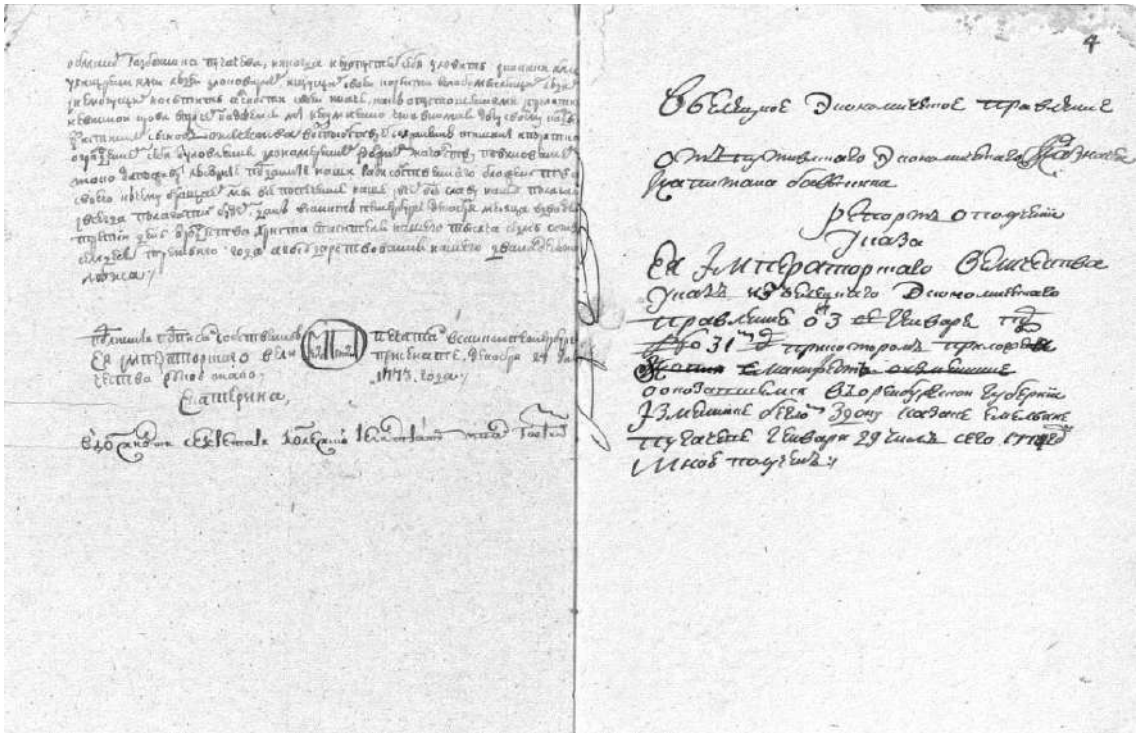


Рис. 2. Рапорт о получении указа с приложенным манифестом от 23 августа 1773 г. [26]
Fig. 2. Report on receipt of the decree with the attached manifesto of August 23, 1773

Следующим тематическим документом, хранящемся в фонде Курской казенной палаты, является указ Екатерины II от 30 октября 1774 г. «о предостережении от нападения

[26] ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12. Л. 5 об. – 6.

бунтовщика казака Емельяна Пугачева» на четырех листах (см. рис. 3). Документ был направлен из Хотмыжской воеводской канцелярии Хотмыжского уезда Грайворонской слободы и предназначался «первой части казначею господину капитану Евтифею Толмачеву», в губернии был получен 6 ноября 1774 года, о чем имеется отметка в верхней части. Ввиду важности текста для понимания исторического контекста приведем документ полностью:

«Указ Императорского Величества Самодержицы Всероссийской по предложению от Его Высокографского сиятельства господина генерала-аншефа и разных орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина с приложением:

1-е – где и в каких церквях Пугачев сам или люди его шайки производили злодеяния и богохулия, казня и убивая людей, стреляя по иконам, грабя и снимая оклады и утварь церковную, где также и когда биты или повешены были священники и церковные служители;

2-е – в каких городах, селах и деревнях и других селениях и сколько где публично или его злодейскими наперсниками и какими разными мучительствами умерщвлено дворян, их жен, их сыновей, их дочерей, начальников тех мест, подчиненных им слуг, приказчиков, старых выборных и бурмистров, словом, всякого звания людей, разночинцов, церковников, воинских и поселян;

3-е – о местах, где сам Пугачев или с его именем входили в церкви бунтующие (башкиры и киргизы) и какое поругание неверные производили;

4-е – сколько женского пола всякого звания и чина во время волнений в плен захвачено было и в злодейских руках находилось, сколько из них возвратилось и сколько пропало;

5-е – сколько и в каких местах дворянских деревень досконально разорено. Сколько и каких дворян как мужского пола, так и осиротевших вдов, девиц и малолетних детей, которые в провинциях или в уездах остались от его злочестивых рук без покрова и без пропитания. А присланные экземпляры растиражировать в пристойных местах и разослать в подчиненные органы. Приказ разослать нарочно в города Белгородской губернии, а Севской и Орловской провинциям, собрав данные из подчиненных городов, прислать нарочно рапорты.

Если после публикации указов явится кто-либо из сообщников самозванца с раскаянием, задержать под крепким караулом, доносить о таких случаях без замедления в Сенат секретными рапортами, а октября 5 дня сего 1774 году по присланному из Белгородской губернской канцелярии по предложению от его высокопревосходительства господина генерала-поручика и белгородского губернатора Ивана Кирилловича Давыдова, а с сего высокопревосходительству по рапорту из Слободской Украинской губернской канцелярии велено сумнительных оного Пугачева партий, прописанных в том предложении, людей присматривать и во учреждении, где не учреждено застав, исполнение чинить так, как оным предложением предписано, почему для того по городу Хотмыжску и уезду, где не имелись заставы, учреждены в нем, а в прежде учрежденным на заставах смотрителям наикрепчайше подтверждено токмо таковых сумнительных людей и поимке не оказалось и по благости Божией не о ком и о партии означенного злодея и самозванца Пугачева товарищах и сообщниках и о происходимых от них казнях, мучениях и прочих непотребствах и злодеяниях слухов ни от кого не было. Того ради в Хотмыжской канцелярии определено с прописании вышеписанного в Белгородскую губернскую канцелярию с присланным солдатом Гудиновым отрапортовать, а в городе Хотмыжске о том публиковать и о том же с прописанием оного указа и с приложением экземпляра копии, а Хотмыжского уезду в знатные господские вотчины к управителям разослать при указах и которых при сем одна копия и приложена из слободы Грайворон первой части господину капитану Толмачеву учинить о том по сему Ея Императорского Величества указу, а куда надлежало таковые указы с приложением с экземпляра копиев посланы ноября 4 дня 1774 года. Документ подписан: Федосей Яшкин, в должности секретаря: Иван Угримов, канцелярист: Иван Калесников».

На последнем листе документа содержится информация о «сокрушении злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева». Данную информацию необходимо было распространить «для чтения по церквям и обнародования». Документ подписан: Федосей Яшкин, в должности секретаря: Иван Угримов, канцелярист: Иван Калесников[27].

[27] Там же.

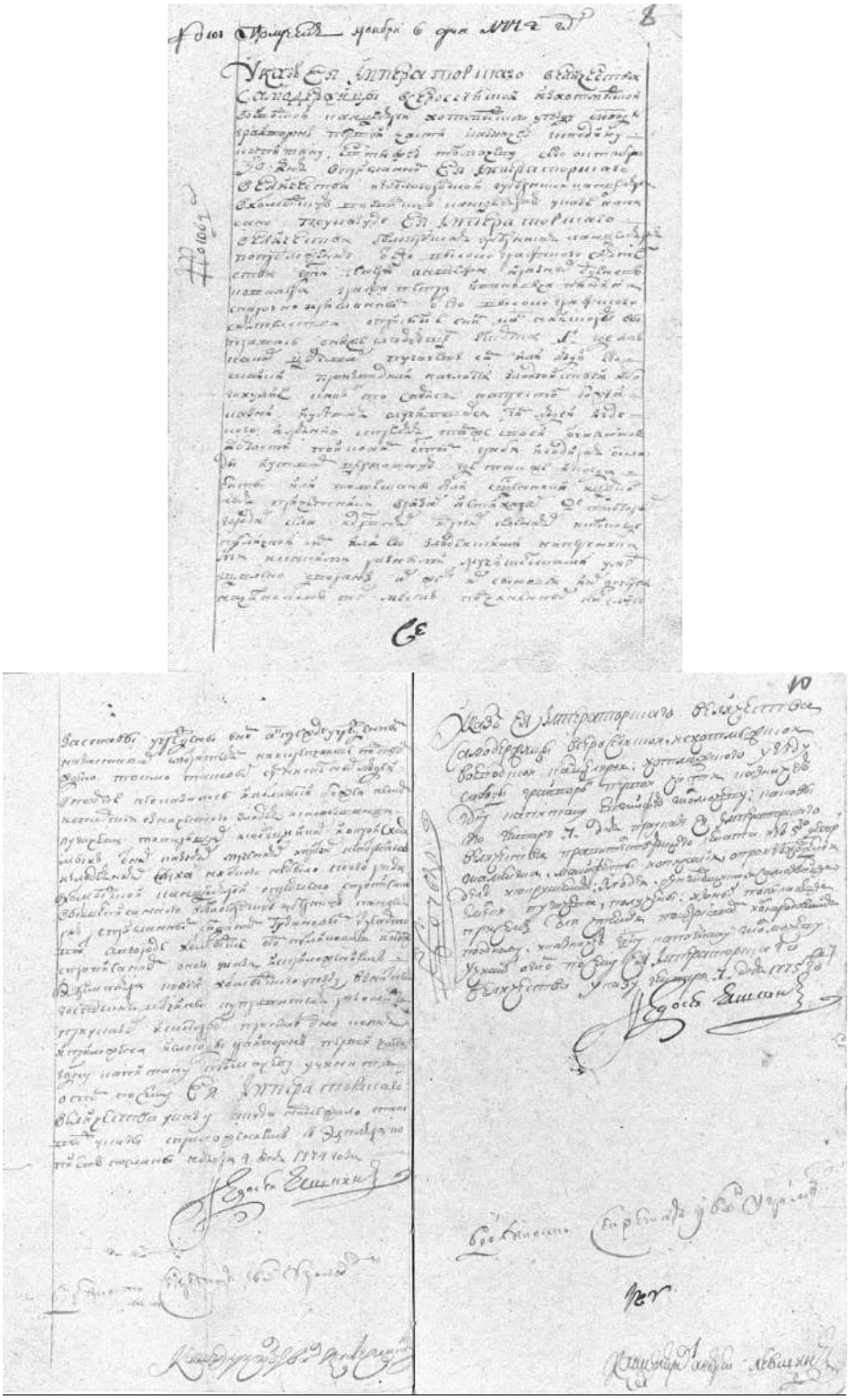


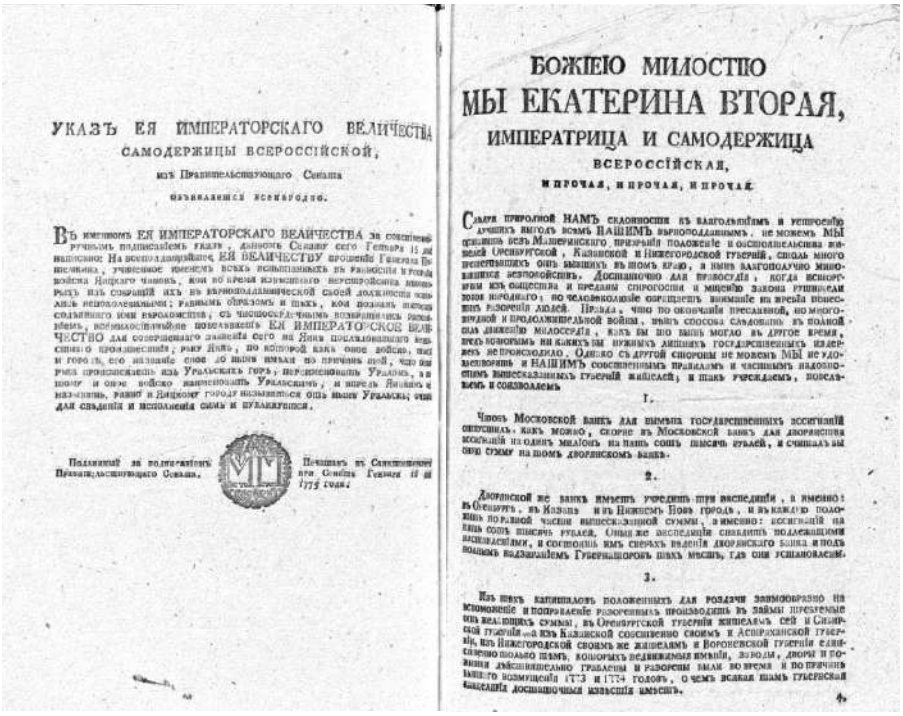
Рис. 3. Указ Императорского Величества о предостережении от нападения бунтовщика казака Емельяна Пугачева от 30 октября 1774 г. [28]
Fig. 3. Decree of His Imperial Majesty on warning against the attack of the rebel Cossack Yemelyan Pugachev, October 30, 1774

После подавления восстания под руководством Е. Пугачева деятельность центральных властей развивалась в нескольких направлениях. Во-первых, Екатерина II очень болезненно отнеслась к самому факту «народного бунта» как к «мерзкой сией комедии» [Кочережко,

[28] ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 13. Л. 10, 11, 12.

2013]. Неудивительно поэтому стремление императрицы стереть из «памяти народной» все, что было связано с именем Емельяна Пугачева. Во-вторых, восстание охватило обширные районы с хорошо развитой инфраструктурой: города, поместья, фабрики и заводы. Владельцы этих объектов понесли серьезные финансовые потери и утрату имущества. Правительство Екатерины II считало своим долгом хотя бы частично компенсировать нанесенный ущерб.

16 января 1775 г. был опубликован новый указ, в соответствии с которым «объявляется всенародно о переименовании, по прошению генерала Потемкина, для совершения забвения произошедшего учиненного неустройства, переименовать реку, проистекающую из Уральских гор – Уралом, войско – Уральским и город отныне – Уральском». Другими словами, Яицкий городок получил название Уральск, река Яик переименована в Урал, а Яицкое казачье войско стало Уральским казачьим войском.



УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
изъ Правительствующаго Сената
объявляемый всенародно.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА
ВСЕРОССІЙСКАЯ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Рис. 4. Указ Императорского Величества о переименовании реки и города от 16 января 1775 г. [29]
Fig. 4. Decree of His Imperial Majesty on the renaming of the river and the city, January 16, 1775

Заслуживает внимания еще один документ – указ «о поддержании жителей» Оренбургской, Казанской и Нижегородской губернии от 4 апреля 1775 г. В соответствии с ним Московский банк выпустил ассигнации на сумму 1,5 млн руб. Эти капиталы «заимообразно» направлялись для помощи потерпевшим. Были учреждены 3 экспедиции (в Оренбурге, в Казани, в Нижнем Новгороде), на каждую из которых полагалось по 500 тыс. рублей. Экспедиции «были сопровождены наставлениями и находились под полным контролем губернаторов». В Оренбургской губернии выплаты полагались «своим», а также жителям Сибирской губернии, в Казанской – «своим» и жителям Астраханской губернии, в Нижегородской – «своим» и жителям Воронежской губернии. Возмещение ущерба полагалось только тем, у кого «недвижимые имения, заводы и дворы были разграблены и разорены во время и по причине бывшего возмущения 1773 и 1774 гг., о чем есть сведения в губернской канцелярии» [30].

Потерпевшие жители из Сибирской, Астраханской и Воронежской губерний, требующие компенсаций, должны были предоставлять из своей губернской канцелярии свидетельства о фактах разорения: что именно пострадало – «имение, уезд, город, число душ, фабрики, заводы,

[29] ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 об. – 19.
[30] ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.

сумма годового оборота» и др. Предполагалось выдавать деньги на недвижимые имения в размере 40 рублей за каждую душу, заводы и фабрики – половину годового обращения, которое было до разорения. Заем производился на 10 лет, первые три года брался 1 % на содержание экспедиций, в остальные 7 лет – по 3 % в год.

Таким образом, правление Екатерины II было омрачено крупнейшим в истории России народным выступлением – Крестьянской войной под руководством Е. Пугачева (1773–1775). Этот «бунт» оказал значительное влияние на внутреннюю политику страны, отразившись в деловой документации ведомств Российской империи. В приведенных текстах архивных документов, сохранившихся в фонде Курской казенной палаты, четко можно проследить не только реакцию властей на само восстание, но и усилия правительства по нормализации дальнейшей жизни жителей страны.

Список источников

Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 184. Курская Казенная палата. Оп. 1. Д. 12. Копия указа Екатерины II и указ Елецкого экономического управления Путивльскому казначею об объявлении Манифеста о казаке Емельяне Пугачеве, рапорт о получении указа. 1774 г. 4 л.

ГАКО. Ф. 184. Курская Казенная палата. Оп. 1. Д. 13. Указы Хотмыжской воеводской канцелярии казначею сл. Грайворон о принятии мер предосторожности против появления казака Емельяна Пугачева. Извещение генерала Панина о возложении на него обязанностей по борьбе с Пугачевым. 26 июля 1774 г. – 4 января 1775 г. 11 л.

ГАКО. Ф. 184. Курская Казенная палата. Оп. 3. Д. 16. Указ Курской воеводской канцелярии курскому экономическому казначею о распубликовании сентенции о Емельяне Пугачеве по всем экономическим вотчинам на сходах под расписки крестьян. 1775 г. 61 л.

Именной указ Екатерины II «Об учреждении Курской губернии» от 23 мая 1779 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14880. СПб., 1830. С. 825–826.

Список литературы

Анучин Д.А. 1869. Граф Панин, усмиритель Пугачевщины. *Русский вестник.* Т. 80. 3: 5–6.

Блиох И. С. 1882. Финансы России XIX столетия. История-Статистика. Т. 1. Санкт-Петербург, 292 с.

Борщик Н.Д. 2014. Исторические особенности управления городами Курского края в XVII столетии. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 3(31): 1–5. URL: http://scientific-notes.ru/pdf/030-029.pdf. (дата обращения 22.01.2026 г.)

Борщик Н.Д., Морозан В.В., Прохоров Д.А. 2024. Финансовая система Крыма: факты, события, люди. К 240-летию создания финансовых органов Крыма (1784–2024). Под общ. ред. И.В. Кивико. Симферополь, 370 с.

Борщик Н.Д., Подосинников Е.Ю., Пясецкая Е.Н. 2015. История становления и развития казначейской системы на территории Курской области. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 4(36): 57–65. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24991784_32323892.pdf (дата обращения 22.01.2026 г.)

Ерошкин Н.П. 1983. История государственных учреждений дореволюционной России. Москва, Высшая школа, 352 с.

Записка о Тобольской казенной палате. 2005. Под ред. А.К. Кириллова. Новосибирск, 99 с.

Кочережко С.С. 2013. Некоторые вопросы восприятия Екатериной II восстания Е.И. Пугачева. 1773–1775 гг. *Вестник архивиста.* 3: 58–71.

Подосинников Е.Ю. 2025. Документы Курской казенной палаты о наборе рекрутов Белгородской провинции (1770-е гг.). Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: 171–176.

Соловьев Я.В. 2008. Московская казенная палата: правовые и организационные основы деятельности в первые годы существования. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 3: 62–69.

References

Anuchin D.A. 1869. Graf Panin, usmiritel` Pugachevshhiny` [Count Panin, the Pacifier of Pugachovism]. *Russkij vestnik*. T. 80. 3: 5–6.

Bliox I. S. 1882. Finansy` Rossii XIX stoletiya. Istoriya-Statistika [Finance of Russia in the 19th Century. History-Statistics]. T. 1. Saint Petersburg, 292 p.

Borshhik N.D. 2014. Istoricheskie osobennosti upravleniya gorodami Kurskogo kraya v XVII stoletii [Historical Features of the Management of the Cities of the Kursk Region in the 17th Century]. *Ucheny`e zapiski. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(31): 1–5. URL: http://scientific-notes.ru/pdf/030-029.pdf. (data obrashheniya 22.01.2026 g.)

Borshhik N.D., Morozan V.V., Proxorov D.A. 2024. Finansovaya sistema Kry`ma: fakty`, soby`tiya, lyudi. K 240-letiyu sozdaniya finansovy`x organov Kry`ma (1784–2024) [The Financial System of Crimea: Facts, Events, People. On the 240th Anniversary of the Establishment of the Financial Authorities of Crimea (1784–2024)]. Pod obshh. red. I.V. Kiviko. Simferopol`, 370 p.

Borshhik N.D., Podosinnikov E.Yu., Pyaseczkaya E.N. 2015. Istoriya stanovleniya i razvitiya kaznachejskoj sistemy` na territorii Kurskoj oblasti [The History of the Formation and Development of the Treasury System in the Kursk Region]. *Ucheny`e zapiski. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4(36): 57–65. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24991784_32323892.pdf (data obrashheniya 22.01.2026 g.)

Eroshkin N.P. 1983. Istoriya gosudarstvenny`x uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii [The History of State Institutions in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Vy`sshaya shkola, 352 p.

Zapiska o Tobol`skoj kazennoj palate. 2005 [A Note about the Tobolsk Treasury Department]. Pod red. A.K. Kirillova. Novosibirsk, 99 p.

Kocherezhko S.S. 2013. Nekotory`e voprosy` vospriyatiya Ekaterinoj II vosstaniya E.I. Pugacheva. 1773–1775 gg. [Some Questions of Catherine II's perception of the E.I. Pugachev Uprising. 1773–1775]. *Vestnik arxivista = Herald of an Archivist.* 3: 58–71.

Podosinnikov E.Yu. 2025. Dokumenty` Kurskoj kazennoj palaty` o nabore rekrutov Belgorodskoj provincii (1770-e gg.) [Documents of the Kursk Treasury Chamber on the Recruitment of the Belgorod Province (1770s)]. Belgorodskaya cherta: Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitel`noj cherty`. Belgorod: 171–176.

Solovyov Ya.V. 2008. Moskovskaya kazennaya palata: pravovy`e i organizacionny`e osnovy` deyatel`nosti v pervy`e gody` sushhestvovaniya [Moscow Treasury Chamber: Legal and Organizational Foundations of its Activities in the Early Years of its Existence]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki».* 3: 62–69.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.03.2026
Поступила после рецензирования 14.05.2026
Принята к публикации 16.05.2026

Received March 31, 2026
Revised May 14, 2026
Accepted May 16, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борщик Наталья Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0001-8234-4381

Подосинников Евгений Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет, г. Курск, Россия
ORCID: 0009-0007-3945-4113

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia D. Borshchik, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Evgeny Yu. Podosinnikov, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Kursk, Russia

УДК 94:659.1]:336.71(575)"189/190"
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-369-378
EDN GFLVJY
Оригинальное исследование

Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: банковский сектор

Абдрахманов К.А.[1], Ефименко М.Н.[2]
[1)] Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19;
[2)] Оренбургская духовная семинария,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 17
E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается коммерческая реклама российских банков, открывшихся в городах Средней Азии и Казахской степи в конце XIX – начале XX в. Свободный доступ представителей бизнеса к кредитному финансированию являлся необходимым условием эффективной модернизации архаичной экономики региона. Исследование показало, что финансовые учреждения применяли рекламу для информирования публики о своей деятельности в гораздо меньшей степени, чем другие отрасли предпринимательства (торговля, промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг). Кроме этого, для большинства вариантов банковских объявлений была характерна расширенная текстовая часть без патетической лексики при описании своих возможностей и минимальное присутствие элементов декора. Вместе с тем реклама позволяет узнать названия банков, работавших в Средней Азии в этот период, понять географию размещения их филиалов и получить информацию о некоторых подробностях кредитной политики заведений.

Ключевые слова: реклама банковских услуг, банковский сектор, финансовые организации, кредитная политика, города Средней Азии, дизайн объявлений

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2026. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: банковский сектор. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 369–378. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-369-378. EDN: GFLVJY

Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Banking Sector

Konstantin A. Abdrakhmanov [1], Marina N. Efimenko [2]
[1)] Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia;
[2)] Orenburg Theological Seminary,
17 Chelyuskintsev St., Orenburg 460014, Russia
E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Abstract. The article examines commercial advertising of Russian banks that opened in the cities of Central Asia and the Kazakh steppe in the late 19th – early 20th centuries. Free access of business representatives to credit financing was a necessary condition for an effective modernization of the region's archaic economy. The study showed that financial institutions used advertising to inform the public about their activities much less than other sectors of business (trade, industry, agriculture, services). Most bank advertisements featured extensive text, without the use of self-aggrandizing language to describe their capabilities, and a minimal

© Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н., 2026

number of decorative elements. Advertisements allow us to learn the names of banks operating in Central Asia during this period, understand the geographic distribution of their branches, and obtain information about some details of the institutions' credit policies.

Keywords: advertising of banking services, banking sector, financial institutions, credit policy, cities of Central Asia, ad design

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2026. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Banking Sector. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 369–378 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-369-378. EDN: GFLVJY

Введение

Данная публикация завершает анализ рекламы как ретранслятора процесса зарождения и развития предпринимательства буржуазного типа в Средней Азии конца XIX – начала XX в. Важным условием успешной организации бизнеса в любом культурно-географическом пространстве и в любой период истории являлась доступность кредитных средств. Осуществлявшаяся в этот период полномасштабная модернизация феодальной экономики Туркестанского края, Бухарского и Хивинского ханств требовала значительного объема заемного капитала. Российские и среднеазиатские коммерсанты, инвестировавшие в перспективный малоосвоенный рынок имперских протекторатов еще с конца 60-х гг. XIX в., столкнулись в этот период с проблемой привлечения финансов из-за отсутствия в регионе банковского сектора. Доступ к кредитному финансированию был жизненно необходим как представителям мелкого и среднего бизнеса, так и собственникам крупных промышленных предприятий. Для экономики Средней Азии 70-х – 80-х гг. XIX в. была характерна ситуация, наблюдавшаяся на кредитном рынке дореформенной России.

В одном из выпусков астраханской газеты «Волга», активно освещавшей вопросы экономического характера, были опубликованы размышления неизвестного автора, посвященные проблеме кредитования малого бизнеса в России 60-х гг. XIX в. «Одним из необходимых условий правильной и успешной торговли есть кредит. Разумеется, что покуда у нас торговля и промышленность не установятся, покуда не искоренится мнение, что торговля и воровство имеют одного бога – Меркурия, до тех пор нечего и хлопотать об частном кредите, его не будет, несмотря ни на какие меры и приемы. У нас нет общественных банков, зато есть капиталисты, которые готовы давать деньги под верные залоги при ужасных процентах, иногда они рискуют ссудами и без залогов, но только в таком случае лицо, берущее взаймы, должно быть само по себе богато, известно, и вообще пользоваться значением между капиталистами. Люди, имеющие малые капиталики и только что выбивающиеся на свет божий, могут быть уверенными, что без залога и гроша не получат. Из этого следует, что кредит у нас есть некоторого рода привилегия, которой могут пользоваться люди достаточные, т. е. такие, которые в крайнем случае могут обойтись и без этого кредита», – описал сложности с привлечением заемных средств источник [Волга, 1864].

Подобно ситуации с российским дореформенным банковским сектором, в Средней Азии до начала модернизации экономики наблюдалось отсутствие специализированных банковских учреждений, способных финансировать как предпринимательское сообщество, так и предоставлять потребительские кредиты населению. Таким образом, желающие открыть свое дело начинающие коммерсанты могли получить заемные средства в достаточном объеме, только обратившись к более состоятельным коллегам по цеху или профессиональным ростовщикам, выдававшим кредиты под крайне высокие проценты. По сведениям И.И. Гейера, сферу мелкого кредита в Бухаре монополизировали индусы «с их безжалостной системой ростовщичества» [Гейер, 1901, с. 124]. О неподъемном для многих размере процентной ставки

автор писал: «Отданные взаймы 20 тенег (около 4 руб.) приносят в год 52 теньги (около 10 р. 40 к.), что составляет более 150 % годовых» [Гейер, 1901, с. 124].

К тому же весьма избирательное отношение кредиторов к заемщикам порой не позволяло получить финансирование лицам с низким деловым рейтингом, а также тем, кто не мог обеспечить материальные гарантии возврата долга или любым другим способом подтвердить свою платежеспособность. В такой ситуации только создание полноценной системы кредитных организаций могло обеспечить бизнес достаточным количеством средств на приемлемых условиях, а следовательно, положительно повлиять на темпы и качество модернизации экономики всей Средней Азии. Следовательно, наряду с промышленностью, магазинной торговлей и сферой услуг банковский сектор стал еще одним уникальным экономическим явлением в жизни Туркестанского края, Бухары и Хивы конца XIX – начала XX в. Первые российские банки открылись в Ташкенте и Самарканде как главных торгово-промышленных и финансовых центрах Средней Азии, а также в ханских столицах – Бухаре и Коканде.

Открывшиеся в Бухаре отделения Московского Международного и Государственного банков ориентировались прежде всего на обслуживание интересов крупного бизнеса. Говоря о специализации этих организаций на финансировании корпоративных клиентов, источник сообщал, что они «...имеют свои специальные цели, в круг которых не входит развитие мелкого кредита» [Гейер, 1901, с. 124]. Получается, что первые российские банки, интегрированные в экономику Средней Азии, не были заинтересованы в массовой выдаче потребительских кредитов на нужды простых обывателей, а финансировали исключительно предпринимателей, чья деятельность была интересна для кредитной организации и платежеспособность которых не вызывала сомнений. Со временем лица, не причастные к коммерческой деятельности или имевшие малый бизнес, все же получили доступ к кредитам и другим финансовым операциям, поэтому спрос на услуги банковского сектора как среди российских переселенцев, так и среди коренного населения был очень велик. В такой ситуации банки не всегда справлялись с наплывом клиентов. Проблемы с обслуживанием городских обывателей нашли отражение в сатирической периодике: «Из беседы двух жителей Ашхабада:

– Куда это вы собрались?

– Иду по делу в отделение государственного банка.

– А корзинка зачем?

– Захватил с собою колбаски, хлебца, яичек всмятку и другой снеди.

– ???

– Скоро там не отпустят, ждать придется, а сходить и закусить нельзя – очередь потеряешь» [Асхабадские мотивы, 1907, с. 14].

Как и любое коммерческое предприятие, финансовые учреждения использовали рекламу для информирования публики о своих возможностях и услугах.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает реклама банковских учреждений Средней Азии конца XIX – начала XX в., размещенная на страницах информационно-справочных изданий о Туркестанском крае и азиатской части России.

В отличие от рассмотренных ранее сквозь призму рекламы таких направлений коммерции, как рынок алкогольной продукции, промышленность, сельское хозяйство, магазинная торговля и сфера услуг, проблема банковского дела в Средней Азии имеет весьма обширную историографию. Основоположником научного изучения банковской сферы Российской империи выступил Б.В. Ананьич. Автор исследовал специфику деятельности банков, ориентированных в том числе на обеспечение финансовых операций внешнеэкономического плана. Анализируя преобразования в экономике Средней Азии конца XIX – начала XX в., историк указал на ведущую роль в этом процессе бухарских евреев, которые служили посредниками в «операциях между банками Москвы, Петербурга и местными производителями» [Ананьич, 2005, с. 71]. Участие российского финансового

капитала в создании дорожно-транспортной инфраструктуры на территории Средней Азии в начале XX в. рассмотрела Т.М. Китанина [Китанина, 2018; Китанина, 2019а]. Детальный анализ деятельности среднеазиатских филиалов российских банков в исследуемый период осуществил Б.А. Алимджанов [Алимджанов, 2018; Алимджанов, 2019]. Исследователь скрупулезно проанализировал работу многих финансовых учреждений (Государственный банк, Волжско-Камский, Азовско-Донской коммерческий и Русско-Азиатский коммерческий банки), открытие которых способствовало развитию предпринимательства и капиталистических отношений в Русском Туркестане и на территории среднеазиатских протекторатов Российской империи. В поле зрения автора попали различные виды финансовых операций среднеазиатских отделений российских банков, специфика взаимодействия с клиентами, условия труда и методика подбора персонала организаций [Алимджанов, 2025]. Несмотря на повышенное внимание историка к разнообразным аспектам деятельности банков, политика учреждений в области создания и размещения рекламы так и не стала предметом интереса Б.А. Алимджанова.

Анализ тематически смежных трудов показал, что вопрос размещения печатной рекламы финансовыми организациями, действовавшими на территории Туркестанского края, Бухарского эмирата и Хивинского ханства в конце XIX – начале XX в., учеными до сих пор не поднимался. В целом оправдать появление нашего цикла статей [Абдрахманов, Ефименко, 2025а; Абдрахманов, Ефименко, 2025б], структурированного по направлениям коммерции, можно, обратившись к выводу Е.Н. Якутиной, которая отметила, что «реклама как результат рекламной деятельности в делении по разным основаниям на разнообразные виды и далее на жанры не исследовалась» [Якутина, 2017, с. 30].

Исследование рассматривает рекламу прежде всего как источник по теме становления и развития передового буржуазного предпринимательства в архаичной феодально-аграрной экономике и религиозно-традиционной среде Средней Азии конца XIX – начала XX в. В связи с этим в работе объективно использовались методы источниковедческого анализа для определения происхождение источника и анализа его содержательной части. Для сравнения и определения подлинности однотипной информации, представленной в разных источниках (информационно-справочные публикации, периодическая газетная печать, сатирические издания), применялся компаративистский метод.

Результаты и их обсуждение

Информация о работе различных финансовых учреждений на территории Средней Азии, представленная в виде объявлений на страницах печатных изданий, являлась гораздо менее заметным явлением по сравнению с рекламой передовых направлений коммерции. Так, из восьми информационно-справочных сборников, применявшихся в качестве основных источников для изучения феномена рекламы в Средней Азии конца XIX – начала XX в., реклама банков была обнаружена только в двух [Гейер, 1908; Дмитриев-Мамонов, 1913]. Несмотря на столь незначительное количество доступных для исследования вариантов рекламы банковской сферы, каждое из этих объявлений было по-своему уникальным как в плане дизайна, так и по содержательной части.

На одной из первых страниц путеводителя по Туркестану размещалась реклама услуг и возможностей основанного в 1909 г. московского Соединенного банка [Васильев, 2025, с. 20]. Он входил в десятку крупнейших банков Российской империи и по характеру привлечения прибыли относился к универсальным заведениям, которым для наращивания объема финансовых операций «пришлось обратить внимание на российскую провинцию и создать или увеличить обширные филиальные сети» [Саломатина, 2012, с. 278−279]. Половину информационного текста занимали подробные сведения о географии сети филиалов этого учреждения. Широкое присутствие банка в регионах коренной империи заметно контрастировало с малым количеством отделений, ориентированных на азиатский сектор российской экономики. Согласно объявлению, азиатские представительства Соединенного

банка располагались только в Коканде и Бухаре [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 6]. Получается, что по определенным причинам главные торгово-промышленные и финансовые центры Русского Туркестана и всей Средней Азии Ташкент и Самарканд не соответствовали интересам правления банка. Конечно, можно предположить, что собственники Соединенного банка отказались открывать филиалы в этих городах, опасаясь конкуренции со стороны других кредитно-финансовых организаций. Например, финансовый сектор того же Ташкента был представлен местным отделением Государственного банка, Русско-Китайским банком, Волжско-Камским банком, Средне-Азиатским коммерческим банком и Ташкентским обществом взаимного кредита [Иллюстрированный путеводитель…, 1912, с. 128]. Отдельно стоящие здания Государственного и Волжско-Камского банков даже были обозначены на карте застройки Русской части города (рис. 1). Однако в столице Бухарского эмирата в первом десятилетии XX в. организовали работу уже семь филиалов российских банков. Кроме Соединенного банка, в Старой Бухаре в этот период действовали отделения Русско-Азиатского, Государственного, Московского учетного, Азовско-Донского, Русского для внешней торговли и Сибирского для внешней торговли банков [Алимджанов, 2018, с. 600]. В такой ситуации отказ руководства Соединенного банка от освоения экономического пространства Ташкента и Самарканда пока остается необъяснимым.

Рис. 1. План русской части Ташкента [Гейер, 1901, с. 305]
Fig. 1. Plan of the Russian part of Tashkent [Geyer, 1901, p. 305]

Также реклама сообщала заинтересованным лицам, что банк «производит все банковские операции» и предоставляет клиентам «безопасные ящики для хранения ценностей и документов» [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 6]. Представленная в объявлении информация показала, что Соединенный банк являлся современным для своего времени заведением, которое предлагало клиентам широкий спектр разнообразных услуг – от кредитно-денежных операций и до обеспечения сохранности ценных бумаг, документов и драгоценностей.

Заключенное в ассиметричную рамку из волнистых линий, объявление Нижегородско-Самарского земельного банка, как и реклама Соединенного банка, наполовину состояла из сведений о территории деятельности организации. Филиалы организации располагались не только в Туркестанском генерал-губернаторстве, но и в городах Казахской степи. Кроме Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей Туркестана, отделения банка функционировали в Акмолинской и Семиреченской степных областях [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 30]. Заметным отличием содержательной части рекламы Нижегородско-Самарского земельного банка от предыдущего объявления являлся более подробный рассказ о кредитной политике заведения. Рекламодатель информировал интересантов о возможности получения денежных ссуд под залог недвижимости. Клиенты могли рассчитывать на два вида кредитования в зависимости от продолжительности периода займа: долгосрочный и краткосрочный. Долгосрочный заем выдавался на срок от 10 до 66 лет, тогда как минимальный период краткосрочного займа составлял один год, а максимальный − три [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 30]. Кроме этого, потенциальные заемщики узнавали из рекламы о том, что процентная ставка краткосрочного займа не являлась фиксированной, а определялась индивидуально по согласованию с правлением банка.

Необходимо отметить, что на территории Средней Азии форма кредитования населения под залог земельной собственности пользовалась большой популярностью, так как для местных предпринимателей-аграриев получение заемных средств на данных условиях являлось единственной возможностью открыть и развивать свое дело. Создание в Средней Азии передовой хлопковой индустрии со второй четверти XIX в. обусловило повышенный интерес азиатских дехкан к разведению хлопчатника. Запуск высокопроизводительных паровых хлопкоперерабатывающих предприятий обеспечил у владельцев нового производства высокий спрос на культуру. Расширение посевов хлопка за счет приобретения новых земельных участков, организация искусственного полива полей, покупка современной сельскохозяйственной техники и оплата труда наемных рабочих требовали значительных средств, которых просто не могло быть в наличии у небогатых мелких производителей хлопка. Таким образом, только привлечение внешнего финансирования позволяло азиатским земледельцам встроиться в новый рыночный механизм, стать частью передовой отрасли экономики. «Как необходим земледельцу кредит, видно было из того, что когда Государственный банк давал деньги под залог недвижимостей, то туземцы пользовались этим в широких размерах», − описал спрос на кредит среди азиатских аграриев источник [Хлопководство в Наманганском уезде, 1903, с. 147]

Также интересным представляется то, что в объявлении рекламодатель не ограничился простым перечислением мест расположения отделений организации, а для удобства клиентов указал еще и фамилии сотрудников, обслуживавших посетителей банка в определенных городах. Если говорить только об азиатских конторах, то в Коканде посетителям следовало обращаться к Н.И. Семилеткову, в Самарканде – к Г.К. Нелле, а в Ташкенте – к И.И. Крюкову [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 30].

Реклама Сибирского торгового банка показала, что азиатское направление деятельности учреждения подразумевало размещение филиалов преимущественно в городах Казахской степи, а не Средней Азии. Степные представительства банка открылись в Акмолинске, Верном, Кустанае, Петропавловске и Семипалатинске [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 72]. На территории Средней Азии отделения банка функционировали в Андижане, Самарканде и Старой Бухаре [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 72]. Отмеченные в объявлении некоторые подробности специализации банка продемонстрировали интерес учреждения к приобретению ценных бумаг и драгоценных металлов. Для экспертизы качества благородных металлов банк использовал «собственные золотосплавочные лаборатории», размещенные в ряде городов империи [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 72]. В азиатском регионе подобная служба действовала в Семипалатинске. Главным отличием рекламы Сибирского торгового банка от объявлений других финансовых учреждений было дублирование информации о региональных отделениях банка на французском языке.

Реклама одного из старейших (основан в 1871 г.) финансовых учреждений Российской империи Азовско-Донского коммерческого банка представляла абсолютно типовой проект, ничем не отличавшийся от рассмотренных выше [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 76]. Структура таких объявлений формировалась по следующей схеме: в верхней части помещалось выполненное крупным шрифтом название организации, затем указывался объем основного и запасного капитала, далее подробно прописывалось территориальное присутствие филиалов (отделения, комиссионерства, агентства) банка. В отдельных случаях реклама конкретизировала перечень услуг и условия кредитования физических и юридических лиц. Реклама Азовско-Донского коммерческого банка уведомляла потенциальных клиентов о работе полноценных отделений азиатского сектора в Ташкенте, Самарканде и Старой Бухаре и наличии комиссионерства в Мерве [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 76].

Реклама Московского Учетного банка имела нестандартный по сравнению с объявлениями конкурирующих организаций дизайн. Рекламодатель в ущерб содержательно-текстовой части отдал предпочтение богатству художественного оформления (рис. 2). Занимавшие значительную часть объявления декоративные элементы, конечно, могли позволить при желании заказчика разместить большой объем информации мелким шрифтом, однако в банке решили ограничиться только публикацией сведений о территориальном охвате организации, при этом не экономя на размере букв. Но даже столь сжатые сведения позволили рассмотреть интересную особенность работы организации. Познакомившись с географией деятельности учреждения, можно предположить, что деловой интерес Московского Учетного банка был больше связан с территорией Средней Азии, а не традиционной России. Так, в городах коренной империи банк был представлен правлением в Москве, отделением в Туле и агентством в Серпухове [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 76]. На территории Азии отделения размещались в Андижане, Коканде, Намангане, Самарканде, Старой Бухаре, а в г. Чарджуе действовало комиссионерство [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 76]. Стоит отметить, что кокандское представительство Московского Учетного банка начало работу в 1904 г. в виде комиссионерства, но позднее было преобразовано в полноценное отделение [Китанина, 2019б, с. 166]. Данное обстоятельство подтверждает достаточно высокий спрос бизнеса на банковские услуги.

Рис. 2. Реклама Московского Учетного банка [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 76]
Fig. 2. Advertisement for the Moscow Discount bank [Dmitriev-Mamonov, 1913, p. 76]

Заслуживает внимания факт размещения рекламы кокандского отделения Московского Учетного банка в другом печатном издании [Гейер, 1908, с. 60]. Для этого объявления был характерен минималистичный дизайн, небольшой размер (половина страницы) и лаконичное содержание. Филиал находился на пересечении Розенбаховского и Скобелевского проспектов в доме Вадьяева [Гейер, 1908, с. 60]. Указание в тексте точного адреса организации отличало этот вариант банковской рекламы от объявлений других финансовых учреждений, в которых, как правило, фиксировался лишь населенный пункт, на территории которого размещалась организация. Отказ от конкретизации условий обслуживания населения мог быть связан с тем, что сведения о кредитной политике этого банка не подлежали широкой огласке, а доводились до клиентов индивидуально во время личного посещения. Также возможно, что правление банка использовало искусственную интригу вокруг финансовых опций организации с целью стимула обывателей на личное посещение заведения, что, в свою очередь, могло обеспечить расширение клиентской базы. Во всяком случае нет оснований предполагать, что крайне скупое содержание текстовой части рекламы было связано с отсутствием у Московского Учетного банка необходимых средств.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существенном информационном потенциале рекламы банковских учреждений, имевших сеть представительств в городах Средней Азии в конце XIX – начале XX в. Материал рекламных объявлений позволяет без обращения к специализированной банковской документации, хранящейся в архивных фондах, а потому не всегда доступной, получить определенные сведения о крупнейших российских банках, развивавших деятельность в азиатском секторе. Текст объявлений показывает названия основных банковских учреждений, представленных в финансово-экономической сфере Средней Азии, демонстрирует географию распространения филиалов организаций и раскрывает отдельные детали их кредитной политики.

Также были выявлены ключевые стилистические и содержательные отличия рекламы банков от объявлений, размещавшихся предприятиями из других направлений коммерции. Как справедливо заметил Д.С. Скнарев, «банковская реклама выделяется в системе маркетинговых коммуникаций прежде всего из-за особенностей банковских услуг как объекта продвижения» [Скнарев, 2014, с. 44]. Так, в рекламе банков основной объем текста занимали сведения о размещении филиалов организаций в городах России и Средней Азии. Направления кредитно-финансовых операций и условия обслуживания населения прописывались очень кратко либо вообще не указывались. Разнообразная хвалебная лексика, способная усиливать воздействие на сознание потребителей, в рекламе дореволюционных банков не применялась вообще. В качестве обратного примера, подразумевающего насыщение текста восторженной терминологией, приведем рекламу заведения из сферы торговли. В рекламе ташкентского магазина К.М. Максимовича, специализировавшегося на торговле посудой, особенно привлекательные для покупателей условия реализации товара были выделены жирным шрифтом. Предприниматель уверял публику в том, что в его магазине имеется «небывалый в ташкентской торговле выбор» посуды, на которую «цены назначены дешевые, вне всякой конкуренции» [Туркестанские ведомости, 1895, с. 162].

Список источников

Асхабадские мотивы. 1907. *Туркестанский скорпион*, 3: 17 с.

Волга. 1864. 50, 16 декабря.

Гейер И.И. 1901. Путеводитель по Туркестану (с двумя картами и одним портретом). Изд. I. Ташкент, Типо-литография В.М. Ильина, 316 с.

Гейер И.И. 1908. Весь Русский Туркестан. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 435 с.

Дмитриев-Мамонов А.И. 1913. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. Изд. 6. Санкт-Петербург, Типография И. Шурухта, 552 с.

Иллюстрированный путеводитель по Средне-Азиатской железной дороге. От ст. Красноводск до ст. Ташкент, Андижан, Скобелево, Кушка и Бухара. 1912. Асхабад, Электропечатня К.М. Федорова, 129 с.

Резник П. 1903. Хлопководство в Наманганском уезде 1880–1901 г. *Ежегодник Ферганской области, 2.* Новый Маргелан, Типография Ферганского областного управления, 119–159.
Туркестанские ведомости. 1895. 35: 159−162.

Список литературы

Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2025а. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: рынок алкогольной продукции. *Via in Tempore. История. Политология,* 52(3): 662−673.
Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2025б. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: промышленность и сельское хозяйство. *Via in Tempore. История. Политология,* 52(4): 914−928.
Алимджанов Б.А. 2018. История деятельности бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 63(2): 597−613.
Алимджанов Б.А. 2019. История самаркандского отделения Азовско-Донского коммерческого банка. Восток. *Афро-азиатские сообщества: история и современность,* 4: 85−94.
Алимджанов Б.А. 2025. Деятельность ашхабадского отделения Государственного банка в первой половине XX в.: основные операции, клиенты и персонал. *Новый исторический вестник*, 1(83): 76−92.
Ананьич Б.В. 2005. Капитализм с человеческим лицом. *Родина*, 5: 68−74.
Васильев Я.А. 2025. Старорусское отделение Соединенного банка. Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы XXII научной конференции историков-архивистов (Великий Новгород, 26 мая 2022 г.). Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого: 19−23.
Китанина Т.М. 2018. Проникновение российского финансового капитала в железнодорожное строительство Средней Азии (Русско-Азиатский банк, А.И. Путилов, и Семиреченская магистраль). Мавродинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина (Санкт-Петербург, 29−31 октября 2018 г.). Санкт-Петербург, «Нестор-история»: 343−347.
Китанина Т.М. 2019а. Русско-Бухарский банк 1917 г. (к вопросу о проникновении российского финансового капитала в экономику Средней Азии). Двадцатые Петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 21−22 ноября 2018 г.). Санкт-Петербург, «Северная звезда»: 14−17.
Китанина Т.М. 2019б. Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX – начале XX в. (Финансово-промышленная группа А.И. Путилова и железнодорожное строительство). Санкт-Петербург, Издательский центр «Гуманитарная академия», 224 с.
Саломатина С.А. 2012. Инвестиционные операции коммерческих банков в дореволюционной России: поиск оптимальной модели. Экономическая история: ежегодник, т. 2011−2012: 247−292.
Скнарев Д.С. 2014. Языковые средства создания образа банка в рекламном дискурсе. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика*, 11(3): 44−49.
Якутина Е.Н. 2017. Реклама как исторический источник. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 4(16): 29−36.

References

Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2025a. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: The Alcohol Market. *Via in Tempore. History and political science*, vol. 52(3): 662−673 (in Russian).
Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2025b. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Industry and Agriculture. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 914–928 (in Russian).
Alimdjanov B.A. 2018. The History of the Activity of the Bukhara Branch of the Russian-Asian Commercial Bank. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 63(2): 597–613 (in Russian).
Alimdjanov B.A. 2019. The History of Samarkand Branch of the Azov-Don Commercial Bank. *Vostok (Oriens)*, 2019, 4: 85–94 (in Russian).

Alimdjanov B. A. 2025. The Activities of the Ashgabat Branch of the State Bank in the First Half of the 20th Century: Main Operations, Clients, and Staff. *The New Historical Bulletin*, 1(83): 76–92 (in Russian).

Anan'ich B.V. 2005. Capitalism with a Human Face. *Rodina*, 5: 68–74 (in Russian).

Vasil'ev Ya.A. 2025. The United Bank Branch in Staraya Russa. In: Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoy zemli. Problemy sokhraneniya i nauchnogo ispol'zovaniya. Materialy XXII nauchnoy konferentsii istorikov-arkhivistov [The Documentary Heritage of Novgorod and the Novgorod Land. Problems of Preservation and Scientific Use. Proceedings of the 22nd Scientific Conference of Historians and Archivists] (Veliky Novgorod, 26 May, 2022). Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University: 19–23 (in Russian).

Kitanina T.M. 2018. Penetration of Russian Financial Capital into the Railway Construction in Central Asia (Russian-Asian Bank, A.I. Putilov and Semirechensk Railway Line). In: Mavrodinskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora Vladimira Vasil'evicha Mavrodina [Mavrodin Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Professor Vladimir Vasil'evich Mavrodin] (Saint Petersburg, 29–31 October, 2018). Saint Petersburg, "Nestor-istoriya": 343–347 (in Russian).

Kitanina T.M. 2019a. The Russian-Bukharan Bank of 1917 (On the Penetration of Russian Financial Capital into the Economy of Central Asia). Dvadtsatye Petrovskie chteniya. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [The Twentieth Peter Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation] (Saint Petersburg, 21–22 November, 2018). Saint Petersburg, "Severnaya zvezda": 14–17 (in Russian).

Kitanina T.M. 2019b. Proniknovenie krupnogo rossiyskogo finansovogo kapitala v ekonomiku Sredney Azii v kontse XIX – nachale XX v. (Finansovo-promyshlennaya gruppa A.I. Putilova i zheleznodorozhnoe stroitel'stvo) [The Penetration of Large Russian Financial Capital into the Economy of Central Asia in the Late 19th – Early 20th Centuries (A.I. Putilov's Financial-Industrial Group and Railway Construction)]. Saint Petersburg, Publishing center "Gumanitarnaya akademiya", 224 p.

Salomatina S.A. 2012. Investment Banking in Pre-Revolutionary Russia: A Search for an Optimal Model. In: Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik, t. 2011–2012 [Economic History: Yearbook, vol. 2011–2012]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): 247–292 (in Russian).

Sknarev D.S. 2014. Linguistic Means of Verbal Bank Image in Advertising Discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*, 11(3): 44–49 (in Russian).

Yakutina E.N. 2017. Advertisement as a Historical Source. *Economic and Social Research*, 4(16): 29–36 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.03.2026
Поступила после рецензирования 12.04.2026
Принята к публикации 14.04.2026

Received March 15, 2026
Revised April 12, 2026
Accepted April 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрахманов Константин Алексеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия
ORCID: 0000-0001-9469-7694

Ефименко Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургская духовная семинария, г. Оренбург, Россия
ORCID: 0009-0006-7216-927X

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin A. Abdrakhmanov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Marina N. Efimenko, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Vice Rector for Scientific Work, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia

УДК 94 (47)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-379-390
EDN GYXSDX
Оригинальное исследование

Гордость отца, пример для брата: трагедия Михаила Столыпина

Мазаев Р.С.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9
E-mail: st096586@student.spbu.ru

Аннотация. Статья представляет собой одну из первых научных биографий М.А. Столыпина, старшего брата известного реформатора П.А. Столыпина, который долгое время считался полулегендарной фигурой. Исследование основано на обширной базе источников из различных архивов, таких как Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), газетный фонд Библиотеки Академии наук (БАН) и др. Статья состоит из нескольких разделов, отражающих основные этапы жизни М.А. Столыпина. Методология исследования заключается в применении источниковедческого, текстологического и историко-антропологического анализа для реконструкции обстоятельств дуэли М.А. Столыпина и И.Н. Шаховского 1882 г. Анализ биографии старшего брата П.А. Столыпина и обстоятельств его гибели раскрывает ключевое влияние этой семейной трагедии на формирование личности и последующий жизненный путь реформатора.

Ключевые слова: Михаил Столыпин, брат, преображенский полк, дуэль

Научный консультант: профессор кафедры истории с древнейших времен до XX века Института истории СПбГУ, доктор исторических наук, профессор М.Ф. Флоринский

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Мазаев Р.С. 2026. Гордость отца, пример для брата: трагедия Михаила Столыпина. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 379–390. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-379-390. EDN: GYXSDX

A Father's Pride, an Example for a Brother: The Tragedy of Mikhail Stolypin

Ruslan S. Mazaev
St. Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: st096586@student.spbu.ru

Abstract. This article presents the first scholarly biography of Mikhail Arkadyevich Stolypin, the elder brother of the renowned statesman P.A. Stolypin, who had long been considered a semi-legendary figure. The research is based on an extensive source base from various archives, such as the Russian State Historical Archive (RGIA), the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), the Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb), the newspaper collection of the Library of the Academy of Sciences (BAN), and other repositories. The article consists of several sections reflecting the main stages of M.A. Stolypin's life. The methodology of this research involves the comprehensive application of source study, textual, and historical-anthropological analysis to reconstruct the circumstances of the 1882 duel between M.A. Stolypin and I.N. Shakhovskoy. The analysis of the biography of P.A. Stolypin's elder brother and the circumstances of his death in the duel reveals the crucial influence of this family tragedy on the formation of the personality, worldview, and subsequent life path of the future reformer.

© Мазаев Р.С., 2026

Keywords: Mikhail Stolypin, brother, Preobrazhensky regiment, duel

Scientific consultant: Professor of the Department of History from Ancient Times to the XX Century of the Institute of History of St. Petersburg State University, Doctor of Sciences in History, Professor M.F. Florinsky.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Mazaev R.S. 2026. A Father's Pride, an Example for a Brother: The Tragedy of Mikhail Stolypin. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 379–390 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-379-390. EDN: GYXSDX

Введение

Системное изучение генезиса политического курса П.А. Столыпина требует выхода за рамки официальных документов и обращения к биографическим истокам реформатора, укорененным в семейной среде и системе ценностей. Продуктивность такого подхода подтверждается трудами Б.Г. Федорова, А.П. Аспидова и др., которые касались анализа семейного окружения П.А. Столыпина, закладывая тем самым основу для реконструкции тех традиций, в которых формировался будущий реформатор [Федоров, 2003; Аспидов, 2021]. В рамках данного подхода ключевое значение приобретает анализ сиблинговых отношений П.А. Столыпина, где центральной фигурой выступал старший брат. Этот статус формировал лидерские качества и чувство ответственности, поэтому преждевременная утрата этой фигуры стала кризисом, кардинально изменившим внутрисемейную динамику. Для младших братьев такая потеря оказалась не только личной травмой, но и импульсом к взрослению, заставившим неосознанно перенимать черты и принципы старшего, что в итоге сформировало душевную стойкость и обострило чувство преемственности, позволив семье сохранить целостность.

Объект и методы исследования

Эти процессы оказали решающее значение на будущего реформатора П.А. Столыпина после трагической гибели его старшего брата на дуэли в 1882 г. Поэтому объектом настоящего исследования является биография Михаила Аркадьевича Столыпина и обстоятельства его гибели. Анализ этих событий позволяет выявить их влияние на формирование личности и жизненный путь членов его семьи, в т. ч. П.А. Столыпина. В качестве исследовательского инструмента применяется проблемно-хронологический метод, позволяющий проследить эволюцию жизненного пути М.А. Столыпина. Для изучения обстоятельств роковой дуэли используется историко-генетический метод, дающий возможность проанализировать причинно-следственные связи изучаемых событий. Также для верификации данных о дуэли привлекаются методы источниковедческого анализа: критический анализ происхождения источников (установление цели создания и т. п), сравнительно-текстологический метод для выявления противоречий в мемуарах, прессе и официальных документах, а также метод интерпретации с учетом исторического контекста, позволяющий отделить фактические обстоятельства гибели М.А. Столыпина от позднейших семейных нарративов и легенд.

Результаты и их обсуждение

«Пересудам не было конца»

В сентябре 1882 г. в газетах появилось известие о том, что где-то в окрестностях Петербурга рано утром произошла дуэль между двумя военными [Сын Отечества, 1882, 8 сент.; Эхо, 1882, 8 сент.; Кавказ, 1882, 15 сент.]. По мере поступления информации в печати появились инициалы участников – Ш. и С., а затем и детали исхода: один погиб, другой серьезно ранен. В последующих публикациях описывались похороны прапорщика Столыпина и сообщалось об опасном состоянии здоровья князя Шаховского, который был инициатором

поединка. В обществе активно обсуждались возможные причины дуэли, говорили о героизме, полковой чести и других мотивах, что породило бесконечные пересуды и домыслы.

7 апреля 1883 года «Новое время» сообщало о том, что должна была завершиться печальная история дуэли. 6 апреля дело должно было слушаться без присяжных в празднично убранном зале суда, где для огромной массы публики и даже для прессы были созданы необычно комфортные условия. Собралось множество народу, включая почти всех офицеров Преображенского полка, ожидали прибытия высокопоставленных особ. Все с нетерпением ждали, когда же наконец станут известны подробности роковой дуэли, волновавшей столицу. Однако в половине двенадцатого товарищ председателя суда Крестьянов вышел в зал и сделал заявление... [Новое время, 1883, 7 апр.] Но вернемся к началу этой истории.

«Прапорщик С.»

Рис. 1–3. П.А. Столыпин (слева) и его брат Михаил [31]
Fig. 1–3. Pyotr Stolypin (on the left) and his brother Mikhail

Убитый ранний утром 7 сентября 1882 г. «прапорщик С.» – это старший брат известного государственного деятеля П.А. Столыпина Михаил Аркадьевич Столыпин (далее «Ст.» либо «М.А.» – *Р.М.*). В литературе можно встретить описание его внешности, строки которого принадлежат петербургскому краеведу А.П. Аспидову, который в своем труде, к сожалению, не привел ни сами фотографии, ни ссылки на архивные собрания [Аспидов, 2021, с. 343]. «Но и нашим поискам сопутствовала удача»: в РГИА в альбоме неустановленных лиц нами были повторно обнаружены эти фотографии, которые мы приводим в данной работе (см. рис 1–3). Подписей на фотографиях не оставлено. К тому же неясно: есть ли сходство между снимками человека в штатском и военном мундире? Между тем любительская униформологическая экспертиза позволяет увидеть кант витого шнура (признак вольноопределяющегося), наличие звания (более высокий ранг вольноопределяющегося) – особый воротник и галун на погонах. Лычки точно идентифицировать трудно (две узкие или одна широкая как младшего фейерверкера либо три широкие как у фельдфебеля). Награды, висящие на груди, – «Знак

[31] СМК 10000 / 7; РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 306. Л. 18, 21.

отличия Военного ордена» IV класса (Георгиевский крест) и медаль «В память русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» (лента медали сочетает в себе две ленты: Андреевскую и Георгиевскую – светлую и характерную полосатую).

Если просматривать документы о биографии Ст., то можно сказать следующее. Родился он 23 сентября 1859 г. по всей видимости в Уральске, где тогда служил его отец, наказной атаман А.Д. Столыпин. Детство свое (1860-е гг.) М.А. провел в подмосковном имении Средниково, юность (1870-е) – в Западном крае, где проживал совместно с семьей и учился в Виленской гимназии, которую окончил с серебряной медалью [Федоров, 2003, 36–38; Юрковский, 2021, 71–97]. Затем Ст. 3 июля 1877 г. поступил на воинскую службу на правах вольноопределяющегося 2-го разряда канониром в 1 батарею 14-й артиллерийской пехоты [32]. В течение 1877 г. М.А. был повышен до бомбардира, а затем стал младшим фейерверкером. С первых дней вступления на службу он был в походах против турок. С 27 августа Ст. находился в боях на горе Св. Николая, где 5 сентября был ранен ружейной пулей в левое ухо [33]. Также во время войны М.А. был на Шипкинском перевале в Болгарии, за защиту которого был награжден знаком отличия военного ордена 4 ст. за № 85606. Кроме того, он получил серебряную медаль в память войны 1877–1878 гг. и Румынский крест. При представлении к одной из наград М.А. хвалили за «за усердную и ревностную службу и отличную храбрость в делах против неприятеля» [34]. За эти заслуги 29 августа 1878 г. командир бригады стал ходатайствовать о производстве Ст. в офицеры [35]. 27 сентября 1878 г. М.А. уволился со службы на один год для поправки здоровья. Вероятно, тогда Ст. вернулся в отчий дом в Западный край, где в Вильно и была сделана эта фотография, о чем на ней есть отметка. К тому же, если сравнивать фотографии юношеских лет двух братьев, Михаила и Петра, то можно увидеть очевидное сходство**.** Наконец, стоит отметить, что фотографии были частью собрания документов о П.А. Столыпине, которое нашли в 1921 г. в одной из опустевших квартир Петрограда и которое впоследствии стало основой его архивного фонда [36]. Таким образом, вероятно, на первой фотографии действительно изображен Ст. Про вторую говорить сложнее. Надпись на обороте гласит, что фотосалон находился в Вене. Но во всяком случае теперь можно представить, как М.А. выглядел при жизни.

«Впереди ему светила звезда счастья и любви»

После посещения Вильно география его службы меняется. В августе 1879 г. Столыпины переезжают в г. Орел в связи с передислокацией корпуса, которым командовал А.Д. Столыпин. Вероятно, для того, чтобы быть ближе к семье, Ст. переводится на службу в Москву. Высочайшим приказом он был произведен в прапорщики и прикомандирован к Подольскому полку, а также стал подготавливаться к сдаче экзаменов в Константиновском училище для производства в следующий чин. Испытания были успешно сданы со средним баллом 8,33 по 10-балльной шкале [37]. Вскоре М.А. ждал перевод в столицу. 19 июля 1880 г. был составлен рапорт начальника штаба войск Гвардии и Петербургского округа великого князя Николая Николаевича, согласно которому он, исходя из боевых заслуг генерал-адъютанта А.Д. Столыпина и принимая особое участие к судьбе сына его, ходатайствовал о переводе Ст. в Преображенский полк [38]. Несмотря на отсутствие мест в полку, прошение было удовлетворено по личной монаршей милости, и 18 августа 1880 г. М.А. был прикомандирован к нему [39].

[32] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 18634. Л. 2–2 об.
[33] Там же. Д. 15472. Л. 8.
[34] Там же. Л. 5.
[35] Там же. Л. 1, 12.
[36] ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 10. Д. 2038.
[37] Там же. Д. 18634. Л. 3–4.
[38] Там же. Л. 1–1 об.
[39] Там же. Л. 5.

Петербургский период сулил только начинающему жить Ст. карьерные взлеты. Наладилась и его личная жизнь. Он собирался жениться на дочери Почетного опекуна по ведомствам императрицы Марии фрейлине Ея императорского двора Ольге Борисовне Нейдгарт. На то, что О.Б. Нейдгарт, будущая жена П.А. Столыпина, была невестой его старшего брата, указывают как члены семьи и родственники Столыпиных, так и люди из их окружения. Так, двоюродный брат реформатора А.Ф. Мейендорф писал: «Peter Stolypin married his late brother's fiancee…» [40]. О наличии невесты сообщали и газеты: «С-у было 22 года. Он только что вернулся из поездки с вод, где лечился, крепкий, бодрый, веселый, здоровый и… счастливый. Впереди ему светила звезда счастья и любви. Он любил и был любим. Не сегодня-завтра он должен был быть женихом» [Гражданин, 1882, 9 сент.].

«Смертельный исход дуэли был далек от мысли каждого»

Но роковая дуэль 7 сентября 1882 г. смешала все карты [Газета Гатцука, 1882, 18 сент]. Кн. В.П. Мещерский в опубликованной части своего «Дневника» в газете «Гражданин» сообщал, что поединок был отложен, чтобы дать М.А. возможность поправить здоровье на водах. Затем 7 сентября, скрываясь от полиции, которая знала о событии заранее, противники поехали на место поединка. По пути князь И.Н. Шаховской вместе с секундантами заехал в «Самарканд», где послушал цыган. За час до дуэли, встретив товарища, он весело говорил ему, что, даст Бог, все кончится благополучно. На месте М.А. шутливо просил своего секунданта прапорщика Нейдгарта осмотреть его и распорядился о своих часах в случае смерти. При стрельбе с 15 шагов из нарезных пистолетов Ст. выстрелил первым, намеренно целясь вниз, и ранил князя Ш. в правый пах. Князь Шаховской почувствовал что-то вроде укола и, также целясь вниз, выстрелил в ответ, но раненная нога изменила ему, и пуля, отклонившись, попала противнику прямо в сердце [Гражданин, 1882, 9 сент.]. Газета «Голос» же сообщала, что противники прибыли на место поединка с секундантами в глухую ночь. С рассветом они стали к барьерам, и по команде прозвучали два одновременных выстрела. В результате прапорщик М.А. был ранен в грудь и пал на месте, а князь И.Н. Шаховской получил, по заключению врача, смертельное ранение [Голос, 1882, 9 сент.].

В различных газетах перепечатывались именно такие сведения о дуэли, бытовавшие в народной молве. У полиции же была собственная информация. После происшествия пристав рапортовал товарищу прокурора Кичину, что урядник донес о дуэли за постоялым двором в 420 шагах от постоялого двора Егузинского в лощине между полотном финляндской [железной дорогой] и Выборгским шоссе в Левашово. Прибывший к приставу прапорщик Нейдгарт пояснил, что дуэль произошла между князем И.Н. Шаховским и прапорщиком Ст., причем второй был убит наповал, а И.Н. Шаховской ранен в ногу. Секундантами были граф Соллогуб и штабс-ротмистр Колышкин со стороны Шаховского, а с другой стороны – поручик К.А. Балясный и прапорщик Д.Б. Тело убитого осталось на месте, а раненого князя с врачом Поповым увезли в город. При осмотре убитого найдена смертельная огнестрельная рана; пуля, судя по всему, осталась в теле. При обыске одежды изъяты белые перчатки, портсигар, письма и конверт на «имя М.А. Столыпина» [41].

Таким образом, можно точно установить место и участников дуэли. Всего на дуэли присутствовало 7 человек (2 дуэлянта, 4 секунданта и доктор). С М.А. стрелялся Иван Николаевич Шаховской (21.11.1853, Москва – 26.09.1884, близ Асхабада) (далее «Ш.» либо «И.Н.» – *Р.М.*) – сын сенатора из рода Шаховских. Первоначально он выбрал университетский, а не военный путь, но с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оставил обучение и пошел на военную службу вольноопределяющимся в Преображенский полк [42].

[40] Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Aleksandr Feliksovich Meyendorff Papers on P.A. Stolypin, 1910–1950. Box 1. Separate Manuscripts on Stolypin.

[41] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 3044. Л. 273–273 об.

[42] РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 22476. Л. 164 г. – 164 з.

«Невольник чести»

Причины дуэли сводились к вопросам чести. Кн. В.П. Мещерский сообщал, что Ш. и Ст. некогда были приятелями и даже перед поединком не питали друг к другу ненависти, намереваясь лишь исполнить долг чести, а не убить. Дуэль была отложена, чтобы дать М.А. возможность вылечиться на водах [Гражданин, 1882, 9 сент.]. Между тем газета «Новое время» сообщала о более веских причинах поединка: «…причиною этой дуэли послужила личная вражда между соперниками. И.Н. до своего выхода из Преображенского полка во время одного объяснения со Ст. был оскорблен им словом. Перейдя на службу по гвардейской пехоте, Ш. сделал вызов покойному еще в начале нынешнего лета. Ст. принял этот вызов, но сама дуэль была отложена до возвращения его с Кавказа, куда он ездил лечиться» [Новое время, 1882, 10 сент.].

«Петербургская газета» спешила дополнить сведения: «Ссора между М.А. Столыпиным и князем Шаховским возникла не весною (как утверждает одна газета), а летом в известном ресторане «A la Cascade», сделавшемся как будто колыбелью разных столкновений между “золотою молодежью” нашей столицы, ведших потом к кровавым катастрофам. Вскоре после ссоры князь Шаховской, служивший в одном полку со Столыпиным, вышел в отставку. Это было в июне. В это же время Столыпин уехал в отпуск. Узнав, что на днях Столыпин возвратился в Петербург, князь Шаховской послал ему вызов» [Петербургская газета, 1882, 10 сент.]. Версию о летней ссоре подтверждает формулярный список Ш. 15 июля 1882 г. вышел приказ о его переводе в Гвардейскую пехоту с 8 июля на 1 год. С 9 мая И.Н. был в 28-дневном отпуске, 7 июня он продлил его еще на 28 дней. Затем прибыл 6 июля и через 2 дня снова взял отпуск на 28 дней. В последующем «не прибыв из отпуска зачислен в Гвардейскую пехоту на 1 год» [43].

В качестве причин дуэли сын П.А. Столыпина Аркадий в своих мемуарах и родословном древе приводит сведениям о том, что однополчане были друзьями, но поссорились на одной из вечеринок из-за нападок князя Ш. на новобранца [Сидоровнин, 2002, 557–584; Stolypin, 1996, 42–43]. Важно обратить внимание на евангельскую надпись на надгробном памятнике М.А. на Никольском кладбище Александро-Невской лавры: «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».

Между тем А.Ф. Мейендорф приводит в своих мемуарах слова о том, что поединок произошел из-за чести дамы: «The elder son, Michael, had been killed in a duel by a … officer in defense of the good name of a lady» [44]. Заметим, что М.А. Столыпин целил и попал И.Н. Шаховскому в пах, и тот почувствовал «что-то вроде укола», как писали в газетах. Было ли направление стрельбы выбрано не случайно?.. В более поздней перепечатанной части своих мемуаров А.Ф. Мейендорф изменил свои показания в пользу защиты товарища: «His elder brother, an officer in the Preobrazhensky had been killed a year or two in a duel, which he had fought in defense of a friend's reputation» [45].

Интересны записанные кн. В.П. Мещерским размышления, которые приходили к нему на ум на панихиде покойного: «Невольно пришла в голову мысль: какая чудная минута для проповедника обратиться в этой черной ризе, в день Рождества Богородицы, к товарищам убитого и сказать то, что только именем Христовой любви, именем Христовой веры, мог бы сказать только воин Христовой рати... Сколько слез могло бы такое слово в такую минуту заставить пролить таких, которые не сгладились бы жизнью в молодых сердцах. Светский человек, посреди этой картины, не сможет ничего сказать: он должен, склоня голову, безмолвствовать перед обычаем, с которым предания его среды связали неразрывно понятие о чести: логика тут бессильна, но там, где никто не должен безмолвствовать человек света,

[43] Там же.
[44] Bakhmeteff Archive… Box 1. Notebooks on Stolypin.
[45] Ibid. Box 1. Separate Manuscripts on Stolypin.

там, где никто не должен сметь входить в домашнее или семейное полка, там не может не иметь это право служитель Христа?» [Гражданин, 1882, 12 сент.].

О значительности повода дуэли говорит то, что дуэлянты стрелялись на маленькой дистанции – 15 шагов, о чем пишут несколько газет. Петербургская газета сообщает о 10 шагах. Нельзя оставлять без внимания оставление именитого полка и то, что вызов был сделан самим Ш. Вероятно, при конфликте о полковом товарище М.А. мог неаккуратно высказаться, а далее разговор перешел на личности, в т. ч. речь могла зайти и о О.Б. Нейдгарт, учитывая направления удара Ст. и реакцию князя. Но можно посмотреть и иначе, учитывая перевод в пехоту на год: не было ли это вынужденной ссылкой за поведение или проступок? Заметим и то, что впоследствии И.Н. были предъявлены обвинения по ст. 1503 уложения о наказаниях. Секунданты же обвинялись по ст. 1507 как свидетели (секунданты), которые не остановили поединок. Вопросы вызывает и тот факт, что в последующем на судебном заседании И.Н. Шаховской взял защитников, а преображенцы отказались. Наконец, нельзя оставлять без внимания информацию К.И. Могилевского и К.А. Соловьева о том, что отец убитого А.Д. Столыпин одобрил вызов князя И.Н. Шаховского на поединок, но источники об этом пока что не удалось найти [Могилевский, 2011].

«В Преображенском полку семейное горе. Молодой С… очень любим»

Круги по воде стали чувствоваться по городу после дуэли. «Петербургская газета» сообщала, как офицер, явившийся в трактир за носилками, вызвал подозрения у приказчика, который затем предупредил урядника и станового пристава [Петербургская газета, 1882, 8 сент.]. Газета «Голос» добавляла, что Ш. был отвезен в дом отца, сенатора гражданского кассационного департамента князя Н.И. Шаховского, а тело Ст. было доставлено в казармы полка, где оно и покоится в библиотечной зале впредь до прибытия отца убитого [Голос, 1882, 9 сент.]. Пристав же сообщал, что по ходатайству адъютант 1 батальона Преображенского полка выдал тело М.А. и отправил его в санитарном вагоне полка в Петербург [46].

Кн. Мещерский в те дни пришел проститься с Ст. Вот что он записал 8 сентября: «Был на панихиде по бедному С. в библиотеке 2-го батальона полка. Много офицеров полка и два-три посторонних и ранних родственников, успевших узнать роковую весть. Бледное, молодое и красивое лицо убитого, в своем полковом мундире, у ног венок цветов с надписью «от товарищей», поникшие к земле с печалью глубокой грусти лица этих товарищей, и посреди этого живая картина причины смерти, о, не скоро забудется это мучительное для души впечатление» [Гражданин, 1882, 12 сент.]. На следующий день кн. В.П. Мещерский вновь навещал Ст.: «Сегодня на панихиде по С. узнал, что несчастный отец приехал. Быть на общей панихиде старику, корпусному командиру, не под силу было. Он просил особенной панихиды…» [Гражданин, 1882, 12 сент.].

На 11 сентября была назначена дата похорон. Преображенский полк готовился отдать последние почести своему сослуживцу. Приказы по полку содержат информацию о подготовке тщательно продуманных похорон: офицерам необходимо было явиться в парадной форме, нижним чинам – в мундирах, касках, при караульной амуниции с ружьями, имея в сумах по три холостых патрона. Привлекали и военный оркестр. У гроба необходимо было расположиться подпоручику Приселкову, прапорщику Малахову и некоему Казину [47].

11 сентября состоялись похороны прапорщика Ст. Газета «Новое время» сообщала, что после отпевания в Спасо-Преображенском соборе траурная процессия направилась к Александро-Невской лавре. Впереди офицеры несли венки от товарищей и родных, гроб сопровождали офицеры Преображенского полка, за которым следовали многочисленные провожающие, военный оркестр и взвод для отдания последних почестей. «Страшно тяжелое и удручающее впечатление производили эти похороны *«невольника чести»* и сам собой

[46] ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 3044. Л. 273–273 об.
[47] РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 306. Л. 307.

рождался вопрос: из-за чего же в самом деле погибла эта молодая жизнь? Неужели из-за одного случайного, неосторожно сказанного и *необдуманного слова?!*...» [Новое время, 1882, 11 сент.].

В архиве сохранились сведения Александро-Невской лавры об устройстве захоронения [48] [23, л. 196–199]. Всего было заплачено 305 р. В эту сумму входил балдахин и дроги 3 разбора (35 р.), могила второго разряда близ церкви (200 руб.), устроение могилы с кирпичными стенами и сводами на кладбище, отпевание в церкви (50 руб.). За погребение деньги уплатил поручик Александр Федорович Дмитриев. Но и после похорон преображенцы не забывали о своем однополчанине. Поминали убитого и на 9 день после кончины и спустя год после смерти [Новое время, 1883, 6 сент.] [49].

«Вот вам и пресловутое единство прокурорского надзора!»

Теперь проследим судьбы оставшихся в живых участников дуэли и посмотрим на изменившиеся жизни тех, кого она коснулась. Кн. В.П. Мещерский на следующий день после поединка посетил раненого Ш. Он застал отца князя, который, не в силах договорить о сыне, разрыдался. Сам И.Н. лежал неподвижно, чувствуя себя физически здоровым, хотя хирург Рейер лишь начал зондировать рану. Пациент, находившийся под хлороформом, еще не знал о смертельной опасности ранения, но пребывал в возбуждённом состоянии – с горящими щеками и блестящими глазами [Гражданин, 1882, 12 сент.]. Но Ш. выжил. Уже в марте 1884 г. он вновь поступает на службу в 5-й Закаспийский стрелковый батальон, который дислоцировался близ Асхабада**.** Известна судьба и секундантов Ст. Приказы по Преображенскому полку содержат информацию о том, что после происшествия секунданты были арестованы. Затем они были допрошены следователем, который 9 сентября освободил их из-под домашнего ареста [50].

6 апреля 1883 г. спустя полгода после произошедшего это легкое на первый взгляд в разбирательстве дело должно было кончиться. Кн. В.П. Мещерский так описывал публику на судебном заседании: «Прибыл почти весь офицерский состав полка и командир 1-го батальона великий князь Сергей Александрович; прибыл почти весь grand monde петербургский, словом никогда в окружном суде не было такого наплыва знатной и элегантной публики» [Гражданин, 1883, 10 апр.].

«Новое время» писало, что состав суда был следующий: товарищ председателя Крестьянов, члены гг. Гельштерт и Сербинович. Обвинителем назначался товарищ прокурора Кичин. Защитником князя Ш. явился Герард, графа Соллогуба – присяжный поверенный Дрезен; обвиняемые Балясный и Нейдгарт иметь защитников не пожелали.

«Пробило 11 часов – заседание не начиналось; стали ходить слухи, что дело отложится, что оно вообще не пойдет. Наконец услышали о болезни товарища прокурора Кичина. Пробовали предложить роль обвинителя другому, но охотника не нашлось.

Наконец, в половине двенадцатого в зал заседания вышел товарищ председателя Крестьянов и обращаясь к публике заявил, что дело отложено по болезни товарища прокурора Кичина» [Новое время, 1883, 7 апр.].

«Судебная газета» выражала крайнее недоумение по поводу перенесения заседания. Ее редакторы-юристы отмечали, что из 22 товарищей прокурора ни один не смог заменить заболевшего Кичина, хотя даже сам составитель обвинительного акта, Дынавский, не поддержал обвинение в суде. Ситуацию называли странной, поскольку Кичин накануне чувствовал себя хорошо, но слухи об отмене заседания из-за его болезни уже ходили среди офицеров. Авторы прямо спрашивали: «…весьма желательно было бы знать, для кого было так необходимо отложить заседание 6 апреля?» Они указывали, что дело было несложным и

[48] РГИА. Ф. 815. Оп. 10. Д. 207. Л. 196–199.
[49] Там же. Д. 306. Л. 310–320.
[50] Там же. Л. 305–309.

не требовало подготовки, и предполагали, что «ожидание манифеста играет здесь немаловажную роль для *лиц, репутация которых могла бы несколько пошатнуться при разоблачении некоторых обстоятельств полковой жизни на судебном заседании (*курсив мой – *Р.М.)*» [Судебная газета, 1883, 10 апр.].

Впоследствии заседание так и не было проведено. В ведомостях справок о судимости ни один из обвиняемых не указан [Ведомость справок о судимости, 1882–1884]. Стоит отметить, что сразу после дуэли на имя Императора был составлен рапорт, который «Его Величество изволил читать» [51]. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что, раз дело уже передано в суд, оно неизбежно будет им рассмотрено. Газета полагала, что дело Ш. требует огласки в интересах самого обвиняемого [Санкт-Петербургские ведомости, 1883, 7 апр.]. Но дело не получило судебного разрешения и не было оглашено печатью. Кто же пошел наперекор юридическим нормам и правилам?..

Но сделали умнее. Кн. Мещерский записал следующий слух: «Стороной я слышал, что дело отлагается на два месяца, то есть до сессии после коронации» [Гражданин, 1883, 10 апр.]. 15 мая произошла коронация Александра III, а также был издан Манифест [Сенатские ведомости, 1883, 15 мая]. «Дарованное Нам от Бога право миловать и щадить» освободило дуэлянтов от суда и наказания. Именно этот «Манифест» и ожидали некоторые причастные к делу дуэли, как утверждала «Судебная газета». Так монаршая милость и чья-то хитрость (или знание ситуации) похоронили вместе с М.А. Столыпиным многие подробности дуэли 7 сентября 1882 г.

Бытует мнение о том, что за дуэль Ш. был сослан на Кавказ. Его племянник писал о дяде: «А старший брат отца, Иван Николаевич, молодым умер на Кавказе, убитый лошадью. Он был офицер Преображенского полка, и его сослали на Кавказ за убийство на дуэли брата П.А. Столыпина» [архиеп. Иоанн (Шаховской)]. Еще в начале 1884 г. он подал прошение на имя императора вновь определиться на действительную службу с зачислением в один из Закаспийских стрелковых батальонов. Видимо, отец-сенатор подсказал решение добровольно отправиться «в ссылку», чтобы показать раскаяние в содеянном и избежать более сурового наказания. В ходе подготовки документации по прошению о переводе при запросе информации о дуэли информации не нашлось, а в формулярном списке значилось: «В бытность в суду и под следствием не был». В апреле 1884 г. был издан приказ о зачислении Ш. в пятый Закаспийский стрелковый батальон с 31 марта 1884 г. с переименованием в штабс-капитаны, что соответствовало званию гвардии подпоручика [52].

Как мы писали ранее, секунданты со стороны преображенцев были быстро освобождены. В поздних формулярных списках Д.Б. Нейдгарта сказано о том, что с 12 августа по 6 сентября 1882 г. он был в отпуске, который просрочил на 11 дней из-за уважительной причины вследствие болезни [53]. Вероятно, здоровье после болезни необходимо было поправить, поэтому с 20 октября 1882 г. Д.Б. Нейдгарт находился в командировке для охраны линий железных дорог.

Но опала кончилась. После судебного заседания поручику К.А. Балясному было разрешено с 29 апреля уехать в отпуск в Полтаву [54]. С 15 апреля по 2 мая ушел в отпуск и Д.Б. Нейдгарт [55]. Преображенцы смогли выдохнуть, а уже в мае 1883 г. принимали активное участие в подготовке коронации Александра III. В день коронации К.А. Балясный был d кремлевском карауле, а Д.Б. Нейдгарту надлежало стоять у входа в Благовещенский собор и держать знамя [56]. В мае 1884 г. К.А. Балясный был назначен адъютантом к великому князю Сергею Александровичу, младшему брату императора Александра III.

[51] РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 759. Л. 70-70 об.
[52] Там же. Д. 22476. Л. 157-164.
[53] РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 152. Л. 1 об-2.
[54] РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 314. Л. 7 об.
[55] Там же. Д. 152. Л. 2.
[56] Там же. Д. 314. Л. 147 об., 149 об.

Таким образом, формальное следствие, столкнувшись с дворянской корпоративной этикой, оказалось бессильным. Элита, ревностно охранявшая свою автономию и неписаный кодекс чести, не могла допустить, чтобы поединок, совершенный по всем правилам и в защиту чести, оброс судебными последствиями. Суд превратился в фикцию, демонстрируя, что в империи существовали две параллельные системы правосудия: официальная, государственная, и внутренняя, корпоративная, основанная на понятиях чести, зачастую имевших для дворянства большее значение, чем буква закона.

Заключение

Трагическая гибель Михаила Столыпина на дуэли, ставшая кульминацией его верности понятиям о чести и долге перед товарищами, оказалась не просто скорбной страницей в истории семьи. Эта безвременная смерть стала важным рубежом в семейной истории, а также сказалась на событиях более широкого масштаба.

Младший брат убитого сошелся с его невестой О.Б. Нейдгарт [Мазаев, 2024]. История эта обросла легендами. Министр иностранных А.П. Извольский, близкий знакомый П.А. Столыпина со времен молодости, писал: «Он женился, будучи очень молод, несколько романтичным способом на невесте своего старшего брата, погибшего на дуэли, который на своем смертном одре вложил руку своего брата в руку молодой девушки, которую он нежно любил» [Извольский, 1924, с. 70]. В этом же духе отмечал Н.П. Шубинский: «...когда ему (П.А. Столыпину – *Р.М.*) минуло двадцать лет, у него на руках умер его брат, сраженный пулей дуэлянта» [Шубинский, 1913, с. 19].

Ради женитьбы П.А. Столыпин уволился из университета [Мазаев, 2024]. Но оставлять позади 3 года обучения впустую было нелегко. Чтобы продолжить обучение в качестве вольнослушателя в соответствии с новым университетским уставом 1884 г., как один из вариантов, можно было заручиться поддержкой начальства по месту службы [57]. Так, желающий окончить естественно-научное образование П.А. Столыпин свернул с научной карьеры и стал чиновником, причисленным к Министерству внутренних дел. Чиновничья карьера его затянула, и после получения диплома он продолжил службу в Департаменте земледелия и сельской промышленности**.** Так дуэль М.А. Столыпина повернула и направила жизнь его брата, ставшего впоследствии одним из известнейших государственных деятелей.

Согласно одной из версий, с Ш. впоследствии стрелялся и сам П.А. Столыпин. *Правосудие не настигло убийцу брата.* Правду снова хотели восстановить кровью? 26 сентября 1884 г. погибает в Ашхабаде убийца М.А. Столыпина [Московский некрополь, 1908, с. 334]. 11 октября 1884 г. подает прошение об увольнении из университета его младший брат, который 11 ноября венчается с невестой М.А. Честь «lady» была восстановлена? Но эту историю еще предстоит проверить.

Список источников

архиеп. Иоанн (Шаховской). Биография юности (Установление единства). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 253 с.

Ведомость справок о судимости, издаваемая Министерством юстиции. СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1882–1884.

Газета «Гатцука». М., 1882.

Газета «Голос». СПб, 1882.

Газета «Гражданин». СПб, 1882.

Газета «Гражданин». СПб, 1883.

Газета «Кавказ». Тифлис, 1882.

Газета «Новое время». СПб, 1882.

Газета «Новое время». СПб, 1883.

[57] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8542, 8616.

Газета «Петербургская газета». СПб, 1882.
Газета «Петербургский листок». СПб, 1882.
Газета «Санкт-Петербургские ведомости». СПб, 1883.
Газета «Сенатские ведомости». СПб, 1883.
Газета «Судебная газета». СПб, 1883.
Газета «Сын Отечества». СПб, 1882.
Газета «Эхо». СПб, 1882.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4888. Оп. 10. Д. 2038.
Извольский А.П. Воспоминания. Петроград-М.: Издательство «Петроград», 1924. 191 с.
Московский некрополь. Т. 3. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 432.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Гвардии Преображенский полк. Оп. 2. Д. 306.
РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 314.
РГВИА. Ф. 400. Оп. 15. Д. 759.
РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 15472.
РГВИА. Ф. 400. Главный штаб Военного министерства, г. Петербург. Оп. 9. Д. 18634.
РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 22476.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 528. Д. 152.
РГИА. Ф. 815. Александро-Невская Лавра Синода. Оп. 10. Д. 207.
РГИА. Ф. 1662. Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), министр внутренних дел, председатель Совета Министров. Оп. 1. Д. 306.
Саратовский областной музей краеведения (СМК). 10000 / 1. Альбом фотографий «Петр Аркадьевич Столыпин. 1862–1911».
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Императорский Петроградский университет. Петроград. 1819–1918. Оп. 1. Д. 8542.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8616.
ЦГИА СПб. Ф. 487. Прокурорский надзор Петроградского Окружного суда. Петроград. 1866–1917. Оп. 1. Д. 3044.
Шубинский Н.П. Памяти П.А. Столыпина. Москва, Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1913. 28 с.
Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Aleksandr Feliksovich Meyendorff Papers on P.A. Stolypin, 1910–1950. Box 1.
Stolypin A.P. De l'Empire à l'exil: avant et apres 1917: memoires. Paris: Albin Michel, 1996. 420 p.

Список литературы

Аспидов А.П. 2021. Петербургские арабески. Орнаменты Северной столицы. Москва, Центрполиграф, 464 с.
Мазаев Р.С. 2024. Вне стен университета: повседневность и личная жизнь студента П.А. Столыпина (к юбилею венчания реформатора). Via in Tempore. История. Политология. Т. 51, № 4: 959–969.
Могилевский К.И., Соловьев К.А. 2011. «Мы должны озаботиться сохранением престижа русского имени». Письма П.А. Столыпина к П.В. Веревкину. 1900–1905 гг. Исторический архив. № 5: 144–154.
Сидоровнин Г.П. 2002. П.А. Столыпин: жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов, Сарат. Культ. Центр им. П.А. Столыпина, 600 с.
Федоров Б.Г. 2003. Петр Аркадьевич Столыпин. Биография П.А. Столыпина. Москва, Гареева, 656 с.
Юрковский Р. 2021. Деятельность Петра Столыпина в северо-западных губерниях России (1889–1903). Olsztyn, Wydawnictwo UWM, 581 с.

References

Aspidov A.P. 2021. Peterburgskie arabeski. Ornamenty Severnoy stolitsy [St. Petersburg Arabesques. Ornaments of the Northern Capital]. Moscow, Tsentrpoligraf, 464 p.
Mazayev R.S. 2024. Vne sten universiteta: povsednevnost' i lichnaya zhizn' studenta P.A. Stolypina (k yubileyu venchaniya reformatora) [Outside the University Walls: The Everyday and Personal Life of Student P.A. Stolypin (On the Anniversary of the Reformer's Wedding)]. Via in Tempore. Istoriya. Politologiya [Via in Tempore. History. Political Science]. Vol. 51, No. 4: 959–969.

Mogilevskiy K.I., Solov'ev K.A. 2011. «My dolzhny ozabotit'sya sokhraneniem prestizha russkogo imeni». Pis'ma P.A. Stolypina k P.V. Verevkinu. 1900–1905 gg. [“We Must Concern Ourselves with Preserving the Prestige of the Russian Name”. Letters from P.A. Stolypin to P.V. Verevkin. 1900–1905]. Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive]. No. 5: 144–154.

Sidorovnin G.P. 2002. P.A. Stolypin: zhizn' za Otechestvo: Zhizneopisanie (1862–1911) [P.A. Stolypin: Life for the Fatherland: A Biography (1862–1911)]. Saratov, Sarat. Kul't. Tsentr im. P.A. Stolypina, 600 p.

Fedorov B.G. 2003. Petr Arkad'evich Stolypin. Biografiya P.A. Stolypina [Pyotr Arkadyevich Stolypin. Biography of P.A. Stolypin]. Moscow, Gareeva, 656 p.

Yurkovskiy R. 2021. Deyatel'nost' Petra Stolypina v severo-zapadnykh guberniyakh Rossii (1889–1903) [The Activity of Pyotr Stolypin in the North-Western Provinces of Russia (1889–1903)]. Olsztyn, Wydawnictwo UWM, 581 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.11.2025
Поступила после рецензирования 21.02.2026
Принята к публикации 24.02.2026

Received November 27, 2025
Revised February 21, 2026
Accepted February 24, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мазаев Руслан Сергеевич, магистрант кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0009-0001-9899-4095

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan S. Mazaev, Graduate Student of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

УДК 94(470+571)"19":351.74
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-391-399
EDN HGIXFE
Оригинальное исследование

Практика насилия и моральный облик царской полиции: политические преследования в Царицынском уезде в начале XX в.

Кочетов И.Е.
Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100
E-mail: ina-241_619295@volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию морального облика и практик применения насилия сотрудниками органов правопорядка Царицынского уезда в начале XX века. На основе широкого круга архивных источников, включая ведомственную переписку, отчёты и материалы внутренних расследований, а также с привлечением современной историографии анализируются ключевые факторы, обусловившие деградацию правоохранительной системы. Детально рассматривается влияние низкого материального обеспечения служащих, выражавшегося в недостаточных окладах и задержках выплат, на распространение коррупции, пьянства и иных форм девиантного поведения. Особое внимание уделяется сравнительному анализу двух институтов: общей полиции и жандармерии. Показано, что если первая была массово вовлечена в системные злоупотребления и неоправданное насилие, то вторая, сохраняя более высокий уровень служебной закрытости и формального соблюдения процедур, также демонстрировала случаи морального разложения и произвола. Подчёркивается, что карательные действия властей, в частности применение оружия для разгона мирных собраний, не только не подавляли протестные настроения, но и выступали катализатором радикализации общества, укрепляя позиции революционных организаций. Делается вывод о глубокой институциональной деградации карательного аппарата, которая стала одной из предпосылок кризиса государственной власти в регионе накануне революционных событий.

Ключевые слова: полиция, жандармерия, насилие, коррупция, Царицын, политические преследования, моральный облик

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Кочетов И.Е. 2026. Практика насилия и моральный облик царской полиции: политические преследования в Царицынском уезде в начале XX в**.** *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 391–399. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-391-399. EDN: HGIXFE

The Practice of Violence and the Moral Character of the Tsarist Police: Political Persecution in Tsaritsyn District in the Early 20th Century

Ivan E. Kochetov
Volgograd State University,
100 Universitetskiy Ave., Volgograd 400062, Russia
E-mail: ina-241_619295@volsu.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the moral character and practices of the use of violence by law enforcement officers of Tsaritsyn district in the early 20th century. Based on a wide range of archival sources, including departmental correspondence, reports and materials of internal investigations, as well as using modern historiography, the author analyzes the key factors that led to the degradation of the law enforcement system. The impact of low financial security for employees, expressed in insufficient salaries and delayed payments, on the spread of corruption, drunkenness and other forms of deviant behavior is considered in detail.

© Кочетов И.Е., 2026

Special attention is paid to the comparative analysis of two institutions: the general police and the gendarmerie. It is shown that while the former was massively involved in systemic abuses and unjustified violence, the latter, though maintaining a higher level of official secrecy and formal compliance with procedures, also demonstrated cases of moral decay and arbitrariness. It is emphasized that far from suppressing protests, the punitive actions of the authorities, in particular the use of arms to disperse peaceful assemblies acted as a catalyst for the radicalization of society, strengthening the positions of revolutionary organizations. The conclusion is drawn about the deep institutional degradation of the punitive apparatus, which became one of the prerequisites for the crisis of state power in the region on the eve of the revolutionary events.

Keywords: police, gendarmerie, violence, corruption, Tsaritsyn, political persecution, moral character

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kochetov I.E. 2026. The Practice of Violence and the Moral Character of the Tsarist Police: Political Persecution in Tsaritsyn District in the Early 20th Century. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 391–399 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-391-399. EDN: HGIXFE

Введение

На рубеже XIX–XX веков Российская империя столкнулась с нарастающим вызовом со стороны революционного движения, что предъявило новые, исключительно высокие требования к ее правоохранительной системе. На местах основная тяжесть борьбы с «крамолой» легла на два института – общую полицию и политический сыск в лице Отдельного корпуса жандармов. Их способность эффективно противостоять подполью и поддерживать общественный порядок стала вопросом государственной безопасности. Однако, как показывает практика Царицынского уезда – крупного промышленного и транспортного узла, самого беспокойного в Саратовской губернии, сами органы правопорядка переживали глубокий внутренний кризис.

Этот кризис проявлялся не в недостатке карательных директив, а в повседневном функционировании, где системные пороки – хроническое недофинансирование, низкое жалование, плохое обеспечение – подтачивали моральный облик служащих и деформировали их профессиональные практики. В результате вместо надежного щита власти полиция зачастую сама превращалась в источник произвола, коррупции и социальной напряженности. Сложившаяся в историографии традиция, опирающаяся преимущественно на ведомственную отчетность, хотя и фиксирует отдельные злоупотребления, часто оставляет за скобками их прямую связь с материальной и социальной неустроенностью самих стражей порядка.

В советской историографии основной акцент традиционно делался на изучении революционного движения и жертв в ходе массовых выступлений, специализированных исследований именно о сотрудниках политического сыска почти не было [Томарев, 1960; Водолагин, 1968]. С.М. Рязанов отмечает, что историки опирались больше на публицистику и отдельные прецеденты [Рязанов, 2021, с. 34]. Современные исследователи все больше обращают внимание на защитников тогдашнего государственного строя и затрагивают вопросы материального обеспечения и системных пороков служащих жандармерии и полиции [Реент, 2002; Матиенко, 2024], исследуют региональные аспекты провокаций [Гладышева, 2006], пассивности служащих [Опилкин, 2012]. Но до сих пор в историографии сохраняется односторонний анализ документации полиции и редких мемуаров жандармов, оставляя без внимания воспоминания революционеров. Данное исследование призвано преодолеть этот односторонний взгляд. Его цель – осуществить комплексный анализ того, как условия службы и моральная деградация личного состава детерминировали оперативные возможности карательного аппарата в ключевой период, предшествовавший революционным потрясениям.

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования выступила правоохранительная система Царицынского уезда в начале XX века, осуществлявшая политический сыск, представленная

двумя ключевыми институтами – общей полицией и Отдельным корпусом жандармов. Предметом анализа стали практики применения насилия, политических провокаций, случаи коррупции и морального разложения, а также факторы, их детерминировавшие, в первую очередь материальная необеспеченность служащих.

Методологическую основу настоящего исследования составили принципы историзма, объективности и системности. В исследовании был использован комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Среди общенаучных методов применялись количественный и качественный анализ, которые позволили систематизировать данные о материальном обеспечении служащих и оценить содержательные аспекты их служебной деятельности. Из числа специальных исторических методов были задействованы историко-сравнительный, способствовавший выявлению общих и особенных черт в работе общей полиции и жандармерии, а также историко-критический, примененный для анализа достоверности и репрезентативности привлекаемых источников. Повествовательно-описательный метод использовался для последовательной реконструкции ключевых исторических сюжетов и процессов.

Источниковая база исследования носит комплексный характер и включает два основных пласта. Первый пласт составляет ведомственная документация, извлеченная из Фонда № 6 – помощника начальника Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) – Государственного архива Волгоградской области (ГАВО): отчеты, циркуляры, рапорты, материалы служебных расследований и переписка Саратовского губернского жандармского управления и его помощника в Царицыне. Эти документы позволили реконструировать официальную позицию властей, выявить внутренние проблемы и дисциплинарные практики. Второй пласт представлен источниками личного происхождения – коллекцией воспоминаний ветеранов партии и комсомола (Фонд № 149), хранящейся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Мемуары участников революционного движения дали альтернативный, критический взгляд на действия властей, зафиксировали случаи произвола и насилия, часто остававшиеся «за кадром» официальных отчетов. Комплекс приведенных источников обеспечил возможность критического анализа и верификации информации, способствуя достижению репрезентативности и объективности исследования.

Результаты и их обсуждение

Одной из причин такого положения был низкий уровень материального обеспечения и достатка полицейских. Сотрудники политического сыска и общей полиции жили бедно. Социум сочувствовал тяжелому экономическому положению служителей закона, потому что боялся, что некому будет обеспечивать общественный порядок, а авторы сатирических газет советовали власти: «…чтоб публика не смотрела презрительно на наших полицейских чиновников, надо, прежде всего, увеличить им жалование» [Реент, 2002, с. 328]. Реформа денежного довольствия 1908 года унифицировала жалованье полицейских чинов, перейдя от прежней системы к установленным годовым окладам: городовой получал 300 руб., урядник – 400 руб., околоточный надзиратель – 600 руб., а становой пристав – 800 рублей. Руководящий состав имел значительно более высокие оклады: например, уездный исправник – 1 500 руб., а полицмейстер – 1 700 руб. в год [Матиенко, 2024, с. 103]. Для сравнения, в структуре жандармерии на два года ранее, в 1906 году, ежемесячное содержание унтер-офицера составляло 20 руб. [58], вахмистра – 25 руб. [59], в то время как их непосредственный начальник – помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) в Царицыне – получал 75 руб. в месяц плюс дополнительные 60 руб. столовых денег – специальной выплаты на представительские и официальные расходы [60]. Кроме жалования полицейским выплачивались и квартирные деньги, но несвоевременно и в недостаточном объёме. Часто жандармское управление не успевало вовремя обеспечивать

[58] Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 116. Л. 62.
[59] Там же. Л. 135.
[60] Там же. Л. 3.

служащих новой формой. В Царицыне в 1906 году унтер-офицер Романов при сдаче вещей в ходе увольнения получил обратно башлык 1896 года выпуска, так как он не соответствовал стандартам формы [61]. Также жандармы были вынуждены просить начальство о высылке им ниток, чтобы иметь возможность зашить износившийся мундир [62] . Как отмечает Ю.А. Реент, данное обстоятельство негативно отражалось на репутации служителей порядка, за которыми в народной среде закрепилась характеристика нечистоплотных людей [Реент, 2002, с. 326]. Такая система оплаты труда и материального обеспечения порождала разрыв между подчиненными и начальством, не обеспечивала базового экономического достатка и мотивации к честной службе, что подталкивало к коррупции и затрудняло привлечение квалифицированных кадров.

Недостаточный уровень благосостояния негативно влиял на общий моральный уровень кадров и, как следствие, на отношение к ним общества. В инструкции чинам сыскных отделений указывалось, что каждый полицейский «в публичных местах, в нарядах и т. п. должен быть со всеми вежлив, серьезен и сдержан. Суетливость, оскорбительное обращение и резкость в словах или действиях вредят делу и уничтожают его достоинство» [63] . Соответствовали ли полицейские такому описанию? Ю.А. Реент, ссылаясь на И.Д. Путилина и А.А. Рейнбота, пишет, что рядовые полицейские были грубыми, невоспитанными и плохо образованными, а также не имели никакой подготовки из-за номинальности резерва, где они не получали знаний, и даже в Москве городовые имели неудовлетворительное качество [Реент, 2002, с. 324]. В апреле 1916 года помощник начальника СГЖУ подполковник Тарасов должен был сообщить начальству, имеется ли среди приставов Царицына надёжный человек – не пьяница, не картёжник и не взяточник. Он выделил только одного, пристава 3-й части Броницкого [64]. Только в уездном городе было 4 пристава, во всем уезде их было больше десятка. Этот единственный положительный пример выглядел особенно показательно на фоне общего числа приставов не только в Царицыне, но и в пределах всей подконтрольной Тарасову территории, включавшей Царицынский и Камышинский уезды.

Население замечало недостатки полиции, а за маской уважения к ним скрывались недоверие и страх перед необоснованной жестокостью, что можно проследить по общественному негодованию в ходе насилия над задержанными. В январе 1906 года российскую общественность потрясла новость, что политическая активистка М. Спиридонова была жестоко избита служащими полиции после задержания за покушение на тамбовского губернского советника Г.Н. Луженовского. Ее письмо о пытках было опубликовано в прессе и вызвало общественное недовольство, что побудило власти начать служебное расследование, которое в итоге «замяли» [Квасов, 2021, с. 45–46].

В Царицыне задержанные нередко подвергались избиениям, а иногда их гибель наступала в ходе следствия. В отчетах, например, гибель А.А. Мамонова, арестованного за распространение прокламаций, представлена как самоубийство: якобы он облился керосином из лампы и скончался [65] . Однако подобная версия вызывает сомнения, учитывая несоразмерность незначительного наказания за его проступок и столь отчаянного поступка, что позволяет предположить факт пыток или расправы. Если смертельные случаи были единичны, то произвол – нет. Так, большевика П.В. Потапкина сотрудники сыска задержали по подозрению в агитации и, продержав сутки, отпустили под угрозой расстрела [66]. В 1906 году в Камышине был жестоко избит социал-демократ Д. Догадин, а его 12-летний помощник выпорот [67]. В 1907 году после избиения на обыске скончался деятель Вершинин [68]. Подобные злоупотребления закономерно подрывали доверие к полиции, и население зачастую помогало преступникам, особенно

[61] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.
[62] Там же. Л. 1 об.
[63] Инструкция чинам сыскных отделений. 1910. Спб., Типография Министерства внутренних дел. С. 8.
[64] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 415. Л. 24.
[65] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 101. Л. 123–124.
[66] Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 242. Л. 10.
[67] ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 451. Л. 3.
[68] ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 517. Л. 7.

политическим, либо оставалось безучастным [Реент, 2002, с. 326]. Несмотря на фрагментарность архивных данных, совокупность документально зафиксированных инцидентов – от избиения Потапкина до гибели Вершинина – с учетом их хронологического разброса позволяет говорить о системном, а не единичном характере полицейского произвола в регионе.

Полицейское насилие часто проявлялось при разгоне протестов, эскалация которого следовала за директивами из центра. Если до 1905 года Царицын знал лишь экономические забастовки, а полиция до февраля вообще не применяла арестов, то с началом политических митингов тактика изменилась. Однако даже в октябре 1905-го местные городовые бездействовали, позволяя проводить открытые собрания и формировать рабочие комитеты [69]. Подобное поведение полиции наблюдалось по всей России, причем именно Департамент полиции запрещал жандармам задерживать молодежь, чтобы избежать общественного недовольства; полиция считала беспорядки молодых людей формой «баловства» [Опилкин, 2012, с. 5]. Перелом наступил с прямыми указаниями властей, предписывавшими «крайние меры», как в случае с подавлением крестьянского союза в Ольховке по распоряжению П.А. Столыпина [70]. Агрессивный курс был закреплен на высшем уровне: циркуляр товарища министра В.Ф. Джунковского 1913 года предписывал стрелять на поражение, а не для предупреждения в случае нападения на полицейских [Реент, 2002, с. 329].

Отмечаются многочисленные случаи, когда директивы о разгоне антиправительственных выступлений провоцировали неадекватное применение силы. В 1913 году ротмистр Санкт-Петербурга Депп атаковал на галопе лояльную монархическую манифестацию, выполняя приказ о рассеивании толпы [Реент, 2002, с. 327]. Аналогично, в 1906 году в Пятигорске казаки избили 150 человек, ошибочно приняв траурную процессию за политическую демонстрацию [Реент, 2002, с. 354–355]. Характерный для Царицына инцидент 1 мая 1906 года начался с того, что полиция приняла за митинг поющих ополченцев и вызвала казачий разъезд, который атаковал без предупреждения. Это спровоцировало волнения, при разгоне которых казаки открыли огонь, убив трёх и ранив 28 человек. Властям удалось урегулировать ситуацию лишь через переговоры с революционерами, согласившимися на мирные похороны под охраной своих дружинников [Водолагин, 1968, с. 164]. 3 мая в похоронной процессии участвовали от 10 до 20 тыс. горожан [Томарев, 1960, с. 26]. Подобные действия демонстрируют, что неоправданно жесткие меры лишь радикализировали население, усиливая недовольство полицией и местными властями.

Частым явлением в деле политического сыска в Российской империи была провокация, что выражалось в подстрекательстве поднадзорных лиц к активным антигосударственным действиям. Хотя закон запрещал агентам такую деятельность, они прибегали к подобному для более успешной статистики и поимки наиболее опасных лиц [Гладышева, 2006, с. 153]. В Царицыне подобного практически не было, что подтверждает статистика дознаний по политическим преступлениям: в 1916 году, когда революционная активность была низкой, практически не велось дознаний по политическим преступлениям. С начала года и до апреля не было зафиксировано ни одного дела [71], лишь в июле [72] и декабре [73] – по два дознания, связанных с распространением прокламаций. Отсутствие провокаций и подлогов жандармами говорит о сохранении у значительной части сотрудников нравственных качеств. Но, по свидетельству большевика А.П. Григорьева, в начале 1908 года жандармы подкинули на чердак дома его партийного товарища Л. Тальковского оболочку бомбы, за что последнего арестовали, а впоследствии сослали в Сибирь [74]. Также в Санкт-Петербурге, Калязине, Вологде и Царицыне жандармы учредили типографии с воззваниями к избиению инородцев и интеллигенции, которыми руководил офицер

[69] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 101. Л. 5; ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 139. Л. 3.
[70] ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 1047. Л. 31.
[71] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 435. Л. 34.
[72] Там же. Л. 92 об.
[73] Там же. Л. 113 об.
[74] ЦДНИВО. Ф. 149. Оп. 3. Д. 774. Л. 11.

Отдельного корпуса жандармов Комиссаров [Реент, 2002, с. 335–336]. Но за исключением приведенных выше случаев в Царицыне фактор провокаций был редкостью.

Прямых доказательств, подтверждающих факты коррупции работников политического сыска Царицынского уезда, автором данных тезисов не выявлено, что связано с закрытостью системы: сотрудники не подчинялись местной полиции, работали с секретной документацией, а старые материалы уничтожались согласно циркулярам [75] . Однако косвенные данные свидетельствуют о системном моральном разложении, усугубляемом распространённым пьянством. Алкоголь, являвшийся постоянным спутником секретных агентов из-за высокой психологической нагрузки, нередко приводил к дисциплинарным проступкам и рассекречиванию, в связи с чем Департамент полиции рекомендовал усиливать контроль за новыми сотрудниками [Гладышева, 2006, с. 90]. В Царицынском уезде злоупотребление алкоголем имело особо серьёзные последствия: в селе Каменный Брод 14 ноября 1905 года действия пьяного пристава, оскорбившего крестьянина и отнявшего у него топор, спровоцировали нападение на имение дворян Всеволжских, что привело к пожару и вводу войск [76]. В жандармском подразделении Царицына аналогичные проблемы были распространены среди унтер-офицерского состава. В декабре 1915 года унтер-офицер Сивашов обвинил вахмистра Скрыпникова в систематическом пьянстве и вымогательстве [77] , а помощник начальника СГЖУ ротмистр Тарасов, пытаясь оправдать подчинённого, тем не менее признал, что тот ранее посещал публичных женщин и употреблял алкоголь за счёт зажиточных горожан [78]. Эти взаимные обвинения и признания руководства отражают глубину проблем дисциплины и морального разложения в низших чинах жандармерии, воспринимаемого начальством как допустимое поведение.

В условиях военного времени 1914–1917 годов представители местной полиции допускали злоупотребления, связанные с оказанием помощи в деле уклонения от призыва, тогда как жандармы передавали пойманных уклонистов в распоряжение уездных воинских начальников[79]. Общая полиция могла повлиять на решение медкомиссий и помочь страждущему избежать мобилизации, что показал случай с мещанином Бондаренковым. По сведениям Тарасова, Бондаренков высказывался в компании, что готов дать взятку, лишь бы избежать мобилизации [80]. Исправник Филонов не только засвидетельствовал «болезненность» Бондаренкова, но и ранее помог аналогичным образом другим мещанам: Федорову и Каверину [81].

Руководство царицынской полиции находилось в тесной зависимости от городского головы и местных предпринимателей; их связывали личные и экономические интересы. В 1901 году городской голова Ф.С. Семенов, де-факто контролировавший городскую думу, закрывал глаза на санитарные нарушения, допускавшиеся при работе 17 рыбных коптилен, а полицмейстер Н.В. Потоцкий, выполняя роль цензора, блокировал публикации, в которых критиковались «свои» предприниматели. Отсутствие внутреннего контроля системы за моральным обликом служащих позволяло полицейскому руководству использовать свое положение в личных интересах и действовать в зависимости от политической или экономической лояльности. Еще ранее помощник СГЖУ утверждал в политическом обзоре за 1896–1897 годы, что приставы живут не по средствам и ведут праздную жизнь [82].

Проведённое исследование позволяет утверждать, что правоохранительная система Царицынского уезда в начале XX века переживала глубокий системный кризис, проявлявшийся в моральной деградации личного состава, институционализации насилия и коррупции. Низкое жалование, плохое обеспечение и социальная незащищённость рядовых чинов создавали

[75] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 434. Л. 48.
[76] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 101. Л. 18–19.
[77] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 415. Л. 22.
[78] Там же.
[79] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 434. Л. 10.
[80] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 415. Л. 9.
[81] Там же.
[82] ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28. Л. 12 об.

питательную среду для злоупотреблений, подрывая не только профессиональную этику, но и саму возможность эффективного поддержания правопорядка. Ключевым фактором, усиливавшим общественную напряжённость, стало неоправданное применение силы – от бытового произвола до кровавых расправ над демонстрантами, которое дискредитировало власть и объективно способствовало росту симпатий к революционным движениям.

Важно отметить, что общая полиция и жандармерия, хотя и действовали в одном правовом поле, демонстрировали различную степень вовлечённости в противоправные практики. Если первая была поражена коррупцией и низкой дисциплиной тотально, то вторая сохраняла элементы корпоративной солидарности и формального соблюдения процедур, что, однако, не исключало случаев пыток, провокаций и морального падения отдельных служащих. Эта разница, однако, не меняла общего впечатления о системе в целом как о репрессивном инструменте, чья деятельность всё чаще определялась не законом, а произволом, сословными предрассудками и страхом перед растущим недовольством. Таким образом, карательный аппарат царской России на местах не столько предотвращал кризис, сколько усугублял его, своими действиями приближая революционную развязку.

Список источников

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 116. Списки сотрудников дополнительного штата Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде и переписка с управлением о выдаче жалованья и квартирных денег.

ГАВО. Ф. 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 415. Циркуляры департамента полиции об изменении шрифта, выдержка из письма директора департамента полиции о необходимости увеличения секретной агентуры в Царицыне и переписка об охране военных заводов и другим вопросам.

ГАВО. Ф. 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 434. Переписка с начальником Саратовского губернского жандармского управления о деятельности комиссии по выборам рабочих в военно-промышленный комитет, царицынских корреспондентах Самарской рабочей газеты «Наш голос», пении революционных песен и распространении прокламаций Харьковской организации РСДРП студентами, направлявшимися в Царицын в запасной батальон, наблюдении за Илиодором и по другим вопросам, список лесозаводов на ст. Бекетовка.

ГАВО. Ф. 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 435. Рапорты начальнику управления об отношении населения к войне, Государственной думе, мерам борьбы с дороговизной и др., сведения о количестве произведенных дознаний и дел, находящихся в производстве, количестве рабочих на заводе ДЮМО и предприятиях, работающих на нужды армии.

ГАВО. Ф. 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 28. Копии документов из дел Саратовского губернского жандармского управления. Политические обзоры Царицынского и Камышинского уездов и выписки из политических обзоров Саратовской губернии за 1896–1902 гг., прокламации на заводе «УРАЛ-ВОЛГА», о распространении учения Л. Толстого в пос. Дубовке, распространении нелегальной литературы, собраниях, аграрных волнениях крестьян с Краснополья Хоперского округа.

ГАВО. Ф. 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 101. Копии документов Саратовского губернского жандармского управления: политического обзора за 1907 год, донесений о демонстрациях, митингах, забастовках, крестьянских выступлениях, крестьянском союзе Ольховской волости, прокламаций и газетных статей.

Инструкция чинам сыскных отделений. 1910. Спб., Типография Министерства внутренних дел. 102 с.

Центр документации и новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904-2002 гг.). Оп. 3. Д. 139. [Коллекция воспоминания] Королева Степана Захаровича, члена КПСС с 1919 г., о борьбе

рабочих Царицына в 1905–1907 гг., об участии солдат 141 пехотного полка в февральской революции 1917 г. в Царицыне, гражданской войне в Заволжье в 1918–1919 гг.

ЦДНИВО. Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002 гг.). Оп. 3. Д. 242. [Коллекция воспоминания] Потапкина Павла Васильевича, члена КПСС с 1905 года, о революционной работе царицынской группы РСДРП среди рабочих французского завода (Ныне завод «Красный Октябрь») в 1903–1906 гг., об участии в гражданской войне в составе 92 стрелковой дивизии.

ЦДНИВО. Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002 гг.). Оп. 3. Д. 261. [Коллекция воспоминания] Рубанова Павла Сергеевича, члена КПСС с 1917 г., о жизни и труде рабочих лесозаводов Царицына в дореволюционное время, о деятельности большевиков по мобилизации рабочих лесозаводов на подготовку к завоеванию власти Советами, по созданию Красной Гвардии и героической обороне Царицына против белогвардейских банд в 1918–1919 гг.

ЦДНИВО. Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002 гг.). Оп. 3. Д. 451 [Коллекция воспоминания] Лобанова Константина Ивановича, члена партии с 1917 г., об участии в вооруженном восстании в г. Камышине в 1906 г., в завоевании и укреплении Советской власти, о встрече В.И. Ленина в 1917 г. на Финляндском вокзале.

ЦДНИВО. Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002 гг.). Оп. 3. Д. 517. [Коллекция воспоминания] Терехова Н., члена КПСС, о члене РСДРП Вершинине Григории, руководителе районного комитета РСДРП завода «Урал-Волга», о деятельности группы социал-демократов и рабочем коллективе завода.

ЦДНИВО. Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002 гг.). Оп. 3. Д. 774. Григорьев Александр Петрович, член КПСС с 1904 г. – о создании и деятельности первой боевой дружины Царицынской организации РСДРП в годы первой русской революции 1905–1907 гг.

ЦДНИВО. Ф. 149. Коллекция воспоминаний ветеранов партии и комсомола, ветеранов войны и труда (1904–2002 гг.). Оп. 3. Д. 1047. Дубровина З.Ф. 1959. Рабочие и крестьяне Царицына и Царицынского уезда в первой русской революции. 1905–1907 гг. Статья. Машинопись. 59 с.

Список литературы

Водолагин М.А. 1968. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. Москва, Наука. 448 с.

Гладышева Е.Е. 2006. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: на материалах Саратовской губернии: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов. 207 с.

Гончарова Е.А. 2006. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии. Саратов, Научная книга. 96 с.

Квасов О.Н. 2021. Тюремный террор революционеров в Российской империи. Вестник Томского государственного университета. *История.* 72: 44–49.

Матиенко Т.Л. 2024. Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыскной полиции и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в. *Вестник Московского университета МВД России*, 5: 101–108.

Опилкин А.С. 2012. Основные проблемы политической полиции Российской империи в начале XX века глазами служащих Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. Государственное управление. *Электронный вестник*, 31: 1–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-politicheskoy-politsii-rossiyskoy-imperii-v-nachale-xx-veka-glazami-sluzhaschih-departamenta-politsii-i-otdelnogo

Реент Ю.А. 2002. Полицейская система Российской Империи начала XX века (1900–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.02. М. 521 с.

Рязанов С.М. 2021. Преступления чинов уральской полиции накануне и в годы Первой мировой войны. Вестник Удмуртского университета. *История и филология*. 31(1): 34–42.

Томарев В.И. 1960. Царицынские большевики в годы первой русской революции. В кн.: 1905 год в Царицыне (воспоминания и документы) / сост. В.И. Томарев, Е.Н. Шкодина. Сталинград, Кн. изд-во: 7–37.

References

Vodolagin M.A. 1968. Ocherki istorii Volgograda. 1589–1967 [Essays on the History of Volgograd. 1589–1967]. Moscow, Nauka. 448 p.

Gladysheva E.E. 2006. Politicheskij sysk v Rossii v nachale XX veka: 1902 god – fevral' 1917 goda: na materialakh Saratovskoj gubernii [Political Investigation in Russia at the Beginning of the 20th Century: 1902 – February 1917: Based on Materials from the Saratov Province]: dis. … kand. ist. nauk: 07.00.02. Saratov. 207 p.

Goncharova E.A. 2006. Metody politicheskogo syska Rossii v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v 1904–1914 godakh: na materialakh Saratovskoj gubernii* [Methods of the Russian Political Investigation in the Fight Against the Revolutionary Movement in 1904–1914: Based on Materials from the Saratov Province]. Saratov, Nauchnaya kniga. 96 p.

Kvasov O.N. 2021. Tyuremnyj terror revolyutsionerov v Rossijskoj imperii [Prison Terror of Revolutionaries in the Russian Empire]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Istoriya [Tomsk State University Journal of History*], 72: 44–49.

Matienko T.L. 2024. Problema kadrovogo obespecheniya politsii: sootnoshenie material'nogo obespecheniya chinov sysknoj politsii i kachestva pravoporyadka v Rossijskoj imperii v nachale XX v. [The Problem of Police Staffing: The Ratio of the Material Support of the Detective Police Officials and the Quality of Law and Order in the Russian Empire at the beginning of the 20th Century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 5: 101–108.

Opilkin A.S. 2012. Osnovnye problemy politicheskoj politsii Rossijskoj imperii v nachale XX veka glazami sluzhashchikh Departamenta politsii i Otdel'nogo korpusa zhandarmov [The Main Problems of the Political Police of the Russian Empire at the beginning of the 20th Century through the Eyes of the Employees of the Police Department and the Separate Corps of Gendarmes]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik [E-journal. Public Administration*], 31: 1–16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-politicheskoy-politsii-rossiyskoy-imperii-v-nachale-xx-veka-glazami-sluzhaschih-departamenta-politsii-i-otdelnogo (in Russian)

Reent Yu.A. 2002. Politsiejskaya sistema Rossijskoj Imperii nachala XX veka (1900–1917 gg.) [The Police System of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century (1900–1917)]: dis. ... d-ra ist. nauk. 07.00.02. Moscow. 521 p.

Ryazanov S.M. 2021. Prestupleniya chinov ural'skoj politsii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny [Crimes of the Ural Police Officials on the Eve and during the First World War]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. History and Philology*], 31(1): 34–42.

Tomarev V.I. 1960. Tsaritsynskie bol'sheviki v gody pervoj russkoj revolyutsii [Tsaritsyn Bolsheviks during the First Russian Revolution]. In: 1905 god v Tsaritsyne (vospominaniya i dokumenty) [1905 in Tsaritsyn (Memoirs and Documents)] / sost. V.I. Tomarev, E.N. Shkodina. Stalingrad, Kn. izd-vo. Pp. 7–37.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.11.2025
Поступила после рецензирования 12.01.2026
Принята к публикации 14.01.2026

Received November 9, 2025
Revised January 12, 2026
Accepted January 14, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочетов Иван Евгеньевич, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
ORCID: 0009-0008-2778-2635

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan E. Kochetov, Postgraduate Student of the Department of History and International Relations, Volgograd State University, Volgograd, Russia

УДК 94(47).083
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-400-409
EDN HUJTYK
Оригинальное исследование

Владимир Андреевич Грингмут – лидер черносотенного движения в первой русской революции

Пшегорский А.С. [1], **Сучалкин Е.А.** [2, 3]
[1)] Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, улица 20-летия Октября, д. 84;
[2)] Московский городской педагогический университет,
Россия, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1;
[3)] Московский государственный технический университет гражданской авиации,
Россия, 125993, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д. 20
E-mail: apsheg@gmail.com, john.suchalkin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политическая деятельность одного из выдающихся лидеров черносотенного движения в России – Владимира Андреевича Грингмута. Последний в годы первой русской революции стал основателем и руководителем первой для данного движения партии – Русской Монархической партии. Авторами сделана попытка проанализировать роль Грингмута именно как организационного и идейного лидера черносотенцев в короткий период 1905–1907 гг., который стал для него интенсивным временем выработки политической идеологии, партийного строительства и завершением жизненного пути одновременно. Раскрывается генезис и проблематика ключевых вопросов, составивших политические взгляды первого вождя черносотенного движения. Особое внимание исследователей уделено возглавленным Грингмутом попыткам объединения монархистов на общеимперском уровне и на территории Москвы. Делается предположение о его ключевой роли в этот период наибольшего сближения разных партий и групп внутри черносотенцев, которому не суждено будет повториться.

Ключевые слова: черносотенцы, Владимир Грингмут, Русская Монархическая партия, политическое лидерство, Всероссийский съезд русских людей

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Пшегорский А.С., Сучалкин Е.А. 2026. Владимир Андреевич Грингмут – лидер черносотенного движения в первой русской революции. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 400–409. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-400-409. EDN: HUJTYK

Vladimir Andreevich Gringmuth – Leader of the Black Hundred Movement in the First Russian Revolution

Anton S. Pshegorsky [1], **Evgenii A. Suchalkin** [2, 3]
[1)] Voronezh State Technical University,
84 20-letiya Oktyabrya St., Voronezh 394006, Russia;
[2)] Moscow City University,
building 1, 4 Vtoroy Selskohoziajstvenny Passage, Moscow 129226, Russia;
[3)] Moscow State Technical University of Civil Aviation,
20 Kronshtadtsky Blvd, Moscow 125993, Russia
E-mail: apsheg@gmail.com, john.suchalkin@mail.ru

Abstract. The article examines the political activity of an outstanding leader of the Black Hundred movement in Russia, Vladimir Andreevich Gringmuth. During the years of the first Russian Revolution, he became the founder and leader of the first party for this movement, the Russian Monarchist Party. The authors attempt to

© Пшегорский А.С., Сучалкин Е.А., 2026

analyze the role of Gringmuth as the organizational and ideological leader of the Black Hundreds in the short period from 1905 to 1907, which was quite intensive for him in terms of developing political ideology, party building and completing his life path at the same time. The genesis and problems of the key issues that formed the political views of the first leader of the Black Hundred movement are revealed. The researchers pay special attention to Gringmuth's attempts to unite monarchists at the imperial level and on the territory of Moscow. It is suggested that he played a key role in this period of greatest rapprochement between the various parties and groups within the Black Hundreds, which was not destined to be repeated.

Keywords: Black Hundreds, Vladimir Gringmuth, Russian Monarchist Party, political leadership, All-Russian Congress of Russian People

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Pshegorsky A.S., Suchalkin E.A. 2026. Vladimir Andreevich Gringmuth – Leader of the Black Hundred Movement in the First Russian Revolution. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 400–409 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-400-409. EDN: HUJTYK

Введение

В последнее время в целом ряде стран мы сталкиваемся с примерами поправения общества. Это ярко выражено в таких ведущих западных державах, как США, Франция, Германия, Великобритания, Италия. Мы видим реакцию на процессы глобализации, критику в адрес ультралиберальной идеологии. Эта консервативная волна, апеллирующая в том числе к традиционным ценностям, проявляет себя и в нашей стране, особенно с начала военного противостояния на Украине. На этом фоне актуальным становится обращение к опыту становления и развития правого лагеря общественно-политического движения в начале XX века. Речь идет о черносотенной идеологии и партиях, появившихся и ярко проявивших себя во время первой русской революции. Среди традиций, которые они тогда защищали, на первом месте стояла незыблемость русской монархии. Монархия многими из них воспринималась в средневековом смысле как синоним государства, государственности. Поэтому можно говорить, что они таким образом считали себя защитниками русской государственности, России.

В истории черносотенства есть ряд ярких тем, а одним из особенно важных стал вопрос о деятельности и роли лидеров. Если рассматривать времена наибольшей популярности правых партий, времена их взлета – период первой русской революции, то, безусловно, выдающуюся роль на этом этапе сыграл тогдашний редактор «Московских ведомостей» (консервативного издания со времен М.Н. Каткова) Владимир Андреевич Грингмут, ставший основателем Русской Монархической партии (РМП). Традиционно его фигура оставалась в тени ряда других ярких лидеров черносотенного движения: А. Дубровина из-за основания и руководства им (до раскола) самой крупной и одиозной черносотенной партии Союза русского народа (СРН); В. Пуришкевича из-за скандальных эскапад в Думе, участия в убийстве Распутина и ряда других, например, отца И. Восторгова, Н. Маркова, потому что их политическая деятельность объяла собой всё время существования монархического лагеря от 1905 г. до 1917 г., тогда как В.А. Грингмут умер уже в 1907 г.

Объект и методы исследования

В этом материале мы постараемся показать становление В.А. Грингмута как политического лидера, явившегося для многих в период первой русской революции символом возможного объединения всех монархических групп. Объединение, которое после его смерти, как оказалось, станет невозможным, что особенно подчеркивает роль и значение Грингмута для черносотенного движения. Объектом изучения является биография этого яркого представителя русского монархизма, а также его политическая деятельность как основателя, организационного и идейного лидера Русской монархической партии. В своём исследовании авторы придерживались принципов объективности и историзма. Основным методом исследования стал историко-биографический метод, также применялся сравнительно-исторический метод, позволивший системно подойти к раскрытию заявленной проблематики.

Результаты и их обсуждение

Биография Грингмута в виде очерков представлена в ряде публикаций и энциклопедических материалов, появившихся сразу после его смерти [Загуляева, 1907] и уже в конце 90-х – начале 2000-х гг. на волне интереса к русскому консерватизму [Кирьянов, 1996; Черная сотня..., 2008]. Скудные сведения о происхождении отца Грингмута, Вилибальда-Генриха, бывшего профессором классической филологии в Бреслау и приехавшего в Россию по приглашению графа Строганова в качестве преподавателя его детей, породили несколько точек зрения о национальной принадлежности Грингмутов: от еврейской [Витте, 2002] до немецкой [Степанов, 2005] и даже из прусского славянства [Черная сотня..., 2008]. Здесь только стоит отметить, что в своей политической деятельности Грингмут занял резко негативную позицию в отношении евреев, а также сведения о его переходе под влиянием супруги в православие из лютеранства [Степанов, 2003].

Если говорить о его мировоззрении, то прослеживается влияние трех факторов. Во-первых, это профессиональный путь отца – преподавателя классических языков (латыни и греческого), ставший и его путем в начале карьеры в лицее имени Цесаревича Николая. Из этого интереса к классическим языкам возникнет педагогическая позиция Грингмута и идейная убежденность в том, что изучение классики способствует воспитанию национального, патриотического самосознания [Грингмут, 1908и; Пшегорский, 2006]. Немаловажно, что изучение классики, по его мнению, выступает в качестве барьера развитию революционных взглядов у юношества, способствует развенчанию демократии перед лицом монархии [Грингмут, 1908в]. Во-вторых, поступив с 1870 г. на преподавательскую работу в лицей Цесаревича Николая (одним из основателей которого был М.Н. Катков), он оказался в интеллектуальной среде, сформированной этим самым выдающимся представителем консервативной мысли в России с 1860-х по 1880-е гг. Катков, редактор одной из старейших газет «Московские ведомости», был ведущим представителем русского национализма, убежденным сторонником самодержавия. Наконец, в-третьих, явно экзальтированное воздействие на него оказал переход в православие, о чём сохранились его воспоминания в пересказе его духовного отца, протоиерея Иоанна Соловьева: «В половине 1878 молодые супруги были в городе за разными покупками и на возвратном пути, по желанию Любови Дмитриевны, зашли в часовню Иверской иконы Божией Матери. Любовь Дмитриевна горячо молилась во время совершения молебна. “Как стрелой кольнуло совесть мою помимо воли моей возникшее и всколыхнувшее все мысли и чувства мои сознание того, что я протестант и, как протестант, даже, так сказать, права не имею молиться так, как молится она; … Приняв все это – и случай в часовне, и совпадение сновидений – за указание Свыше, я тут же, без всяких колебаний, решил волновавший меня вопрос и, спустя две или три недели, я присоединен был к православной церкви чрез таинство миропомазания…”» [Степанов, 2003, с. 199–200]. Он находил в православии фундаментальную жизненную безопасность и один из признаков русской исключительности.

Достаточно рано, уже в начале 1870-х, Грингмут включился в публицистическую деятельность в «Московских ведомостях», а в 1897 году Николай II утвердил его редактором-издателем [Памяти Владимира..., 1909]. «Московские Ведомости» под его руководством представляли собой оплот консервативных воззрений. Триада «Православие, Самоуправление, Народность» (о том, насколько поддержка православия и самодержавия была распространена среди простых черносотенцев, есть специальное исследование корпуса писем в СРН [Шимбирёва, 2019]) – стала его девизом, с которым он вошел в водоворот революционных событий.

Своим педагогическим опытом влияния на слушателей Грингмут оказался подготовленным к политической деятельности и начал её фактически первым среди будущих лидеров черносотенства. РМП возникла в апреле 1905 г., а СРН – в октябре 1905 г. Существовавшее первично по отношению ко всему монархическому лагерю «Русское собрание» оставалось элитарным клубом до конца 1906 г.

Стартом политической деятельности для Грингмута стал Манифест Николая II «О призыве властей и населения...», объявленный им 18 февраля 1905 г. вместе с рескриптом

министру внутренних дел А. Булыгину о проекте совещательного собрания. Сам Грингмут даже специально посвятил различию между манифестом и рескриптом несколько статей [Грингмут, 1908к; Грингмут, 1908л; Грингмут, 1908д]. Ключевыми словами манифеста были: «Да станут же крепко вокруг престола нашего все русские люди, верные заветам родной старины, радея честно и совестливо о всяком государевом деле в единомыслии с нами» [Высочайший Манифест..., 2010, с. 23–25]. Этот день ознаменовал начало нового этапа в его жизни, «он был вынужден стать политиком, потому что царь призвал его к этому» [Степанов, 2006, с. 149].

В апреле Грингмут основал Русскую Монархическую партию. Начиналась она как круг единомышленников вокруг редакции «Московских ведомостей». Помимо Грингмута, выдающимися членами РМП были протоиерей Иоанн Восторгов, барон А.Э. Нольде, В.Г. Орлов, К.Н. Пасхалков, Б.В. Назаревский, А.С. Шмаков. Лев Тихомиров был также связан с РМП, будучи заместителем редактора в «Московских ведомостях». Политическая позиция заключалась в призывах к высокой централизации власти, дееспособной бюрократии и, самое главное, неограниченной личной власти царя в духе Александра III [Грингмут, 1908ж, с. 270–280].

С одной стороны, Грингмут выступал за возможно большее участие народа в движении монархистов, в то же время у него были сомнения относительно участия общественности в политике. «Почетные лица», упомянутые в указе от 18 февраля, которые должны были быть советниками царя, предполагались к избранию из народа, а не народом. Царь должен был выбирать «с Божьей помощью» [Грингмут, 1908д, с. 149]. Поэтому Грингмут отверг славянофильский Земский собор, европейский парламентаризм и был принципиально против разделения политической ответственности между царем, правительством и народом. Об этом размежевании монархистов со славянофильскими корнями пишет Д. Стогов, отмечая здесь влияние идей «бюрократического консерватизма» М. Каткова [Стогов, 2023]. Когда в августе 1905 г. была объявлена так называемая Булыгинская дума, Грингмут, по сути, присоединился к оппозиции справа, особенно в отношении С.Ю. Витте [Грингмут, 1908е; Грингмут, 1908а; Пшегорский, 2007]. Это критичное отношение передаёт следующая цитата редактора «Московских ведомостей»: «...если бы П.А. Столыпин тратил свою рабочую энергию не на господ Алексинских и К, а на национальное возрождение России, она бы только выиграла от этого, ибо ей нужен П.А. Столыпин как администратор, а не как оратор» [Грингмут, 1908г, с. 348]. Подобная критика Столыпина со стороны крайне правых отмечается исследователями не только для событий в столицах, но и на примере провинций [Кузнецов, 2014, с. 175–177].

Летом 1905 г. партия не имела возможности влиять на решения царя и его советников. Барон Нольде говорил о тысяче членов, но на заседаниях присутствовали лишь десятки [Грингмут, 1908г]. Более точно можно представить картину из сообщения февраля 1906 г. об установлении членского взноса в 50 коп. и сумме поступивших взносов за 20 дней в 1 169 руб. 50 коп., что свидетельствует о вступлении в партию за этот период 2 339 человек [Вестник Русского..., 1906, с. 3–4]. В РМП вступали в основном московские дворяне, чиновники, купцы, священнослужители, а иногда юристы и ученые. С. Степанов называл РМП «элитарной организацией», похожей на Русское собрание или Союз Русских Людей (СРЛ) [Степанов, 2005, с. 95]. РМП, конечно, не была массовой народной партией, каким позже стал Союз русского народа, но она не была и партией аристократии. Титулованное дворянство было представлено в нем минимально.

Грингмуту пришлось согласиться с тем, что будет создана некая форма народного представительства. Для участия в выборах Грингмут инициировал обсуждение программы партии членами РМП [Степанов, 2006, с. 149]. Основная идея заключалась в восстановлении порядка, и только затем должны были последовать реформы. На переднем плане стояла «святая троица» – Православие, Самодержавие и Народность. Концепция экономической политики была простой: неприкосновенность частной собственности, расширение кредитных возможностей для крестьян через Крестьянский банк, поддержка заселения периферийных регионов империи (Сибирь), причем не только крестьянами, но и помещиками-дворянами. Программа была выраженной националистической: «Где бы ни находился Русский человек в России, всюду он должен иметь возможность молиться в благолепном русском Православном храме, подчиняться только русским

законам, изданным Самодержавным Русским Царем, говорить на русском языке, понимаемом всем окружающим его населением, которое должно обучать своих детей в государственной русской школе, воспитывающей верноподданных русских граждан» [Грингмут, 1908ж, с. 202].

Особую позицию черносотенцы заняли в отношении еврейского населения. Кирьянов называет антисемитизм «слабым местом в программах, уставах и пропаганде правых партий» [Кирьянов, 2001, с. 428]. Это не просто эвфемизм, учитывая масштаб антисемитских выпадов, принимавших разную форму. Грингмут говорил и писал о пагубном влиянии евреев на народное хозяйство, о «еврейской прессе», о революционном движении, возглавляемом евреями. В этих выступлениях можно встретить требования изгнания из России [Грингмут, 1908б, с. 402–405], а в избирательном списке РМП под номером 1 в октябре 1905 г. был выдвинут «славный борец за русские идеалы», фанатичный антисемит Алексей Шмаков [Грингмут, 1908ж].

Партийная программа РМП была создана в период, когда страна была парализована всеобщей забастовкой. Николай II решился издал Манифест 17 октября, расширивший гражданские свободы и значительно усиливший законодательные полномочия будущей Государственной думы. Вечером 18 октября состоялось заседание РМП, ход которого описан в воспоминаниях анонимного участника: «Оно проходило под гвалт и улюлюканье собравшейся под окнами революционной черни. На этом собрании вождь монархистов обратился к своим соратникам: “У нас Царя украли, у нас украли Россию! Идите, ищите, бегите, чтобы найти снова Царя, чтобы вернуть Его, чтобы спасти Россию”» [Грингмут, Объединяйтесь..., 2008, с. 12].

Призывы к действию поднимают вопрос о насилии. Сам Грингмут отвергал насилие, потому что пролитие крови осквернило бы чистую идею, за которую боролись монархисты. Юрий Кирьянов пишет о «решительном осуждении» убийства депутата от кадетов Г.Б. Иоллоса, публично выраженном Грингмутом в феврале 1907 г. [Кирьянов, 2001, с. 353]. Однако здесь мы видим общую характеристику крайне правых партий: они официально отвергали насилие, но последовательно использовали агрессивную риторику по вопросам идеологического, расового противостояния. Можно сказать, что «Московские ведомости» вели кампанию против евреев (15 материалов за 3 года). В мае и июне 1906 года Грингмут напал с критикой на другого депутата от кадетов М.Я. Герценштейна за его выступление в Думе [Грингмут, 1908з]. Когда в июле Герценштейн был убит, Грингмут осудил это убийство. Для малообразованных членов местных отделений, которым кто-то читал или пересказывал партийные воззвания, слов о «защите царя» было достаточно: они интерпретировали их по-своему и выступали против «врагов России и царя» с палкой или топором в руке.

Нельзя не отметить несогласие с некоторыми выступлениями Грингмута со стороны его коллег. Так, Лев Тихомиров был возмущен воинственными призывами, появившимися на страницах газеты после 17 октября: «Это бестактно и только способствует новым бурям! И без того повсюду царит анархия» [25 лет назад..., 1930а, с. 79]. «Сегодня я очень резко доказал Грингмуту полную неуместность его статей, призывающих к насилию. Он согласился с моими доводами и заверил меня, что это прекратится. К сожалению, было слишком поздно» [25 лет назад..., 1930, с. 83]. Князь Мещерский, в остальном видный консерватор, так выразился на этот счёт: «Такие манифесты, как призыв монархической партии в Москве, несмотря на самые лучшие намерения “союза” и “партии”, принимают характер соучастников погромов. Они вставили в свои программы призывы, пропитанные ненавистью к иностранцам, – это всё равно, что пожарный доверяет спички поджигателю (…) Допустить, чтобы защита царского самодержавия заключалась в погромах против кого бы то ни было, значит поддаться безумной идее, будто анархия может быть силой, защищающей порядок и престол» [Гражданин, 1906, с. 6].

У монархистов и Грингмута в частности типичным в этом контексте было обращение к образу Смуты и народного ополчения [Грингмут, 1908е; Информация «Вестника Русского Собрания»..., 1907]. Однако такие, как Грингмут, не осознавали изменения в обществе начала XX в. Средневековое восприятие монархии в народе уходило в прошлое, сознание населения, особенно городского, становилось всё более секуляризованным. Шло активное становление гражданского общества. Поэтому население, призванное к спасению монархии и преодолению

смуты первой русской революции, уже не могло после этого уйти со сцены, как это было в случае с ополчением начала XVII в. Пробуждённое к политической активности в условиях постоянного присутствия либеральной и революционной альтернативы население уже не могло не стать обладателем собственной политической позиции.

В декабре 1905 г. Грингмут участвовал в депутации к Николаю II. Тогда же он встретился с председателем недавно образованного СРН, доктором А.И. Дубровиным. Грингмут сразу проявил линию на объединение всех монархистов. Он не возражал против создания в Москве отделения СРН и тесно сотрудничал с его главой, Н.Н.Ознобишиным [Вестник Русского Собрания..., 1907а, с. 7].

Первые три месяца 1906 г. прошли под знаком предвыборной кампании. Грингмут пытался найти новую стратегию взаимодействия с публикой. Идейное и организационное лидерство Грингмута в черносотенном движении того периода характерным образом проявилось в создании им знаменитой брошюры «Руководство черносотенца-монархиста» [Руководство..., 1906]. Брошюра предназначалась для выражения в доступной форме идей черносотенного движения. По сути, брошюра стала образцом политической работы с населением. В ней Грингмут смог ёмко адаптировать философские рассуждения салонных политических клубов консерватизма в понятные простому народу заповеди черносотенца из рабочих, торгово-ремесленных улиц городов и сельских сходов крестьян в деревнях.

Возможности РМП были ограничены небольшим числом людей, способных к поездкам и организации. Большинство местных отделений было создано в радиусе ста километров от Москвы (Богородицк, Сергиев Посад, Бронницы, Егорьевск), и Грингмут обычно присутствовал на их открытии. На публичных собраниях он доминировал. По словам хозяйки известного светского салона в Петербурге Александры Богданович, Грингмут «электризовал толпу» [Три последних самодержца..., 1924, с. 370]. Лев Тихомиров видел его несколько иначе: «Вл. Андреевич Грингмут – популярный оратор. Бурные аплодисменты и одобрение разносятся по его речам, и зал переполнен. И всё же он говорит очень вульгарно, кричит, жеманничает, жестикулирует и ужасно преувеличивает. Мне было неприятно видеть и слышать всю эту чушь. Но сотни слушателей неистовствуют от восторга» [25 лет назад..., 1930б, с. 139–140].

Грингмут смог в полной мере раскрыть своё идейное лидерство, организаторские способности на Всероссийских съездах русских людей. Съезды стали в тот период важнейшими событиями в развитии черносотенного движения. Грингмут участвовал в первых четырёх Всероссийских съездах русских людей (в 1906 г. – в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве, а в 1907 г. – в Москве). Результат этого участия мы считаем одним из важнейших показателей его влияния как лидера среди представителей разных монархических организаций. Его способность вести к единой цели, примирять позиции и сохранять единство на основе компромисса вполне проявила себя в условиях совместной работы даже с такими личностями, как «безумный монах» Илиодор со знаменитого Почаевского отдела СРН. Один из подобных эпизодов, произошедший во время IV съезда, так передан на страницах прессы: «Грингмут рассказывал (я его видел сейчас, ночью, в редакции), что он и Восторгов крайне смущены Илиодором. Он хочет говорить какую-то отчаянную речь к народу. Они его отговаривают, увещевают, указывают, что он сорвет съезд, а он отвечает: “Ваши съезды ничего не стоят: нужно звать народ к действию, а съезд – пустяки” (...) Илиодор – enfant terrible – проповедует ехать всем к царю просить роспуска Думы и отчуждения земель. Крестьяне его слушают с жадностью, как пророка» [Из дневника Л. Тихомирова..., 1933, с. 102–103]. Тогда Грингмут как председатель смог успокоить крестьян во главе с «безумным монахом» во время обсуждения аграрного вопроса, только приказав петь государственный гимн.

Организационное лидерство Грингмута, выразившееся в последовательном отстаивании цели объединения, привело к образованию в Москве коалиции РМП, СРЛ и СРН, к которой присоединились и более мелкие группы. Грингмут выступил лидером избирательной кампании. Только за первую половину года он организовал семь митингов. Однако в первых выборах правые потерпели поражение. Неудивительно, что II Всероссийский съезд русских людей в Москве отказался признать Думу «истинным представителем русского народа» [Правые партии: документы и материалы..., 1998, с. 175]. После роспуска первой Думы, в

своём большинстве оппозиционной царю, Грингмут направил Николаю II благодарственную телеграмму [Телеграмма председателя..., 1906].

Ещё одним организационным достижением Грингмута стала попытка создать московский аналог петербургского Русского собрания. Русское монархическое собрание (РМС) было основано как политический клуб. Собрание начало действовать с октября 1906 г. и было более аристократическим, насчитывая 233 члена-основателя. В рамках РМС должны были проводиться дискуссии, выставки, литературно-музыкальные вечера. В итоге деятельность РМС сосредоточилась преимущественно на лекциях. Грингмут был наиболее активным, он выступил пятнадцать раз в первый год существования РМС, а его последняя лекция состоялась 20 сентября 1907 г., за несколько дней до смерти [Черная сотня..., 2008].

Чтобы обеспечить себе электоральный успех, монархисты стремились к созданию единого фронта. Грингмут наиболее горячо продвигал объединение правых партий, пытаясь добиться этого на III Всероссийском съезде монархистов в Киеве с 1 по 7 октября 1906 г. Наконец, в итоговой резолюции Грингмуту было поручено разработать общую политическую программу для различных организаций, а Александру Дубровину – координировать избирательную деятельность правых [Правые партии..., 1998, с. 203–227]. Но в конечном счете объединения не произошло, поскольку отдельные организации ревностно охраняли свои интересы и преимущества, стремясь сохранить самостоятельность. Здесь проявилась кардинальная проблема правых: невозможность объединиться в единую общероссийскую партию или хотя бы создать прочную избирательную коалицию. Личные обиды, амбиции и разногласия в политической тактике ослабляли правых и были их отличительной чертой вплоть до падения монархии. Ближе всего к объединению они подошли на III съезде, прежде всего благодаря Грингмуту.

Выборы во Вторую Государственную думу состоялись зимой 1907 г. В них по-прежнему участвовали и социалистические партии, что снижало шансы правых на успех. Недаром они настойчиво требовали изменения избирательного закона. Но правительство отказало. «Столыпин заявил Грингмуту, что выборы в новую Думу пройдут по тому же закону, что и в первую, с той разницей, что тогда правительство полностью дистанцировалось от выборов, а теперь, наоборот, обеспечит избрание нужных людей» [Три последних самодержца..., 1924, с. 401]. Таким образом, Грингмут проявил верное, как показало время, политическое лидерство, когда советовал изменить избирательный закон, что будет сделано Столыпиным уже в ходе роспуска второй Думы.

Хотя предвыборная коалиция монархистов провалилась, совместное заседание РМП и СРН 18 февраля 1907 г. привело к объединению РМП и московского отделения СРН под руководством Грингмута [Вестник Русского Собрания, 1907а]. Так как вторая Дума носила еще более оппозиционный характер, чем первая, «Московские ведомости» стали выпускаться с регулярным заголовком «Сначала Думу необходимо распустить!». Роспуска Думы требовал и IV съезд монархистов в Москве. Перед лицом новой революционной волны Грингмут выступил с идеей установления военной диктатуры в России [Правые партии, 1998, с. 316]. При его участии тема диктатуры обсуждалась также на IV Всероссийском съезде русского народа в Москве в апреле 1907 г. [Информация «Вестника Русского Собрания»..., 1907].

Но Столыпин открыто выступал против, т. к. в апреле уже существовал сценарий роспуска второй Думы. На выборах в третью Думу правые добились значительного успеха, прежде всего благодаря изменениям избирательного закона. Грингмут не успел в полной мере насладиться электоральным успехом. Работа в редакции, частые лекции, поездки и создание местных отделений РМП негативно сказались на его здоровье. Поездка в Рязань 20 сентября 1907 г. стала для него последней. Вернувшись, он прочитал лекции в РМС, после чего слёг и больше не встал. 28 сентября измученный Грингмут скончался.

Протоиерей о. Иоанн Восторгов стал преемником Грингмута в партии. С уходом последнего монархисты лишились харизматичного лидера и неутомимого организатора. Характерной ситуацией, после того как Столыпин возглавил правительство, стало отрицание экстремизма вообще в политической жизни, как левого, так и правого. Сами черносотенцы, правда, открещивались от прозвища-позиции «революционеры справа» [Иванов, 2022, с. 893]. Что

касается упомянутой типичной оценки Грингмута, то нельзя не отметить, что в последовавшие годы более склонные к компромиссам относительно Думы Пуришкевич и др. так и не смогли объединиться и растеряли организованную Грингмутом первоначальную поддержку населения.

По словам С. Кельцева, председателя РМП в 1914–1917 гг., к моменту смерти Грингмута в партии насчитывалось 10–12 тысяч членов [Правые и конституционные..., 1997]. Кирьянов полагает, что реальная цифра составляла 7–10 тысяч [Правые и конституционные..., 1997]. Однако по-настоящему активных членов было значительно меньше: регулярные собрания и лекции посещали сотни. Восторгов переименовал РМП в Русский Монархический Союз и привёл партию к постепенному распаду к 1913 г. [Черная сотня, 2008]. Последовал раскол партии между сторонниками разных лидеров (В.В. Томилина и В.Г. Орлова). Кризис преодолеть не удалось, и РМП просто просуществовала до конца монархии.

Заключение

Таким образом, значение политической деятельности Грингмута для развития и консолидации черносотенного движения трудно переоценить. В годы первой русской революции эта консолидация осуществлялась во многом благодаря ему. Его организационные усилия и талант поддержали в лояльном монархистам населении подъём верноподданнических чувств. Однако постепенно процессы модернизации общества, секуляризации общественного сознания на фоне скатывания в социально-экономический кризис после исчерпания ресурсов патриотического подъёма начала Первой Мировой приведут к отказу населения от поддержки главных постулатов черносотенства: самодержавия и православия. Характерным примером станет судьба некогда самого массового отдела СРН – Почаевского [Чемакин, 2023, с. 593–594]. Вместе с этими процессами безальтернативным в тот период стал уход с политической сцены монархистов. Однако их опыт недопущения разрастания первой русской революции вместе с первой попыткой помыслить о России и русском народе в национальных терминах с защитой традиций и стремлением сконфигурировать и защитить ментальность русского населения оказывается в определенной степени востребованным сегодня на фоне противостояния с Западом, на фоне кризисных явлений в процессе глобализации (борьба традиционализма с ультралиберализмом).

Список источников

25 лет назад: (Дневник Л. Тихомирова). 1930. Красный архив. Т. 3(40): 59–60, 73.
25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова). 1930. Красный архив. Т. 4–5(41–42): 103–147.
Вестник Русского Собрания. 1906. № 6: 3–4.
Вестник Русского Собрания. 1907. № 3: 7.
Вестник Русского Собрания. 1907. 13 апреля: 2–3.
Витте С.Ю. 2002. Воспоминания, мемуары. Т. 2: 599.
Высочайший Манифест от 18 февраля 1905 года. 2010. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: 23–25.
Гражданин. 1906. 11 июня. № 43: 6.
Грингмут В.А. 1908. Граф Витте и Россия. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 3: 307.
Грингмут В.А. 1908. Евреи и Русский Народ. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 4: 402–405.
Грингмут В.А. 1908. История народовластия: 7–8.
Грингмут В.А. 2008. Объединяйтесь, люди русские! Сост. А.Д. Степанов. Отв. ред. О. Платонов: 544.
Грингмут В.А. 1908. Одна из причин необходимого роспуска Думы. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 4: 348.
Грингмут В.А. 1908. Первый шаг. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 3: 149.
Грингмут В.А. 1908. Революция. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 3: 302.
Грингмут В.А. 1908. Русская Монархическая партия. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 3: 270–280.
Грингмут В.А. 1908. Русский и еврейский элементы в нашей революции. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 4: 245–250.
Грингмут В.А. 1908. Средняя научная школа. Собрание статей В.А. Грингмута: 172.
Грингмут В.А. 1908. Три акта. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 3: 154.

Грингмут В.А. Царское слово. Собр. ст. В.А. Грингмута. Вып. 3: 147.
Из дневника Л. Тихомирова. 1933. Красный архив. Т. 6(61): 82–129.
Информация «Вестника Русского Собрания» о съезде. 1907. Вестник Русского Собрания. № 17.
Памяти Владимира Андреевича Грингмута. Богатырь мысли и дела. 1909: 307.
Правые партии: документы и материалы 1905–1917 гг. В 2 т. 1998. Т. 1: 1905–1910 гг.: 718.
Руководство черносотенца-монархиста. 1906: 16.
Телеграмма председателя Русской Монархической Партии В.А. Грингмута. 9 июля 1906 г. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1061. Л. 82.
Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. 1924: 572.

Список литературы

Загуляева Ю.М. 1907. К кончине Грингмута. *Вестник Русского Собрания:* 24.
Иванов А.А. 2022. Реакционеры, черносотенцы, белогвардейцы, фашисты: дефиниции русского правого лагеря начала XX века. *Новейшая история России*. 12(4): 884–905.
Кирьянов Ю.И. 1996. Грингмут Владимир Андреевич. В: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Москва, РОССПЭН, 164 с.
Кирьянов Ю.И. 2001. Правые партии в России: 1911–1917. Москва, РОССПЭН, 464 с.
Кузнецов В.Н. 2014. Черносотенцы Среднего и Нижнего Поволжья и столыпинская бюрократия. *Власть*. 2: 174–178.
Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. (Вступительная статья Ю.И. Кирьянова). 1997. *Вопросы истории*. 6: 107.
Пшегорский А. С. 2006. В.А. Грингмут об университетском и гимназическом образовании. В: Российские университеты в XVIII–XX вв. Сб. науч. ст. Вып. 8. Отв. ред. Л.М. Искра. Воронеж, Издательство ВГУ: 134–164.
Пшегорский А.С. 2007. С.Ю. Витте на страницах публицистики В.А. Грингмута: складывание образа врага. В: Страницы истории и историографии отечества. Сб. науч. Трудов. Вып. 4. Отв. ред. Л.М. Искра. Воронеж, Издательство ВГУ: 169–204.
Степанов А.Д. 2006. «Богатырь мысли и дела». Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907). В: Воинство святого Георгия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Санкт-Петербург, Царское дело: 134–151.
Степанов А.Д. 2003. Грингмут В.А. В: Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. Гл. ред. О.А. Платонов. Москва, Энциклопедия русской цивилизации: 199–202.
Степанов С.А. 2005. Черная сотня. Москва, Эксмо, Яуза: 59.
Стогов Д.И. 2023. Славянофильство как идеологическая основа монархического движения начала XX в. *Русско-Византийский вестник*. 4(15): 192–201.
Чемакин А.А. 2023. Куда исчезли черносотенцы? Электоральная статистика как источник для исследования национальной идентичности украинского крестьянства в начале XX в. *Новейшая история России*. 13(3): 592–605.
А. Платонов. Москва, Институт русской цивилизации, 640 с.
Шимбирёва О.А. 2019. «Письма черносотенцев и других лиц»: проблемы интерпретации текстов. *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, 5: 37–53.

References

Zagulyaeva Yu.M. 1907. K konchine Gringmuta [On the Death of Gringmut] Vestnik Russkogo Sobraniya: 24.
Ivanov A.A. 2022. Reaktsionery, chernosotentsy, belogvardeytsy, fashisty: definitsii russkogo pravogo lagerya nachala XX veka [Reactionaries, Black Hundreds, White Guards, Fascists: Definitions of the Russian Right Camp of the Early 20th Century] *Noveyshaya istoriya Rossii*. 12(4): 884–905.
Kir'yanov Yu.I. 1996. Gringmut Vladimir Andreevich. V: Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka [Vladimir Andreevich Gringmuth. In: Political Parties of Russia. Late 19th – First Third of the 20th Century] Entsiklopediya. Otv. red. V.V. Shelokhaev. Moskva, ROSSPEN: 164.
Kir'yanov Yu.I. 2001. Pravye partii v Rossii: 1911–1917 [Right-Wing Parties in Russia: 1911–1917]. Moskva, ROSSPEN: 464 p.
Kuznetsov V.N. 2014. Chernosotentsy Srednego i Nizhnego Povolzh'ya i stolypinskaya byurokratiya [The Black Hundreds of the Middle and Lower Volga regions and the Stolypin bureaucracy]. *Vlast*'. 2: 174–178.

Pravye i konstitutsionnye monarkhisty v Rossii v 1907–1908 gg. (Vstupitel'naya stat'ya Yu.I. Kir'yanova) [Right-Wing and Constitutional Monarchists in Russia in 1907–1908 (Introductory Article by Yu.I. Kiryanov)]. 1997. *Voprosy istorii*. 6: 107.

Pshegorskiy A.S. 2006. V.A. Gringmut ob universitetskom i gimnazicheskom obrazovanii [V.A. Gringmut on University and Gymnasium Education]. V: Rossijskie universitety v XVIII–XX vv. Sb. nauch. st. Vyp. 8. Otv. red. L.M. Iskra. Voronezh, Izdatel′stvo VGU: 134–164.

Pshegorskiy A.S. 2007. S.Yu. Vitte na stranitsakh publitsistiki V.A. Gringmuta: skladyvanie obraza vraga [S.Yu. Witte in the Pages of V. A. Gringmut's Journalism: Shaping the Image of the Enemy]. V: Stranitsy istorii i istoriografii otechestva. Sb. nauch. Trudov. Vyp. 4. Otv. red. L.M. Iskra. Voronezh, Izdatel′stvo VGU: 169–204.

Stepanov A.D. 2006. «Bogatyr' mysli i dela». Vladimir Andreevich Gringmut (1851–1907) ["A Hero of Thought and Deed" Vladimir Andreevich Gringmut (1851–1907)]. V: Voinstvo svyatogo Georgiya: Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala XX veka. Sost. i red. A.D. Stepanov, A.A. Ivanov. Saint Petersburg, Tsarskoe delo: 807 s.

Stepanov A.D. 2003. Gringmut V.A. [Gringmut V.A.] V: Svyataya Rus′. Bol′shaya entsiklopediya russkogo naroda. Russkij patriotizm. Gl. red. O.A. Platonov. Moscow, Entsiklopediya russkoj tsivilizatsii: 199–202.

Stepanov S.A. 2005. Chernaya sotnya [Black Hundreds]. Moscow, Eksmo, Yauza: 59.

Stogov D.I. 2023. Slavyanofil'sA. 2023. Kuda ischezli chernosotentsy? Elektoral'naya statistika kak istochnik dlya issledovaniya natsional'noy identichnosti ukrainskogo krest'yanstva v nachale XX v. [Where Did the Black Hundreds Disappear? Electoral Statistics as a Source for Researching the National Identity of the Ukrainian Peasantry in the Early 20th Century] *Noveyshaya istoriya Rossii*. № 13(3): 592–605.

Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917 [The Black Hundreds: A Historical Encyclopedia 1900–1917]. 2008. Sost. A.D. Stepanov, A.A. Ivanov. Otv. Red. O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoj tsivilizatsii: 640 p.

Shimbireva O.A. 2019. «Pis'ma chernosotentsev i drugikh lits»: problemy interpretatsii tekstov ["Letters of the Black Hundreds and Others": Problems of Interpreting Texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, 5: 37–53.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.11.2025
Поступила после рецензирования 28.03.2026
Принята к публикации 31.03.2026

Received November 26, 2025
Revised March 28, 2026
Accepted March 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пшегорский Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0009-0005-6150-9948

Сучалкин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент департамента истории института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия; доцент кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный технический университет гражданской авиации, г. Москва, Россия
ORCID: 0009-0009-1894-5321

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anton S. Pshegorsky, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Evgenii A. Suchalkin, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History, Moscow City University, Moscow, Russia; Associate Professor of the Department of Humanities and Social and Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation, Moscow, Russia

УДК 94:355.233.11(470.323) «1924/1925»
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-410-417
EDN JHWLBG
Оригинальное исследование

Допризывная подготовка молодежи в условиях военной реформы 1924–1925 годов (на материалах Курского края)

Пашин В.П.
Курский государственный университет,
Россия, 305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: pashinvp@mail.ru

Аннотация. На основе документальных источников, как опубликованных, так и извлеченных из фондов Государственного архива Курской области, Российского государственного военного архива, исследуется работа советских органов с молодежью допризывного возраста. Показываются основные направления ее работы. Доказывается, что, несмотря на существенные недостатки в военной подготовке допризывников, в пропаганде знаний о санитарно-гигиеническом быте, ликвидации неграмотности, в формировании советских политических взглядов были достигнуты определенные успехи, накоплен положительный опыт. Количественный анализ часов подготовки однозначно показывает, что основное внимание уделялось политико-патриотическому воспитанию, а иные направления деятельности являлись ее составляющими. Поставленная цель работы определила методологию исследования. Результаты статистики 1920-х годов являлись основой для принятия решений в сфере политической и идеологической государственной власти. Статистический метод являлся центральным в исследовании, так как проблемы работы с текстовым материалом чаще всего приводят к субъективизму. Его дополнял метод индукции. Доказывается, что центральное место в государственной политике занимали социально-культурные вопросы и вопросы разъяснения текущей жизни в государстве и мире с гражданско-патриотических позиций. Подобный опыт требует своего дальнейшего осмысления с точки зрения возможности его применения в современной государственной работе с молодежью.

Ключевые слова: воинский учет, допризывная подготовка, ликвидация неграмотности, военно-патриотическое воспитание, санитарно-просветительская работа, финансовое обеспечение

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Пашин В.П. 2026. Допризывная подготовка молодежи в условиях военной реформы 1924–1925 годов (на материалах Курского края). *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 410–417. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-410-417. EDN: JHWLBG

Pre-Conscription Training of Young People during the Military Reform of 1924–1925 (Based on Materials from the Kursk Region)

Vasily P. Pashin
Kursk State University,
33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia
E-mail: pashinvp@mail.ru

Abstract. The article's content and conclusions are based on archival data found in the collections of the Kursk Region State Archives and the Russian State Military Archives. These data demonstrate the work of Soviet military-Bolshevik bodies with pre-conscription age youth. Archival documents describe their main areas of work, as well as their positive and negative aspects. The author of the article has established that, despite significant shortcomings in pre-conscription military training, due to the extreme scarcity of material and technical support, significant

© Пашин В.П., 2026

progress was made in sanitary and hygienic education, the eradication of illiteracy, and the formation of Soviet political views. Organizational problems with the conscript contingent were resolved with constant support from civilian structures. A quantitative analysis of training hours clearly shows that the primary focus was on political and patriotic education, while other areas of activity were its components. The stated goal of the work determined the research methodology. Therefore, statistics is a means of decision-making in the political and ideological sphere. Therefore, the statistical method is central to the study, since the problems of working with textual material most often lead to subjectivity. It was complemented by the inductive method, which requires science to proceed from an empirical analysis of source material and, on this basis, to understand causes and laws. The analyzed policies in the area of pre-conscription training and organizational work with conscripts clearly demonstrate that socio-cultural issues and questions of explaining current life in the state and the world from a patriotic perspective were central to state policy. Such experience requires further reflection on its applicability to modern state work with youth.

Keywords: military registration, pre-conscription training, literacy education, military-patriotic education, health education, financial support

Funding. This work was completed without external funding.

For citation: Pashin V.P. 2026. Pre-Conscription Training of Young People during the Military Reform of 1924–1925 (Based on Materials from the Kursk Region). *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 410–417 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-410-417. EDN: JHWLBG

Введение

Исторический опыт не всегда учитывается руководством в государственной и политической деятельности. Достижение высоких результатов в поставленной цели при небольших финансовых и людских затратах всегда привлекает внимание исследователей. В 1920-е годы в СССР имелся уникальный опыт сохранения достаточной обороноспособности страны при минимальном военном бюджете. Целью настоящей статьи является анализ допризывной военной подготовки молодежи на примере Курской губернии. В научный оборот впервые вводится ряд архивных документов, позволяющих по-новому взглянуть на цель и результаты допризывной военной подготовки молодежи.

Тематика поставленной проблемы не изобилует большим количеством исследовательских работ. Это объясняется спецификой темы исследования и сложностью доступа к документам военного архива. Только в середине 1950-х годов появились две работы, исследовавшие поставленную автором цель [Афанасьев, 1953; Берхин, 1958], но имевшие в своей основе единую методологию исследования и архивные документы. Они не отличаются оценочными суждениями. Принципиальная разница состояла в определении хронологических рамок военной реформы. Но вышеназванные авторы заложили основные направления и канву выводов для последующих работ.

Активно стали разрабатывать тему военной реформы в СССР 1920-х годов только в период перестройки и постсоветский период. Весомым вкладом в расширении горизонтов знания по этой тематике стало издание сборника документов [Реформа в Красной Армии. Документы и материалы, 2006. Кн. 1; Кн. 2]. В современных условиях расширяется палитра взглядов на изучаемую проблему. Так, изучается роль Красной Армии в сфере ликвидации безграмотности, повышении и соблюдении санитарно-культурных норм жизни, политическом воспитании. Мухин М.Ю. [Мухин, 2022] уделяет внимание не столько военно-организационным аспектам реформы, сколько социально-культурной сфере, борьбе с неграмотностью. Интересен его вывод о влиянии службы в армии на карьерный рост в гражданской службе. Бушуева Т.С. [Бушуева, 2020] существенное внимание уделяет политическому формированию настроений красноармейцев, поскольку состав армии в основном являлся крестьянским, а предстоящая коллективизация требовала коренных изменений взглядов на единоличное хозяйство и изменения «частнособственнической» психологии. Как общая проблема нового исторического воспитания в советском государстве в 1920-е годы рассматривается в статье Ермоченко К.П. [Ермоченко, 2025]. Щербаков Ю.В. [Щербаков, 2016], Храмов В.Ю. [Храмов, 2024] исследуют общие вопросы военной реформы. Активно идет процесс регионализации проблематики

[Суханов, Мильбах, 2017; Пашин, 2025]. В монографическом исследовании В.С. Добровольского [Добровольский, 2020] исследуется процесс военной подготовки студенческой молодежи. Однако за рамками военной реформы 1920-х годов остается допризывная военная подготовка молодежи, основной целью которой являлось подготовка призывника к службе в армии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является военная реформа в СССР в 1924–1925 годах. Ее уникальность состоит в попытках сохранения обороноспособности страны в условиях жесточайшего экономического кризиса. Архивные материалы показывают разновекторность военной реформы. Она преследовала не только и не столько военные, сколько политические, санитарные, культурные цели.─Основополагающим принципом в исследовании явился принцип объективности. Традиционный исторический метод позволил провести исследование явлений прошлого с точки зрения научной значимости для общества. Исследование проводилось не на основе авторских трудов, так как здесь всегда присутствует элемент субъективизма (вопросы работы с текстами сегодня выходят на передний план), а конкретных фактов и статистических данных. Подобный подход отвечает на вопрос – почему и каким образом произошел процесс исторических событий.

Результаты и их обсуждение

Составной частью военной реформы в СССР 1924–1925 гг. являлась допризывная военная подготовка. Создание армии на основе милиционных территориальных частей неизбежно требовало большой работы с молодежью допризывного возраста. Ее основной задачей являлось хотя бы на минимальном уровне познакомить будущих призывников с элементарными навыками армейской службы. Формально она проходила достаточно неплохо. По данным статистики Московского военного округа (Курская губерния относилась к данному округу), за 1924–1925 год 85 % поступивших в войска новобранцев прошли допризывную подготовку[83], хотя в отчете отмечалось, что в основном это касалось общефизической подготовки. Нельзя не обратить внимание также на то, что свыше 90 % населения Курской губернии составляли крестьяне, которые каждодневно занимались тяжелым физическим трудом.

Однако от новобранцев требовалась не только физическая сила и выносливость, но и элементарные военно-технические умения. На военно-допризывную подготовку отводилось 120 часов теоретических и практических занятий по отдельным категориям войсковой службы [84]. Но здесь имелись и значительные недостатки.

В отчетах о ходе проведения допризывной подготовки постоянно указывался острый недостаток материальных средств – не только винтовок, сабель и иного оружия, но даже учебных плакатов и пособий. На учебных пунктах, как правило, были в основном неисправные винтовки, которые списывались из войсковых частей. Острой была нехватка не только качественного, но и количественного состава инструкторов. Эти недостатки видны из военных отчетных материалов Курской губернии, где в период 1923–1925 гг. было проведено 6 сборов допризывников 1902–1904 годов рождения [85].

В виду острой нехватки инструкторов по военной подготовке с июля 1923 г. ответственность за строевую подготовку допризывной молодежи была возложена на 6-ю Орловскую стрелковую дивизию. Начальствующий состав дивизии обязывался выделять для каждой призывной кампании из вверенных им войсковых частей определенное количество командиров-инструкторов.

Важное внимание на сборах уделялось военно-патриотическому воспитанию. Содержательный анализ выявленных архивных документов показывает, что на первом месте

[83] Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 9. Оп. 28. Д. 217. Л. 11.
[84] Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 1.
[85] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1808. Л. 153.

на сборах допризывной подготовки молодежи стояли социально-политические задачи – ликвидация безграмотности, знакомство с вопросами санитарии и здоровья, политическое просвещение. Общая задача ликвидации безграмотности была поставлена в директивах М.В. Фрунзе, а санитарно-просветительская работа – в циркуляре Наркомздрава РСФСР от 16 января 1923 г. [86] По важности эти задачи стояли на уровне со строевым обучением. Так, программа по санитарно-гигиенической грамоте предусматривала 12 часов занятий – 6 теоретических и 6 практических. Условно программу обучения можно разделить на 2 раздела. Первый раздел касался гигиены казарменной службы. «Влияние военной службы на организм», «казарменный режим», «гигиена военной службы» и др. Вторая часть посвящалась санитарной гигиене в гражданской жизни. Здесь рассматривались такие вопросы, как «гигиена избы», «алкоголизм и преступность», «понятие о здоровой деревне» и др. [87]

Вопросы санитарного просвещения в основном решались положительно. Для проведения санитарно-просветительской работы привлекался персонал здравотделов. Необходимое количество часов прочитать было несложно. Значительно сложнее было с реализацией программы борьбы с безграмотностью. Не хватало старого запаса букварей, а новых учебников для начальных школ практически не было [88]. Как о задаче номер один говорил М.В. Фрунзе в докладе «Военно-политическое воспитание Красной Армии» о «полной и наискорейшей ликвидации неграмотности», так как от ее решения зависят решения других задач [Фрунзе, 1977, с. 71].

Для реализации поставленной задачи в марте 1923 г. губернским военкомом было составлено секретное письмо, смысл которого заключался в проведении ударными темпами мероприятий допризывной подготовки [89]. Разработанная на основе этого письма инструкция обязывала уездные военкоматы в течение одного месяца обучить всех допризывников 1902 и 1903 гг. рождения элементарным навыкам начальной школы. Именно грамота лежала в основе иных направлений подготовки, прежде всего политической. Неграмотный человек не мог прочитать предлагаемые брошюры или плакаты политического содержания.

В целях ускоренного решения указанной проблемы, устранения выявленных недостатков в проведении программы по ликвидации неграмотности с 1 февраля по 1 марта 1924 г. на территории Курской губернии был проведен месячник по ликвидации неграмотности [90].

Итоги допризывной подготовки молодежи 1923 г. подвели в январе 1924 г. В обобщенной справке работы среди граждан 1902 года рождения в Курской губернии говорилось «о грандиозной цифре неграмотности допризывников по губернии», поэтому на первый план ставилась задача ликвидации неграмотности[91]. От уездных военкоматов потребовали срочно собрать данные о грамотности среди призывников 1902–1903 гг. рождения. Всех вышеназванных учтенных лиц распределили по трем группам: «грамотеи», «малограмотеи», «неграмотеи». Выявленная статистика показала, что среди молодежи 1902 г. рождения неграмотных было 17 %, а среди лиц 1903 г. рождения – 19 % [92]. В отчетах сообщалось, что работа с допризывниками 1902 г. рождения в 1923 г. по ликвидации неграмотности дала определенные результаты. Однако формальная отчетность не всегда соответствовала действительности. В материалах фондов ГАКО низовых структур имеется и другая информация. Авторский их анализ показывает, что приписки и неразбериха являлись обыденным явлением. Стремясь красиво отчитаться, руководители ряда волостей (Казацкой, Рышковской, Троицкой…) Курской губернии называли явно завышенные цифры обучающихся в среде призывников 1902 и 1903 гг. Так, по Казацкой волости в одной

[86] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 40.
[87] Там же. Л. 40–41.
[88] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1868. Л. 54.
[89] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 13.
[90] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1861. Л. 2.
[91] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 36.
[92] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 50.

справке подавалась информация о 47 неграмотных, но обучение грамоте прошли 166 человек. По Рышковской волости в качестве неграмотных и малограмотных числилось 210 человек, а обучалось всего 108 и т. д. В заключение уполномоченный по ликвидации неграмотности в качестве общего вывода отмечал, что «…ликвидация неграмотности во всех волостях обстоит ниже всякой критики» [93].

Вне сомнения, организационная работа была проделана огромная. Но выполнение в полном объеме заданий упиралось в элементарную нехватку финансово-материальных средств. Так, во многих волостях обучение велось только в светлое время суток, ибо в пунктах по ликвидации неграмотности не было керосина. Нельзя забывать, что это были крестьяне, которые в светлое время суток должны были «управляться по хозяйству». Фактически мероприятия по ликвидации безграмотности принимали принудительный характер. Посещаемость занятий в месячник по ликвидации безграмотности была очень низкой. Дело приняло настолько одиозный характер, что в некоторых волостях начальники милиции обязывались доставлять неявившихся учеников в школу под конвоем [94].

Невысоко было и материальное обеспечение пунктов ликвидации неграмотности. В лучшем случае на каждого посещающего выдавались одна тетрадь, один карандаш. На двоих обучающихся – одна перьевая ручка, на троих – один букварь, на 17 человек имелась одна книга для чтения [95].

Для руководства работой по ликвидации неграмотности, материально-техническим обеспечением пунктов ликвидации неграмотности создавались постоянные комиссии под председательством губернского военкома. Аналогичные комиссии были созданы и на уровне уездов под руководством уездных военкомов. На уровне волости работа по ликвидации безграмотности персонально возлагалась на председателя волисполкома. В виду крайне невысокой грамотности председателей волисполкомов, которая нередко заключалась только в элементарных навыках чтения, письма и арифметических действий, они привлекали членов РКП(б) и РКСМ в качестве партийного/комсомольского поручения. К ликвидации неграмотности привлекались и учителя школ, для которых подобная обязанность являлась дополнительной неоплачиваемой нагрузкой. Формально работа учителей должна была оплачиваться из местного бюджета. Однако выявленных сметных сумм, которые выделялись бы учительскому составу, автор настоящей статьи в архивах не обнаружил.

Еще одним важным направлением допризывной подготовки являлись политические занятия, которые включали в себя 40 бесед на политические темы. Обращают на себя внимание следующие цифры. Руководство военным обучением осуществляли 121 человек, а политзанятия проводили 140 человек[96]. Соотношение этих цифр показывает, что идеологической работе среди молодежи уделялось максимально большое внимание. Это можно проследить и по количеству отводимых часов на занятия. На ликвидацию безграмотности отводилось 90 часов, а на политзанятия – 210 часов. (На военную подготовку, как отмечалось выше, – 120 часов). При этом политрукам выплачивалось (в отличие от учителей) и денежное вознаграждение – 10 рублей за весь период обучения по 210 часовой программе [97].

Третьим направлением работы с допризывной молодежью являлось военное обучение делу, которое в основном сводилось к умению стрелять из винтовки. Проведение подобных занятий требовала обязательного казарменного проживания допризывников. Однако обеспеченность подобных казарм (сборных пунктов) было «недостаточно или вовсе не оборудованы» [98]. Только благодаря «всевозможным субботникам» и «добровольным взносам»

[93] ГАКО. Ф. 1862. Оп. 1. Д. 328. Л. 92.
[94] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1862. Л. 215.
[95] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 328. Л. 7; Там же. Д. 1862. Л. 116.
[96] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 24–26.
[97] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 369.
[98] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1868. Л. 153.

со стороны нэпманов сборные пункты в 1924–1925 финансовом году приобрели «сравнительную пригодность для занятий» [99].

Очень сложно определить и уровень довольствия допризывников. Найденные три архивных документа дают противоречивую информацию. В одном из них сообщается, что котловое довольствие было организовано только для бедняцкого элемента. По второму документу все допризывники находились на «собственном довольствии» [100] . В третьем выявленном документе (Отчет МВО за 1924–1925 финансовый год) указывалось, что из местных средств каждому обучающемуся выделялась денежная сумма в размере 1 рубль 58 копеек [101]. Как мы понимаем, этих средств было явно недостаточно для питания. Тем более это были средние цифры по МВО. Дело с материальным обеспечением приняло столь вопиющий характер, что курский губернский военком Гужинский своим приказом упразднил допризывную подготовку в части обучения военному делу. В представлении командующему войсками МВО он сообщал: «Безвыходное по своей определенности положение заставило губвоенкомат решиться на крайнюю меру: упразднить допризывную подготовку в виду невозможности надлежащим образом проводить организацию таковой с материальной стороны»[102].

На основе выявленных архивных документов можно сделать вывод, что организация и материальное обеспечение допризывной военной подготовки в Курской губернии в 1924–1925 гг. находились на крайне низком уровне. Здесь имелись и объективные причины. Крестьяне, основной контингент допризывников, не хотели / не могли систематически посещать занятия. В бедных крестьянских семьях зимняя обувь нередко была одна на всю семью. Поэтому они не могли дойти до школы в виду отсутствия одежды и обуви. Милицейские приводы, принудительные расписки с содержанием обязательного посещения школы не приносили ожидаемого результата.

Работа с призывниками в Курской губернии велась не только в период территориальных сборов, но и между ними. В основном эта работа сводилась к военно-политической работе, просветительской и физического развития. При этом она подразделялась на обязательную и добровольную. Добровольная работа учитывалась при продвижении по службе в гражданской жизни. Как мы понимаем, этот критерий касался не рабочих и тем более крестьян, а детей служащих.

Для начальствующего состава обязательная программа подготовки включала умение работать с картой, изучение устава, военной литературы. Контроль за усвоением материала осуществлялся через письменные и устные опросы. Обязательная программа подготовки включала в себя и участие в ликвидации неграмотности среди красноармейцев.

Добровольная подготовка между сборами включала в основном изучение политического курса партии большевиков. В целях организации подобной работы создавались военные уголки, руководителем которого обязательно назначался член партии большевиков, а при их отсутствии – член ВЛКСМ. Помимо непосредственной работы с допризывниками, на руководителя военного уголка возлагались задачи и политического просвещения населения, которая включала в себя организацию подписки на газеты и журналы, выступление с докладами в избах читальнях, разъяснение важных политических событий в стране и за рубежом. Одна из форм подобной работы – «громкие читки» литературы по определенным дням и часам.

Несмотря на скудость материального обеспечения, формы проведения занятий были весьма разнообразны. Это вечера, посвященные датам Красной Армии, агитсуды, инсценировки и спектакли на политические темы. Подобные и другие формы работы среди неграмотного и полуграмотного населения являлись достаточно эффективными в работе военных уголков. В определенной степени они скрашивали однообразную жизнь жителей села.

Необходимо также отметить, что материальное пополнение военных уголков (приобретение плакатов, книг, политических карт СССР и мира, портретов вождей и пр.) приобреталось за счет местных бюджетов. Только некоторые экспонаты и оборудование приобретались за счет

[99] РГВА. Ф.4. Оп. 3. Д. 2663. Л. 26.
[100] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 419.
[101] РГВА. Ф.4. Оп. 3. Д. 2663. Л. 27.
[102] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1831. Л. 438.

госбюджета – организация тиров, гимнастических и саперных уголков и др. Но эти элементы военных уголков имелись только в областном центре и в некоторых крупных уездных центрах.

Заключение

Таким образом, выявленные архивные документы дают противоречивую картину состояния довоенной подготовки молодежи. Документы Московского военного округа говорят об удовлетворительном состоянии работы с допризывной молодежью. Архивы Курской области показывают не столь радужную картину. Денежных средств на допризывную кампанию выделялось крайне недостаточно, чтобы проводить ее на соответствующем уровне. В лучшем случае финансовые средства «добывались» или из местного бюджета, или обложения дополнительными налогами местных «богатеев», или за счет личных средств допризывника.

Другая особенность допризывной подготовки молодежи в Курской губернии – усиленная «борьба» с неграмотностью. Несмотря на разнообразие всевозможных мероприятий и административных мер принуждения в этой сфере деятельности (месячник по ликвидации неграмотности, привлечение милиции для доставки прогульщиков в школы и др.), уровень неграмотности снижался крайне медленно. Проблема заключалась не столько в недисциплинированности допризывников, сколько в отсутствии учительского персонала, недостатком учебных пособий, освещения, нехваткой у обучающихся персональной одежды и обуви [103].

Имелись и объективно-природные факторы, влияющие на организацию допризывной подготовки. При крайне неудовлетворительном состоянии дорог в весенне-осенний период допризывная подготовка приостанавливалась, как и в период суровых зимних морозов.

В современных условиях перспективным и актуальным для современной кадровой работы является исследование исторического опыта продвижения по гражданской службе лиц, добросовестно проходивших военную подготовку и службу в территориально-милиционных частях Красной Армии.

Список источников

Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-328 (объединенный) «Курский губернский военный комиссариат» Оп. 1. Дд. 146, 1076–1869.

ГАКО Ф.1862 «Доклады, акты, сведения и другие материалы по ликвидации неграмотности среди допризывников 1902–1903 годов рождения и переписка по этому вопросу» Оп. 1. Д. 328.

Российский государственный военный архив (РГВА). Фонд 9 «Политическое управление Красной Армии». Оп. 28. Д. 217.

РГВА. Фонд 4 «Управление делами при наркомате обороны СССР» Оп. 1. Дд. 98, 162, 270; Оп. 2. Дд. 3, 5, 98, 118; Оп. 3. Дд. 1888, 2164, 2363, 2664, Оп. 14. Д. 56.

Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: в 2-х кн. Кн. 1. М.: СПб: Летний сад. 2006. 720 с.; Кн. 2. Там же. 525 с. (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 217. Л. 11).

Фрунзе М.В. Избранные произведения. Москва, Политиздат, 1977: 47–73.

Список литературы

Афанасьев Н.В. 1953. Военная реформа в 1924–1928 гг. Ленинград, б. и., 68 с.

Берхин И.Б. 1958. Военная реформа в СССР 1924–1925 гг. Москва, Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 560 с.

Бушуева Т.С. 2020. Общественные настроения в Красной армии в 1920-е – 1934 гг. Москва, МПГУ, 444 с.

Добровольский В.С. 2020. Возникновение, эволюция и современное состояние военной подготовки студентов. Москва, АМАДИ, 184 с.

Ермоченко К.П. 2025. Школьное историческое образование в 1918–1930-х гг.: от демонтажа к новым практикам. *Via in tempore. История. Политология.* 2: 445–454.

Мухин М.Ю. 2022. Военная реформа 1924–1928 гг. в СССР. *Вестник ТаГУ. Серия «История».* 1: 28–43.

Пашин В.П. 2025. Причины, ход, итоги реформы в СССР 1924–1925 годов (На материалах Курской губернии). *Ученые записки Орловского государственного университета.* 2: 113–119.

[103] ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1862. Л. 116.

Суханов С.В., Мильбах В.С. 2017. Развитие военного всеобуча на территории Иркутской области в предвоенные годы. Сборник межвузовской научной конференции. Санкт-Петербург. Михайловская военная артиллерийская академия. Санкт-Петербург: 74–79.

Щербаков Ю.В. 2016. Из опыта организации и проведения в 1923 г. первых учебных сборов территориально-милиционных формирований. *Клио.* 9: 96–102.

Храмов В.Ю. 2024. Начальная военная и допризывная подготовка учащихся в 20–40-е годы XX века. *Военно-исторический журнал.* 1: 31–42.

References

Afanas'yev N.V. 1953. Voyennaya reforma v 1924–1928 gg. [Military Reform in 1924–1928] Leningrad, b. i., 68 p.

Berkhin I.B. 1958. Voyennaya reforma v SSSR 1924–1925 gg. [Military Reform in the USSR in 1924–1925]. Moscow, Voyennoye izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 560 p.

Bushuyeva T.S. 2020. Obshchestvennyye nastroyeniya v Krasnoy armii v 1920-ye – 1934 gg. [Public Sentiment in the Red Army in the 1920s – 1934]. Moscow, MPGU, 444 p.

Dobrovol'skiy V.S. 2020. Vozniknoveniye, evolyutsiya i sovremennoye sostoyaniye voyennoy podgotovki studentov [The Emergence, Evolution, and Current State of Military Training of Students]. Moscow, AMADI, 184 p.

Yermochenko K.P. 2025. Shkol'noye istoricheskoye obrazovaniye v 1918–1930-kh gg. [School History Education in the 1918–1930s: From Dismantling to New Practices]. Ot demontazha k novym praktikam. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 2: 445–454.

Mukhin M.Yu. 2022. Voyennaya reforma 1924–1928 gg. v SSSR [Military Reform of 1924–1928 in the USSR]. *Vestnik TaGU. Seriya «Istoriya»*. 1: 28–43.

Pashin V.P. 2025. Prichiny, khod, itogi reformy v SSSR 1924–1925 godov (Na materialakh Kurskoy gubernii) [Causes, Course, and Results of the Reform in the USSR in 1924–1925 (Based on Materials from Kursk Province)]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2: 113–119.

Sukhanov S.V., Mil'bakh V.S. 2017. Razvitiye voyennogo vseobucha na territorii Irkutskoy oblasti v predvoyennyye gody [Development of Military Universal Education in the Irkutsk Region in the Prewar Years]. Sbornik mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii. Sankt-Peterburg. Mikhaylovskaya voyennaya artilleriyskaya akademiya, Saint-Petersburg: 74–79.

Shcherbakov Yu.V. 2016. Iz opyta organizatsii i provedeniya v 1923 g. pervykh uchebnykh sborov territorial'no-militsionnykh formirovaniy [“From the Experience of Organizing and Conducting the First Training Camps of Territorial Militia Formations in 1923”]. *Klio.* 9: 96–102.

Khramov V.Yu. 2024. Nachal'naya voyennaya i doprizyvnaya podgotovka uchashchikhsya v 20–40-ye gody XX veka [“Basic Military and Pre-Conscription Training of Students in the 1920s–1940s”]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 1: 31–42.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.11.2025
Поступила после рецензирования 22.02.2026
Принята к публикации 25.02.2026

Received November 30, 2025
Revised February 22, 2026
Accepted February 25, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашин Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Курский государственный университет, г. Курск, Россия
ORCID: 0000-0002-0357-8970

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily P. Pashin, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kursk State University, Kursk, Russia

УДК 93/94(47)+37.01
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-418-428
EDN JOCBGU
Оригинальное исследование

Конструирование «героя»: Образ М.И. Кутузова в советской коммеморативной политике

Скопинцев И.А.
Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, улица Советская, 19
E-mail: skopincevila2@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу коммеморации (практик увековечивания памяти) фигуры фельдмаршала М.И. Кутузова в советский период. В ней прослежена эволюция образа полководца от забвения и критики в 1920-е годы до тотальной героизации в эпоху Сталина и последующей канонизации. В фокусе исследования – инструментальный характер советской политики памяти, в рамках которой исторический образ Кутузова был целенаправленно гиперболизирован и очищен от противоречий для решения актуальных идеологических задач: мобилизации населения в годы Великой Отечественной войны, легитимации власти и создания мифа о непрерывной героической традиции. Автор приходит к выводу, что созданный в СССР культ Кутузова представляет собой яркий пример конструирования прошлого, эффективность которого обеспечила долговечность мифа, затмившего сложность реальной исторической фигуры.

Ключевые слова: М.И. Кутузов, политика памяти, коммеморация, советская идеология, историческая память, Отечественная война 1812 года

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Скопинцев И.А. 2026. Конструирование «героя»: Образ М.И. Кутузова в советской коммеморативной политике. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 418–428. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-418-428. EDN: JOCBGU

Constructing a ”Hero”: The Image of Mikhail Kutuzov in Soviet Commemorative Politics

Ilya A. Skopintsev
Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia
E-mail: skopincevila2@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the commemoration (practices of perpetuating memory) of Field Marshal Mikhail Kutuzov during the Soviet period. Based on a wide range of sources and historiographical materials, the evolution of the commander's image is traced, from oblivion and criticism in the 1920s to total heroization during the Stalin era and subsequent canonization until the late 1980s. The study focuses on the instrumental nature of Soviet memory politics, in which the historical image of Kutuzov was purposefully transformed, hyperbolized, and cleared of contradictions in order to address pressing ideological challenges, such as mobilizing the population during the Great Patriotic War, legitimizing power, and creating a myth of a continuous heroic tradition. The author concludes that the cult of Kutuzov created in the USSR is a prime example of the construction of the past, whose effectiveness ensured the longevity of the myth, overshadowing the complexity of the real historical figure.

© Скопинцев И.А., 2026

Keywords: Mikhail Kutuzov, memory politics, commemoration, Soviet ideology, historical memory, Patriotic War of 1812

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Skopintsev I.A. 2026. Constructing a ”Hero”: The Image of Mikhail Kutuzov in Soviet Commemorative Politics. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 418–428 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-418-428. EDN: JOCBGU

Введение

Кампания 1812 года является одним из центральных событий истории России и Европы. Во многом ее удачное завершение определило важное место данной кампании в политике памяти Российской империи, Советского союза и Российской Федерации. Безусловно, наиболее активно и всесторонне тему войны 1812 года использовали в советский период, характеризующийся активным постарением мифологизированных историко-политических конструкций.

Советское построение коммеморативных практик во многом своеобразно и уникально. Данный период с его стремлениями к гиперболизации и юбилееманией, репрессивными методами и замалчиванием стал по-настоящему глубоким и неповторимым опытом построения национальных и мифологизированных конструкций. В данном контексте политика памяти советского государства, а зачастую советских вождей, не могла обойти стороной столь важное событие, как кампания 1812 года. Это историко-политическая конструкция прочно заняла одно из ведущих мест в советской политике памяти, приобретая все присущие ей черты, а зачастую выступая полем для новшеств и экспериментов в историко-идеологическом поле. Одной из главных персоналий в контексте политики памяти русской кампании, без сомнения, является фигура М.И. Кутузова.

Объект и методы исследования

Данная статья ставит целью проследить изменение отношения к персоне, отметить основные практики по увековечиванию памяти полководца, а также выявить присущие советскому взгляду на построение мифов черты. Исследование опирается на ряд трудов ученых-историков. В данном случае историография в значительной степени помогает проследить изменения в отношении к Михаилу Илларионовичу, безусловно, отражавшиеся и на политике памяти.

Работа М.Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» [Покровский, 1923] представляет нетипичную для советской историографии оценку Кутузова и его действий. Автор выражает скорее критическое отношение к полководцу и является фактически единственным публиковавшимся крупным автором советского периода с подобными взглядами. Другим представителем начального советского периода можно назвать Е.В. Тарле с работами, посвященными М.И. Кутузову [Тарле, 1941; Тарле, 2012]. Работы этого историка важны в контексте дальнейшего развития взглядов на Кутузова и мифотворчества, связанного с этим. Автор, не отрицая просчетов и недостатков полководца, тем не менее заложил основы дальнейшего восхваления и положительного утрирования образа Кутузова, в том числе в коммеморативном пространстве.

Труды П.А. Жилина «Фельдмаршал М.И. Кутузов» [Жилин, 1978] и «Контрнаступление Кутузова в 1812 году» [Жилин, 1950], а также работа Л.Г. Бескровного «Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова» [Бескровный, 1951] представляются ярчайшими примерами сталинской официозной, по отношению к Кутузову, историографии. Во многом данный период закрепил в сознании советских граждан образ русского полководца. Упомянутые авторы отбрасывали всю предыдущую историографию как буржуазную и не спешили пользоваться зарубежными источниками. Однако в контексте проводимого нами исследования именно эти работы представляют особый интерес.

В дальнейшем – при всех переменах в политической конъюнктуре от хрущевской «оттепели» до брежневского «застоя» – идеализация Кутузова продолжилась, а нагнетали ее главным образом те же историки-сталинисты [Троицкий, 2003, с. 36]. При подобном одностороннем взгляде на персону работы Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» [Троицкий, 2003] и «1812. Великий год России» [Троицкий, 1988] дают более взвешенный вывод о полководце, его личности, таланте и жизненном пути.

Труды Н.А. Троицкого проложили путь к новому этапу в историографии периода и личности. Как отмечает в своем масштабном исследовании И.А. Шеин, в советский период произошел «окончательный разрыв с критической традицией», которая начала складываться в прошлом [Шеин, 2013]. Во многом именно этот некритический и хвалебный взгляд постарались преодолеть ученые-историки после распада социалистической системы. Среди трудов подобного характера стоит отметить работу «Кутузов: pro et contra» [Лапина, 2012]. Подобный опыт целостного взгляда на фигуру ярко демонстрирует, как из многогранных оценок могут быть выхвачены отдельные элементы, гипертрофирующие не только личность, но и всю эпоху в целом. Внимания стоит и монография В.М. Безотосного «Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии» [Безотосный, 2018]. Работа позволяет вернуть М.И. Кутузова в среду профессионального высшего офицерства и ярко демонстрирует отсутствие трепета и непогрешимой послушности у современников Кутузова.

Среди работ, посвященных коммеморативным практикам в советский период, стоит отметить работу В. Тихонова «Полезное прошлое: история в сталинском СССР» [Тихонов, 2024], статью Т.А. Сабуровой «Отечественная война 1812 года в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества XIX–XX века» [Сабурова, 2014], и труд А.В. Святославского «Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры» [Святославский, 2011]. Эти во многом уникальные в своих тематиках исследования дают представления о ключевом виде политики памяти, в том числе в рассматриваемом нами периоде.

Кроме того, следует обозначить основное понятие, то, как мы определяем понятие коммеморации. Во многом мы пользуемся исчерпывающим определением доктора культурологии А.В. Святославского. Коммеморация представляется «как сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [Святославский, 2011, с. 4]. Видами коммеморации в данном случае могут выступать годовщины и юбилеи, установка памятников и памятных знаков, переименование улиц и присваивание почетных званий, создание коллекций и открытие музеев, а также многие другие, не столь распространенные виды практик в области политики памяти.

Таким образом, данное исследование исходит из следующего основного тезиса: советская коммеморация Кутузова представляла собой не постепенную реабилитацию имперской фигуры, а её целенаправленную реинвенцию (переизобретение), служившую решению конкретных идеологических задач. Из аристократа-царедворца он был трансформирован в «народного полководца», а его образ был очищен от исторических противоречий и превращен в пластичный инструмент для легитимации власти, мобилизации населения и создания мифа о непрерывной героической традиции от Александра Невского до Иосифа Сталина. Этот процесс демонстрирует фундаментальные механизмы советской политики памяти в её чистом виде.

Результаты и их обсуждение

М.И. Кутузов прочно вошел в ландшафт русского национального мифа. Именно сопоставление фигуры фельдмаршала с кампанией 1812 года во многом и сделало его образ сакральным. Имперские власти, создававшие вокруг войны с Наполеоном культовый ареол, несомненно, сталкивались с необходимостью обеления и ретуширования образа

главнокомандующего русскими силами в этой войне. Именно имперский период коммеморации Кутузова и всей кампании 1812 года заложил основы его возвеличивания и замалчивания неудобных фактов его биографии. «Празднования 25-летия, 50-летия Отечественной войны приобрели ярко выраженное политическое значение, стремясь продемонстрировать единство власти и народа, становясь средством формирования представлений о величии России, особом национальном духе» [Сабурова 2014, с. 30]. Проводились празднования не только в памятные даты. При царской же власти был воздвигнут памятник на Бородинском поле и Храм Христа спасителя, оба в 1839 году и оба в сопровождении шествий, парадов и молебнов [Кухарук, 2002, с. 135–136]. Однако Кутузову не создавался исключительный героический образ, скорее он был человеком со своими слабостями и недостатками, о которых, однако, говорили не в первую и не во вторую очередь. Важно упомянуть, что ни одной по-настоящему значимой монографии или крупного исследования, посвящённого фигуре фельдмаршала, в этот временной период не наблюдается. Также фигуру Кутузова обходят стороной в контексте московских праздников, в городе не устанавливают памятник полководцу.

Советский же период продолжил и углубил эту традицию. Однако перед периодом явного возвеличивания Кутузова в советском пространстве памяти наблюдался период отказа и забвения, пришедший с революцией и продолжавшийся до второй половины 20-х годов. Советская власть стремилась отказаться от имперского наследия, показать несправедливость и отсталость царского режима. Одним из способов такого взгляда на прошлое стало применение политики замалчивания и замены центральных событий царского нарратива новыми, советскими. Важный сдвиг наметился с историографии, так, ведущей в этот период считалась оценка Кутузова со стороны М.Н. Покровского, представлявшаяся наиболее резкой из всех современных ему и оставшаяся такой на долгие годы. Автор считал главнокомандующего слишком старым «для каких-либо решительных действий». А с его назначением «и до конца кампании – армия в сущности лишилась всякого центрального руководства» [Покровский, 1923, с. 54].

Кутузов стал одной из фигур царского периода, к которым применялись действия по их забвению. Так, московский музей «Кутузовская изба», реконструированный после пожара при имперской власти, находился в фактическом запустении. В части помещения избы были размещены семьи, а в другой половине ютилась неохраняемая экспозиция. «В начале 1920-х годов в Кутузовской избе насчитывалось несколько сот экспонатов. Но штат музея отсутствовал, обязанности сторожа выполнял проживавший при музее инвалид» [Прохоров, 2000, с. 212]. Коснулась подобная политика памяти и других городов, так, в Смоленске фактически перестал существовать мемориальный комплекс «Кутузовский садик», в нем проводится реконструкция, названия, связанные с кампанией 1812 года, меняются, демонтируется бюст самого фельдмаршала [Фомин, 1995].

В целом советская власть, нацеленная на ярчайшие события предыдущего века, не могла обойти стороной и войну 1812 года. В этом отношении мероприятия борьбы с Михаилом Илларионовичем стали одной из составных частей борьбы с национальным мифом кампании 1812 года. Так, на Бородинском поле был взорван главный памятник – монумент «Отечественной войне 1812 года», а «заодно была разрушена могила П.И. Багратиона: надгробная плита сдана в металлолом, останки разбросаны» [Юдин, 2012, с. 39].

Подобный взгляд на память о кампании 1812 года и на фигуру М.И. Кутузова фактически сохранялся до конца 1920-х – начала 1930-х годов. Одним из последних актов проводимой в ранний советский период политики памяти стало вскрытие могилы Кутузова в условиях продажи культурных ценностей заграницу. Не возражал против данного события сам Сталин, в будущем главный апологет полководца. Данное действие было совершено 4 сентября 1933 года [Васильев, 1992, с. 79].

К первой половине 1930-х годов новый взгляд на события прошлого обозначил все тот же Сталин. «Если 1920-е годы прошли под лозунгами революционного обновления, то

следующее десятилетие стало эпохой сталинского великодержавия» [Тихонов, 2024, с. 35]. Разгрому подвергаются взгляды Покровского и его учеников, взгляды, в том числе относящиеся к войне 1812 года. На передний план постепенно выходят апологеты Сталина и его взглядов на историю. Первым из них стал Е.В. Тарле. В своих трудах автор высоко оценивал полководца, но не приписывал ему спасение Отечества. На данном этапе для него он лишь талантливый полководец, обладавший острым умом и пользовавшийся популярностью в армии [Тарле, 1938, с. 75].

Проводимая политика памяти также идет в русле возвращения кампании 1812 года в плоскость ведущих историко-национальных нарративов. Так, 2 сентября 1937 года впервые был отмечен юбилей Бородинской битвы. Проводимые юбилейные мероприятия широко освещают в прессе, там же идет процесс становления «советского» образа М.И. Кутузова. Так, в «Правде» помещается статья Н. Кружкова о фельдмаршале, озаглавленная «Великий полководец». В ней герой предстает умудренным стариком, которой строго следовал намеченным планам, борясь с кознями царя и иностранцев в штабе [Кружков, 1937, с. 4]. В этот же период начинается реставрация памятников, в том числе памятников М.И. Кутузову. Выходит первое художественное произведение о Кутузове под авторством В.А. Соловьева. Резкое контрастирование с предыдущим периодом объясняется необходимостью мобилизации и централизации общественно-политических структур. Населению требовался объект рефлексии и гордости, а властям – объект отождествления вождей прошлого с вождями настоящего. «Вот так за несколько лет до Великой Отечественной войны была проведена четкая аналогия великих побед и личностей прошлого с вождями настоящего и их деятельностью» [Юдин, 2012, с. 41].

Значительно ускорила и углубила этот процесс начавшаяся война. К 1941 году образ Кутузова был полностью реабилитирован и подготовлен к дальнейшей эксплуатации в пространстве памяти. Безусловно, совершенно неслучайным представляется упоминание кампании 1812 года в обращении Молотова от 22 июня 1941 года и обещание: «То же будет и с зазнавшимся Гитлером» [Молотов, 1941, с. 1]. Неслучайно и показательно обозначение Сталиным в выступлении по случаю 24-й годовщины революции советской нации как «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..» [Сталин, 1948, с. 30]. Наконец, совершенно однозначно взгляд советского вождя на Михаила Илларионовича и его место в пространстве памяти демонстрирует сказанное Сталиным на параде 7 ноября 1941 года. В своем обращении он заявил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – <...> Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!» [Сталин, 1941, с. 1]. Все эти ярчайшие примеры демонстрируют попытку советской системы для собственной стабилизации и легитимации вплести в национальный нарратив героев прошлого.

Период войны 1941–1945 годов стал настоящим взрывом интереса государственной пропаганды к фигуре М.И. Кутузова. На этом этапе были опробованы все возможные пути коммеморации полководца, заложив основы для дальнейшего закрепления образа «спасителя Отечества». «В этот же период в кабинете Верховного Главнокомандующего в Кремле появились портреты А.В. Суворова и М.И. Кутузова» [Юдин, 2012, с. 42]. Сам Сталин отзывается о царском фельдмаршале как о великом полководце, даже в личных беседах и на приемах. Продолжается постановка пьесы В.А. Соловьева.

Важной вехой становится учреждение 29 июля 1942 года Ордена Кутузова. Награда имела 3 степени и стала одной из высших наград [Шуняков, 2018, с. 33]. Кроме того, создавались и издавались ряд плакатов, марок, открыток и изображений полководца. Одним из интереснейших и нетипичных способов увековечивания образа Кутузова в обществе стала попытка размещения изображения полководца на банкнотах. В конце 1942 – начале 1943 года главный художник Госзнака И.И. Дубасов предложил проект, согласно которому на новых денежных знаках будут размещены «великие полководцы», в том числе и М.И. Кутузов. Венчала же собрание банкнот купюра в 25 червонцев с изображением Ленина, объединяя таким образом два нарратива,

повторяя в некоторой степени речь Сталина от 7 ноября 1941. Однако проект так и остался проектом ввиду «мысли о будущей денежной реформе» [Богданов, 2018, с. 2]. Кроме того, в 1943 году на станции метро «Новокузнецкая» был размещен барельеф с изображением Михаила Илларионовича, став одним из первых памятных знаков полководцу в Москве.

Окончание войны не принесло окончания восхищения и гиперболизации образа Кутузова в советской политике памяти. По прихоти и указке Сталина был создан «совершенно новый в произведениях искусства образ Кутузова, мудрого и талантливого стратега, волевого и мужественного полководца, простого и отзывчивого командира, любимца армии, хорошо знающего дух своего народа» [Большаков 1950, с. 120]. Этот образ имел мало общего с настоящим Кутузовым. Но во многом данный образ стал удобным инструментом сплачивания, мобилизации и легитимации, помогая советскому вождю удерживать власть в непростых обстоятельствах.

Во время и после войны в области историографии намечается крен, согласно «линии партии», в сторону возвеличивания Кутузова. В значительной мере это выразится в послевоенные годы. Так, к 1945 году «число брошюр и научных статей о генерал-фельдмаршале превысило два десятка» [Будницкий, 2012, с. 164]. Окончательно дискуссии, даже слабого характера, закрыла брошюра, изданная к юбилею со дня рождения полководца. В ней идеализировался не только Кутузов-человек, но и Кутузов-полководец. Главным тезисом брошюры стали следующие слова: «Полководческое мастерство Кутузова... превзошло полководческое мастерство Наполеона» [Михаил Илларионович Кутузов: к 200-летней годовщине со дня рождения, 1945, с. 29]. Таланты и успехи полководца, вопреки принципу историзма, активно сравниваются с талантами Сталина. К 1947 году на ведущие роли в советской историографии войны 1812 года выходят П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный, ставшие самыми большими апологетами полководца. Руководствуясь в написании работ указаниями и мнениями товарища Сталина, «первого, кто обратил достойное внимание на талант и заслуги полководца», историки продолжали создавать безупречный образ Кутузова [Жилин, 1950, с. 29; Бескровный, 1951, с. 6]. В работах историков образ Михаила Илларионовича окончательно затмевает саму кампанию 1812 года.

Одной из важнейших дат в контексте коммеморации Михаила Илларионовича стал его 200-летний юбилей, отмечаемый 16 сентября 1945 года. Само празднование проходило с размахом в условиях недавно окончившейся мировой войны. Особое внимание уделялось вовлечению в мероприятия больших масс населения для ознакомления с фигурой фельдмаршала. Юбилей и проходившие мероприятия были широко освящены в прессе. В нескольких статьях он величается «великим русским полководцем», «глубоко чувствующим противника [Наполеона]», «победителем Бородина». Читателей погружают в подробности его жизни и «подвигов», которые соседствуют с отождествлениями кампании 1812 года и Великой Отечественной войны, а также самого Михаила Илларионовича со Сталиным. Кроме того, газетный выпуск дает представление и о размахе проводимых торжественных мероприятий. Празднование юбилея затронуло все крупные города. Так, в Ленинграде открылась крупная выставка, посвященная полководцу, на которой представлялся ряд исторических реликвий периода: от пули с Бородинского поля до гравюр и собраний наградных документов. Кроме того, было организовано возложение цветов к могиле полководца его правнучкой Н.Н. Хитровой. В Свердловске и области организовывались выставки, беседы. «Большую работу проделал коллектив областного архива, организовавший сбор документов». О подобных мероприятиях сообщалось и в Горьком, и в Калинине, и в Минске, где торжества были объединены с «Днем освобождения белорусского народа». Юбилей стал первым масштабным празднованием даты, связанной с именем Кутузова.

Кроме того, Москва окончательно превращается в центр памяти для фигуры самого полководца и войны 1812 года. Несмотря на явную вину М.И. Кутузова в главной трагедии – московском пожаре [Холодковский, 1966, с. 34], именно этот город станет ассоциироваться с его именем.

В 1950-х – 1960-х годах коммеморативные мероприятия, касающиеся М.И. Кутузова, приобретают скорее закрепляющий характер, вид, призванный окончательно увековечить

полководца как «спасителя отечества». По всей стране устанавливаются памятные знаки и памятники, посвященные Михаилу Илларионовичу. В 1952 году появляется очередное барельефное изображение полководца, в этот раз подобный объект был создан на станции «Комсомольская-кольцевая». «В 1953 г. был воздвигнут памятник М.И. Кутузову в Калининграде (скульптор – Я. Лукашевич), а в 1954 г. – в Смоленске (скульптор Г.И. Мотовилов, арх. Л.М. Поляков)» [Юдин, 2012, с. 47]. Кутузов продолжает изображаться на марках, плакатах и открытках, что значительно популяризировало его образ. В 1957 году в честь него был назван «Кутузовский проспект», одна из тех улиц, по которым русские войска отходили после поражения при Бородино. Отдельного упоминания заслуживает открытие 7 ноября 1958 года станции метро в Москве под названием «Кутузовская». Это станция на момент своего открытия стала первой и единственной, посвященной фигуре не советской истории.

В 1962 году торжества, сравнимые с юбилеем Кутузова в 1945 г., прошли по всей стране, а центром празднований вновь стала Москва. Основные же мероприятия были проведены осенью и приурочивались ко дню Бородинского сражения. Так, были выпущены наборы марок и значков, посвященных событиям полуторавековой давности и их героям, в том числе и с изображением Кутузова. По всей стране открывались памятники и мемориалы, устанавливались памятные доски [Главархив Москвы, 2022]. Кроме того, в честь праздника было построено новое здание для музея Бородинской панорамы [Бассейн, 1961, с. 4]. Также был открыт отдел «Кутузовская изба» – место проведения известного совета в Филях. Юбилей в столице не обошёлся без митингов и праздничных мероприятий, которые «закончились торжественным собранием в Кремлевском Дворце Съездов» [Митрашенкова, 2016, с. 235].

Киноиндустрия отметилась премьерой двух фильмов, отразивших «советского Кутузова», посвященных войне 1812 года. 7 сентября 1962 года на экраны страны вышел фильм «Гусарская баллада», премьера которого была приурочена к годовщине Бородинской битвы. «В 1968 г. режиссер, народный артист СССР С.Ф. Бондарчук снял четырехсерийный фильм «Война и мир» [Батюк, 2017, с. 138].

В условиях холодной войны образ Кутузова приобрёл внешнеполитическую и стабилизационную функцию. Если в 1940-е годы он служил мобилизации против внешнего врага, то в 1960–1970-е годы он стал символом внутренней стабильности, преемственности и «правильной» исторической ориентации. Кутузов теперь олицетворял не просто победу, а победу государственной мудрости над поспешными авантюрами, что было созвучно брежневскому курсу на «разрядку». Его культ, лишенный уже прямой сталинской агрессии, превратился в канонизированный и легко тиражируемый элемент «советского образа жизни». Эта инерция коммеморации, когда масштабные юбилеи и установка памятников продолжались по инерции уже отработанного ритуала, сама по себе стала характерной чертой позднесоветского периода.

Несмотря на развенчание сталинского культа и первоначально преследование апологетов царского полководца 1812 года, вскоре все вернулось к военному и послевоенному нарративу. В глазах советской номенклатуры М.И. Кутузов представлялся идеальным кандидатом для истинного борца с иностранцами, противостоящим им и на поле боя, и в тылу, и в штабах. К этому моменту Бородино стало считаться окончательной и полной победой Кутузова [Тарле, 2012, с. 249], а своим талантом он «двумя головами выше Барклая-де-Толли» [Кудряшов, 1992, с. 172].

К моменту брежневского застоя идеализация Кутузова порой доходила до абсурда: «изданная в 1976–1980 гг. 8-томная советская военная энциклопедия под редакцией П.А. Жилина» заключает в себе статью в 6,5 раз большую, чем статью о Барклае-де-Толли [Троицкий, 2003, с. 39]. К этому же времени относится окончание номенклатурной борьбы за установку памятника Кутузову в Москве. Постановление о создании памятника вышло еще при Сталине, однако проект так и не был реализован. При Н.С. Хрущеве же проект не поддержали, «об исполнении "заказа Сталина" в первые годы активной борьбы с культом личности, понятное дело, не могло быть и речи» [Максименков, 2012, с. 48]. Затем проект

просто не успевали реализовать в срок. К 1965–1967 годам в советской номенклатуре развернулась борьба за и против памятника. Выступавшие за сооружение памятника, считали проект Н.В. Томского удачным и необходимым: «Глубокая патриотическая идея монумента раскрыта скульптором художественно убедительно, ясным и выразительным пластическим языком» [Максименков, 2012, с. 48]. Другая сторона, представленная доктором исторических наук С.М. Дубровским, генерал-майором С.И. Петровским и инженером-полковником И.М. Дашевским, придерживалась противоположного взгляда. В поданном ими обращении еще на имя Н.С. Хрущева они резко противились установлению памятника М.И. Кутузову именно в Москве, считая такое решение «крайне неудачным» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Лл. 46–55]. Открытие памятника случилось в 1973 году. Архитектор Н.В. Томский был удостоен Ленинской премии. Надпись на нем гласила: «Михаилу Илларионовичу Кутузову. Славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года».

Во многом именно установление памятника М.И. Кутузову в Москве стало завершением яркого и всепроникающего увековечивания памяти полководца. Безусловно, издание литературы, показ фильмов и спектаклей, печатание открыток и газетных статей продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Однако столь яркие и фундаментально меняющие политику памяти события больше не случались. Образ Кутузова был сформирован и продолжал сохраняться.

Заключение

Проведенный анализ позволяет ярче выделить уникальные черты именно советской коммеморации Кутузова. В отличие от имперского периода советский подход был целенаправленным, тотальным и основанным на разрыве с предыдущей традицией с последующим её прагматичным заимствованием. В отличие от современной российской политики памяти, где Кутузов является одним из многих «героев» пантеона, в СССР он на несколько десятилетий стал центральным, почти безальтернативным символом досоветской военной славы, чей образ был напрямую спаян с фигурой Верховного Главнокомандующего. То, как образ фельдмаршала использовался для решения сиюминутных политических задач, и составляет суть феномена советской коммеморации, превратившей исторического деятеля в обслуживающий идеологию миф.

Из аристократа-царедворца, верного монарху, он был трансформирован в «народного полководца», гения стратегии, чья мудрость и план изначально предопределили победу. Неповторимость советского опыта заключается в его инструментальном и конъюнктурном характере.

Образ Кутузова не просто вернули из небытия – его заново изобрели, сделав краеугольным камнем государственного мифа о непрерывной героической традиции от Александра Невского до Сталина. Память о 1812 годе эксплуатировалась для мобилизации народа в 1941-м, создавая мощные исторические параллели между «нашествием двунадесяти языков» и «вероломным нападением гитлеровской Германии». Именно эта гиперболизация и идеализация стали отличительной чертой культа. Все сложности и противоречия личности полководца, тактические просчеты и тяжёлые потери были отброшены. Его осторожность, трактовавшаяся ранее как пассивность, была объявлена высшей формой стратегической мудрости, а сдача Москвы – гениальным жертвенным ходом. Образ советского Кутузова – монументальный, почти былинный герой, единственная функция которого – вести народ к победе.

Коммеморация Кутузова в СССР стала блестящим примером того, как прошлое можно не просто помнить, но и целенаправленно конструировать. Созданный образ, несмотря на свою историческую условность, оказался чрезвычайно эффективным. Он не только укрепил патриотический дух в критический момент истории, но и на десятилетия вперёд закрепил в массовом сознании идеализированный канон «народного полководца». К сожалению, иногда сила национального мифа поглощает историческую правду и многогранность, превращая целые эпохи и фигуры в инструмент политической борьбы.

Список источников

Российский Государственный архив новейшей истории Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.). Оп. 50. Д. 597. Постановления Президиума ЦК КПСС и материалы по вопросы празднования важнейших военных событий, утверждения мероприятий по увековечиванию военных событий, установления памятников Победы над Германией, 150-летия Отечественной войны 1812 г., битвы на Волге и жертвам Освенцима.

И. Сталин. 1948. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Москва, Воениздат, 207 с.

Главархив Москвы. 2022. О том, как отмечали 150-летие победы в Отечественной войне 1812 года. URL: https://www.mos.ru/news/item/111784073/

Молотов В.М. 1941. Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова. Звезда, 23 июня 1941 года, № 146, с. 1.

Михаил Илларионович Кутузов: к 200-летней годовщине со дня рождения. Москва, Типография газеты Правда, 1945. 31 с.

Богданов А. 2018. «Заем Победы» и банкноты с Дмитрием Донским из истории военных лет продукции Гознака. Наша газета – Новости Гознака, май 2018. года, № 8 (260), с. 2.

Максименков Л. 2012. Приключения Кутузова в СССР. Огонек. 17. сентября 2012. года. № 37, с. 48.

Кружков Н. 1937. Великий полководец. Правда. 2 сентября 1937 года. № 242, с. 4.

Сталин И.В. 1941. Речь Председателя Государственного Комитета Обороны и Народного Комиссара Обороны тов. И.В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. Правда. 8 ноября 1941 года. № 310, с. 1.

Михаил Илларионович Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. Правда. 16 сентября 1945 года. № 222, с. 1–3.

Бассейн Ю. 1961. Панорама «Бородино». Известия. 20 февраля 1961 года. № 44, с. 4.

Список литературы

Батюк Л.И. 2017. Образ Отечественной войны 1812 года в русской культуре. *Вестник МИЭП,* 1(26): 131–139.

Безотосный В.М. 2018. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт коллективной биографии. Москва, Российская политическая энциклопедия, 671 с.

Бескровный Л.Г. 1951. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. Москва, Издательство Академии наук СССР, 179 с.

Большаков И.Г. 1950. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. Москва, Госкиноиздат, 216 с.

Будницкий О.В. 2012. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов. *Российская история,* 6: 157–169.

Васильев А. 1992. Сигналы к битве и виктории. *Родина,* 6–7: 78 –79.

Жилин П.А. 1950. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. Москва, Военное издательство, 192 с.

Жилин П.А. 1978. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. Москва, Военное издательство, 399 с.

Кудряшов С. 1992. Кутузов был выше двумя головами. *Родина,* 6–7: 169–172.

Кутузов: pro et contra. Образ Кутузова в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года: антология. 2012. Санкт-Петербург, РХГА, 941 с.

Кухарук А. 2002. Некруглая дата. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 году. *Родина*, 8: 134–136.

Митрашенкова Л.В. 2016. Музей-панорама «Бородинская битва». *Россия и современный мир,* 4(93): 233–239.

Покровский М.Н. 1923. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сборник статей. Москва, Издательство Красная новь, 392 с.

Прохоров М.Ф. 2000. «Из истории музея «Кутузовская изба» в 1920-е годы». *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции.* Москва, Калита: 211–221.

Сабурова Т.А. 2014. Отечественная война 1812 года в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества XIX–XX века. *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны»*

(Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 гг. Москва, Государственный исторический музей: 377–396.

Святославский А.В. 2011. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. Автореферат диссертации доктора культурологии, Московский государственный педагогический университет, 53 с.

Тарле Е.В. 1938. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Москва, Соцэкгиз, 284 с.

Тарле Е.В. 1941. Михаил Кутузов. Москва, Воениздат НКО СССР, 30 с.

Тарле Е.В. 2012. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат. *Народное образование*, 9: 245–258.

Тихонов В. 2024. Полезное прошлое: История в сталинском СССР. Москва, Новое литературное обозрение, 368 с.

Троицкий Н.А. 1988. 1812. Великий год России. Москва, Мысль, 348 с.

Троицкий Н.А. 2003. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. Москва, ЗАО издательство Центрполиграф, 367 с.

Фомин И. 1995. Легенда о Кутузовском садике. *Вдохновение*, 7–8: 7–8.

Холодковский В.М. 1966. Наполеон ли сжег Москву? *Вопросы истории*, 4: 31–43.

Шеин И.А. 2013. Война 1812 года в отечественной историографии. Москва, Научно-политическая книга, 462 с.

Шуняков Д.В. 2018. Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. *ВИЖ*, 4: 30–37.

Юдин М.В. 2012. Образ М.И. Кутузова в советской пропаганде. *Преподавание истории в школе*, 6: 68–73.

References

Batyuk L.I. 2017. Obraz Otechestvennoj vojny 1812 goda v russkoj kul'ture [The Image of the Patriotic War of 1812 in Russian Culture]. *Vestnik MIEHP* [MIEP], 1(26): 131–139 p.

Bezotosnyj V.M. 2018. Rossijskij generalitet ehpokhi 1812 goda. Opyt kollektivnoj biografii [The Russian General Staff of the 1812 Era. An Attempt at a Collective Biography]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 671 p.

Beskrovnyj L.G. 1951. Otechestvennaya vojna 1812 g. i kontrnastuplenie Kutuzova [The Patriotic War of 1812 and Kutuzov's Counteroffensive]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 179 p.

Bol'shakov I.G. 1950. Sovetskoe kinoiskusstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet Cinematography during the Great Patriotic War]. Moscow, Goskinoizdat, 216 p.

Budnickij O.V. 2012. Izobretaya Otechestvo: istoriya vojny s Napoleonom v sovetskoj propagande 1941–1945 godov [Inventing the Fatherland: The History of the War with Napoleon in Soviet Propaganda 1941–1945]. *Rossijskaya istoriya* [Russian History], 6: 157–169.

Vasil'ev A. 1992. Signaly k bitve i viktorii [Signals for Battle and victory]. *Rodina* [Homeland], 6–7: 78–79.

Zhilin P.A. 1950. Kontrnastuplenie Kutuzova v 1812 godu [Kutuzov's Counteroffensive in 1812]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo, 192 p.

Zhilin P.A. 1978. Fel'dmarshal Mikhail Illarionovich Kutuzov [Field Marshal Mikhail Illarionovich Kutuzov. Life and Military Activity]. Zhizn' i polkovodcheskaya deyatel'nost'. Moscow, Voennoe izdatel'stvo, 399 p.

Kudryashov S. 1992. Kutuzov byl vyshe dvumya golovami [Kutuzov was two heads taller]. *Rodina* [Homeland], 6–7: 169–172.

Kutuzov: pro et contra. Obraz Kutuzova v kul'turnoj pamyati ob Otechestvennoj vojne 1812 goda: antologiya [The Image of Kutuzov in the Cultural Memory of the Patriotic War of 1812: Anthology]. 2012. Sankt-Peterburg, RKHGA, 941 p.

Kukharuk A. 2002. Nekruglaya data. Otkrytie pamyatnika na Borodinskom pole v 1839 godu [Non-Round Date. Unveiling of the Monument on the Borodino Field in 1839]. *Rodina* [Homeland], 8: 134–136.

Mitrashenkova L.V. 2016. Muzej-panorama «Borodinskaya bitva» [Museum-panorama "Battle of Borodino"]. *Rossiya i sovremennyj mir* [Russia and the Modern World], 4(93): 233–239.

Pokrovskij M.N. 1923. Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii: sbornik statej [Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the 19th Century: A Collection of Articles]. Moscow, Izdatel'stvo Krasnaya nov', 392 p.

Prokhorov M.F. 2000. «Iz istorii muzeya «Kutuzovskaya izbA» v 1920-e gody». Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki ["From the history of the Kutuzovskaya Hut Museum in the 1920s." The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments]. Problemy: materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Problems: Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference]. Moscow, Kalita: 211–221.

Saburova T.A. 2014. Otechestvennaya vojna 1812 goda v kommemorativnykh praktikakh i istoricheskoj pamyati rossijskogo obshchestva XIX–XX veka. Ehpokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. [The Patriotic War of 1812 in the Commemorative Practices and Historical Memory of the Russian Society of the XIX–XX Century. The Era of 1812. Researches. Sources. Historiography. Reports of the International Conference "Russia and the Napoleonic Wars" (Mezhdunarod)] Doklady Mezhdunarodnoj konferencii «Rossiya i Napoleonovskie vojny» (Mezhotne). XII: Sbornik materialov. K 200-letiyu Zagranichnykh pokhodov rossijskoj armii 1813–1814 gg. [XII: Collection of Materials. On the 200th Anniversary of the Foreign Campaigns of the Russian Army in 1813–1814] Moscow, Gosudarstvennyj istoricheskij muzej: 377–396.

Svyatoslavskij A.V. 2011. Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoj memorial'noj kul'tury [Habitat as a Memory Environment: Towards the History of National Memorial Culture. Abstract of the Dissertation of the Doctor of Cultural Studies]. Avtoreferat dissertacii doktora kul'turologii, Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 53 p.

Tarle E.V. 1938. Nashestvie Napoleona na Rossiyu. 1812 god [Napoleon's Invasion of Russia]. Moscow, Socehkgiz, 284 p.

Tarle E.V. 1941. Mikhail Kutuzov [Mikhail Kutuzov]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR, 30 p.

Tarle E.V. 2012. Mikhail Illarionovich Kutuzov – polkovodec i diplomat [Mikhail Illarionovich Kutuzov is a Military Commander and Diplomat]. *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 9: 245–258.

Tikhonov V. 2024. Poleznoe proshloe: Istoriya v stalinskom SSSR [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 368 p.

Troickij N.A. 1988. 1812. Velikij god Rossii [1812. The Great Year of Russia]. Moscow, Mysl', 348 p.

Troickij N.A. 2003. Fel'dmarshal Kutuzov: mify i fakty [Field Marshal Kutuzov: Myths and Facts]. Moscow, ZAO izdatel'stvo Centrpoligraf, 367 p.

Fomin I. 1995. Legenda o Kutuzovskom sadike [The Legend of Kutuzov's Garden. Vdokhnovenie [Inspiration]. 7–8: 7–8.

Kholodkovskij V.M. 1966. Napoleon li szheg Moskvu? [Did Napoleon Burn Moscow?] *Voprosy istorii* [Questions of History], 4: 31–43.

Shein I.A. 2013. Vojna 1812 goda v otechestvennoj istoriografii [The War of 1812 in Russian Historiography]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga, 462 p.

Shunyakov D.V. 2018. Razvitie sovetskoj nagradnoj sistemy i pooshchrenij voennosluzhashchikh v 1941–1945 gg. [The Development of the Soviet Award System and Rewards for Military Personnel in 1941–1945] *VIZH*, 4: 30–37.

Yudin M.V. 2012. Obraz M.I. Kutuzova v sovetskoj propagandje [The Image of M.I. Kutuzov in Soviet Propaganda]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching History at school], 6: 68–73.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.11.2025
Поступила после рецензирования 09.02.2026
Принята к публикации 11.02.2026

Received November 4, 2025
Revised February 9, 2026
Accepted February 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скопинцев Илья Андреевич, член отделения Российского исторического общества в Оренбургской области, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия
ORCID: 0009-0009-7738-5723

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Skopintsev, Member of the Russian Historical Society in the Orenburg Region, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

УДК 94(44+470)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-429-437
EDN NMHGIG
Оригинальное исследование

Участие французских легионеров в антипартизанских операциях на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны

Башкирева Н.В.
Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
E-mail: nat.val.saf@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства участия коллаборационистов из Легиона французских добровольцев против большевизма в карательных акциях, направленных на ликвидацию советских партизанских отрядов на временно оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Сфокусировано внимание на роли французов в проведении охранными подразделениями вермахта комплекса антипартизанских операций на Смоленщине и Брянщине в 1942–1943 гг. («Волость», «Анкара I», «Анкара II», «Репейник II», «Цыганский барон»). Отмечается участие французских комбатантов в грабеже гражданского населения западных регионов РСФСР. Приводятся негативные оценки немецким командованием боевых качеств французских легионеров, проявляющих систематическое нарушение воинской дисциплины. Сделан вывод о низкой эффективности 3-го батальона полка французских комбатантов, задействованного в борьбе с партизанами в оперативном тылу группы армий «Центр».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, РСФСР, Смоленщина, Брянщина, Легион французских добровольцев против большевизма, 638-й пехотный полк, антипартизанские операции

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Башкирева Н.В. 2026. Участие французских легионеров в антипартизанских операциях на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 429–437. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-429-437. EDN: NMHGIG

Participation of French Legionnaires in Anti-Partisan Operations in the Occupied Territory of the RSFSR during the Great Patriotic War

Natalya V. Bashkireva
Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh 394043, Russia
E-mail: nat.val.saf@mail.ru

Abstract. The article analyzes the circumstances of the participation of collaborators from the Legion of French Volunteers against Bolshevism in punitive actions aimed at eliminating Soviet partisan detachments in the temporarily occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. The focus is on the role of the French in conducting a series of anti-partisan operations by the Wehrmacht's security units in the Smolensk and Bryansk regions in 1942-1943 ("Volost", "Ankara I", "Ankara II", "Repeik II", "Tsygansky Baron"). The article notes the participation of French combatants in the looting of civilians in the western regions of the RSFSR. It also provides negative assessments by the German command of the combat skills of the French legionnaires, who were known for their systematic violations of military discipline. The article concludes that the Third Battalion of the French Combatants Regiment, which was involved in the fight against partisans in the operational rear of Army Group Center, was ineffective.

Keywords: Great Patriotic War, Smolensk region, Bryansk region, Legion of French Volunteers against Bolshevism, 638th Infantry Regiment, anti-partisan operations

© Башкирева Н.В., 2026

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Bashkireva N.V. 2026. Participation of French Legionnaires in Anti-Partisan Operations in the Occupied Territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 429–437 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-429-437. EDN: NMHGIG

Введение

В последние десятилетия в отечественной историографии наблюдается устойчивый интерес к проблеме участия различных коллаборационистских формирований из числа жителей европейских государств в преступных действиях вермахта и других военизированных подразделений нацистской Германии на территории СССР в годы Великой Отечественной войны [Ковалев, Кулик, 2021; Панков, 2022; Кикнадзе и др., 2024]. Вопреки тому, что представитель Франции был в числе победителей, принимавших капитуляцию Третьего рейха в мае 1945 г., а деятельность Сопротивления преподносится как убедительное доказательство антифашисткой позиции французской стороны, быстрый разгром Третьей Республики в 1940 г., установление режима Виши и активное сотрудничество политиков, солдат и офицеров с нацистами ставят под сомнение правомерность вышеназванных «достижений». При этом одним из наименее исследованных аспектов остается участие различных французских подразделений не только в боевых действиях против регулярных частей Красной армии на советско-германском фронте, но и в политике геноцида и «выжженной земли», проводимой нацистскими карателями на временно оккупированных территориях СССР. В частности, определенный интерес вызывает использование руководством Третьего рейха коллаборационистов – военнослужащих Легиона французских добровольцев против большевизма (638-го пехотного полка) в карательных операциях против партизан на территории Смоленщины и Брянщины в 1942–1943 гг. Исследование указанной проблемы будет служить дополнением широкомасштабной картины преступлений нацистов и их пособников против гражданского населения оккупированных советских территорий в голы Великой Отечественной войны.

Объект и методы исследования

Одним из ведущих направлений отечественной историографии до настоящего времени продолжает оставаться исследование истории сопротивления немецко-фашистским оккупантам на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, начавшееся еще в послевоенный период [Литвинова, 2021]. При этом для современного историографического этапа характерно особое внимание к региональным аспектам развития партизанского движения и противодействия ему со стороны немецких оккупантов и их пособников. Так, партизанской борьбе на территории отдельно взятых регионов СССР посвящены исследования В.В. Коровина [Коровин, 2007], Е.Н. Абовян [Абовян, 2014], Кулика С.В. [Кулик, 2016], Красноженовой Е.Е., Кулинка С.В. [Красноженова, Кулинок, 2022] и ряда других авторов. В контексте анализа партизанского движения в трудах российских ученых затрагиваются и вопросы участия в реализации оккупационной политики, антипартизанской борьбе и геноциде советского народа не только немецко-фашистских захватчиков, но и коллаборационистов [Романько, 2014], в том числе европейских [Филоненко, 2017]. В публикациях отечественных [Бэйда, 2013], а также зарубежных [Bene, 2013] историков нашли отражение и отдельные аспекты участия в антипартизанских акциях на территории СССР французских солдат и офицеров, однако отсутствие комплексного исследования проблемы делает актуальным обращение к ней.

Объектом исследования выступает деятельность коллаборационистов из состава Легиона французских добровольцев против большевизма на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Предмет исследования – участие 3-го батальона французского 638-го пехотного полка в антипартизанских акциях на территории западных регионов РСФСР

(современных Брянской и Смоленской областей) в 1942–1943 гг. Исследование основывается на архивных материалах, содержащихся в фондах российских и зарубежных архивов, источниках личного происхождения, анализе отечественной и зарубежной историографии, что в совокупности позволяет достичь репрезентативных результатов.

В ходе исследования базовыми выступили принципы объективности и историзма, которые способствовали беспристрастному и последовательному исследованию участия французских военнослужащих в карательных операциях против партизан на территории Смоленщины и Брянщины в годы Великой Отечественной войны от прибытия 638-го пехотного полка в тыловой район группы армий «Центр» в мае 1942 г. до его передислокации в Белоруссию в мае 1943 г. Также в исследовании применялись общенаучные (индукция, дедукция, анализ, синтез) и специально-исторические методы научных изысканий, такие как историко-системный и историко-генетический.

Результаты и их обсуждение

Легион французских добровольцев против большевизма, понесший немалые потери в ходе операции «Тайфун» осенью-зимой 1941 г., впоследствии был передислоцирован в оккупированные нацистской Германией западные районы СССР (на территорию Смоленской и Орловской (ныне – Брянской) областей РСФСР, Белорусской ССР) с целью обеспечения безопасности оперативного тыла немецкой армии и, как следствие, участия в антипартизанской борьбе. Использованию французских военнослужащих нацистским руководством в карательных акциях против партизан в тылу предшествовал период восстановления сил и численности 638-го пехотного полка вермахта. В итоге реорганизации было образовано два батальона, 1-й и 3-й, которые весной-летом 1942 г. были закреплены за разными германскими дивизиями, действовавшими в тылу группы армий «Центр». 1-й батальон легиона подчинялся 286-й охранной дивизии вермахта, а 3-й – прикреплялся к 221-й охранной дивизии [Башкирева, 2025, с. 165]. 3-й батальон французского воинского формирования, возглавляемый полковником А. Дюкро, включал штабную и три стрелковых роты (9-ю, 10-ю и 11-ю). Батальон имел недокомплект в 5 офицеров, 16 унтер-офицеров и 109 рядовых, однако оценивался немецким командованием как полностью боеспособный [104].

Прибыв в середине мая 1942 г. в район Смоленска, 3-й батальон вошел в состав 44-го охранного полка и занял позиции между деревнями Павлово и Дятловка [105]. В этом районе действовала 1-я Смоленская партизанская дивизия «Дедушка». Такое название дивизия получила благодаря своему командиру Василию Исаевичу Воронченко, который по возрасту был старше большинства участников этого партизанского формирования [Первая партизанская, 1983, с. 45]. Еще одним противником французских легионеров стали части так называемой «особой группы войск», а именно 1-го гвардейского кавалерийского корпуса под руководством генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Белова.

Первой антипартизанской акцией, в которой были задействованы французы, стала проводившаяся на территории Смоленской области в первой половине июня 1942 г. операция «Волость». Название операции дала одноименная река, а французские коллаборационисты в ходе ее осуществления столкнулись как с частями 1-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием Виктора Кирилловича Баранова, так и с бойцами «Дедушки». На французских комбатантов была возложена задача во взаимодействии с немецкими частями ликвидировать Южный Ельнинский «партизанский край», включая Глинковский район [Бэйда, 2013, с. 122–123].

В ходе боевых действий 9-я и 10-я роты 3-го батальона 638-го пехотного полка приняли участие лишь в начальной фазе атаки, вклинившись вглубь обороны партизан на полтора километра. При этом мгновенно начали нести потери: 4 убитых и 7 раненых [Bene, 2012, p. 119]. После предоставленного немецким командованием французам дня передышки, 4-го июня они вновь были задействованы в проведении антипартизанских действий. При этом

[104] Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BAMA). RH 26-221/43. Bl. 287.
[105] BAMA. RS 3-33/3. Bl. 33.

основная роль отводилась 11-й роте. Однако возложенную на них миссию французы провалили, попав в окружение партизан. Сумев прорваться из кольца, рота потеряла 10 человек убитыми и 40 ранеными. Немцы применили авиаудары по предполагаемым местам дисклокации партизан. Параллельно были устроены «чистки» в рядах Легиона французских добровольцев, обусловленные недостаточной боеспособностью и низкой дисциплиной. Вместо отправленного немедленно во Францию Дюкро должность командира 3-го батальона занял командующий 11-й ротой Демессин, сумевший вывести подчиненных из окружения [106].

Оказавшиеся в тяжелой обстановке партизаны провели 6 июня 1942 г. совещание, в ходе которого было принято решение прорываться отдельными отрядами из окружения [Первая партизанская, 1983, с. 285]. При этом партизанскими группами успешно применялась тактика минирования дорог – на одной из мин подорвался санитарный автомобиль французского легиона. Исключительно из-за того, что партизаны вынужденно при отступлении оставили вооружение, французам удалось 11–12 июня успешно атаковать, захватив несколько пленных и трофеи. После того как 13 июня они достигли деревни Болотово, их участие в операции «Волость» завершилось [Bene, 2012, p. 119–120]. Впрочем, не стоит преувеличивать успехи французских коллаборационистов, так как еще 9 июня 1942 г. партизанами был получен приказ Г.К. Жукова: «Дивизия должна обороняться до последней возможности, а при невыдержке расчлениться на отдельные отряды, уйти в леса и действовать самостоятельно» [цит. по: Тарасенкова, 2023, с. 131]. К тому же французы понесли людские потери – более 60 человек ранеными и убитыми. Немцы наградили 5 бойцов батальона Железными крестами, однако в целом были не в восторге от результатов операции. Так, в дневниковых записях от 10 и 11 июня начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер сетовал на то, что войскам под руководством П.А. Белова удалось вырваться из окружения, пусть и ценой немалых потерь [Гальдер, 1971, с. 261–262]. Впоследствии советский военачальник в мемуарах вспоминал обстоятельства выхода партизан из окружения малыми отрядами [Белов, 1963, с. 268–269].

14 июня 3-й батальон Легиона французских добровольцев был выведен в район станции Починок и после трехнедельного отдыха передислоцирован в Краснополье Белорусской ССР. Замысел командующего прифронтовым районом группы армий «Центр» М. фон Шенкендорфа заключался в применении французских легионеров исключительно для борьбы с партизанами, что позволило бы использовать их успехи в пропагандистских целях [Приложения к журналу…, 2022, с. 184]. Ведь рядовыми солдатами вермахта партизаны оценивались как очень сильный противник: «Хитрый, как лиса, мастер уловок и маскировки, иногда водит нас за нос. В пещерах, расщелинах, дырах замаскирован лучшим образом, на густых деревьях и в болоте – удается скрываться некоторым, другие обнаруживаются случайно» [Бельке, 2002]. Реализуя предписания начальника тылового района, дивизионное руководство в июле-сентябре задействовало 3-й батальон в антипартизанских операциях на территории Белоруссии [Башкирева, 2024, с. 165]. К середине осени 1942 г. сведения о наличии в составе дивизии, действовавшей в Крупском районе Минской области БССР и Брянском районе Орловской области РСФСР, французского 638-го пехотного полка, попали в поле зрения Центрального штаба партизанского движения[107], располагавшего информацией о действиях советских партизан против французских военнослужащих [108].

Первые месяцы службы 3-го батальона французского легиона в охранных подразделениях на оккупированных территориях РСФСР позволили немецкому командованию сделать выводы о его боеспособности. Так, в отчете дивизионного руководства от 7 августа 1942 г. французские солдаты характеризовались как крайне не дисциплинированные: помимо самовольных отлучек, невыполнения приказов, небрежности в отношении с оружием, военной формой, лошадьми, военнослужащие батальона «при каждой операции у жителей незаконно похищали скот и предметы одежды в неоправданно больших количествах» [109].

[106] BAMA. RS 3-33/3. Bl. 39.
[107] Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. П-1650. Оп. 1 Д. 67. Л. 71.
[108] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. ДД. 49, 51.
[109] BAMA. RH 26-221/43. Bl. 288.

В середине ноября 1942 г. 3-й батальон французского легиона был переподчинен 36-му охранному полку все той же 221-й охранной дивизии и передислоцирован в район юго-западнее Брянска [110]. На этот момент состав подразделения был недоукомплектован на 300 человек, а нарушение воинской дисциплины среди солдат и офицеров, по свидетельству немецкого командования, продолжало оставаться обычной практикой [111].

В течение месяца на территории Брянщины батальон участвовал лишь в мелких стычках с местными партизанами. Однако активность последних в районе Мамаевских лесов возрастала, что нашло отражение в сообщении отдела разведки и контрразведки тыла группы армий «Центр» о положении партизан в декабре 1942 г. Централизация управления, укрепление дисциплины, создание необходимой инфраструктуры указывались в качестве основных причин повышения боеспособности партизанских групп в районе действия 221-й охранной дивизии [112]. Итоги локальных столкновений с партизанами были противоречивы: далеко не всегда французским коллаборантам удавалось одержать победу, кроме того, были убитые, раненые и пропавшие без вести. Все это вновь заставило немецкое руководство произвести в составе командования батальона перестановки, в том числе заменив командира Демессина на капитана Ж. Мадэк [Bene, 2012, p. 122]. Морально-психологическое и физическое состояние военнослужащих 638-го полка было далеким от представлений немцев о боевых качествах солдата вермахта, что отчетливо прослеживается в донесении командующего охранными войсками по вопросу использования французских легионеров. В частности, в нем отмечалось наличие в 3-м батальоне упаднических настроений в связи с успехами англо-американских союзных войск в Северной Африке осенью 1942 г., слабая военная подготовка его состава и низкая воинская дисциплина, выражавшаяся в том числе в халатном отношении к оружию и обмундированию, а также мародерстве. Несмотря на прибытие более подготовленного пополнения, имелось намерение в конце зимы вывести 3-й батальон в учебный лагерь для совершенствования боевой выучки [113].

Первой крупной акцией против партизан на территории Брянского края, проводимой немецкими оккупационными властями с привлечением французского национального подразделения, стала операция «Анкара I», осуществленная с 19 по 26 декабря 1942 г. Помимо антипартизанской зачистки, ее цель заключалась в реквизиции у населения скота и продуктов питания. Если со второй составляющей задачи оккупанты справились вполне успешно, изъяв у местных жителей скотину, то антипартизанская борьба не принесла желаемых результатов. Немецкое командование вновь выразило недовольство действиями французских коллаборационистов, в отчете вышестоящему руководству отмечая существенные изъяны в организации, дисциплине, морально-психологической подготовке, а главное, в боевых качествах [Бэйда, 2013, с. 142].

Следует отметить, что на территории Брянщины, помимо активных борцов против оккупантов, в составе Красной армии или различных партизанских отрядов имелись и группы населения, которые вступили в ряды коллаборационистов [Полугодин, 2019]. С подобными пособническими формированиями взаимодействовали и французские легионеры. В частности, в состав 36-го охранного полка наряду с 3-м батальоном французского легиона входил 604-й восточный батальон [114]. Имеются сведения и о соседстве французов в районе дислокации по линии Унеча-Сураж с украинскими националистами [115].

Охранные дивизии тылового района группы армий «Центр» готовились к проведению новых карательных акций. Захваченный в плен в начале января 1943 г. советскими разведчиками французский капрал свидетельствовал, что немцы намечали большую операцию против партизан Клетнянских лесов, ожидая подкрепления в виде танков и авиации [116].

[110] BAMA. RS 3-33/3. Bl. 33.

[111] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12462. Д. 518. Л. 49.

[112] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 535. Л. 77.

[113] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 518. ЛЛ. 18–20.

[114] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 13462. Д. 534. Л. 22.

[115] Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 4. Оп. 1. Д. 469. Л. 35. URL: https://www.prlib.ru/item/1953275 (дата обращения: 30.12.2025)

[116] Там же.

3-й батальон Легиона французских добровольцев вскоре был задействован в проведении двух операций в Мамаевских лесах [117]: Анкара II и Репейник II. В период реализации операции «Анкара II» (17–21 января 1943 г.) французским коллаборационистам удалось захватить две деревни – Садовую и Молодьково [Bene, 2012, p. 122]. В ходе операции «Репейник II» (Klette II; 15 января – 9 февраля 1943 г.), нацеленной на полное уничтожение партизанских сил в Мамаевских лесах, французам была поставлена задача замыкать кольцо окружения с запада и, в случае прорыва партизан, собственными силами его ликвидировать. К началу проведения операции в указанном районе были сосредоточены четыре Клетнянские бригады, 5-я Ворговская бригада, соединение А.Ф. Федорова [Дзюбан В.В., Абовян Е.Н., 2016]. Французы вступили в антипартизанскую борьбу 21 января 1943 г. В течение нескольких суток совместно с немецкими частями они отражали нападения партизан, стремившихся вырваться из окружения. При этом оккупанты активно применяли артиллерию и авиацию. В ночь с 29 на 30 января 1943 г. французам удалось частично остановить партизанский прорыв. В ходе дальнейшего проведения операции французский батальон был передислоцирован на позиции к югу, теряя боеспособность за счет раненых или получивших обморожения. 6 февраля одними из первых французские коллаборационисты были выведены в тыл и к 9 февраля переведены для отдыха в Мглин [Бэйда, 2013, с. 146–149]. Вопреки первоначальным надеждам нацистского руководства, итоги операции «Репейник II» были не столь успешны, поскольку большая половина базировавшихся в зоне боевых действия партизан сумела выйти из окружения и продолжить борьбу против оккупантов, хотя партизанские отряды и понесли ощутимые потери: 441 человек убитыми, 126 пленными [Дзюбан В.В., Абовян Е.Н., 2016].

В течение последующих 3 месяцев 3-й батальон французского легиона перебрасывали в разные места вдоль р. Десна, где он был задействован в строительстве укреплений [118]. В это время имели место лишь локальные стычки с партизанами.

Ситуация изменилась с началом операции «Цыганский барон» (16 мая – 6 июня 1943 г.), проводимой к югу от Брянска. Ее целью являлось обеспечение бесперебойных поставок всего необходимого для реализации операции «Цитадель». Немцы, задействовавшие в проведении этой акции порядка 40 тыс. человек из разных подразделений, планировали одновременно нанести удар с нескольких направлений по месту сосредоточения партизан с намерением разделения лесного массива на ряд отдельных участков. Предполагалось, что понесшие неизбежные потери партизаны будут прорываться к Десне – именно в этом секторе находились французы. Таким образом, 3-му батальону французского легиона была поставлена задача препятствовать выходу партизан из окружения [Bene, 2012, p. 125]. Документальных свидетельств конкретного участия подразделения Легиона французских добровольцев в проведении операции нет. Однако вывод 3-го батальона 638-го пехотного полка из подчинения 221-й охранной дивизии и передислокации его на территорию Белоруссии в разгар проведения широкомасштабной антипартизанской акции может служить косвенным свидетельством низкой боевой эффективности формирования. В приказе оперативного отдела 286-й охранной дивизии от 24 мая 1943 г. указывалось, что в начале июня роты батальона должны были занять позиции вдоль Минского шоссе от Могилева до Белыничи [119]. Таким образом, пребывание французского подразделения на временно оккупированной территории РСФСР завершилось.

Заключение

Подводя итоги, следует констатировать, что в период с сер. 1942 г. до сер. 1943 г. 3-й батальон Легиона французских добровольцев против большевизма, находясь в составе 221-й охранной дивизии вермахта в качестве подразделения 638-го пехотного полка, был задействован в ряде антипартизанских операций, организованных нацистским военным

[117] BAMA. N 756/201. 8. Französische SS-Freiwilligen-Sturmbrigade. Bl. 6.
[118] BAMA. RS 3-33/3. Bl. 42.
[119] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1399. Л. 80.

командованием на территории Смоленщины и Брянщины. Участвуя в карательных акциях в оккупированных Германией западных областях РСФСР (Смоленской и Орловской), французы внесли свой вклад в проведение нацистской политики «выжженной земли» и «нового порядка», уничтожение партизанских отрядов, убийства советских партизан, а также изъятие продовольствия у гражданского населения. Вместе с тем слабая боеспособность и военная подготовка, проблемы с дисциплиной, тяга к грабежам и мародерству, свойственные французских комбатантам, неоднократно отмечавшиеся в отчетах немецкого командования, приводили к низкой эффективности французского подразделения в борьбе с партизанским движением на оккупированных территориях РСФСР, находящихся в ближайшем оперативном тылу вермахта. Представляется, что именно по причине того, что 3-й батальон французского легиона не зарекомендовал себя в качестве надежного формирования ни с точки зрения боевой выучки, ни с позиции преданности делу, накануне начала летнего наступления германских вооруженных сил на Курск он был отведен глубже в тыл – на территорию Белоруссии.

Список источников

Белов П.А. 1963. За нами Москва. Москва, Воениздат. 336 с.

Бельке Ф. 2002. Дневник солдата. Ржев. URL: https://nikshumilin.narod.ru/41/05/r_g05s19p.html (дата обращения: 30.12.2026)

Гальдер Ф. 1971. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942. Т. 3. Кн. 2. Москва, Воениздат. 368 с.

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. П-1650. Орловский (Брянский) штаб партизанского движения 1942–1943 гг. Оп. 1 Д. 67.

Первая партизанская. 1983. Сост. Н.Ф. Юдин. Москва: Московский рабочий, 352 с.

Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 4. Материалы внутренней переписки органов безопасности. Оп. 1. Д. 469. URL: https://www.prlib.ru/item/1953275 (дата обращения: 30.12.2025)

Приложения к журналу боевых действий командующего прифронтовым районом группы армий «Центр» и командующего корпусом охранных войск. Жуков Д.А., Ковтун И.И., Кулинок С.В. Цербер армейского тыла. Генерал Макс фон Шенкендорф и журнал боевых действий его штаба. Москва: Вече, 2022: 182–264.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1399.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Оп. 1. Д. 49.

РГАСПИ. Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Оп. 1. Д. 51.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500. Фонд перемещенных документальных коллекций. Оп. 12462. Д. 518.

ЦАМО РФ. Ф. 500. Фонд перемещенных документальных коллекций. Оп. 12462. Д. 534.

ЦАМО РФ. Ф. 500. Фонд перемещенных документальных коллекций. Оп. 12462. Д. 535.

Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BAMA). N 756/201. Infanterie-Regiment 638, Französische Legion (LVF), Französische SS-Freiwilligen-Sturmbrigade und Waffen-Grenadier-Brigade der SS «Charlemagne».

BAMA. RH 26-221/43. 221. Infanterie-Division / 221. Sicherungs-Division.

BAMA. RS 3-33/3. Die Geschichte der 33. Waffen-Grenadier-Division der SS Charlemagne.

Rusco P. 1988. Stoi! Quarante mois de combat sur le front russe. Paris, 287 p.

Список литературы

Абовян Е.Н. 2014. Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.). Брянск, Брянский государственный технический университет. 190 с.

Башкирева Н.В. 2024. Французские легионеры на территории Белоруссии в середине 1942 – середине 1943 гг.: охранные функции и участие в карательных операциях против партизан. *Клио*. 12(216): 164–169. doi 10.24412/2070-9773-2024-12216-164-169

Бэйда О.И. 2013. Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 гг. Москва, Вече. 336 с.

Дзюбан В.В., Абовян Е.Н. 2016. Активизация партизанского движения на территории Брянщины в период с мая 1942 г. по февраль 1943 г. *Мировые цивилизации*. 1(4). URL: https://wcj.world.ru/PDF/20MZ416.pdf (дата обращения: 30.12.2025)

Кикнадзе В.Г., Романько О.В., Саенко А.С. и др. 2024. Геноцид народов России: Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. Москва, Прометей. 990 с.

Ковалев Б.Н., Кулик С.В. 2021. Преступления нацистов и их пособников на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.). *Вопросы истории*. 3: 76–84. doi 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi06

Коровин В.В. 2007. Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. Курск, Славянка. 512 с.

Красноженова Е.Е., Кулинок С.В. 2022. Формы и методы борьбы с партизанским движением на пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России. *Новейшая история России*. 12(4): 870–883. doi 10.21638/spbu24.2022.404

Кулик С.В. 2016. Партизанское движение на Северо-Западе России. *Россия в глобальном мире.* 8(31): 133–147.

Литвинова О.Н. 2021. Основные тенденции развития историографии партизанского движения Великой Отечественной войны. *Вестник гуманитарного образования.* 2(22): 98–106. doi 10.25730/VSU.2070.21.023

Панков О.Д. 2022. «Бельгию можно отнести к разряду наиболее лояльных гитлеровскому режиму государств». Бельгийские легионеры на советско-германском фронте. *Военно-исторический журнал*. 6: 34–47.

Полугодин А.Д. 2019. Коллаборационизм в зоне действия Дятьковской партизанской бригады в период 1941–1943 гг. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 4(52). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3410/ (дата обращения: 30.12.2025).

Романько О.В. 2014. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. Москва, Центрполиграф, 2014. 414 с.

Тарасенкова Т.И. 2023. Деятельность партизанского соединения «Дедушка» на оккупированной территории Смоленской области. Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток: 126–132.

Филоненко Н.В. 2017. Действия венгерских оккупационных войск на советской территории в конце 1941 – середине 1942 годов. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 3: 87–91.

Bene K. 2012. La collaboration militaire francaise dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire: Editions Codex. 591 p.

References

Abovyan E.N. 2014. Bryanskij region v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: partizanskoe dvizhenie i kollaboracionizm (1941–1943 gg.). [Bryansk Region during the Great Patriotic War: The Partisan Movement and Collaboration (1941–1943).]. Bryansk, Bryanskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 190 p.

Bashkireva N.V. 2024. Francuzskie legionery na territorii Belorussii v seredine 1942 – seredine 1943 gg.: ohrannye funkcii i uchastie v karatel'nyh operaciyah protiv partizan [French Legionnaires on the Territory of Belarus in 1942 – 1943: Security Functions and Participation in Punitive Operations Against Partisans]. *Klio*. 12(26): 164–169. doi 10.24412/2070-9773-2024-12216-164-169

Bejda O.I. 2013. Frantsuzskij legion na sluzhbe Gitleru. 1941–1944 gg. [The French Legion in the Service of Hitler. 1941–1944]. Moscow, Veche, 336 p.

Dzyuban V.V., Abovyan E.N. 2016. Aktivizatsiya partizanskogo dvizheniya na territorii Bryanshhiny v period s maya 1942 g. po fevral' 1943 g. [The Intensification of the Partisan Movement in the Bryansk Region in the Period from May 1942 to February 1943]. *Mirovye tsivilizatsii*. 1(4). https://wcj.world.ru/PDF/20MZ416.pdf

Kiknadze V.G., Roman'ko O.V., Saenko A.S. Genocid narodov Rossii: Prestupleniya protiv sovetskogo mirnogo naseleniya i voennoplennyh v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Genocide of the Peoples of

Russia: Crimes against Soviet Civilians and Prisoners of War during the Great Patriotic War]. Moscow, Prometej. 990 p.

Kovalev B.N., Kulik S.V. 2021. Prestupleniya nacistov i ih posobnikov na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada Rossii (1941–1944 gg.). [The Crimes of Nazis and their Accomplices in the Occupied Territory of North-West Russia, 1941–1944]. *Voprosy istorii*. 3: 76-84. doi 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi06

Korovin V.V. 2007. Podnimalis' voiny naroda: soprotivlenie v tylu nemecko-fashistskih vojsk na territorii oblastej Central'nogo Chernozem'ya v 1941–1943 gg. [The Warriors of the People Rose up: Resistance in the Rear of the Nazi Troops in the Territories of the Central Chernozem region in 1941–1943]. Kursk, Slavyanka. 512 p.

Krasnozhenova E.E., Kulinok S.V. 2022. Formy i metody bor'by s partizanskim dvizheniem na pogranichnoj territorii Belarusi i Severo-Zapada Rossii [Forms and Methods of Combating the Partisan Movement on the Border Territory of Belarus and the North-West of Russia]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 12(4): 870-883. doi 10.21638/spbu24.2022.404

Kulik S.V. 2016. Partizanskoe dvizhenie na Severo-Zapade Rossii [Partisan Movement in Northwest Russia]. *Rossiya v global'nom mire.* 8(31): 133–147.

Litvinova O.N. 2021. Osnovnye tendencii razvitiya istoriografii partizanskogo dvizheniya Velikoj Otechestvennoj vojny [The Main Trends in the Development of the Historiography of the Partisan Movement of the Great Patriotic War]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 2(22): 98–106. doi 10.25730/VSU.2070.21.023

Pankov O.D. 2022. «Bel'giyu mozhno otnesti k razryadu naibolee loyal'nyh gitlerovskomu rezhimu gosudarstv». Bel'gijskie legionery na sovetsko-germanskom fronte [Belgian Legionnaires at the Soviet-German Front. ... «belgium can be numbered among the states most loyal. To the hitler regime». Belgian Legionnaires at the Soviet-German Front]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 6: 34–47.

Roman'ko O.V. 2014. Krym v period nemeckoj okkupacii. Nacional'nye otnosheniya, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944 [The Crimea during the German Occupation. National Relations, Collaboration and Partisan Movement. 1941–1944]. Moscow, Centrpoligraf, 2014. 414 p.

Polugodin A.D. 2019. Kollaboratsionizm v zone dejstviya Dyat'kovskoj partizanskoj brigady v period 1941–1943 gg. [Collaboration in the Area of Operation of the Dyatkovsky Partisan Brigade in the Period 1941–1943]. *Uchenye zapiski. Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3410/

Tarasenkova T.I. 2023. Deyatel'nost' partizanskogo soedineniya «Dedushka» na okkupirovannoj territorii Smolenskoj oblasti [Activities of the "Grandfather" Partisan Unit in the Occupied Territory of the Smolensk Region]. Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Smolensk, Svitok, 126–132.

Filonenko N.V. 2017. Dejstviya vengerskih okkupacionnyh vojsk na sovetskoj territorii v konce 1941 – seredine 1942 godov [Actions of the Hungarian Occupational Troops on the Soviet Territory at the End of 1941 – the Middle of 1942]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. 3: 87–91.

Bene K. 2012. La collaboration militaire francaise dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-SaintHilaire: Editions Codex. 591 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2026
Поступила после рецензирования 03.04.2026
Принята к публикации 06.04.2026

Received January 19, 2026
Revised April 3, 2026
Accepted April 6, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Башкирева Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия
ORCID: 0000-0002-0307-4481

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Bashkireva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

УДК 94 (470+476) “2000/2005”:327.7
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-438-446
EDN OFOPKZ
Оригинальное исследование

Россия – Белоруссия: практика создания монетарного союза (2000–2005 гг.)

Веревкина Ю.И.
Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу политики интеграции России и Белоруссии в рамках Союзного государства в валютной сфере. Выявлены и охарактеризованы подходы сторон по вопросам формирования монетарного союза в начале XXI в. Особый акцент сделан на анализе факторов, в силу которых мероприятия в рамках валютной интеграции в рассматриваемый период не были выполнены, а монетарный союз России и Белоруссии не состоялся. Утверждается, что основной объем противоречий между союзными странами возникал ввиду несовпадения оценок относительно специфики организации и функционирования единого эмиссионного центра. С точки зрения Белоруссии, функции единого эмиссионного центра должен был выполнять Союзный центральный банк, что, однако, шло вразрез с российским подходом. Сделан вывод, что валютная интеграция, не получив развития, повлияла на общую направленность интеграционного процесса России и Белоруссии как двух суверенных государств, что опиралось на правовой фундамент, заложенный в предыдущий период.

Ключевые слова: Союзное государство, валютная интеграция, единая валюта, постсоветское пространство

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Веревкина Ю.И. 2026. Россия – Белоруссия: практика создания монетарного союза (2000–2005 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 438–446. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-438-446. EDN: OFOPKZ

Russia – Belarus: The Practice of Creating a Monetary Union (2000–2005)

Yuliya I. Verevkina
Kursk State University,
33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia
E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the policy of integration of Russia and Belarus within the framework of the Union State in the monetary sphere. The approaches of the parties to the formation of a monetary union in the early 21st century are identified and characterized. Special emphasis is placed on the analysis of the factors that prevented the implementation of measures within the framework of monetary integration during the period under review, which was why the monetary union between Russia and Belarus did not take place. It is argued that the main source of disagreements between the Union countries was the divergence of opinions regarding the specifics of the organization and functioning of a single issuing center. From the point of view of Belarus, the functions of a single emission center were to be performed by the Union Central Bank, which, however, was contrary to the Russian approach. It is concluded that the lack of development of currency integration influenced the overall direction of the integration process between Russia and Belarus as two sovereign states, which was based on the legal foundation established in the previous period.

Keywords: Union State, currency integration, single currency, post-Soviet space

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

© Веревкина Ю.И., 2026

For citation: Verevkina Yu.I. 2026. Russia – Belarus: The Practice of Creating a Monetary Union (2000–2005). *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 438–446 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-438-446. EDN: OFOPKZ

Введение

Отношения России и Белоруссии постсоветского периода развиваются с учетом фактора интеграции. Подобная практика, являясь взаимовыгодной, предполагает широкую межгосударственную кооперацию в самых разнообразных сферах – от экономики до военно-оборонного сотрудничества. Период начала 2000-х гг. оказался временем, когда закладывалась институциональная основа Союзного государства, шел процесс апробации форм и направлений интеграционного взаимодействия России и Белоруссии. В то же время, несмотря на стратегический характер партнерства, интересы двух стран совпадают не по всем направлениям и, как показывает логика развития российско-белорусского диалога рассматриваемого периода, зачастую могут вступать в явные противоречия.

Объект и метод исследования

Объектом исследования настоящей статьи выступила интеграционная политика России и Белоруссии рассматриваемого периода, проводившаяся в направлении создания двустороннего монетарного союза. В свою очередь, предметом исследования являются специфика и факторы, обуславливающие практику валютной интеграции двух стран на начальной стадии реализации Союзного договора 1999 г.

Методологической основой исследования явился комплекс базовых принципов исторической науки – историзм, научная объективность, системность. Принцип историзма позволил изучить вопросы, исследуемые в работе, в их конкретно-исторической обусловленности, развитии и соотношении с другими событиями международной жизни. Принцип научной объективности способствовал выявлению объективной картины того, как складывались отношения Российской Федерации с Республикой Беларусь в области союзного строительства; принцип системности, подразумевающий анализ международных явлений с точки зрения их системной взаимосвязи, сделал возможным из отдельных фрагментов изучаемой проблемы вывести общую картину, сформулировав необходимые выводы и обобщения.

Результаты и их обсуждение

Подписание в декабре 1999 г. Договора о создании Союзного государства между РФ и РБ потребовало исполнения сторонами взятых на себя обязательств в области союзного строительства. Президент России В.В. Путин формировал новые подходы к белорусскому направлению внешней политике страны. С начала 2000-х гг. в диалоге с Белоруссией все отчетливее звучали идеи проведения инвентаризации всего комплекса российско-белорусских отношений, исключающие из практики взаимоотношений России и Белоруссии неопределенность, на чем ранее уже делался акцент [Белорусско-российские отношения…, 2000, с. 53; Снапковский, 2001].

Политические перемены, произошедшие в России на рубеже столетий, стали для руководства Белоруссии неожиданными [Снапковский, 2001]. Изменения в руководящих структурах РФ стали восприниматься как возможность придать российско-белорусским отношениям новый импульс [Годин, 2001, с. 37; Шарапо, 2006, с. 15; Коктыш, 2012, с. 83]. Представители политических элит России и Белоруссии не были удовлетворены результатами союзного строительства предшествующего периода и неоднозначными результатами интеграционной политики 1990-х гг. В этом их поддерживали представители академического сообщества [Годин, 2001, с. 56; Карбалевич, 2002, с. 83; Уилсон, 2012, с. 115].

Тем не менее о реализации Союзного договора и его важнейших составляющих, в частности валютной интеграции, говорили как о важнейшей государственной задаче, делая акцент на

необходимость укрепления российско-белорусского тандема и развитие союзного строительства [120]. Так, в январе 2000 г. А.Г. Лукашенко выступил с заявлением, в котором отмечалось, что Белоруссия была и остается союзником России, выразив уверенность в том, что «новое российское руководство продолжит линию на развитие интеграции между Беларусью и Россией» [Заява Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, 2000]. В этом же ключе, но с несколько иными акцентами высказывался и российский президент, говоря о том, что политика России в отношении интеграционных процессов в СНГ должна быть более «четкой, динамичной и целенаправленной».

В июне 2000 г. была принята новая Концепция внешней политики РФ, в которой рыночные принципы объявлялись условием подлинно равноправных отношений с республиками бывшего СССР, в том числе с Белоруссией. В концепции отмечалось, что Россия стремится к «разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках СНГ». При этом первостепенной задачей называлось «укрепление Союза Беларуси и России как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств» [Концепция внешней политики России, 2000].

Политическое руководство России и Белоруссии осознавало высокую значимость союзного проекта. В России при обсуждении вопросов будущих процессов интеграции с РБ планировали начинать «строительство Союзного государства с «чистого листа», с учетом «сделанных ошибок и перекосов» [Киринциянов, 2000, Bogetic, 2006].

В начале 2000-х гг. актуальными оставались вопросы принятия Конституционного акта как документа, определяющего форму и институциональные параметры Союзного государства, создание валютного союза и обеспечения равных условий для субъектов хозяйствования обеих стран [Суздальцев, 2007, с. 305; Иноземцев, 2012, с. 110]. Эти и другие вопросы союзного строительства в тот период «занимали важное место в двусторонних отношениях» [Лихачев, 2010, с. 13; Русакович, 2019, с. 29]. Действительно, союзный проект находился в зачаточном состоянии, и требовалось еще много сделать в плане его формирования [Bruce, 2002]. Однако сдерживающим фактором, как нередко высказывались об этом в Парламентском собрании Союза России и Беларуси, оставались «туманность положений Союзного договора», его «противоречивая и малоэффективная концепция» [Киринциянов, 2000; Карбалевич, 2010, с. 154]. Отсутствовала ясность и в понимании механизма объединения России и Белоруссии, а формулировки, декларативные положения союзного договора не могли дать ясных ответов [Лихачев, 2010, с. 12; Davidonis, 2001].

Ретроспективный анализ позволяет говорить о наличии недопонимания между Россией и Белоруссией в вопросах продвижения по пути союзного строительства: если в РФ превалировала идея государственного воссоединения, что, несомненно, изменило бы геополитический ландшафт в регионе [Суздальцев, 2006; Шарапо, 2006, с. 16; Forbrig et al., 2010, p. 11], то в Белоруссии, напротив, абсолютизировалась ценность суверенного статуса. Интеграционный проект рассматривался ими сквозь призму экономики, безопасности и устойчивости собственного государства в современной системе международных отношений [Годин, 2001, с. 23; Русакович, 2019, с. 29].

Тем не менее в начале нового тысячелетия политико-государственное руководство обеих стран стремилось запустить процессы союзной интеграции, апробировать механизм действия созданных органов российско-белорусского объединения. Важным на том этапе было упорядочить работу высших органов Союза – Высшего Государственного Совета, Совета Министров, Постоянного комитета Союзного государства, а также разработать и принять документы, которые бы регламентировали порядок их деятельности [Лазарь, 2000].

Помимо формирования институциональных основ Союзного государства важнейшим направлением интеграционной политики являлось взаимодействие в сфере создания единого экономического пространства. 16 апреля 2000 г. в ходе официального визита в Белоруссию Президент России заявил, что «никакие планы оборонного, политического характера не могут

[120] В данном случае показательным моментом явился факт обмена 26 января 2000 г. президентами России и Белоруссии ратификационными грамотами, после чего договор о создании Союзного государства вступил в законную силу.

быть реализованы на зыбком фундаменте экономики». Одновременно российское руководство высказывалось о создании новой полноценной экономической организации с эффективным механизмом для стран СНГ, готовых к формированию в регионе единого экономического пространства [Интеграционный опыт…, 2000; Marples, 2008, p. 29]. Как результат – подписание 10 октября 2000 г. в Астане Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества, ставившего своей задачей создание единого экономического пространства в регионе, стало важным достижением российской дипломатии [Marples, 2008, p. 34].

В России рассчитывали перезапустить процессы интеграции с Белоруссией посредством валютной интеграции [Way, 2005, p. 244].

Вопрос о формировании монетарного союза России и Белоруссии стоял уже давно: в сентябре 1993 г. правительством В.Ф. Кебича было подписано межгосударственное соглашение «Об объединении денежной системы РБ с денежной системой России». Предполагалось достичь такого уровня унификации законодательных актов в валютной и иных смежных сферах, при которой российский рубль, имитируемый Центральным банком России, стал бы использоваться и на территории Белоруссии. В соглашении указывалось, что стороны берут на себя обязательство до 1 января 1994 г. «создать необходимые предпосылки для объединения денежных систем Республики Беларусь и Российской Федерации на основе российского рубля» [Соглашение об объединении…, 1993]. Предполагалось, что до «фактического объединения денежных систем на территории Белоруссии наряду с российской денежной единицей будут использоваться расчетные билеты и белорусского Национального банка». При этом режим единой рублевой зоны, как это следовало из документа, предполагал, помимо использования российского рубля на территории двух стран, еще и беспрепятственный перевод денежных средств между банками всех государств-участников рублевой зоны, единые правила валютного регулирования, а также единый курс рубля по отношению к валютам третьих стран [Там же].

Однако до реализации договоренности в силу ряда обстоятельств дело не дошло. Некоторые исследователи в этой связи обращали внимание на чисто конъюнктурный характер договоренности, связывая ее со стремлением В.Ф. Кебича заручиться поддержкой Москвы на предстоящих президентских выборах [Карбалевич, 2002, с. 85]. На наш взгляд, важен факт наличия документа, что подтверждает планы создания двустороннего союза, в том числе в денежно-кредитной сфере. В Европе тогда тоже активно прорабатывались вопросы валютной интеграции, что подтверждает необходимость шагов в данном направлении. Единая валюта после распада СССР могла упростить решение многих задач интеграции в новых условиях, в том числе между Россией и Белоруссией.

Вопрос о запуске валютной интеграции стал предметом обсуждения органов Союзного государства в течение всего 2000 г. 30 ноября 2000 г. на заседании Высшего Государственного Совета президентами РФ и РБ было подписано специальное межгосударственное соглашение «О введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра Союзного государства». С 1 января 2005 г. национальные валюты должны были быть заменены российским рублем. Переход к общей валюте Союзного государства был предусмотрен с 1 января 2008 г.

Одновременно сторонами были намечены определенные мероприятия для того, чтобы облегчить процесс валютной интеграции: Белоруссия брала обязательство обеспечить удержание темпов девальвации национальной валюты по отношению к российскому рублю в пределах 2,5–3 % в среднем в месяц, Россия – предоставить белорусской стороне кредит в 100 млн долл. на урегулирование вопросов в сфере двусторонней торговли [Крят, 2001]. Однако на практике, по мере того как стороны пытались продвинуться в реализации соглашения, объем недопониманий между Россией и Белоруссией только нарастал. Белоруссия, не имея возможности предлагать введение белорусского рубля в качестве единой валюты [Эмиссия: Беларусь предлагает…, 2001], большое внимание уделяла созданию единого эмиссионного центра.

В Национальном банке Беларуси исходили из того, что «частичная потеря суверенитета должна быть обоюдной», следовательно, она должна коснуться и России. Подход Белоруссии

в отношении создания эмиссионного центра заключался в том, чтобы в Союзном государстве функции единого эмиссионного центра выполнял Союзный центральный банк, которому центральные банки двух стран делегировали бы свои полномочия по проведению денежно-кредитной политики [Там же]. На первом этапе, по мнению белорусской стороны, роль такого высшего союзного банка мог бы выполнять Межбанковский валютный совет, который был создан еще в ноябре 1999 г. в целях экономической и валютной интеграции России и Белоруссии. Одновременно Председатель правления Национального банка Беларуси П. Прокопович неоднократно обращал внимание, что «окончательное решение вопроса будет зависеть от хода экономического процесса в Беларуси и России» в 2001–2005 гг.» [Крят, 2001]. Причем, как хорошо известно, Белоруссией допускалась возможность заключения нового пакета соглашений в области создания монетарного союза. К осени 2001 г. белорусская позиция была дополнена идеей соизмерения процесса валютной интеграции «с общей скоростью союзного строительства» [Попов, 2001].

В качестве возможного варианта специалистами Национального банка Беларуси рассматривалась также американская модель, когда наряду с центральным банком существует несколько эмиссионных центров более низкого ранга. При этом белорусские представители подчеркивали, что выдержать баланс интересов при реализации такого подхода будет несложно: Центральный банк Союза станет определять годовую эмиссию для сторон, например, в пределах 3 %, а Национальные банки – придерживаться этого параметра с учетом объема российского и белорусского ВВП [Единый рубль…, 2001]. В целом указывалось, что формирование эмиссионного центра и создание единой денежной единицы в Союзном государстве не должны происходить в спешке, тем более что «экономики Беларуси и России могут функционировать в синхронном режиме сколь угодно долго и без введения единой валюты» [Там же].

Очередной этап интенсивного обсуждения проблемы, как известно, пришелся на 2002–2004 гг., когда в августе 2002 г. по поручению президента В.В. Путина Правительством и Центральным Банком России были разработаны предложения по ускоренному введению с 1 января 2004 г. российского рубля как единой денежной единицы Союзного государства. В частности, одной из важнейших составляющих пакета предложений, подготовленного Россией, являлось положение, предусматривающее, что Национальный Банк Белоруссии остается в качестве главного банка страны. При этом также было предусмотрено, что он не сможет заниматься эмиссией денежных знаков и выдачей кредитов государственным органам и предприятиям республики [Один рубль на двоих, 2002]. Иными словами, Белоруссии пришлось бы отказаться от собственной экономической политики, приняв соответствующую юрисдикцию Москвы.

В это время как в России, так и Белоруссии наблюдалось явное неудовлетворение тем, как развивался процесс союзной интеграции в валютной сфере [Woehrel, 2010, p. 352]. В сентябре 2002 г. президентом России было направлено послание главе белорусского государства по концептуальным вопросам союзного строительства, в котором также содержалось напоминание, что российская сторона ожидает ответ на переданные Белоруссии комплексные предложения России от 14 августа по ускорению введения единой денежной единицы [Россия предлагает…, 2002].

Последовательность во взглядах руководства России относительно процесса создания монетарного союза с Белоруссией, в котором в качестве единого эмиссионного центра выступал Центральный Банк России, а также предложение российской стороны ускорить реализацию договоренности о переходе на российский рубль в качестве единой валюты вызывали недовольство официального Минска. При этом с марта 2003 г. белорусское руководство стало связывать переход к единой денежной единицы с принятием Конституционного акта Союзного государства, работа над которым велась параллельно и проходила не менее напряженно, чем обсуждение вопросов формирования монетарного союза. Взаимоотношения Белоруссии и России по вопросам валютной интеграции, по мнению белорусской стороны, необходимо выстраивать с учетом возможного участия других государств региона [Крят, 2003].

Реализовать подобный подход в случае успеха формирования единого экономического пространства в регионе, по мнению Белоруссии, могла помочь модель с системой центральных банков и общим руководящим органом в лице Межбанковского валютного совета. Кроме того, к осени 2003 г. Минск поставил перед Россией вопрос о выплате республике компенсации за введение российского рубля как единственного законного платежного средства на территории Белоруссии. По предварительным расчетам Национального банка Беларуси, потери республики от отказа от собственной валюты и перехода на российский рубль могли составить более 1,9 млрд долларов [Что потеряет…, 2003]. «Самостоятельное решение Беларусью проблем подготовительного периода в оставшийся до введения российского рубля срок», как это следовало из специального заявления Национального банка Беларуси, представлялось крайне «проблематичным» [Там же].

В России подобные требования белорусской стороны не принимали. 1 октября 2003 г. премьер-министр РФ М. Касьянов заявил буквально следующее: «Я не понимаю, о каких компенсациях в связи с введением рубля идет речь, мы их не подтверждаем» [Батыгин, 2003]. Возможно, подобная позиция руководства России была продиктована не только соображениями экономии государственных средств, но и некоторыми обстоятельствами политического характера. В вопросах валютной интеграции сложилось недоверие, чему способствовали и заявления руководства Белоруссии, общий смысл которых сводился к тому, что «дата введения российского рубля на территории республики как законного платежного средства с 1 января 2005 г. не является безусловной».

В разгар дискуссии о переходе на российский рубль в июне 2003 г. была достигнута договоренность между Белоруссией и Украиной о расширении использования национальных валют в расчетах между двумя государствами [Белорусский Колобок, 2003], что не соответствовало переходу Союзного государства на российский рубль. Ряд белорусских изданий, характеризуя действия руководства собственной страны, сравнивали их с тактикой «колобка»: «…нынешняя ситуация позволяет Минску эксплуатировать все выгоды интеграционной риторики, не отягощая себя обязательствами» [Там же].

В итоге, несмотря на то что вопрос о введении единой валюты в качестве единственного законного платежного средства был включен в повестку заседания Октябрьского заседания Совета Министров Союзного государства, окончательное решение по нему не было принято. На заседании Совета Министров Союзного государства в феврале 2004 г. также не удалось договориться о введении российского рубля с 1 января 2005 г. Позже Минское правительство заявило, что не отказывается от планов валютной интеграции с Россией, но «…для этого пока не созданы необходимые экономические и политические предпосылки» в виде равных условий субъектов хозяйствования и принятии Конституционного акта Союзного государства, в котором нашли бы отражения вопросы, касающиеся самого союзного государства и таких его важнейших компонентов, как единая валюта и единый эмиссионный центр [Беларусь не видит…, 2004].

Таким образом, белорусская сторона, подписав в ноябре 2000 г. соглашение о едином эмиссионном центре и введении единой валюты, стала откладывать решение этих вопросов на неопределенное время.

Причиной могла стать проблема определения цены на природный газ для белорусского потребителя: на «ялтинской встрече» в августе 2000 г. президент России высказался, что «за российский газ следует платить даже друзьям». Данное заявление было воспринято крайне негативно.

Кроме того, отказ от суверенитета в такой важной области, как денежно-кредитная сфера, вряд ли представлялся желательным для белорусской стороны. Опыт российско-белорусского диалога 2000–2006 гг., когда две страны безуспешно вели сложнейшие переговоры по данной проблематике, является ярким подтверждением [Харитонова, Шебанов, 2025, с. 173].

Формирование монетарного союза напрямую было связано с процессом либерализации белорусской экономики, в которой на тот момент сохранялась государственная монополия. Позиция российского руководства заключалась в желании реформировать модель социально-экономического устройства Белоруссии по примеру России. Подобный подход, вызывая

несогласие белорусской стороны, приводил к противоречиям в российско-белорусских отношениях [Русакович, 2019, с. 34].

Заключение

В результате процесс формирования монетарного союза, едва начавшись, зашел в тупик, показав несовпадение взглядов участников на союзное строительство. Российская сторона в стремлении переформатировать постсоветское пространство через создание альтернативных и более эффективных интеграционных объединений (ЕврАзЭС, ЕЭП) в регионе, где важное место отводилось российско-белорусскому тандему, смогла сохранить проект Союзного государства. Переход на единую валюту не состоялся, но обоюдное желание сохранить взаимодействие позволило сосредоточить усилия на других направлениях – торгово-экономическое сотрудничество, укрепление межрегиональных связей, контакты в гуманитарной и оборонной сферах [Харитонова, Шебанов, 2025, с. 175], а значит, повлияло на формирование реального базиса Союзного государства, что имеет значение в отстаивании его позиций в современной системе международных отношений.

Список источников

Батыгин А. Рубль в пакете. *Российская газета. Союз Беларусь-Россия*. 2003. 3 октября.

Беларусь не видит экономических предпосылок для введения единой валюты с Россией. *Белорусская деловая газета*. 2004. 13 апреля.

Белорусский Колобок. *Белорусская деловая газета*. 2003. 17 июня.

Единый рубль: между Сциллой и Харибдой. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2001. 5 апреля.

Интеграционный опыт Беларуси и России востребован в Азии. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2000. 20 декабря.

Киринциянов Ю. Евразийский проект: от идеи к практике. *Российская газета*. 2000. 10 октября.

Крят Д. Единая союзная валюта – это настоящая денежная реформа для Беларуси. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2001. 11 января.

Крят Д. Пример Евросоюза доказывает. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2003. 13 марта.

Лазарь Л. Это только начало. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2000. 14 декабря.

Один рубль на двоих. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2002. 29 августа.

Попов В. Встречное движение: день за днем. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2001. 24 октября.

Россия предлагает три варианта дальнейшего объединения с Беларусью. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия.* 2002. 5 сентября.

Соглашение об объединении денежной системы Республики Беларусь с денежной системой Российской Федерации. 1993. 8 сентября. Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48394/ (дата обращения: 28.10.2025)

Что потеряет Беларусь, получив российский рубль? *Белорусская деловая газета*. 2003. 30 сентября.

Эмиссия: Беларусь предлагает создать наднациональный единый эмиссионный центр Союзного государства. *Белорусская деловая газета*. 2001. 5 марта.

Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000. 28 июня. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 28.10.2025)

Заява Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. *Звязда*.2000.4 студзеня

Список литературы

Белорусско-российские отношения. Проблемы и перспективы: Материалы 2-го «круглого стола» белорусских и российских ученых. 2000. Минск, Белорусский государственный университет. 172 с.

Годин Ю.Ф. 2001. Россия и Белоруссия на пути к единению: проблемы экономической безопасности Союзного государства. Москва, Международные отношения. 304 с.

Иноземцев В.Л. 2012. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: в чем они состоят и какими должны быть? *Россия и современный мир*. 3: 108–121.

Карбалевич В.И. 2002. Парадоксы белорусско-российской интеграции. *Современная Европа*. 8: 83–88.

Карбалевич В.И. 2010. Александр Лукашенко: политический портрет. Москва, Партизан. 720 с.

Коктыш К.Е. 2012. Вечно живой призрак. *Россия в глобальной политике*. 1: 80–87.
Лихачев А.Е. 2010. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития. *Российский внешнеэкономический вестник*. 6: 4–23.
Русакович А. 2019. Союзное государство Беларуси и России: опыт и уроки политических дискуссий в начале 2000-х гг. *Журнал международного права и международных отношений*. 2019. 1–2: 29–36.
Снапковский В.Е. 2001. Белорусско-российские отношения на рубеже столетий (1999–2001). *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2: URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-snapkovski(дата обращения: 28.10.2025).
Суздальцев А.И. 2007. Проблемы российско-белорусской экономической интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии. *Безопасность Евразии*. 3: 300–319.
Суздальцев А.И. 2006. Постсоветское пространство: лимитрофы XXI века. *Журнал Института Восточной Европы «Прогнозис».* URL: http://www.prognosis.ru/news/asng/2006/9/18/putin_russia_sng.html (дата обращения: 20.10.2025).
Уилсон Э. 2012 Между двумя совершеннолетиями. 20 лет независимости: чему научились? *Россия в глобальной политике*. 1: 113–126.
Харитонова Н.И., Шебанов А.В. 2025. Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* Т. 19. 2: 169–179.
Шарапо А.В. 2006. Внешняя политика Республики Беларусь на современном этапе. *Вестник БГУ. Сер. 3. История. Философия. Политология. Психология. Экономика. Право*. 3: 15–22.
Bogetic Z. 2006. Inflation and the Monetary Transmission Mechanism in Belarus, 1996–2000. *International Research Journal of Finance and Economics.* Issue 1. URL: www.eurojournalscom/. (accessed: May 25, 2025)
Bruce C. 2002. The Gas Factor in Russian-Belarusian Reations. URL: www.demstar.dk./papers/Belarus/. (accessed: May 25, 2025)
Davidonis R. 2001. The Challenge of Belarus, and European Responses. *Institute for Security Studies Western European Union.* July. URL: www.demstar.dk./papers/Belarus/ (accessed: May 25, 2025)
Forbrig J., Lindner R., Marples D., Moshes A. 2010. Fall Belarus. Analysen, Interpretationen, Konsequenzen. *Osteuropa.* 12: 5–22.
Marples D. 2008. Is the Russia-Belarus Union Obsolete? *Problems of Post-Communism*. Vol. 55(1): P. 25–35.
Way L. 2005. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*. Vol 57(2): 231–261.
Woehrel S. 2010. Belarus: Background and U.S. Policy Concerns. *Russia, China and Eurasia.* Vol. 27(2): P. 347–365.

References

Belorussko-rossiyskie otnosheniya. Problemy i perspektivy: Materialy 2-go «kruglogo stola» belorusskikh i rossiyskikh uchenykh [Belarusian-Russian Relations. Problems and Prospects: Proceedings of the 2nd Round Table of Belarusian and Russian Scientists]. 2000. Minsk, Belorusskiy gosudarstvennyy universitet. 172 p.
Godin Yu.F. 2001. Rossiya i Belorussiya na puti k edineniyu: problemy ekonomicheskoy bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva [Russia and Belarus on the Way to Unity: Problems of Economic Security of the Union State]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 304 p.
Inozemtsev V.L. 2012. Natsionalnye interesy Rossii na postsovetskom prostranstve: v chem oni sostoyat i kakimi dolzhny byt? [National Interests of Russia in the Post-Soviet Space: What Are They and What Should They Be?] *Rossiya i sovremennyy mir*. 3: 108–121.
Karbalevich V. 2002. Paradoksy belorussko-rossiyskoy integratsii [Paradoxes of Belarusian-Russian Integration]. *Sovremennaya Evropa*. 8: 83–88.
Karbalevich V.I. 2010. Aleksandr Lukashenko: politicheskiy portret [Alexander Lukashenko: A Political Portrait]. Moscow, Partizan. 720 p.
Koktysh K.E. 2012. Vechno zhivoy prizrak [The Ever-Living Ghost]. *Rossiya v globalnoy politike.* 1: 80–87.
Likhachev A.E. 2010. Tamozhennyy soyuz Rossii, Belorussii i Kazakhstana: istoriya, sovremennyy etap i perspektivy razvitiya [The Customs Union of Russia, Belarus, and Kazakhstan: History, Current Stage, and Development Prospects]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 6: 4–23.
Rusakovich A. 2019. Soyuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: opyt i uroki politicheskikh diskussiy v nachale 2000-kh gg. [The Union State of Belarus and Russia: Experience and Lessons from Political Discussions in the Early 2000s.] *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheni*y. 2019. 1–2: 29–36.

Snapkovskiy V.E. 2001. Belorussko-rossiyskie otnosheniya na rubezhe stoletiy (1999–2001) [Belarusian-Russian Relations at the Turn of the Century (1999–2001)]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 2: URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-snapkovski(data obrashcheniya: 28.10.2025).

Suzdaltsev A.I. 2007. Problemy rossiysko-belorusskoy ekonomicheskoy integratsii v ramkakh Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii [Problems of Russian-Belarusian Economic Integration within the Union State of Russia and Belarus]. *Bezopasnost Evrazii*. 3: 300–319.

Suzdaltsev A.I. 2006. Postsovetskoe prostranstvo: limitrofy XXI veka [Post-Soviet Space: The Limitrofs of the 21st Century]. *Zhurnal Instituta Vostochnoy Evropy «Prognozis».* URL: http://www.prognosis.ru/news/asng/2006/9/18/putin_russia_sng.html (data obrashcheniya: 20.10.2025).

Uilson E. 2012 Mezhdu dvumya sovershennoletiyami. 20 let nezavisimosti: chemu nauchilis? [Between Two Adulthoods. 20 Years of Independence: What Have We Learned?]. *Rossiya v globalnoy politike*. 1: 113–126.

Kharitonova N.I., Shebanov A.V. 2025. Integratsionnye strategii Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi: praktika politicheskogo vzaimodeystviya [Integration Strategies of the Union State of Russia and Belarus: The Practice of Political Cooperation]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. T. 19. 2: 169–179.

Sharapo A.V. 2006. Vneshnyaya politika Respubliki Belarus na sovremennom etape [Foreign Policy of the Republic of Belarus at the Present Stage]. Vestnik BGU. Ser. 3. *Istoriya. Filosofiya. Politologiya. Psikhologiya. Ekonomika. Pravo*. 3: 15–22.

Bogetic Z. 2006. Inflation and the Monetary Transmission Mechanism in Belarus, 1996–2000. *International Research Journal of Finance and Economics.* Issue 1. URL: www.eurojournalscom/. (accessed: May 25, 2025)

Bruce C. 2002. The Gas Factor in Russian-Belarusian Reations. URL: www.demstar.dk./papers/Belarus/. (accessed: May 25, 2025)

Davidonis R. 2001. The Challenge of Belarus, and European Responses. *Institute for Security Studies Western European Union.* July. URL: www.demstar.dk./papers/Belarus/ (accessed: May 25, 2025)

Forbrig J., Lindner R., Marples D., Moshes A. 2010. Fall Belarus. Analysen, Interpretationen, Konsequenzen. *Osteuropa.* 12: 5–22.

Marples D. 2008. Is the Russia-Belarus Union Obsolete? *Problems of Post-Communism*. Vol. 55(1): P. 25–35.

Way L. 2005. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*. Vol 57(2): 231–261.

Woehrel S. 2010. Belarus: Background and U.S. Policy Concerns. *Russia, China and Eurasia.* Vol. 27(2): P. 347–365.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.10.2025
Поступила после рецензирования 29.03.2026
Принята к публикации 31.03.2026

Received October 29, 2025
Revised March 29, 2026
Accepted March 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Веревкина Юлия Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет, г. Курск, Россия
ORCID: 0009-0006-8872-467X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya I. Verevkina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History, Kursk State University, Kursk, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 321.015
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-447-455
EDN PCBRGV
Оригинальное исследование

Диалектика советской и партийной власти в условиях кризиса российской государственности: политический анализ

Королев П.А.
Тульский государственный университет,
Россия, 300012, г. Тула, пр-т Ленина, д. 92
E-mail: legatx@mail.ru

Аннотация. Исследование динамики институциональных трансформаций в периоды системных кризисов государственности является критически важным для понимания механизмов устойчивости политических систем. Несмотря на обширную историографию, в науке сохраняется методологическая тенденция к отождествлению советской и партийной властей, что создает пробел в понимании внутренних причин разрушения государственного аппарата в переломные моменты истории. Целью работы является раскрытие природы и динамики отношений между партийными и советскими структурами как ключевого фактора устойчивости и кризиса российской государственности в 1917–1918, 1988–1991 и 1993 годах. В основе работы лежит сочетание институционального подхода, структурно-функционального и герменевтического анализа, сравнительно-исторического и диалектического методов. Автором доказано, что устойчивость российской государственности в XX веке базировалась на синтезе анархического потенциала Советов и этатистской партийной вертикали, а разрушение этого симбиоза неизбежно вело к государственному коллапсу. Научная значимость исследования заключается в переосмыслении логики кризисов 1917, 1991 и 1993 годов через призму борьбы партийного содержания и советской формы власти, что позволяет по-новому взглянуть на причины Гражданской войны, распада СССР и политического кризиса в РФ в 1993 году.

Ключевые слова: советская власть, партийная власть, диалектика власти, политический процесс, Великая российская революция, распад СССР, гражданская война в России, политический кризис 1993 года

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Королев П.А. 2026. Диалектика советской и партийной власти в условиях кризиса российской государственности: политический анализ. *Via in tempore. История. Политология,* 53(2): 447–455. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-447-455. EDN: PCBRGV

Dialectics of Soviet and Party Power in the Context of the Russian Statehood Crisis: A Political Analysis

Pavel A. Korolev
Tula State University,
92 Lenin Ave., Tula 300012, Russia
E-mail: legatx@mail.ru

Abstract. The study of statehood transformation mechanisms during systemic crises remains critical for understanding the factors of political stability and institutional resilience. Current scholarship often conflates

© Королев П.А., 2026

party and Soviet structures, creating a methodological gap that obscures the internal contradictions of the 20th-century Russian political process. This research reveals the institutional dialectics and functional interaction between Soviet and party power as autonomous elements during the pivotal transitions of 1917–1918, 1988–1991, and 1993. The study integrates structural-functional, institutional, and comparative-historical analyses with a hermeneutic examination of party documents and memoirs. The results demonstrate that the system's stability relied on a precarious symbiosis between the statist party hierarchy and the mobilization potential of the Soviets; the erosion of this balance precipitated the state's eventual collapse. This work contributes to the field by redefining the logic of 20th-century crises through the tension between the "party content" and the "Soviet form", offering a more precise explanation for the root causes of the Civil War and the disintegration of the USSR.

Keywords: Soviet power, party power, dialectics of power, political process, Great Russian Revolution, collapse of the USSR, Civil War in Russia, Political Crisis of 1993

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Korolev P.A. 2026. Dialectics of Soviet and Party Power in the Context of the Russian Statehood Crisis: A Political Analysis. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 447–455 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-447-455. EDN: PCBRGV

Введение

В массовом сознании современного российского общества советская власть зачастую отождествляется с партийной властью большевиков и коммунистов. Между тем эти две формы власти принципиально различны и сыграли диаметрально противоположные роли в российском политическом процессе XX века.

Теоретический анализ исследования базируется на выявлении внутреннего противоречия между анархическим потенциалом советской власти и этатизмом партийной власти в кризисные периоды российской государственности XX века. Советская власть оказалась неспособна к государственному строительству из-за своей стихийности и децентрализации. В рамках марксистско-ленинской парадигмы слома старого мира она выступает как власть-отрицание, поэтому советская власть идеально подходит для разрушения государства в ходе революции, но создать новую стабильную государственную власть она не способна. Государство выжило благодаря поглощению советской власти партийной властью большевиков. Проблема исследования заключается в методологическом противоречии между формальной «советской» структурой и партийным содержанием, где освобождение Советов от партийного контроля приводит к деструкции государства. Государственная система, называвшаяся «властью Советов», рухнула именно тогда, когда Советы получили реальную политическую власть, т. к. Советы без партийного стержня большевиков и коммунистов несли в себе не созидательный, а деструктивный (анархический) заряд.

Таким образом, постановка проблемы обнажает скрытый онтологический кратологический конфликт в отечественном политическом процессе XX века, а теоретический анализ дает инструментарий в виде разграничения анархического и этатистского начал для объяснения краха СССР и политического кризиса в РФ 1993 года.

Объект и методы исследования

Объектом представленного исследования выступает российский политический процесс XX века в периоды системных трансформаций государственности в 1917–1918, 1988–1991, 1993 годах. Предметом работы является институциональная диалектика и функциональное взаимодействие советской и партийной власти как ключевых элементов российской политической системы XX века.

Цель исследования – раскрыть природу и динамику отношений между партийными и советскими структурами как ключевой фактор устойчивости и кризиса российской государственности в 1917–1918, 1988–1991 и 1993 годах.

Исследование опирается на ряд научных подходов:

– структурно-функциональный анализ использовался для выявления ролей, которые играли партия большевиков и коммунистов (стабильность и управление) и Советы (легитимация и мобилизация масс);

– институциональный подход применен для анализа Советов и партии большевиков и коммунистов как самостоятельных политических институтов с различной природой легитимности и принципами функционирования;

– сравнительно-исторический метод позволил сопоставить опыт Парижской коммуны, российских революционных Советов 1917 года и Советов периода «парада суверенитетов» конца XX века, выявив в них общие закономерности, такие как анархический характер советской власти и стабилизирующий потенциал партийной власти;

– диалектический метод помог рассмотреть единство и борьбу советской формы и партийного содержания как внутренний мотив существования и одновременно причину распада СССР;

– герменевтический анализ текстов использован при работе с трудами В.И. Ленина («Государство и революция»), партийными документами и мемуарами (А.В. Колчак) для выявления истинных смыслов, заложенных в концепцию советской власти.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем переходить к анализу роли советской и партийной власти в российском политическом процессе XX века, следует рассмотреть их природу.

Так, например, под советской властью следует понимать политическую организацию масс, формирующуюся в противовес элитарным политическим структурам, прежде всего, буржуазно-капиталистическим, с целью завоевания и осуществления государственной власти. Подобное определение можно вывести из той трактовки советской власти, которую давал В.И. Ленин в 1919 году: «…только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть» [Ленин, 1969, с. 238–239]. Особенностями советской власти являются:

– классовый характер (в России были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [Щербаков, 2017, с. 38]) и, как следствие, низкий уровень административно-управленческого профессионализма их членов;

– децентрализованный и многоуровневый характер (структуры советской власти поднимались от сельских и волостных Советов до Всероссийского/Всесоюзного Съезда Советов, Верховного Совета СССР [Щербаков, 2017, с. 39–40]);

– отсутствие разделения властей (Советы выполняли законодательную, распорядительную, исполнительную и судебную функции власти). Эта особенность советской власти восходит к идеям К. Маркса: «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы» [Маркс, Энгельс, 1960, с. 342]. После провозглашения в России диктатуры пролетариата разделение властей с точки зрения большевистской идеологии теряло всякий смысл, т. к. вся власть уже была в руках трудящихся и осуществлялась в их интересах: нечего было более сдерживать и уравновешивать.

В. Ленин в работе «Государство и революция» подтверждает тезис К. Маркса о том, что коммунальная, т. е. советская власть, делает власть государства излишней [Ленин, 1953, с. 50–51], таким образом противопоставляя государственную и советскую власть. Исходя из классового и децентрализованного характера советской власти, можно предположить, что она по своей природе обладает анархическими и даже антигосударственными чертами, прежде всего в отношении слома старого (буржуазного, капиталистического) государственного порядка. Однако сама по себе советская власть без дополнительного политического стержня оказывается недолговечна и слишком децентрализована (многопартийна, многофракционна) для того, чтобы стать новым государственным порядком. Имеющийся исторический опыт её осуществления подтверждает это предположение.

Первой практической попыткой осуществления советской власти можно считать деятельность Парижской коммуны в 1871 году. По своей сути, Парижская коммуна была левым многопартийным Парижским Советом, подобно левому многопартийному (эсеры, меньшевики, большевики) Петроградскому Совету в 1917 году. Парижская коммуна также стала первой

попыткой установления диктатуры пролетариата. Она объявила о своей политической самостоятельности, но не смогла наладить управление на контролируемой территории. Фракции Парижской коммуны (бланкисты, якобинцы и прудонисты) конфликтовали друг с другом, а на руководящие должности кандидаты отбирались не по принципу профессионализма, а по принципу социального происхождения [Bergman, 2014, с. 1419]. Парижская коммуна плохо контролировала ситуацию на подконтрольной территории и была быстро разгромлена своими политическими оппонентами. У Парижской коммуны 1871 года будет много общего с Петроградским Советом 1917 года: их лидеры плохо контролировали ситуацию в столицах, обе структуры были левыми и многопартийными, а управлялись центральными или исполнительными комитетами, деятельность обеих пришлась на период падения монархических режимов во Франции и России с сопутствующим нарастанием анархии в данных государствах.

Советская власть в России была использована В.И. Лениным для реализации своей политической программы. В октябре 1917 года на II Всероссийской Съезде Советов была провозглашена Республика Советов и приняты первые декреты советской власти. Именно тогда советская власть успешно преодолела локальный масштаб деятельности, выйдя на государственный уровень. В.И. Ленин использовал опыт Парижской коммуны и легитимность Советов в своих первых государственных решениях: демонтировал старую армию и старую бюрократию, отделил церковь от государства, ввел рабочий контроль и бесплатное образование [Дубровский, 2024, с. 20].

Таким образом, советская власть в России в государственном масштабе окончательно устанавливается лишь 25 октября 1917 года. Несмотря на то, что Петроградский совет возник 27 февраля 1917 года, еще до отречения Николая II, и позиционировал себя как всероссийский центр революционной демократии, его все же нельзя признать центром власти государственного масштаба. Например, его Приказ № 1 был адресован лишь Петроградскому гарнизону, а не всей российской армии [Аракелова, Загоруйко, 2011, с. 96]. Кроме того, Петроградский совет признал власть единственного легального органа государственной власти в России того периода – Временного правительства, назначенного императором Николаем II перед своим отречением [Яковлев, 2019, с. 15]. Иными словами, Петроградский совет не имел официально выраженной и последовательной политической воли на расширение своей власти до государственного масштаба, а его лидеры предпочли инкорпорироваться во Временное правительство, видимо, опасаясь агрессивных и малоуправляемых солдатских, матросских и рабочих масс. Петроградский совет в полной мере сумел продемонстрировать антигосударственный характер советской власти: именно он Приказом № 1 внес существенный вклад в окончательное разложение армии и нарастание хаоса в России, именно структуры, созданные Петроградским советом (Военно-революционный комитет) [Демидов, 2022, с. 100], свергли Временное правительство в октябре 1917 года.

Кроме того, нельзя игнорировать и тот факт, что помимо Петроградского совета существовали и другие Советы на территории России, деятельность которых вела к дезорганизации системы государственного управления. На это, например, указывает А.В. Колчак в ходе своего допроса: «Приказ № 1 был сообщен царско-сельской радиостанцией за подписью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Когда на одном из митингов, на котором собралось огромное число свободных от службы команд, меня спросили, как относиться к этому приказу, я сказал, что для меня этот приказ, отданный Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, не является ни законом, ни актом, который следовало бы выполнять, пока он не будет санкционирован правительством, так как в силу настоящего положения Советы Рабочих и Солдатских Депутатов могут собираться в любом месте, в любом городе, и почему в таком случае приказ Петроградского Совета является обязательным, а необязателен приказ Совета в Одессе или в другом месте? Во всяком случае, я считаю, что этот приказ не имеет для меня никакой силы, и я буду выполнять только те приказы, которые буду получать или от правительства, или от ставки» [Допрос Колчака, 1920].

Если советская власть – это власть разрушительная для государства, то возникает закономерный вопрос: «Как же она смогла создать СССР, ставший одной из двух мировых сверхдержав?». Ответ на этот вопрос состоит в том, что создавала СССР не советская власть, а власть партийная.

Итак, под партийной властью в представленном исследовании понимается власть партии большевиков/коммунистов как политическая организация общества, при которой посредством контроля над государственными органами ею осуществляется государственная власть. При этом следует отметить, что партийная власть не тождественна однопартийной политической системе, т. к. политических партий может быть несколько, но лишь у одной из них имеется реальная государственная власть. Например, в составе СНК 1917–1918 годов были не только большевики, но и левые эсеры [Фадеев, Кисляков, 2022, с. 74], однако в реальности политические решения принимали именно большевики, а левые эсеры в этой системе скорее выполняли функцию меньшинства — демократического фасада новой государственной власти. Например, мнение левых эсеров по вопросу заключения Брестского мира большевики проигнорировали [Холяев, 2022, с. 119].

Особенностями рассматриваемой партийной власти являются:

– жесткая дисциплина (партийная власть не терпит не только межпартийной, но и внутрипартийной оппозиции [Партия и Коминтерн, 1926, с. 106–109]);

– контроль над советскими и государственными структурами [Суданец, 2021, с. 34] (партийная власть выступает в политическом пространстве зачастую не от собственного лица, а от их имени).

Как и власть советская, партийная власть в России складывается не сразу: если становление советской власти занимает период времени с февраля по октябрь 1917 года, то становление партийной власти приходится на октябрь 1917 года – январь 1918 года. Окончательно партийная власть в России устанавливается 6 января 1918 года. В этот момент РСДРП(б) выступала под лозунгом «Вся власть Советам!». От имени II Всероссийского Съезда Советов были приняты первые декреты советской власти. II Всероссийский съезд Советов подтвердил обязательство провести выборы в Учредительное собрание, организованные ранее Временным правительством. Однако, когда стало понятно, что большевики не только проиграли на выборах в Учредительное собрание, но и не могут добиться от него реализации своих целей, произошло поглощение советской власти партией большевиков [Хафизова, Растамханова, 2018, с. 1274]. Разогнав Учредительное собрание, большевики выступили от имени советской власти, взяв её под свою защиту, а точнее, под свой контроль.

Возникает парадоксальная гипотеза, когда «белые», воюя против «красных», прямо воевали против большевиков, а косвенно за освобождение советской власти от власти партийной. Речь не идет о том, что «белые» желали установления советской власти. Напротив, они предпочитали устанавливать военные администрации с земствами и думами. Речь идет о том, что «белые», стремясь уничтожить партийную власть большевиков, невольно содействовали освобождению от её контроля советской власти. Благодаря приверженности «белого» движения принципу «непредрешенчества», на начальном этапе Гражданской войны в России возникали возможности для демократической контрреволюции с сохранением советской власти (эсеро-меньшевистской), но уже без партийной власти большевиков [Калягин, 2013, с. 150].

Взяв под контроль советскую власть и выиграв Гражданскую войну в России, большевики смогли создать стержень новой государственности, перенеся внутрипартийную дисциплину и «генеральную линию» партии на государственный механизм управления СССР [Юрганов, 2021, с. 83]. И до тех пор, пока этот партийный стержень новой государственности существовал, существовала сверхдержава СССР.

Ситуация начинает меняться в 1988 году: на XIX Всесоюзной партконференции определяются параметры предстоящей реформы политической системы. Суть реформы состояла в том, чтобы расширить самостоятельность советской власти за счет власти партийной под лозунгом «Революция продолжается!» [Сазанов, 2011, с. 131]. Учреждались Съезды народных депутатов на союзном, республиканском и региональном уровнях. Эти съезды формировали соответствующие Верховные Советы, которые и забирали себе часть государственной власти у партийных структур КПСС.

В том же 1988 году Верховный Совет Эстонской ССР принимает первую в СССР Декларацию о государственном суверенитете, начав «войну законов» [Хащина, 2021, с. 55].

В 1989–1990 годах процесс принятия деклараций о суверенитете союзными республиками продолжился. Сущность возникшего конфликта между партийной и советской властью сводилась к вопросу о том, кто из них суверенее, т. е. выше. При поддержке руководства СССР в лице М.С. Горбачева в данном противостоянии победила советская власть: в 1990 году была отменена ст. 6 Конституции СССР 1977 года о руководящей и направляющей роли КПСС, являвшейся ядром политической системы СССР. Лишая самого себя как Генерального секретаря ЦК КПСС власти в СССР путем ослабления партийной власти, М.С. Горбачев был вынужден ввести в том же 1990 году пост Президента СССР, чтобы восстановить рычаги управления государством. Однако это решение запоздало. Советская власть на местах, ощутив свою силу, требовала больших ресурсов в условиях надвигавшегося экономического коллапса. Не имея своих собственных ресурсов для удержания лояльности советской власти в союзных республиках, М.С. Горбачев использовал ресурсы РСФСР, что привело к его конфликту с Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным. Началась борьба за российские ресурсы, в которой Б.Н. Ельцин, стремясь удержать контроль над регионами РСФСР, предложил их лидерам: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» [Кулемзин, 2024, с. 25]. Это помогло ему перехватить инициативу в моменте, но создало риски распада самой России в 1990-х годах.

Лишившись российских ресурсов, партийная власть в СССР более не могла выполнять свою главную функцию – быть стержнем всей государственной системы СССР. Советской властью был поставлен вопрос о целесообразности сохранения СССР, который был разрешен по итогам референдума в марте 1991 года в пользу сохранения СССР как «обновленной федерации равноправных суверенных республик» [Постановление ВС СССР, 2007, с. 18]. Начавшийся Новоогаревский процесс, направленный на разработку нового союзного договора, привел к созданию договора Союза Советских Суверенных Республик – децентрализованной мягкой федерации. Часть бывших союзных республик (Армения, Грузия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония), бойкотировавших референдум, в нем не участвовала [Лукашин, 2011, с. 140]. В результате Новоогаревского процесса воля советских граждан, высказавшихся на референдуме за сохранение СССР (76,4 %), была проигнорирована: конфедеративное государство, создаваемое вместо Союза Советских Социалистических Республик, не обладало единой налоговой и банковской системами, закладывались правовые основы к созданию у союзных республик собственных валют, армий и т. д. [Лукашин, 2011, с. 147–148].

Чтобы не допустить распада СССР, часть партийной элиты предприняла попытку государственного переворота (путч ГКЧП) с целью срыва подписания нового союзного договора. Однако нерешительность лидеров ГКЧП и поддержка армией советской власти привела к провалу данного политического выступления. После ареста ГКЧП КПСС стала запрещаться на территории союзных республик, что следует расценивать как полное поражение партийной власти в противостоянии с советской властью. В результате этого поражения в декабре 1991 года будут подписаны Беловежские соглашения, зафиксировавшие прекращение существования СССР [Лукашин, 2011, с. 149–152].

Однако с поражением партийной власти не прекратилась власть советская, которая сохраняла свой разрушительный для государства потенциал. В 1992–1993 годах в России советская власть в лице Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ вступила в конфликт с президентской властью, продолжая уничтожать основы уже не союзной, а российской государственности. Однако данный конфликт разрешился в октябре 1993 года победой Президента РФ Б.Н. Ельцина и запретом советской власти на всей территории России [Вайшнарович, 2018, с. 41]. С ликвидацией советской власти в России стало возможным пресечь тенденцию её децентрализации и ликвидировать риски возможного распада самой РФ в 1990–2000-х годах.

Заключение

Таким образом, в российском политическом процессе XX века наблюдалось сложное взаимоотношение советской и партийной власти. Если вначале столетия партийная власть взяла под контроль советскую власть и тем самым обеспечила сохранение российской

государственности в виде СССР, то в конце столетия усиление советской власти привело к ликвидации партийной власти и распаду СССР. Следует отметить, что, хотя природа и партийной, и советской власти схожа и лежит в области гражданской инициативы, однако советская власть в российском политическом процессе проявила черты анархизма, а партийная власть – черты этатизма. Последнее, видимо, является следствием организационной специфики политической партии большевиков как кадровой политической организации с жесткой дисциплиной и личных качеств её лидеров. Проведенный анализ позволяет по-новому взглянуть на причины краха СССР, смещая фокус с экономических или личностных факторов на фундаментальный системный конфликт двух типов властной природы. Опыт 1993 года доказал нежизнеспособность советской власти. Ликвидация Советов и переход России к смешанной республике с сильной президентской властью стали необходимым условием для восстановления государственного суверенитета и преодоления центробежных сил. Исходя из вышесказанного, акцентируем внимание на том, что отождествление советской и партийной власти – это не упрощение, а ошибка, мешающая понять суть политического процесса в России XX века.

Список источников

Допрос Колчака 1920. [Протоколы заседаний чрезвычайн. следств. комис. в Иркутске. Стеногр. отчет] / Под ред. и с предисл. К.А. Попова; Текст подготовлен к печати и снабжен примеч. М.М. Константиновым, Центрархив. Ленинград: Государственное издательство, 1925. Заседание чрезвычайной следственной комиссии 24-го января 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kolchak_a_w/text_1920_dopros_kolchaka.shtml (дата обращения: 16.01.2026).

Партия и Коминтерн 1926. О «старой» и «новой» оппозиции: Сб. резолюций и постановлений. О единстве партии. Резолюция X съезда РКП(б) / Агитпроп ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б). Москва: Госиздат, 136 с.

Постановление Верховного Совета СССР «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 г.» 2007. Политические отношения и политический процесс в современной России. 1: 18.

Список литературы

Аракелова М.П., Загоруйко М. В. 2011. Влияние событий Первой мировой войны и февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса. Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2: 87–101.

Вайшнарович Г.В. 2018. Сравнительный анализ правового регулирования выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации в Российской Федерации и республиках в составе Российской Федерации во второй половине 1994 года. Юридические исследования. 6: 38–61.

Демидов М.А. 2022. Влияние саботажных угроз на процесс формирования системы правового регулирования обеспечения безопасности советской власти в 1917 г. Вестник ННГУ. 3: 100–108. doi: 10.52452/19931778_2022_3_100

Дубровский А.М. 2024. Футурологические представления раннего большевизма и политическая практика (1910-е – 1930-е гг.). Вестник БГУ. 4(62): 20–26. doi: 10.22281/2413-9912-2024-08-04-20-26

Калягин А.В. 2013. Идейно-политическая платформа Самарского Комуча (к вопросу о причинах краха «Третьего пути» в гражданской войне). ИВ. 4: 136–157.

Кулемзин А.М. 2024. Сохранение российской традиционной этноментальности есть путь сохранения целостности России. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 66: 22–27. doi: 10.31773/2078-1768-2024-66-22-27

Ленин В.И. 1953. Государство и революция. Учение марксизма и государстве и задачи пролетариата в революции. Москва: Политиздат, 121 с.

Ленин В.И. 1969. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Политиздат, Т. 38. Март ~ июнь 1919: 238–239.

Лукашин А.В. 2011. Проблемы разработки и заключения нового Союзного договора в контексте антикризисного управления в СССР (март 1990 – август 1991). Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 3: 126–152.

Маркс К., Энгельс Ф. 1960. Гражданская война во Франции. Собр. соч., изд. 2, т. 17. Москва: Политиздат, 841 с.

Сазанов Д.С. 2011. Трансформация сознания перестроечной интеллигенции (по материалам журнала «Рабочий класс и современный мир»). Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 3–1: 126–135.

Суданец Б.М. 2021. Как сто лет назад закончилась власть Советов. Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 1(24): 34–44.

Фадеев М.К., Кисляков А.С. 2022. Опыт построения двухпартийной системы в советской России (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). Технологос. 2: 71–81. doi: 10.15593/perm.kipf/2022.2.05

Хафизова Р.Р., Растамханова С.Н. 2018. Созыв и разгром Учредительного собрания. Форум молодых ученых. 1(17): 1270–1275.

Хащина Э.Э. 2021. Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 1: 52–73. doi: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Холяев С.В. 2022. Кондотьеры русской революции (было ли ярославское восстание 1918 года белогвардейским?). Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 3(47): 108–121. doi: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.09

Щербаков А.С. 2017. Органы местной советской власти: особенности изменения статуса и правового положения. Juvenis scientia. 7: 36–40.

Юрганов А.Л. 2021. Рождение и трансформация «генеральной линии» ЦК ВКП(Б) в политической борьбе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 7: 83–113. doi: 10.28995/2686-7249-2021-7-83-113

Яковлев Н.А. 2019. Историографические проблемы периода двоевластия в Великой российской революции. Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 1: 14–23. doi: 10.18384/2310-676X-2019-1-14-23

Bergman J. 2014. The Paris Commune in Bolshevik Mythology. English Historical Review. Vol. 79, № 541: 1412–1441.

References

Arakelova M.P., Zagorujko M.V. 2011. Vlijanie sobytij Pervoj mirovoj vojny i fevralja 1917 g. na formirovanie rossijskogo oficerskogo korpusa [The Impact of the Events of the First World War and February 1917 on the Formation of the Russian Officer Corps]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2: 87–101.

Vajshnarovich G.V. 2018. Sravnitel'nyj analiz pravovogo regulirovanija vyborov v zakonodatel'nye (predstavitel'nye) organy gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii v Rossijskoj Federacii i respublikah v sostave Rossijskoj Federacii vo vtoroj polovine 1994 goda [Comparative Analysis of Legal Regulation of Elections to Legislative (Representative) Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation in the Russian Federation and the Republics within the Russian Federation in the Second Half of 1994]. Juridicheskie issledovanija. 6: 38–61.

Demidov M.A. 2022. Vlijanie sabotazhnyh ugroz na process formirovanija sistemy pravovogo regulirovanija obespechenija bezopasnosti sovetskoj vlasti v 1917 g. [The Impact of Sabotage Threats on the Formation of the System of Legal Regulation of Ensuring the Security of Soviet Power in 1917]. Vestnik NNGU. 3: 100–108. doi: 10.52452/19931778_2022_3_100

Dubrovskij A.M. 2024. Futurologicheskie predstavlenija rannego bol'shevizma i politicheskaja praktika (1910-e – 1930-e gg.) [Futurological Ideas of Early Bolshevism and Political Practice (1910s – 1930s)]. Vestnik BGU. 4(62): 20–26. doi: 10.22281/2413-9912-2024-08-04-20-26

Kaljagin A.V. 2013. Idejno-politicheskaja platforma Samarskogo Komucha (k voprosu o prichinah kraha «Tret'ego puti» v grazhdanskoj vojne) [Ideological and Political Platform of the Samara Komuch (On the Causes of the Collapse of the "Third Way" in the Civil War)]. IV. 4: 136–157.

Kulemzin A.M. 2024. Sohranenie rossijskoj tradicionnoj jetnomental'nosti est' put' sohranenija celostnosti Rossii [Preservation of Russian Traditional Ethnomentality is the Way to Preserve the Integrity of Russia]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 66: 22–27. doi: 10.31773/2078-1768-2024-66-22-27

Lenin V.I. 1953. Gosudarstvo i revoljucija. Uchenie marksizma i gosudarstve i zadachi proletariata v revoljucii [State and Revolution. The Doctrine of Marxism and the State and the Tasks of the Proletariat in the Revolution]. Moscow: Politizdat, 121 p.

Lenin V.I. 1969. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 vol. [Complete Works: in 55 volumes] / V. I. Lenin; Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. [V.I. Lenin; Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. 5th ed]. Moscow: Politizdat, Vol. 38. Mart ~ ijun' 1919: 238–239.

Lukashin A.V. 2011. Problemy razrabotki i zakljuchenija novogo Sojuznogo dogovora v kontekste antikrizisnogo upravlenija v SSSR (mart 1990 – avgust 1991) [Problems of Developing and Concluding a New Union Treaty in the Context of Anti-Crisis Management in the USSR (March 1990 – August 1991)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 3: 126–152.

Marx K., Engels F. 1960. Grazhdanskaja vojna vo Francii. [The Civil War in France]. Sobr. soch., ed. 2, Vol. 17. [Collected Works, 2nd ed., Vol. 17]. Moscow: Politizdat, 841 s.

Sazanov D.S. 2011. Transformacija soznanija perestroechnoj intelligencii (po materialam zhurnala «Rabochij klass i sovremennyj mir») [Transformation of the Consciousness of the Perestroika Intelligentsia (Based on Materials from the Journal "The Working Class and the Modern World")]. Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 3–1: 126–135.

Sudanec B.M. 2021. Kak sto let nazad zakonchilas' vlast' Sovetov [How Soviet Power Ended One Hundred Years Ago]. Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskih issledovanij. 1(24): 34–44.

Fadeev M.K., Kisljakov A.S. 2022. Opyt postroenija dvuhpartijnoj sistemy v sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917 – ijul' 1918 gg.) [The Experience of Building a Two-Party System in Soviet Russia (October 1917 – July 1918)]. Tehnologos. 2: 71–81. doi: 10.15593/perm.kipf/2022.2.05

Hafizova R.R., Rastamhanova S. N. 2018. Sozyv i razgrom Uchreditel'nogo sobranija [Convocation and Defeat of the Constituent Assembly]. Forum molodyh uchenyh. 1(17): 1270–1275.

Hashhina Je.Je. 2021. Pravovye akty o nezavisimosti pribaltijskih respublik 1988–1990 gg. kak osnova dlja modelirovanija mehanizma predotvrashhenija secessij [Legal Acts on the Independence of the Baltic Republics in 1988–1990 as the Basis for Modeling a Mechanism for Preventing Secessions]. Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 1: 52–73. doi: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-3

Holjaev S.V. 2022. Kondot'ery russkoj revoljucii (bylo li jaroslavskoe vosstanie 1918 goda belogvardejskim?) [Condottieri of the Russian Revolution (Was the Yaroslavl Uprising of 1918 White Guard?)]. Vestnik MGPU. Serija: Istoricheskie nauki. 3(47): 108–121. doi: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.09

Shherbakov A.S. 2017. Organy mestnoj sovetskoj vlasti: osobennosti izmenenija statusa i pravovogo polozhenija [Local Soviet Government Bodies: Features of Changes in Status and Legal Status]. Juvenis scientia. 7: 36–40.

Jurganov A.L. 2021. Rozhdenie i transformacija «general'noj linii» CK VKP(B) v politicheskoj bor'be vtoroj poloviny 1920-h – nachala 1930-h gg. [The Birth and Transformation of the "General Line" of the SC VKP(B) in the Political Struggle of the Second Half of the 1920s – Early 1930s.]. Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 7: 83–113. doi: 10.28995/2686-7249-2021-7-83-113

Jakovlev N.A. 2019. Istoriograficheskie problemy perioda dvoevlastija v Velikoj rossijskoj revoljucii [Historiographic Problems of the Period of Dual Power in the Great Russian Revolution]. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshhenija. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 1: 14–23. doi: 10.18384/2310-676X-2019-1-14-23

Bergman J. 2014. The Paris Commune in Bolshevik Mythology. English Historical Review. Vol. 79, № 541: 1412–1441.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 16.02.2026
Поступила после рецензирования: 19.03.2026
Принята к публикации: 19.04.2026

Received: February 16, 2026
Revised: March 19, 2026
Accepted: April 19, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королев Павел Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия
ORCID: 0009-0001-9878-4514

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel A. Korolev, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Tula State University, Tula, Russia

УДК 32.019.5
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-456-463
EDN PHOXVN
Оригинальное исследование

Изменение ландшафта политической коммуникации с началом специальной военной операции

Шукюров А.Т.
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23
E-mail: esmira2001@mail.ru

Аннотация. Роль и значение политических коммуникаций и стратегий в современном дискурсе стремительно растут, а вместе с ними растёт и интерес исследователей к коммуникационным аспектам политического процесса. Политическая коммуникация выполняет роль смыслового аспекта взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией. Симбиоз современных информационных технологий и политической коммуникации вывел последнюю на новые горизонты работы, сформировав взаимодействие её акторов. Специальная военная операция положила начало геополитическому противостоянию России, США и стран Запада, получившему реализацию в виде санкций и информационных войн. Геополитическое противостояние ставит особые требования к процессу коммуникации. Основной целью становится формирование отрицательного образа противника на международной арене путем пропаганды, контрпропаганды, давления и формирования коалиций, дезинформация и манипуляции. Одним из инструментов прокси-войны против России явилось преследование её журналистов за рубежом, закрытие международной телевизионной компании «RussiaToday» в Европе и США. Современный этап информационного противостояния характеризируется интенсивностью информационного потока на основе современных информационных технологий, растущей ролью социальных сетей и месседжей, проблемой фейковых новостей и кибератак.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационная война, политические элиты, дезинформация, фейк

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шукюров А.Т. 2026. Изменение ландшафта политической коммуникации с началом специальной военной операции. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 456–463. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-456-463. EDN: PHOXVN

Changes in the Landscape of Political Communication with the Start of the Special Military Operation

Alexei T. Shukurov
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: esmira2001@mail.ru

Abstract. The role and significance of political communications and strategies in contemporary discourse is rapidly growing, and so is research interest in the communication aspects of the political process. Political communication serves as the semantic aspect of interaction between political actors through information exchange. The symbiosis of modern information technology and political communication has opened new horizons, shaping the interactions between its actors. The special military operation initiated a geopolitical confrontation between Russia, the United States, and Western countries, which has manifested itself in

© Шукюров А.Т., 2026

sanctions and information warfare. This geopolitical confrontation places special demands on the communication process. The primary goal is to foster a negative image of the enemy on the international stage through propaganda, counter-propaganda, pressure, coalition building, disinformation, and manipulation. One of the tools of the proxy war against Russia has been the persecution of its journalists abroad and the closure of the international television company “Russia Today” in Europe and the United States. The current stage of information warfare is characterized by the intensity of information flows based on modern information technologies, the growing role of social media and messaging, and the problem of fake news and cyber attacks. Russia counters the fight against lies, censorship of Russian media, and manipulation with transparency (e.g., Russian Ministry of Defense briefings), a firm international position, and unanimity.

Keywords: political communication, information warfare, political elites, disinformation, fake

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shukurov A.T. 2026. Changes in the Landscape of Political Communication with the Start of the Special Military Operation. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 456–463 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-456-463. EDN: PHOXVN

Введение

Исследование воздействия цифровизации и современных коммуникационных технологий на трансформацию политического участия является одним из актуальных направлений научного анализа. Значительный научный вклад в понимание эволюции политических практик в контексте развития информационно-коммуникационных технологий, процессов глобализации и цифровой трансформации общества внесли исследователи М. Барретт [Barrett, 2023, 10–27], Н. Хансен [Hansen, 2024, 299–317], Й. Теочарис [Theocharis, 2018, 144]. Исследование политического сознания и поведения россиян в условиях развития новых медиа, социальных сетей и технологий освещаются в современных российских научных трудах Е.В. Бродовской [Бродовская, 2019, 3–18], О.В. Поповой [Попова, 2017, 138–162], А В. Селезневой [Селезнева, 2020, 101–113]. Политический характер развития и функционирования цифровых медиа и социальных сетей находится в центре внимания ряда отечественных учёных. Большая часть работ посвящена анализу мобилизационного и манипуляционного потенциала социальных сетей и других онлайн-ресурсов. Важно, на наш взгляд, отметить исследования В.К. Левашова [Левашов, 2022, 204–213], П.Н. Карпова [Карпов, 2013, 137–149], С.В. Куньщикова [Куньщиков, 2018, 7–12], Г.С. Мельника [Мельник, 2014, 130–136], Т.Л. Шестова [Шестов, 2019, 69–77].

Проблематика исследования заключается в том, что в контексте специальной военной операции на Украине (СВО) наблюдается значительная трансформация форм и моделей политической коммуникации в условиях геополитического противостояния России и стран Запада посредством ведения информационной войны против России.

Задачей исследования является показать изменение политической коммуникации с началом СВО, использование коммуникации в качестве прокси-оружия в информационной борьбе без правил и методы противодействия ей.

Гипотезой исследования заявляется, что ландшафт политической коммуникации претерпел значительную трансформацию в условиях СВО. Эффективность политической коммуникации определяется не столько объемом предоставляемой информации, сколько стратегией её подачи, целенаправленным созданием информационных образов и управлением восприятием целевыми аудиториями.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является трансформация политической коммуникации и инертность медиаландшафта в условиях проведения специальной военной операции. В исследовании применялся эмпирический метод экспертной оценки и опроса.

Результаты и их обсуждение

Научный дискурс демонстрирует существенный пробел в комплексном анализе форм политического участия российского населения в контексте специальной военной операции и параллельно действующих международных санкционных режимов, что обусловливает необходимость более глубокого теоретического осмысления данной проблематики. По мере развития информационных технологий исследователи всё чаще указывают на то, что социальные сети стали пространством полноценной мобилизации [Нятина, 2023, 167–174].

Гибридные стратегии и средства массовой информации используются для убеждения и пропаганды. Распространение дезинформации вокруг СВО на Украине отражает более широкие проблемы, связанные с изменением способов производства и распространения информации. В различных медиасистемах освещение иностранных дел в значительной степени определяется стратегическими интересами правительств. К утилитарным механизмам прокси-войны относятся: фейки, информационно-психологические операции, аудиовизуальная пропаганда. Активная фаза прокси-войны относится к 2014 году после оранжевой революции. Поток украинской дезинформации значительно увеличился после начала специальной военной операции.

В международно-политическом контексте операция на Украине не является войной между Москвой и Киевом, а представляет собой в том числе гибридную войну в крайней стадии ожесточения, которая ведётся чужими руками и спонсируется США в рамках глобального межгосударственного противоборства. Втягивание США в конфликт на Украине нескольких десятков государств Европы, стран-членов НАТО и ЕС имеет риск перерастания регионального конфликта в глобальный. Спонсором Украины в конфликте является США, «американские политики ужесточили антироссийскую риторику и активизировали вмешательство во внутренние дела нашей страны» [Шумилов, 2023, 10–27].

С начала вооруженного конфликта 24 февраля 2022 года Украина и ее союзники из блока НАТО продолжают выдвигать ложные и вводящие в заблуждение мировую общественность утверждения для оправдания своих действий, изображая Россию агрессором и отрицая ответственность за военные действия. Каждая сторона стремится контролировать свои сообщения и передавать свое повествование. С одной стороны, российская коммуникация стремится узаконить свои действия и превратить лагерь оппонента из угнетенного в провокаторский. С другой стороны, украинская коммуникация стремится завоевать международное одобрение и сочувствие. Следует также отметить, что началом СВО ознаменован рост активности несистемной оппозиции в России. Влияние на общественное политическое сознание россиян и формирование протестного потенциала встретило сопротивление со стороны общества. В ответ на это наблюдалась социальная консолидация россиян, усиление патриотических чувств, антимайданные митинги и одобрения решений Президента.

Американские и европейские массмедиа, связанные с правительствами, выставляют Россию агрессором, при этом замалчивая артиллерийские обстрелы со стороны украинской армии территории ДНР и ЛНР с компактным проживанием русскоязычного населения, запрет русского языка, демонтаж памятников героям ВОВ, факельные шествия и гонения на РПЦ. Наряду с поддержкой политической оппозиции в России дезинформационные нарративы развились из пропаганды и исторического ревизионизма. Усилия направлены на то, чтобы вызвать замешательство, усложнить достижение консенсуса, одновременно подрывая легитимность России на международной арене. Не гнушаются международные организации исключением членства России, а МОК не приветствовал присутствие российского триколора на соревнованиях, что не соответствует базовому принципу олимпийских игр «Большой спорт вне политики». Украинская пропагандистская и дезинформационная деятельность производится в больших объемах и распространяется по широкой сети каналов как онлайн, так и через традиционные СМИ. В этом им помогают страны Запада и США сетью собственных информационных ресурсов.

Ситуация вокруг СВО вызывает у граждан России тревогу, связанную с БПЛА, которыми противник «закидывает» территорию нашей страны, планами предоставить

противнику ракеты «Томагавк», разочарованием от того, что вчерашнее братское славянское государство превращено в антиРоссию Америкой и её европейскими сателлитами с целью сдержать экономическое и политическое развитие и сотрудничество России, Китая, Индии и других стран БРИКС, разобщить последних, чтобы сохранить однополярный западный мир, против которого открыто выступает В. Путин. Потому данный конфликт помимо политического относится к нравственному.

Дезинформация – это механизм политической коммуникации, тренд сегодняшней конъюнктуры в вопросе информационной войны стран Запада против России, представляет собой ложную, неточную или вводящую в заблуждение информацию, преднамеренно созданную, представленную и распространенную. В ходе СВО социальные сети служат полем битвы для государств, которые распространяют конкурирующие нарративы о боевых действиях и изображают продолжающийся конфликт в своих повествованиях. Распространение дезинформации всегда имеет цель и умысел. Именно поэтому Вооруженные Силы РФ нанесли ракетный удар по телебашне в Киеве в начале марта 2022 года.

Медиаландшафт Украины включает большое количество источников информации, которые обязаны своим владельцам, что приводит к необъективному описанию ландшафта как имеющего «внешний вид плюрализма». Реформы украинского вещания поддержаны западными донорами для установления контроля над ними и перевода их на военно-информационные рельсы. Украинские СМИ находятся под влиянием политических программ иностранцев, которые продвигают свои частные финансовые и политические интересы в ущерб общественным. Гонения на международный канал RussiaToday в Европе и США прямо противоположно отношению зарубежной элиты к украинской журналистике, которой предоставляются средства защиты, открывают офисы и помогают с перемещением персонала, особенно в случае поездок в страны ЕС. Опасность прокси-войн заключается в том, что, в отличие от обычных методов ведения войны, на которые распространяются нормы Женевской конвенции, прокси-войны не имеют правил. «Прокси-войны ведутся в геополитически значимых регионах и могут иметь длительные и разрушительные последствия для стран» [Николенко, 2025, 20–23], которые позволяют «минимизировать риски и затраты». [Капица, 2019, 117–139]. «Такая форма конфликтов позволяет эффективно поддерживать очаги напряжённости в стратегически важных регионах на протяжении долгого времени» [Гайдунко, 2020, 2141–2153].

Военная операция на Украине стала серьезным испытанием, которое коснулось не только российской армии, но и всего российского общества. Операция привлекает пристальное внимание не только россиян, но и тех, кто занимается распространением фейковых новостей.

Коммуникация во время боевых действий составляет наряду с военными, дипломатическими и правовыми аспектами центральный ресурс для управления конфликтами, поэтому важно понимать механизм её формирования. Реакция России на дезинформационную угрозу основана на прогрессе, достигнутом в укреплении информационной и медийной среды и в создании механизмов реагирования на информационные угрозы. К ним относятся усилия по предоставлению достоверной информации, публичному разоблачению фейков и обеспечение деятельности российских СМИ. «СВО стало фактором масштабной социальной консолидации россиян и роста патриотических настроений. Так, уровень одобрения деятельности Президента России с февраля по март 2022 года вырос на 14,1 % и достиг рекордного показателя в 81,6 %» [Левашов, 2022, 204–213].

Несмотря на то, что в России существуют стратегия развития информационного общества и практика её применения в социальных целях, развитие коммуникационного потенциала в военно-стратегическом отношении широко не практиковалось. Противодействие России заключалось скорее в обороне, то есть разоблачении дезинформации. Ситуация вокруг СВО освещается комплексно и полно. Ежедневные сводки

Министерства обороны России, репортажи военных корреспондентов и выступления волонтеров на федеральных телеканалах формируют целостное представление о событиях и противостоят украинской пропаганде. «Таким образом, СВО не только вызвала значительные перемены в политическом и военном аспектах, но также привнесла новые формы единства и солидарности в российское общество, отмечающие значимость поддержки национальных интересов и целей. Волонтёрские и благотворительные инициативы, направленные на поддержку военнослужащих и пострадавших от конфликта, становятся всё более популярными и поддерживаются гражданами» [Анищенко, 2024, 36–51]. Результаты выборов Президента РФ в марте 2024 года, на которых 87,28 % проголосовало за В. Путина, подтверждают консолидацию граждан вокруг политической элиты. Именно СВО не только консолидировала общество, но и сформировала его новые патриотические черты под лозунгом «Всё для фронта и победы», она открывает новый этап в истории России. Даже такие ограничения, как блокировка социальных сетей Facebook и Instagram в России, не привели к росту недовольства, поскольку граждане понимают, что западная политическая элита сделала эти социальные сети информационным оружием, альтернативой им стали ВКонтакте, Rutube, Max. Расчет западных стратегов на политическую и экономическую изоляцию России от мирового сообщества потерпел провал. Россия – государство с колоссальными возможностями, находит сторонников на других континентах: в Азии, Африке и Южной Америке, в том числе в рамках БРИКС. В связи с отказом европейских стран от российского углеводородного сырья и гонениями на так называемый «теневой флот» сломана ресурсоориентированная схема интеграции страны в мировой порядок.

Америка и страны Запада подогревают конфликт, называя майданные события «революция достоинства». Майдан и свержение В. Януковича стали первым предупреждающим сигналом новой волны дезинформации и способности украинских СМИ манипулировать международным сообществом, апеллируя к эмоциям, что усматривается в выступлениях украинской элиты на встречах с европейскими лидерами, где последние «давят на жалость».

По мере завершения президентского срока Джо Байдена поддержка Украины со стороны США снизилась и стала более поляризованной. С первых дней своего президентства Дональд Трамп начал сокращать внешнеполитические усилия США, направленные на сдерживание и противодействие России. В феврале 2025 года президент Трамп публично обвинил Украину в провокации войны и охарактеризовал президента Владимира Зеленского как диктатора. В марте 2025 года Соединенные Штаты сократили поставки военной помощи Украине и финансирование.

Заключение

В настоящее время цифровые платформы выступают важнейшим инструментом информирования общественности о гуманитарных проектах и сборе помощи для нужд СВО. Совершенствование системы противодействия государства угрозе прокси-войн, цветным революциям должно осуществляться посредством адаптации системы обеспечения национальной безопасности России к вызовам и угрозам, порождаемым конфликтами нового вида. Успех адаптации будет определяться способностью формирования знаний о гибридных угрозах и стратегией противодействия им, развитием системы культурно-духовных ценностей, образования граждан.

С 24 февраля 2022 года в России наблюдается заметная трансформация публичного пространства, включая медиапотребление и практику политического участия граждан, социальная консолидация россиян вокруг правящей элиты, причем ещё недавно эта задача казалась совершенно не решаемой. В течение последних двух лет отмечается существенная динамика роста интереса российских пользователей к отечественному новостному контенту, созданному как альтернатива зарубежному.

Список литературы

Анищенко А.В. 2024. Политическое участие и цифровые коммуникации россиян после начала СВО: особенности и основные формы. *Наука. Культура. Общество,* 4: 36–51.

Бродовская Е.В., Хуанг Т. 2019. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены,* 5(153): 3–18.

Гайдунко Ю.А. 2020. Прокси-войны: современное значение и влияние на мировой политический процесс. *Вопросы политологии,* № 7(59): 2141–2153.

Капицын В.М. 2019. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире. *Социально-гуманитарные знания*, 4: 117–139.

Карпов П.Н. 2013. Роль новых медиа в политической коммуникации: Интернет как инструмент формирования новой политической реальности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология,*1: 137–149.

Куньщиков С.В., Строганов В.Б. 2018. Трансформация специфики политического манипулирования в «новых медиа». *Вопросы управления*, 6(55): 7–12.

Левашов В.К., Гребняк О.В. 2022. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине. *Социальные и гуманитарные знания*, 2(30): 204–213.

Мельник Г.С. 2014. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий. *Гуманитарный вектор,* 3(39): 130–135.

Николенко А.А. 2025. Современный контекст и современный формальный вид прокси-войн. *Международный научно-исследовательский журнал,* 6(156): С. 20–23.

Нятина Н.В., Григорик Н.Н., Молчанов А.А. 2023. Цифровизация социально-политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации. *Виртуальная коммуникация и социальные сети,* 3(7): 167–174.

Полухин О.Н., Реутов Е.В., Гармашев А.А., Реутова М.Н. 2003. Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции. *Власть,* 4: 86–94.

Полухин О.Н. 2005. Гражданственность как предмет политологического анализа: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.01. – Москва – 355 с.

Попова О.В. 2017. Особенности политического сознания современной российской молодёжи. *Политическая наука,* 1: 138–162.

Постановление Центральной избирательной комиссии РФ «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» // ЦИК РФ: [официальный сайт] 21.03.2024. Режим доступа URL: http://www cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p_itogi/ (дата обращения: 04 11 2025).

Селезнева А.В., Азарнов А.А. 2020. Рождение гражданина: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников. *Полис. Политические исследования,* 5: 101–113.

Шестов Т.Л., Кузьмин В.А. 2019. Значение «новых медиа» в современном политическом процессе. *Вестник Московского университета. Серия Глобалистика и геополитика,* 2: 69–77.

Шумилов М.М., Гуркин А.Б. 2023. Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023). *Управленческое консультирование*,7: 10–27.

Barrett M., Brunton-Smith I. 2014. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective. *Journal of Civil Society*. Vol 10, No 1: pp. 5–28.

Hansen N.W., Hau M.F. 2024. Between Settlement and Mobilization: Political Logics of IntraOrganizational Union Communication on Social Media. *Work, Employment and Society*. Vol. 38(2): pp. 299–317.

Theocharis Y., van Deth J. 2018. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY, Routledge: 144 p.

References

Anishenko A.V. 2024. Politicheskoe uchastie I cifrovie kommunikacii rossian posle nachala SVO: osobennosti I osnovnie formi [Political Participation and Digital Communications of Russians after the Start of the SAO: Characteristics and Main Forms]. Nauka. Kultura.Obshestvo [*Science. Culture. Society*]. 4: 36–51.

Brodovskaya E.V., Huang T. 2019. Cifrovoe pokolenie: grazdanskaya mobilizacia I politicheskii protest rossiiskoi molodezi [Digital Generation: Civic Mobilization and Political Protest of Russian Youth]. Monitoring obshestvennogo mnenia: ekonomicheskie I socialnie peremeni [*Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*]. 5(153): 3–18.

Gaidunko U.A. 2020. Proksi-voini: sovremennoe znachenie I vlianie na mirovoi politicheskii process [Proxy Wars: Contemporary Significance and Impact on Global Politics.]. Voprosi politologii [*Political Science Issues*]. №7(59): 2141–2153.

Kapica V.M. 2019. Proksi-voina I sostoiatelnostgosudarstv v sovremennom mire [Proxy Wars and State Welfare in the Modern World]. Socialno-gumanitarnie znania [*Social and Humanitarian Studies*]. 4: 117–139.

Karpov P.N. 2013. Rol novih media v politicheskoi kommunikacii: Internet kak instrument formirovania novoi politicheskoi realnosti [The Role of New Media in Political Communication: The Internet as a Tool for Shaping a New Political Reality]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzbi narodov. Seria: Plitologia [*Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*]. 1: 137–149.

Kunshikov S.V., Stroganov V.B. 2018. Transformacia specifiki politicheskogo manipulirovania v «novih media» [Transformation of the Specifics of Political Manipulation in "New Media"]. Voproci upravlenia [Management issues]. 6(55): 7–12.

Levashov V.K., Grebnyak O.V. 2022. Aktualnie izmenenia socialnih setei I cifrovoi sredi v period specialnoi voennoi operacii na Ukraine [Current Changes in Social Media and the Digital Environment during the Special Military Operation in Ukraine]. Socialnie I gumanitarnie znania [*Social and humanitarian knowledge*]. 2(30): 204–213.

Melnik G.S. 2014. Novie (takticheskie) media kak strukyurnii component mobilizacionnih tehnologii [New (Tactical) Media as a Structural Component of Mobilization Technologies]. Gumanitarnii vector [Humanitarian vector]. 3(39): 130–135.

Nikolenko A.A. 2025. Sovremennii kontekst I sovremennii formalnii vid proksi-voin [The Contemporary Context and Formal Form of Proxy Wars]. Mezdunarodnii nauchno-issledovatelskii zhurnal [*International Research Journal*]. 6(156): C. 20–23.

Nyatina N.V., Grigorik N.N., Molchanov A.A. 2023. Cifrovizacia socialno-politicheskogo vzaimodeistvia: mobilizacia realnoi I virtualnoi kommunikacii [Digitalization of Sociopolitical Interaction: Mobilizing Real and Virtual Communication]. Virtualnaya kommunikacia I socialnie seti [*Virtual Communication and Social Networks*]. 3(7): 167–174.

Poluhin O.N., Reutov E.V., Garmashev A.A., Reutova M.N. 2003.Transformacia vospriatia bezopasnosti v prigranichnom regione v usloviah specialnoi voennoi operacii [Transforming Perceptions of Security Issues in a Border Region in the Context of a Special Military Operation]. Vlast [Authorities]. 4: 86–94.

Poluhin O.N. 2005. Grazdanstvennost kak predmet politologicheskogo analiza: dissertacia … doctora politiceskih nauk [Civic Consciousness as a Subject of Political Science Analysis]: dissertation ... doctor of political science. 355 p.

Popova O.V. 2017. Osobennosti politicheskogo soznania sovremennoi rossiiskoi molodezi [Peculiarities of Political Consciousness among Modern Russian Youth] Politicheskaya nauka [*Political Science*]. 1: 138–162.

Postanovlenie Centralnoi izbiratelnoi komissii RF «O rezultatah vyborov Prezidenta Rossiiskoi Federacii naznachennih na 14 marta 2024 goda» [Resolution of the Central Electoral Commission of the Russian Federation «On the Results of the Elections of the President of the Russian Federation Scheduled for March 17, 2024»]. Oficialnii sait [official website] 21.03.2024. Rezim dostupa [access mode] doi URL: http://www cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p_itogi/ (accessed: 04 11 2025).

Selezneva A.V., Azarnov A.A. 2020. Rozdenie grazdanina: pokitiko-psihologicheskii analiz grazdanstvennosti rossiiskih starsheklassnikov [The Birth of a Citizen: A Political-Psychological Analysis of Civic Consciousness in Russian High School Students]. Polis. Politicheskie issledovania [*Polis. Political Studies*]. 5: 101–113.

Shestov T.L., Kuzmin V.A. 2019. Znachenie «novyh media» v sovremennom politicheskom processe [The Importance of "New Media" in the Contemporary Political Process]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria Globalistika i geopolitika [*Moscow University Bulletin. Global Studies and Geopolitics Series*]. 2: 69–77.

Shumilov M.M., Gurkin A.B. 2023. Predposilki, mezdunarodnii kontekst I osobennosti oposredovannoi voina NATO protiv Rossii na Ukraine (2022–2023) [Background, International Context, and Features of

NATO's Proxy War against Russia in Ukraine (2022–2023)]. Upravlencheskoe konsultirovanye [Management Consulting]. 7: 10–27.
Barrett M., Brunton-Smith I. 2014. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective. *Journal of Civil Society.* Vol 10, No 1: pp. 5–28.
Hansen N.W., Hau M.F. 2024. Between Settlement and Mobilization: Political Logics of IntraOrganizational Union Communication on Social Media. *Work, Employment and Society*. Vol. 38(2): pp. 299–317.
Theocharis Y., van Deth J. 2018. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY, Routledge: 144 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 15.02.2026
Поступила после рецензирования: 16.03.2026
Принята к публикации: 25.04.2026

Received: February 15, 2026
Revised: March 16, 2026
Accepted: April 25, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шукюров Алексей Тофикович, соискатель ученой степени кандидата политических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0009-0003-9401-8788

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexei T. Shukurov, Candidate for the Degree of Candidate of Sciences in Politics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327-336.71
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-464-473
EDN PHVGER
Оригинальное исследование

Институциональное взаимодействие Правительства Российской Федерации и Банка России в обеспечении устойчивости финансово-экономической системы государства

Гюнтер И.Н. [1], **Половнева Л.С.** [2]
[1)] Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а;
[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: eirin@rambler.ru, Lpolovneva@bsuedu.ru

Аннотация. В России к 2026 году сформировалась трехуровневая модель координации: стратегическое планирование (Совет по финансовой стабильности), оперативное реагирование (совместные антикризисные планы) и функциональное взаимодействие (регулирование системно значимых банков, платежная инфраструктура). Показано, что ключевым механизмом повышения устойчивости стал переход от разовых мер поддержки к постоянному мониторингу системных рисков с использованием стресс-тестирования и макропруденциальных лимитов. Обоснована необходимость усиления координации в части долгосрочного структурного финансирования и импортозамещения финансовых технологий. Цель исследования: систематизация направлений и механизмов совместной деятельности Правительства Российской Федерации и Банка России в контексте обеспечения устойчивости национальной финансово-экономической системы в условиях структурной трансформации и внешнего санкционного давления. В отличие от работ, рассматривающих Банк России и Правительство РФ как независимые институты с четким разделением функций, в статье обоснован тезис о формировании в 2024–2026 гг. «гибридной модели координации», где при формальной независимости регулятора происходит глубокая операционная интеграция в условиях форс-мажора.

Ключевые слова: Банк России, Правительство РФ, финансовая устойчивость, координация, макропруденциальная политика, санкции, структурная ликвидность, системно значимые банки

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Гюнтер И.Н., Половнева Л.С. 2026. Институциональное взаимодействие Правительства Российской Федерации и Банка России в обеспечении устойчивости финансово-экономической системы государства. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 464–473. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-464-473. EDN: PHVGER

Institutional Cooperation between the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia in Ensuring the Sustainability of the State's Financial and Economic System

Irina N. Gyunter [1], **Lyudmila S. Polovneva** [2]
[1)] Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russia;
[2)] Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: eirin@rambler.ru, Lpolovneva@bsuedu.ru

Abstract. By 2026, Russia has established a three-tiered coordination model: strategic planning (Financial Stability Council), operational response (joint crisis management plans), and functional interaction (regulation of systemically

© Гюнтер И.Н., Половнева Л.С., 2026

important banks and payment infrastructure). It is shown that the key mechanism for enhancing resilience consists in the transition from one-time support measures to continuous monitoring of systemic risks using stress testing and macroprudential limits. The need for stronger coordination in terms of long-term structured financing and import substitution of financial technologies is substantiated. The objective of the study is to systematize the areas and mechanisms of joint activities between the Bank of Russia and the Government of the Russian Federation in the context of ensuring the resilience of the national financial and economic system in the context of structural transformation and external sanctions pressure. In contrast to studies that consider the Bank of Russia and the Government of the Russian Federation as independent institutions with a clear division of functions, the article substantiates the thesis that 2024–2026 will see the emergence of a "hybrid coordination model," where the regulator maintains formal independence but achieves deep operational integration in the event of force majeure.

Keywords: Bank of Russia, Government of the Russian Federation, financial stability, coordination, macroprudential policy, sanctions, structural liquidity, systemically important banks

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Gyunter I.N., Polovneva L.S. 2026. Institutional Cooperation between the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia in Ensuring the Sustainability of the State's Financial and Economic System. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 464–473 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-464-473. EDN: PHVGER

Введение

Вопрос устойчивости финансово-экономической системы государства традиционно находится в центре внимания экономической науки и практики политического управления. В Российской Федерации за обеспечение этого направления отвечают два ключевых института – Банк России (как мегарегулятор финансового рынка) и Правительство России (как орган общей экономической политики). Теоретически их функции разграничены: Центральный банк отвечает за стабильность национальной валюты и банковской системы, а Правительство России – за бюджетную и промышленную политику. Однако на практике, особенно в условиях внешнего санкционного давления и структурной трансформации экономики (2022–2026 гг.), возникает объективная потребность в тесной координации.

В 2025–2026 гг. российская экономика столкнулась с новыми вызовами: ограничение доступа к международным платежным системам (SWIFT, Visa/Mastercard), волатильность курса рубля, необходимость переориентации экспортно-импортных потоков, а также риск дестабилизации фондового рынка. В этих условиях простое разделение ответственности оказалось недостаточным. Возникла необходимость в совместной выработке решений, затрагивающих одновременно денежно-кредитную, бюджетную и структурную политику.

Цель данной статьи – на основе анализа нормативно-правовой базы и практических мер 2024–2026 гг. предложить системное описание механизмов совместной деятельности Банка России и Правительства России, направленных на обеспечение устойчивости финансово-экономической системы государства.

1. Институциональные основы взаимодействия Банка России и Правительства Российской Федерации: эволюция модели

Конституционно-правовой статус Банка России предполагает его независимость в реализации основных функций (защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие банковской системы) [Конституция Российской Федерации]. Однако Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» предусматривает ряд механизмов взаимодействия с Правительством РФ:

– участие Председателя Банка России в заседаниях Правительства с правом совещательного голоса;

– разработка основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики (документ совместно рассматривается и представляется Президенту России);

– консультации при разработке параметров федерального бюджета;

– участие Банка России в разработке прогноза социально-экономического развития [Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»].

Однако нормативная база – лишь основа. Реальное взаимодействие в 2022–2026 гг. переросло формальные рамки. Можно выделить три периода эволюции координации.

Период 1: 2022–2023 гг. («шоковое» реагирование).

Введение беспрецедентных санкций потребовало экстренных мер. Банк России оперативно повысил ключевую ставку до 20 %, ввел валютные ограничения (продажа 80 % валютной выручки экспортерами). Правительство России выделило средства на докапитализацию системно значимых банков (Сбер, ВТБ, ГПБ, РСХБ) через механизм ОФЗ. Был создан Оперативный штаб по обеспечению устойчивости экономики, куда вошли представители обоих институтов. Это стало первой «боевой» координацией.

Период 2: 2024–2025 гг. (структурная адаптация).

Экономика перешла к адаптации. Банк России начал поэтапное смягчение валютных ограничений, но сохранил макропруденциальные лимиты (МПЛ) на необеспеченное потребительское кредитование, чтобы сдержать закредитованность населения [Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства, 2025]. Правительство запустило программу льготной ипотеки (расширенную в 2024 г.), что требовало постоянного согласования с ЦБ для предотвращения «перегрева» рынка недвижимости.

Период 3: 2025–2026 гг. (устойчивая модель координации).

Сформировалась сложившаяся система. Ключевым органом стал Совет по финансовой стабильности (СФС) под председательством главы Банка России или Министра финансов (на ротационной основе). В СФС входят представители ЦБ, Минфина, Минэкономразвития, АСВ, а также руководители крупнейших банков. На заседаниях СФС (проводятся не реже 1 раза в квартал) рассматриваются системные риски и меры по их снижению, требующие совместных действий.

Обобщая институциональную эволюцию, можно представить взаимодействия Правительства Российской Федерации и Банка России (2022–2026 гг.) в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Эволюция форм взаимодействия Правительства Российской Федерации и Банка России (2022–2026 гг.)
Evolution of forms of interaction between the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia (2022–2026)

Этап	Характер взаимодействия	Ключевые механизмы	Результат
2022–2023 гг. (шок)	Экстренное реагирование, оперативные штабы	Повышение ставки, валютные ограничения, докапитализация банков через ОФЗ	Финансовая система устояла, паника прекращена в конце 2022 г.
2024–2025 гг. (адаптация)	Координация на среднесрочных горизонтах	Макропруденциальные лимиты и льготная ипотека, развитие платежной инфраструктуры (СПФС, СБП) страны	Снижение инфляционных ожиданий, рост расчетов в рублях с дружественными странами
2026 г. (плановая модель)	Системная, институционализированная	Совет по финансовой стабильности, совместное стресс-тестирование, целевое фондирование приоритетных отраслей	Прогнозируемость политики, снижение премии за системный риск

Как мы видим, формальное разделение функций не исключает, а напротив – требует плотной координации в периоды «турбулентности». К 2026 году сложилась рабочая модель, основанная на регулярных консультациях и разделении зон ответственности в рамках общего антикризисного плана.

2. Ключевые направления взаимодействия Банка России и Правительства Российской Федерации

Анализ документов стратегического планирования (в частности, «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов» [Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики…, 2023], проектов, а также Стратегии развития финансового рынка до 2030 года) позволяет выделить четыре приоритетных направления, где взаимодействие ЦБ и Правительства России является критически важным [Стратегия развития..., 2022]:

1. Обеспечение ценовой и финансовой стабильности – это классическая зона ответственности Центрального банка. Однако в 2024–2026 гг. инфляционные процессы испытывали влияние как монетарных факторов (денежная масса), так и немонетарных (бюджетные расходы, санкционные издержки, логистика). Без координации невозможно было определить, насколько рост цен связан с избытком денег, а насколько – с разрывом цепочек поставок.

Был применен следующий механизм координации:

– ежемесячные консультации Банка России с Минфином по исполнению бюджета и объему операций на открытом рынке;

– совместный мониторинг индикаторов инфляции (ЦБ отслеживает денежную базу, кредитную активность; Правительство России – цены производителей, тарифы ЖКХ);

– использование макропруденциальных лимитов (МПЛ) как инструмента охлаждения перегретых сегментов кредитования (например, в 2025 г. были введены МПЛ по ипотеке с низким первоначальным взносом).

К началу 2026 года наблюдалось снижение волатильности курса рубля, что стало результатом синхронизации валютной политики ЦБ и мер бюджетного правила (Минфин сглаживает колебания нефтегазовых доходов).

2. Поддержка ликвидности банковского сектора и структурное финансирование. В 2022–2024 гг. ряд российских банков столкнулся с риском оттока вкладов и заморозкой внешних активов. Банк России предоставил банкам рефинансирование под залог ценных бумаг [Заседание Совета…, 2025]. Однако для долгосрочного замещения ушедших иностранных источников финансирования потребовались ресурсы с более длинным горизонтом.

Для решения использовали совместный инструмент:

а) в 2025 году был расширен механизм «зонтичных» поручительств Корпорации МСП (под эгидой Правительства России), которые ЦБ принимает в качестве обеспечения по кредитам рефинансирования;

б) запуск программы целевого фондирования банков под приоритетные проекты (промышленность, импортозамещение, IT): Банк России выделяет ликвидность по льготной ставке, а Правительство России определяет перечень отраслей и несет риски нецелевого использования через ВЭБ.РФ.

Согласно данным Минэкономразвития (2025 г.), за 2,5 года работы механизма было профинансировано более 500 проектов в обрабатывающей промышленности, что позволило сохранить занятость и нарастить несырьевой экспорт [Итоги работы Банка России..., 2025].

3. Защита платежной инфраструктуры и развитие альтернатив. После отключения от SWIFT и блокировки карт международных платежных систем российские власти оперативно создали альтернативы. Здесь координация была максимально плотной, так как требовались и юридические решения (изменение законов), и технологические (инфраструктура ЦБ).

Результатами совместной работы явились:

1) система передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России стала аналогом SWIFT. На начало 2026 года к ней подключено более 400 участников из 20 стран;

2) национальная система платежных карт (НСПК) и карта «Мир» обеспечены приемом во всех торговых точках РФ и в ряде дружественных стран;

3) СБП (Система быстрых платежей) – совместно с Правительством России были расширены возможности по оплате госуслуг, налогов, сборов, что повысило собираемость платежей [Основные направления..., 2025].

Правительство России, со своей стороны, обеспечило законодательное требование о приеме карт «Мир» в социальных учреждениях и включило СБП в качестве обязательного метода оплаты для большинства госуслуг.

4. Борьба с финансовыми пирамидами и защита прав потребителей. В условиях роста онлайн-мошенничества и появления новых схем обмана граждан (инвест-скам, дипфейки, NFC-перехват) требуется совместная работа Банка России (как регулятора, блокирующего подозрительные сайты) и Правительства России (через правоохранительные органы) [Попова, Никитина, Матющенко, 2016].

В 2025 году вступил в силу Федеральный закон № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разработанный при участии ЦБ. Закон обязал операторов связи маркировать звонки от банков как «доверенные», запретил звонки через мессенджеры от госорганов и банков, ввел самозапрет на спам-обзвоны для граждан [Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ].

Банк России через ФинЦЕРТ обеспечивает оперативный обмен данными о мошеннических номерах и счетах, а Правительство России обеспечивает правоприменение и наказание для злоумышленников. По итогам 2025 года количество успешных атак на клиентов банков сократилось на 12 % (по данным ЦБ), что частично является результатом скоординированных мер [Прогноз социально-экономического развития..., 2024].

3. Механизмы взаимодействия Банка России и Правительства России в обеспечении устойчивости финансово-экономической системы государства в 2024–2026 гг.

На основе анализа документов Совета по финансовой стабильности и отчетов Банка России можно выделить конкретные механизмы совместной деятельности Банка России и Правительства России в обеспечении устойчивости финансово-экономической системы государства в 2024–2026 гг. (табл. 2.)

Таблица 2
Table 2

Механизмы взаимодействия Банка России и Правительства России в обеспечении устойчивости финансово-экономической системы государства в 2024–2026 гг.
Mechanisms of interaction between the Bank of Russia and the Government of Russia in ensuring the stability of the financial and economic system of the state in 2024–2026

Наименование инструмента	Ответственный (ЦБ / Правительство России)	Цель	Результат на начало 2026 года
Макро-пруденциальные лимиты (МПЛ)	ЦБ (при консультациях с Минфином)	Ограничение высокорискованного кредитования граждан	Снижение прироста долговой нагрузки населения на 15 % по сравнению с пиковым 2023 г.
Механизм «зонтичных» поручительств Корпорации МСП	Правительство России (финансирование), ЦБ (прием в залог)	Обеспечение доступа МСП к кредитам при недостатке залога	Выдано > 10 000 кредитов на сумму > 1 трлн руб. (2024–2025)
Антикризисный фонд ликвидности (АФЛ)	ЦБ и Минфин (софинансирование)	Стабилизация рынка ОФЗ и предотвращение панического выкупа валюты	Обеспечено плавное размещение ОФЗ в 2025 г., ставки на аукционах снижены на 1,5 пп.
Система индикаторов системного риска Early Warning	ЦБ (методология), Правительство России (данные из ЕГРЮЛ, ФНС)	Раннее обнаружение проблем на рынке акций, недвижимости или кредитов	За 2025 г. идентифицированы риски (перегрев ипотеки, корпоративный долг)
Комитет по финансовому мониторингу при ЦБ	ЦБ и Росфинмониторинг подведомствен Правительству России	Борьба с легализацией доходов и финансированием терроризма в криптовалютах	Заблокировано 2,5 тыс. криптокошельков, прекращена деятельность 30 обменников

Особого внимания заслуживает Совместный план по повышению устойчивости финансовой системы в 2025–2026 годах, который был утвержден СФС в декабре 2024 года [Прогноз социально-экономического развития..., 2025]. План включает следующие мероприятия:

– регулярное стресс-тестирование 13 системно значимых банков (ССЗБ) по двум сценариям: базовый (без ухудшения) и шоковый (падение цен на нефть до 40 долл./барр., отключение оставшихся каналов SWIFT);

– создание реестра недружественных финансовых операций (совместно с Минюстом);

– внедрение стандартов киберустойчивости для всех небанковских финансовых организаций (НПФ, страховщики) [Основные направления…, 2022].

4. Оценка эффективности взаимодействия Банка России и Правительства России и вызовы на перспективу

Любое взаимодействие требует оценки результативности. По косвенным показателям (уровень инфляции, стабильность курса, рост кредитования, отсутствие банкротств системно значимых банков) можно сделать вывод, что российская финансово-экономическая система продемонстрировала высокий уровень устойчивости в 2022–2026 гг [Направления экономических исследований..., 2026, Противодействие отмыванию денег и валютный контроль, 2019]. Однако это не означает отсутствие проблем (табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Преимущества и недостатки взаимодействия Банка России и Правительства Российской Федерации
Advantages and disadvantages of cooperation between the Bank of Russia and the Government of the Russian Federation

Критерий	Преимущества взаимодействия Банка России и Правительства Российской Федерации	Недостатки взаимодействия Банка России и Правительства Российской Федерации
Институциональная структура	Налажен регулярный диалог (СФС, оперативные штабы), четкое разделение операционных ролей	Излишняя бюрократизация, длительное согласование экстренных мер
Инструменты денежно-кредитной политики	Эффективное использование МПЛ, стресс-тестирования, валютного регулирования	Высокая ключевая ставка (15–16 % в 2025–2026) тормозит инвестиции, разногласия с Правительством России
Платежная инфраструктура	Создана полноценная альтернатива SWIFT/Visa, высокий уровень суверенитета	Ограниченная интеграция с платежными системами Индии, Китая (нет полной совместимости)
Борьба с мошенничеством	Принят закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ, развивается ФинЦЕРТ, работает маркировка звонков	Технологии ИИ (дипфейки) обходят маркировку, требуется постоянная адаптация
Антикризисное финансирование	Создан антикризисный фонд ликвидности, механизмы рефинансирования	Недостаток «длинных денег» для реального сектора, высокая стоимость заимствований

Выделим следующие преимущества взаимодействия:

– отсутствие системного банковского кризиса (ни один крупный банк не обанкротился, даже находясь под блокирующими санкциями);

– переход расчетов за экспортно-импортные операции в рубли и валюты дружественных стран (доля рубля в расчетах за экспорт достигла 40 % к концу 2025 г.);

– создание независимой платежной инфраструктуры (НСПК, СПФС, СБП), которая обеспечивает 99 % внутрироссийских транзакций.

Недостатки во взаимодействии также были, мы их отметим, но и рассмотрим направления их решения:

1. Инфляция оставалась высокой в 2025 году (6–7 %) из-за сочетания монетарных и немонетарных факторов. Необходима более точная настройка координации бюджетной и денежно-кредитной политики [Навигатор по ограничительным мерам..., 2026].

2. Долговая нагрузка корпоративного сектора продолжает расти, особенно в госкомпаниях. Существует риск «навеса долга», который потребует совместного решения ЦБ (ограничения) и Правительства (программы реструктуризации).

3. Адаптация к долгосрочным санкциям. Заморозка золотовалютных резервов ЦБ (около 300 млрд долл.) остается неснятым риском. Необходима дальнейшая диверсификация валютных резервов в юани, рупии и золото [Доклад о денежно-кредитной политике].

4. Финансирование структурной трансформации. Банк России сохраняет жесткую денежно-кредитную политику (высокие ставки), что сдерживает инвестиции в реальный сектор [Навигатор по ограничительным мерам..., 2026]. Правительство России ищет пути удешевления проектного финансирования через госпрограммы. Задача на 2026–2027 гг. – создать механизм «дешевых длинных денег» под импортозамещение, не разгоняя инфляцию [Обзор финансовой стабильности, 2026].

5. Направления совершенствования совместной деятельности Банка России и Правительства РФ

На основе проведенного анализа можно предложить конкретные шаги по повышению эффективности координации Банка России и Правительства РФ.

Во-первых, создание «Комитета по финансовой стабильности» на постоянной основе (не эпизодические заседания, а постоянно действующий орган с секретариатом). Это позволит сократить время реакции с недель до дней.

Во-вторых, внедрение системы «единого стресс-сценария». Сегодня Банк России использует собственные сценарии, Правительство России – бюджетные. Необходим единый утвержденный макропрогноз, который составит основу денежно-кредитной и бюджетной политики.

В-третьих, расширение инструментов «условного» рефинансирования. Предлагается: если банк выдает кредит проекту из перечня Минпромторга, ЦБ предоставляет такому банку фондирование по ставке, сниженной на 2–3 процентных пункта (при сохранении макропруденциальных требований). Это позволит удешевить инвестиционное кредитование.

В-четвертых, создание совместной платформы данных о системных рисках на базе ЦБ с доступом для Минэкономразвития и Минфина. Сегодня данные разрознены, что затрудняет раннее обнаружение проблем.

В-пятых, разработка и внедрение индекса финансовой устойчивости субъектов РФ. Поскольку региональные бюджеты и банковские портфели тесно связаны, совместный мониторинг позволит предотвратить локальные кризисы [Петрова, 2016].

Эти меры не требуют изменения законодательства, они просто могут ускорить координационные процедуры.

Заключение

Независимость Банка России не означает изоляцию. В условиях структурного шока и санкционного давления 2022–2026 гг. сформировалась эффективная модель взаимодействия с Правительством России, основанная на регулярных консультациях, совместных планах и разделении операционных рисков. Формальные разграничения (ЦБ отвечает за инфляцию, Правительство России – за рост) на практике трансформируются в гибридную схему принятия решений [Челеховский, 2011].

Ключевые зоны координации – это ценовая стабильность (инфляция и курс), поддержка ликвидности банков (с учетом бюджетных рисков), платежная инфраструктура (национально-ориентированная) и защита прав потребителей (антифрод). По каждому направлению созданы

и работают совместные инструменты, такие как макропруденциальные лимиты, механизмы зонтичных поручительств, система СПФС и маркировка звонков.

Основной вызов на 2026–2027 гг. – это поиск баланса между жесткой денежно-кредитной политикой (борьба с инфляцией) и необходимостью дешевых инвестиционных ресурсов для структурной трансформации экономики. Этот вызов не может быть решен ни ЦБ, ни Правительством России по отдельности, он требует продолжения и углубления совместного взаимодействия.

Перспективные направления совершенствования – создание постоянно действующего Комитета по финансовой стабильности, единого стресс-сценария, платформы обмена данными и регионального индекса устойчивости. Эти меры позволят перейти от реактивного управления кризисами к проактивному предотвращению системных рисков.

Список источников

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральный закон Российской Федерации от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 09.04.2026). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов (одобрены Советом директоров Банка России от 01.11.2023) (утв. постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16.11.2023 № 5128-8ГД) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (дата обращения: 01.03.2026).

Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2022 года № 4355-р.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения: 01.03.2026).

Стратегия развития финансового рынка до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 4355-р.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12197 (дата обращения: 01.03.2026).

Список литературы

Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59472/inf_material_msp_2025_1.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/78672 (дата обращения: 01.03.2026).

Итоги работы Банка России 2024: коротко о главном. 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2024 (дата обращения: 01.03.2026).

Навигатор по ограничительным мерам на 1 февраля 2026 года. 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/content/document/file/155960/nav_om.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

Направления экономических исследований в Банке России в 2026–2028 годах. 2026. https://cbr.ru/collection/collection/file/59629/research_russia_2026-2028.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. 2026 (Официальный сайт Банка России: www.cbr.ru). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/finstab/review/ (дата обращения: 01.03.2026).

Обзор финансовых инструментов за 2025 год. Аналитический материал. 2026. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/59743/fi_review_2025.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. 2025. Информация Минфина России (Министерство финансов РФ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=314027-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2026_god_i_na_planovyi_period_2027_i_2028_godov (дата обращения: 01.03.2026).

Петрова О.М. 2016. Особенности взаимоотношений центрального банка Российской Федерации с органами государственной и исполнительной власти. Право: современные тенденции. Материалы III Междунар. науч. конф. Краснодар, Новация: 57–59.

Попова И.В., Никитина И.П., Матющенко Е.С. 2016. Направления взаимодействия Центрального банка с правительством. Финансовые исследования, 4(53): 69–75.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. 2024 (разработан Минэкономразвития России). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. 2025 (разработан Минэкономразвития России). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Противодействие отмыванию денег и валютный контроль. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/#highlight=валютный%7Cвалютных%7Cопераций (дата обращения: 01.03.2026).

Челеховский А.Н. 2011. Взаимодействие Центрального банка и правительства в условиях двойного кризиса. М., Высшая школа экономики, 2011. 48 с.

References

Analitycheskiy obzor rynka kredityrovaniya sub`ektov malogho i srednego predprinimatelstva [Analytical Review of the Small and Medium-Sized Business Lending Market]. 2025. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: [https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59472/inf_material_msp_2025_1.pdf] (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59472/inf_material_msp_2025_1.pdf) (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i natsionalnym proyektam [Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects]. 2025. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/78672 (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Itogi raboty Banka Rossii 2024: kortko o glavnom [Bank of Russia 2024 Performance Summary: A Brief Overview]. 2025. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2024 (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Navigator po ogranichitelnym meram na 1 fevralya 2026 goda [Navigator of Restrictive Measures as of February 1, 2026]. 2026. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://cbr.ru/content/document/file/155960/nav_om.pdf (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Napryavleniya ekonomicheskih issledovaniy v Banke Rossii v 2026–2028 godah [Directions of Economic Research at the Bank of Russia in 2026–2028]. 2026. https://cbr.ru/collection/collection/file/59629/research_russia_2026-2028.pdf (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Obzor finansovoy stabilnosti. Informatsionno-analitycheskiy material. 2026 (Officialnyy sayt Banka Rossii: www.cbr.ru) [Financial Stability Review. Information and Analytical Material. 2026 (Official Website of the Bank of Russia: www.cbr.ru)]. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://cbr.ru/finstab/review/ (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Obzor finansovych instrumentov za 2025 god. Analitycheskiy material [Financial Instruments Review for 2025. Analytical Material]. 2026. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/59743/fi_review_2025.pdf (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Osnovnye napryavleniya byudjetnoy, taxologoy i tamozhenno-tarifnoy politiki Rossiiskoy Federatsii na 2026 god i na planovyy period 2027 i 2028 godov [The Main Directions of the Budget, Tax and Customs-

Tariff Policy of the Russian Federation for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028]. 2025. Informatsiya Minfina Rossii (Ministerstvo finansov RF). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=314027-osnovnye_napravleniya_byudzhetnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2026_god_i_na_planovyi_period_2027_i_2028_godov (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Petrova O.M. 2016. Osobennosti vzaimotdelniya centralnogo banka Rossiiskoy Federatsii s organami gosudarstvennoy i immoshitelnoy vlasti [The Specifics of the Relationship between the Central Bank of the Russian Federation and Government and Executive Authorities]. Pravo: Modern Trends. Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Krasnodar, Novatsiya: 57–59.

Popova I.V., Nikitina I.P., Matyushenko E.S. 2016. Napryavleniya vzaimotdelniya Centralnogo banka s pravitelstvom [Areas of Interaction between the Central Bank and the Government]. Finansovye issledovaniya, 4(53): 69–75.

Prognoz sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoy Federatsii na 2025 god i na planovyy period 2026 i 2027 godov [Forecast of the Socio-Economic Development of the Russian Federation for 2025 and for the Planning Period of 2026 and 2027]. 2024 (razreshen Minekonomrazvitiya Rossii). Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy «ConsultantPlus».

Prognoz sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoy Federatsii na 2026 god i na planovyy period 2027 i 2028 godov [Forecast of the Socio-Economic Development of the Russian Federation for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028]. 2025 (razreshen Minekonomrazvitiya Rossii). Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy «ConsultantPlus».

Protivodeystviye otmyvaniyu denezh i valyutnyy control [Anti-Money Laundering and Currency Control]. 2019. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/#highlight=valyutny%7Cvalyutnykh%7Coperatsiy (data obrashcheniya: 01.03.2026).

Chelekhovskiy A.N. 2011. Vzaimotdelniye Centralnogo banka i pravitelstva v usloviyakh dvojno krizisa [Interaction between the Central Bank and the Government in a Double Crisis]. M., Vysshaya shkola ekonomiki, 2011. 48 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 19.01.2026
Поступила после рецензирования: 21.02.2026
Принята к публикации: 21.04.2026

Received: January 19, 2026
Revised: February 21, 2026
Accepted: April 21, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гюнтер Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и таможенных доходов, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0003-0142-3606

Половнева Людмила Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
ORCID: 0000-0003-3537-9084

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Gyunter, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Customs Revenues, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Lyudmila S. Polovneva, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 325.1
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-474-483
EDN RGVGUK
Оригинальное исследование

Эволюция государственной миграционной политики в постсоветской России

Игонин Д.И.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: IgoninDenis1983@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу формирования и развития государственной миграционной политики (ГМП) Российской Федерации в период с 1991 по настоящее время. Цель исследования заключается в выявлении и систематизации ключевых этапов данного процесса, определении их детерминант и результатов на основе междисциплинарного подхода. Методология исследования включает историко-генетический и сравнительно-правовой анализ, а также институциональный анализ для оценки роли государственных структур в реализуемой ГМП. На основе критического обзора широкого круга научных источников, а также нормативно-правовых актов, концептуальных документов и отчетов, автор статьи предлагает оригинальную пятиэтапную периодизацию ГМП. Эволюция политики рассматривается как переход от пассивной, реактивной и гуманитарно-ориентированной модели 1990-х годов к активной, прагматично-селективной, а затем к жестко контролирующей и идеологически нагруженной системе управления миграционными потоками, подчиненной задачам демографического и геополитического позиционирования. В работе доказывается, что современная российская миграционная политика представляет собой гибридный механизм, где инструменты экономического регулирования неразрывно связаны с логикой безопасности и концепцией «русского мира». Научная новизна заключается в синтезе анализа нормативно-правовой базы, институциональных реформ и идеологического дискурса, а также в привлечении для обоснования авторской периодизации широкого пласта ранее не систематизированных открытых первоисточников и иных материалов.

Ключевые слова: миграционная политика, Российская Федерация, постсоветский период, периодизация, законодательство, трудовая миграция, репатриация, национальная безопасность, государственное управление

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Игонин Д.И. 2026. Эволюция государственной миграционной политики в постсоветской России. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 474–483. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-474-483. EDN: RGVGUK

Evolution of State Migration Policy in Post-Soviet Russia

Denis I. Igonin
Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Tatarstan, Russia
E-mail: IgoninDenis1983@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the formation and development of the state migration policy (SMP) in the Russian Federation from 1991 to present time. The purpose of the research is to systematize key stages of this process and to identify their determinants and results based on an interdisciplinary

© Игонин Д.И., 2026

approach. The research methodology includes historical-genetic and comparative-legal analysis, as well as institutional analysis to assess the role of government structures in the implemented SMP. Based on a critical review of a wide range of scientific sources, as well as regulatory legal acts, conceptual documents and reports, the author proposes an original five-stage periodization of SMP. The evolution of politics is seen as a transition from the passive, reactive, and humanitarian-oriented model of the 1990s to an active, pragmatically selective, and then to a tightly controlling and ideologically loaded migration management system subordinated to the tasks of demographic and geopolitical positioning. The paper proves that modern Russian migration policy is a hybrid mechanism where economic regulation tools are inextricably linked with the logic of security and the concept of the "Russian world". The scientific novelty lies in the synthesis of an analysis of the regulatory framework, institutional reforms, and ideological discourse, as well as in the use of a wide range of previously unpublished open sources and other materials to justify the periodization suggested by the author.

Keywords: migration policy, Russian Federation, post-Soviet period, periodization, legislation, labor migration, repatriation, national security, public administration

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Igonin D.I. 2026. Evolution of State Migration Policy in Post-Soviet Russia. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 474–483 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-474-483. EDN: RGVGUK

Введение

Распад единого советского миграционного пространства стал одним из наиболее значимых и долгосрочных последствий геополитической катастрофы 1991 года. Вновь образованная Российская Федерация (ранее с 1922 по 1991 годы – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, РСФСР) практически мгновенно столкнулась с необходимостью выстраивания суверенной миграционной политики в условиях тройного вызова: массового притока вынужденных переселенцев и репатриантов из бывших союзных республик, неконтролируемого оттока высококвалифицированных кадров на Запад, а также стихийного формирования масштабных потоков трудовой миграции из стран СНГ. Отсутствие адекватных и достаточных правовых, административных и финансовых инструментов делало задачу управления данными процессами исключительно сложной.

Эволюция государственной миграционной политики (ГМП) России за последние три десятилетия представляет собой уникальный трансформационный опыт. В ней отразились поиски новой национальной идентичности, экономические пертурбации и демографические кризисы. Изучение данного процесса выходит за рамки узких аспектов, связанных с регулированием миграционных потоков, но также затрагивает более фундаментальные вопросы, в том числе о том, кого российское государство считает «своими», какими ресурсами оно обладает для достижения целей в области ГМП, как оно видит свою роль в мире.

Вопросы о государственной миграционной политике, реализуемой на постсоветском пространстве, привлекали внимание многих исследователей. Так, в последние десятилетия выходит множество статей в периодической печати, где авторы поднимают вопросы о регулировании миграционных процессов, ключевых проблемах и перспективах развития в данном направлении (труды А.А. Маматовой, О.Ю. Патласова, С.М. Поповой, А.А. Яник, С.Ф. Карповой, Э.Д. Рубинской, Э.А. Исраиловой, М.Ш. Тяминова, Ю.Ф. Флоринской и др.).

Однако несмотря на значительный объем научной литературы, посвященной различным аспектам миграции в России, до сих сохраняется дефицит работ, предлагающих целостную и научно обоснованную периодизацию ГМП, увязанную с конкретными историческими событиями и изменениями в законодательстве. Данная статья призвана частично восполнить выявленный тематический пробел.

Перед началом исследования были сформулированы следующие задачи:

1) провести критический обзор ключевых научных подходов к изучению ГМП;

2) основываясь на исследовании положений нормативно-правовых актов и иных стратегических документов в интересующей сфере (в том числе ныне утративших юридическую силу), сформулировать авторскую периодизацию реализуемой ГМП в постсоветский период времени;

3) дать детальную характеристику каждого этапа сквозь призму институциональных изменений, тенденций в смене приоритетов ГМП и публичного дискурса;

4) выявить ключевые тренды и противоречия в развитии миграционной политики в период с 1991 г. по настоящее время.

Объект и методы исследования

В данной статье объектом исследования выступает эволюция государственной миграционной политики (ГМП) России в постсоветский период (с 1991 г. по настоящее время). Ключевое внимание уделяется анализу годовых отчетов ФМС России, а также положений нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с миграционной политикой, в том числе утративших на сегодняшний день юридическую силу.

Методологическая база исследования носит междисциплинарный характер и сочетает общенаучные и общеисторические методы, основанные на принципах историзма, объективности и системности. Методология исследования включает историко-генетический и сравнительно-правовой анализ, а также институциональный анализ для оценки роли государственных структур в реализуемой ГМП. В качестве общенаучных методов применены методы аналогии, сопоставления, индукции и дедукции, общего анализа и синтеза, а также обобщения исследованного материала.

Результаты и их обсуждение

Российская миграционная политика развивалась в русле нескольких взаимосвязанных, но различных по фокусу направлений. При этом работы некоторых отечественных исследователей легли в основу понимания формальных механизмов регулирования миграционных процессов на постсоветском пространстве [Витковская, 2008а; Витковская, 2008б; Рязанцев, 2008; Рязанцев, 2018 и др.]. Труды отмеченных авторов посвящены анализу миграционного законодательства, выявлению его пробелов и противоречий, а также описанию эволюции управленческих структур – от Федеральной миграционной службы России до Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. Данные исследования носят преимущественно прикладной, дескриптивный характер и служат важной эмпирической основой для дальнейших исследований в соответствующем тематическом направлении. Так, например, С.В. Рязанцев в своих работах последовательно аргументирует вопросы о том, как изменение квот на трудовые патенты и правил въезда отражалось на структуре и объемах миграционных потоков из Центральной Азии [Рязанцев, 2008; Рязанцев, 2018].

Фундаментальные исследования Ж.А. Зайончковской и ее коллег из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН сместили акцент на изучение роли миграции как ключевого фактора смягчения последствий депопуляции и обеспечения экономики трудовыми ресурсами. В таком ключе миграционная политика оценивалась с позиции ее эффективности и роли в решении различных структурных проблем, в том числе таких как старение населения, дефицит кадров в определенных отраслях и регионах [Зайончковская, 2007].

При этом в работах И.В. Ивахнюк представлен анализ долгосрочных трендов и стратегических просчетов. Еще в 2017 году автор указывала на отсутствие в России целостной и стратегически выверенной миграционной политики, которая была бы ориентирована на долгосрочные цели развития страны. Как подчеркивает автор, принимаемые в этой сфере решения нередко носят ситуативный и тактический характер, при этом чаще всего они подчинены текущей конъюнктуре [Ивахнюк, 2017].

Некоторые исследователи акцентирует внимание на социальных и политических последствиях миграционных процессов. Реализуемый ими анализ фокусируется на изучении проблем, связанных с интеграцией и ассимиляцией мигрантов, ростом ксенофобии, а также этнизацией общественных конфликтов. Авторы, посвятившие свои работы соответствующим тематическим аспектам, как правило, рассматривают миграционную политику в качестве некого поля борьбы за ресурсы и инструмента конструирования границ политического сообщества [Попова, Яник, Карпова, 2023; Рубинская, Исраилова, 2024].

При этом позиция ряда зарубежных исследователей, представляющая собой некий «взгляд извне», привносит важный сравнительный и концептуальный контекст в изучение соответствующих вопросов. Например, П. Колстё и Л. Хоанг рассматривают российскую государственную миграционную политику в качестве некого инструмента мягкой силы в «ближнем зарубежье» [Kolstø, 2014; Hoang, 2015].

Особое внимание в данных трудах уделяется идеологической составляющей, в частности, политике, реализуемой в отношении «соотечественников». Так, например, Л. Хоанг, исследуя документы начала 2000-х, делает попытку обосновать точку зрения о том, что риторика о «цивилизационной миссии России» и защите «русского мира» постепенно проникала в официальные концепции, трансформируя их из сугубо административных в идеологические [Hoang, 2015]. При этом П. Колстё и Т. Хелениак рассматривают программу репатриации в контексте этнонационалистического дискурса, отмечая ее ограниченный успех ввиду прагматичных, а не идентитарных мотивов самих переселенцев [Kolstø, 2014; Heleniak, 2016].

Историко-правовой аспект эволюции законодательной базы подробно освещен также в исследованиях М.Ш. Тяминова, который выделяет в ее развитии законодательство периода «либерального хаоса» (1990-е годы), период ужесточения контроля (2000-е) и современный этап, характеризующийся комплексным реформированием в интересах национальной безопасности [Тяминов, 2024].

Таким образом, в ряде исследований делается попытка выделить этапы в реализуемых мерах ГМП. Тем не менее, несмотря на разнообразие существующих подходов, сохраняется потребность в синтетической периодизации, в которой были бы учтены тенденции жестких институциональных изменений, а также вопросы о «мягкой силе» идеологического дискурса.

В связи с отмеченным нами сформулирована авторская периодизация, в основу которой положен комплексный подход, включающий ориентацию на различные критерии и признаки:

1. Нормативно-правовые вехи: особенности принятия и содержания ключевых законов и подзаконных актов.
2. Институциональные изменения: реорганизация органов государственной власти, ответственных за миграционную сферу.
3. Смена концептуальных приоритетов: разработка и принятие различных стратегических документов в сфере ГМП (концепций, доктрин и др.).
4. Внешние и внутренние вызовы: геополитические события, экономические кризисы, демографические тренды, общественная реакция.

Реализованное исследование различных источников и официальных документов, в том числе таких как концепция государственной миграционной политики РФ, годовые отчеты ФМС России, а также тексты президентских указов и поручений [Постановление от 10 ноября 1997 года № 1414; Приказ Федеральной миграционной службы от 21 марта 2014 г. № 208; Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622; Указ Президента РФ от 19.07.2004 № 928; Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ; Отчет от 29.12. 1998 № 38(151)], позволило верифицировать авторскую периодизацию, в рамках которой предлагается выделить пять следующих этапов.

Таким образом, в рамках таблицы приведены ключевые этапы ГМП в постсоветский период в России. Приведённые в таблице этапы далее будут рассмотрены более подробно.

Таблица
Table

Этапы эволюции государственной миграционной политики в Российской Федерации (1991 г. – н. в.)
Stages of the Evolution of State Migration Policy in the Russian Federation (1991 – present time)

№ этапа	Хронологические рамки	Наименование этапа	Институциональный статус	Преобладающая парадигма и цели
I	1991–2001 гг.	Реактивно-либеральный: стихийная адаптация к постсоветскому кризису	ФМС России в структуре Минтруда, затем Миннац, слабый ресурсный потенциал.	Гуманитарно-пассивная. Амортизация шока распада СССР, помощь «своим». Отсутствие системного регулирования трудовой миграции.
II	2002–2006 гг.	Рестриктивно-бюрократический: усиление контроля и борьба с нелегальной миграцией.	ФМС выведена в самостоятельную службу, наблюдается усиление силовой компоненты в управлении.	Контрольно-ограничительная. Восприятие миграции как угрозы безопасности и социальной стабильности. Преобладание запретительных мер.
III	2007–2011 гг.	Прагматично-селективный: признание миграции как ресурса развития	Регулирующий орган – ФМС России, делаются попытки создать «сервисную» модель работы.	Экономико-демографическая. Миграция как инструмент компенсации убыли населения и покрытия дефицита рабочей силы. Курс на привлечение «нужных» (квалифицированных, культурно близких) мигрантов.
IV	2012–2021 гг.	Идеологически-контрольный: подчинение логике «национальной безопасности»	Упразднение ФМС, создание ГУВМ МВД РФ (2016). Полное подчинение силовому ведомству.	Этатистско-охранительная. Синтез экономической прагматики и жесткого контроля. Миграционная политика – часть политики идентичности и суверенитета. Приоритет – безопасность и лояльность.
V	2022 г. – н. в.	Геополитический кризис и дифференциация по принципу лояльности	ГУВМ МВД РФ, работа в условиях чрезвычайной административной нагрузки и санкционных ограничений.	Геополитически-мобилизационная. Четкое разделение на «дружественных» (упрощение, интеграция) и «прочих» (ужесточение контроля). Миграция как инструмент решения гуманитарно-политических и демографических задач в условиях конфликта.

Этап I (1991–2001): реактивно-либеральный.

Первое десятилетие независимости прошло под знаком адаптации к небывалым по масштабам вынужденным миграциям. Либеральные, по сути, законы 1993 года были направлены на помощь миллионам «соотечественников», оказавшимся в положении беженцев. Однако, как отмечала Г. Витковская, государство было не готово к их реальному приему и обустройству: финансирование программ было минимальным, жилищные квоты не выполнялись, что вело к маргинализации многих переселенцев [1999а; 1999б]. Трудовая миграция из стран СНГ росла стихийно, оставаясь в правовом вакууме. Институционально ФМС была слабым, периферийным органом. Как отмечают С.М. Попова, А.А. Яник и С.Ф. Карпова, этот период можно охарактеризовать как децентрализованное, фрагментарное управление в условиях институционального дефицита, когда государство фактически отстранилось от регулирования трудовой миграции, сосредоточившись на вынужденных потоках [2023].

Этап II (2002–2006): рестриктивно-бюрократический.

Экономический рост 2000-х, сопровождавшийся увеличением числа трудовых мигрантов, и трагедия в театральном центре на Дубровке, в которой участвовали выходцы с Кавказа, резко изменили повестку. Миграция стала публично ассоциироваться с угрозами безопасности. Ответом стал выход Федерального закона № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» 2002 года, создавший жесткую и сложную систему регулирования миграционных потоков. Были введены квоты на привлечение иностранной рабочей силы, обременительная процедура получения разрешений на работу. Целью провозглашалось «вытеснение нелегальной миграции и создание прозрачных правил». Однако на практике система привела к росту нелегального сектора, так как она не соответствовала потребностям динамичного рынка труда. Исследователи констатируют, что принятие «закона о правовом положении иностранных граждан» в 2002 году положило начало построению сложной и громоздкой системы контроля, которая, однако, не смогла кардинально снизить масштабы нелегальной занятости [Попова, Яник, Карпова, 2023]. Институционально ФМС была усилена, но ее политика носила преимущественно запретительный характер.

Этап III (2007–2011): прагматично-селективный.

К середине 2000-х стало очевидно, что ограничительная политика недостаточно эффективна и в целом противоречит долгосрочным интересам страны, столкнувшейся с катастрофической депопуляцией. Принятая в 2005 году концепция государственной миграционной политики РФ впервые на государственном уровне признала необходимость привлечения мигрантов для компенсации естественной убыли населения, что ознаменовало смену парадигмы. Были запущены два ключевых проекта:

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, направленная на привлечение в приоритетные для заселения регионы (Дальний Восток, Сибирь) квалифицированных и культурно близких кадров. Несмотря на значительные бюджетные вливания, ее результаты оказались недостаточно эффективными. Как указывают аналитики, Программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников не привела к массовому притоку в приоритетные для заселения регионы. Во многом это было обусловлено бюрократическими барьерами и недостаточной развитостью инфраструктуры [Маматова, 2025].

2. Патентная система – компромиссный шаг, легализовавший трудовую деятельность для мигрантов из безвизовых стран в сфере ЖКХ, торговли и услуг, что стало первым успешным опытом адаптации законодательства к рыночной реальности. По оценке Ю.Ф. Флоринской, патентная система, несмотря на критику, стала ключевым каналом легализации для миллионов трудовых мигрантов и стабильным источником доходов региональных бюджетов [Флоринская, 2024].

Этап IV (2012–2021): идеологически-контрольный.

Волна массовых протестов 2011–2012 гг. и связанные с ними митинги на Манежной площади в Москве, окрашенные в националистические тона, привели к новой радикализации миграционной повестки. Государство взяло курс на жесткое подавление любых форм несанкционированной активности, включая миграционную. Упразднение ФМС и передача ее функций Главному управлению по вопросам миграции МВД России в 2016 году стало символом окончательного подчинения миграционной сферы логике силового контроля и национальной безопасности. Этот институциональный сдвиг исследователи оценивают как принципиальный: передача функций по миграционному контролю в систему МВД окончательно закрепила преобладание правоохранительной и запретительной парадигмы над социально-экономической и интеграционной [Попова, Яник, Карпова, 2023]. Новая концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 годы прямо увязывает миграцию с защитой культурной идентичности и общественно-политической стабильности [Указ от 31.10.2018 № 622].

Как подчеркивают некоторые исследователи, в этот период миграционная политика всё более явно начинает работать на реализацию национальных интересов в сфере демографии и геополитики, а селективный подход становится ее системообразующим принципом [Рубинская, Исраилова, 2024]. Параллельно с ужесточением наказаний за нарушения развивается и цифровизация контроля (Единая государственная информационная система миграционного учета). Миграционная политика становится частью более широкой консервативной идеологии «традиционных ценностей» и суверенитета.

Этап V (2022 – н. в.): геополитический кризис и дифференциация по принципу лояльности.

Начало специальной военной операции на Украине создало принципиально новую реальность. Государственная миграционная политика была мгновенно переориентирована на решение задач нового времени. При этом геополитический кризис 2022 года стал мощным катализатором, резко изменившим все векторы миграционной политики России и поставившим перед ней задачи чрезвычайного характера [Патласов, 2024].

В данный период наблюдаются следующие тенденции:

1. Массовый прием лиц с востока Украины, упрощенные процедуры получения ими гражданства, статуса, социальных выплат для миллионов человек – это масштабная гуманитарно-политическая акция, направленная на демографическое укрепление страны и легитимацию действий на международной арене. Как подчёркивает А.А. Маматова, упрощенные процедуры получения гражданства для отдельных категорий иностранцев стали носить ярко выраженный политический характер и направлены на укрепление демографического и геополитического потенциала государства [Маматова, 2025].

2. «Дружественная» трудовая миграция – еще большее упрощение для граждан стран Центральной Азии, замещающих уехавших специалистов и заполняющих низкоквалифицированные ниши. Как констатирует Ю.Ф. Флоринская, в новых условиях роль трудовых мигрантов из стран Центральной Азии еще более возросла, и, хотя общие потоки несколько сократились, их значение для ключевых секторов экономики стало критическим [Флоринская, 2024].

3. Реализуется политика ужесточения миграционного контроля в отношении граждан «недружественных» государств, включающая расторжение международных соглашений и усложнение административных процедур. Данный этап окончательно закрепляет принцип, при котором правовой статус мигранта определяется не только его квалификацией, но и его геополитической принадлежностью и лояльностью к курсу российского руководства.

Заключение

Таким образом, эволюция государственной миграционной политики в постсоветской России является не линейным прогрессом, а сложным, цикличным процессом смены приоритетов и парадигм, обусловленным как внутренними противоречиями развития, так и внешними факторами.

Изначально сформированная как реактивный инструмент смягчения последствий распада СССР государственная миграционная политика прошла через фазу жесткого бюрократического контроля в 2000-х, затем – через краткий период экономического прагматизма и, наконец, трансформировалась в гибридный институт, где инструменты привлечения трудовых ресурсов неразрывно связаны с аппаратом силового надзора и идеологией «защиты традиционной идентичности». Это подтверждает вывод исследователей о том, что миграционная политика Российской Федерации трансформировалась в многофункциональный инструмент, призванный одновременно решать экономические, демографические, внешнеполитические и идеологические задачи [Попова, Яник, Карпова, 2023]. Такая трансформация сопровождалась ключевым институциональным сдвигом – переходом от специализированной гражданской службы к полному поглощению ее функций силовым ведомством, что окончательно закрепило преобладание логики безопасности над логикой интеграции и развития.

На современном этапе принцип селективности приобретает геополитическое и идеологическое измерение: «дружественные» мигранты поощряются и максимально интегрируются, в то время как все прочие миграционные потоки находятся под усиленным контролем. Как прогнозирует О.Ю. Патласов, дифференциация миграционного режима в зависимости от страны исхода мигранта и его потенциальной лояльности, вероятнее всего, станет устойчивым долгосрочным трендом – неким полем гибридного противостояния и инструментом демографической мобилизации [Патласов, 2024]. При этом, по мнению Э.Д. Рубинской и Э.А. Исраиловой, миграция на современном этапе представляет собой не только источник трудовых ресурсов, но и важный фактор укрепления суверенитета, культурно-цивилизационной идентичности и геополитических позиций России [Рубинская, Исраилова, 2024].

Таким образом, история российской государственной миграционной политики – это история поиска баланса между экономической и политической необходимостью. Перспективы эволюции государственной миграционной политики, вероятнее всего, в ближайшем будущем будут обусловлены совокупностью ключевых факторов: геополитической конъюнктурой и итогами текущего международного противостояния, адаптационным потенциалом национальной экономики, её способностью к эффективной инкорпорации новых демографических контингентов, а также готовностью и возможностью государства конструировать и имплементировать конкурентоспособную, комплексную модель интеграции.

Список источников

Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669p (дата обращения: 01.02.2026).

Постановление от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы» (с изменениями на 30.12.2000). URL: https://docs.cntd.ru/document/9052544 (дата обращения: 01.02.2026).

Приказ Федеральной миграционной службы от 21 марта 2014 г. № 208 «Об организации работы с обращениями граждан и организаций в Федеральной миграционной службе и ее территориальных органах». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70603264/ (дата обращения: 01.02.2026).

Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/ (дата обращения: 01.02.2026).

Указ Президента РФ от 19.07.2004 № 928 «Вопросы Федеральной миграционной службы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48479/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 01.02.2026).

Список литературы

Витковская Г.С. 1999а. Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия. Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж.А. Зайончковской. М., Комплекс-Прогресс, 159–195.

Витковская Г.С. 1999б. Нетерпимость в России: старые и новые фобии: Вынужденная миграция и мигрантофобия в России. М., Моск. центр Карнеги: 151–192.

Зайончковская Ж., Мкртчян Н. 2007. Внутренняя миграция в России: правовая практика. Серия «Миграционная ситуация в регионах России». Выпуск 4. Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М., 84 с.

Ивахнюк И.В. 2017. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. Внешняя политика и безопасность. М., РСМД, 82 с.

Маматова А.А. 2025. Миграционные процессы современной России: состояние и тенденции развития. Проблемы правоохранительной деятельности, 1: 79–85.

Патласов О.Ю. 2024. Россия в системе международных миграционных процессов: современная ситуация и тренды. Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2(31): 148–155.

Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. 2023. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023). Административное и муниципальное право, 4: 24–51.

Рубинская Э.Д., Исраилова Э.А. 2024. Направления миграционной политики в контексте реализации национальных интересов Российской Федерации. Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2(31): 156–162.

Рязанцев С.В. 2008. Трудовая миграция в России в условиях интеграции в ЕврАзЭС. Вопросы экономики, 6: 71–83.

Рязанцев С.В. 2018. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы. Вестник РУДН. Серия: Экономика, 4: 718–729.

Тяминов М.Ш. 2024. История становления и развития правового регулирования миграционных процессов в России. Мировая наука, 5(86): 146–151.

Флоринская Ю.Ф. 2024. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии. Журнал Новой экономической ассоциации, 2(63): 223–232.

Отчет «О результатах проверки в Федеральной миграционной службе России полноты поступления, целевого и эффективного использования средств федерального бюджета и других финансовых источников, в том числе в подведомственных ей центрах». Из постановления Коллегии Счетной палаты РФ от 29 декабря 1998 года № 38(151). URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/6ec/x8csmv57jix1d2dmexjepobu61v5yvob.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

Heleniak T. 2016. The Evolution of Russian Migration Policy in the Post-Soviet Period. Migration in an Era of Restriction and Recession Chapter: 211–232.

Hoang L. 2015. Post-Soviet Governmentality and Migration Securitization in Russia. Geoforum, 67: 1–3.

Kolstø P. 2014. Russia’s Nationalists Flirt with Democracy. Journal of Democracy, 3(25): 120–134.

References

Vitkovskaya G.S. 1999a. Forced Migration to Russia: The Results of the Decade. Migration Situation in the CIS Countries. Pod red. Zh.A. Zajonchkovskoj. M., Kompleks-Progress: 159–195 (in Russian).

Vitkovskaya G.S. 1999b. Forced Migration and Migrant Phobia in Russia. Intolerance in Russia: Old and New Phobias. M., Carnegie Moscow Center: 151–192 (in Russian).

Zayonchkovskaya J., Mkrtchyan N. 2007. Internal Migration in Russia: Legal Practice. The Series "Migration Situation in the Regions of Russia". Issue 4. Center for Migration Research, Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 84 p.

Ivakhnyuk I.V. 2017. Proposals for Russia's Migration Strategy until 2035. Foreign Policy and Security. Moscow, RSMD, 82 p.

Mamatova A.A. 2025. Migration Processes in Modern Russia: Status and Development Trends. Problems of Law Enforcement, 1: 79–85 (in Russian).

Patlasov O.Y. 2024. Russia in the System of International Migration Processes: Current Situation and Trends. Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH), 2(31): 148–155 (in Russian).

Popova S.M., Yanik A.A., Karpova S.F. 2023. Transformation of Russia's Migration Policy: Stages, Features, Problems (1989–2023). Administrative and Municipal Law, 4: 24–51 (in Russian).

Rubinskaya E.D., Israilova E.A. 2024. The Directions of Migration Policy in the Context of the Realization of the National Interests of the Russian Federation. Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH), 2(31): 156–162 (in Russian).

Ryazantsev S.V. 2008. Labor Migration in Russia in the Context of Integration into the Eurasian Economic Community. Voprosy ekonomiki, 6: 71–83 (in Russian).

Ryazantsev S.V. 2018. Labor Migration to Russia: Myths and Counterarguments. Bulletin of the RUDN University. Series: Economics, 4: 718–729 (in Russian).

Tyaminov M.S. 2024. The History of the Formation and Development of Legal Regulation of Migration Processes in Russia. World Science, 5(86): 146–151 (in Russian).

Decree of the President of the Russian Federation No. 622 dated 31.10.2018 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025". Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260 / (accessed: 02/01/2026).

Florinskaya Yu.F. 2024. Labor Migration to Russia: A Reduction in Flows against a Background of Little-Changing Geography. Journal of the New Economic Association, 2 (63): 223–232 (in Russian).

The report "On the results of the audit by the Federal Migration Service of Russia of the completeness of the receipt, targeted and effective use of federal budget funds and other financial sources, including in its subordinate centers." From the resolution of the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated December 29, 1998 No. 38(151). Available at: https://ach.gov.ru/upload/iblock/6ec/x8csmv57jix1d2dmexjepobu61v5yvob.pdf (accessed: 02/01/2026).

Heleniak T. 2016. The Evolution of Russian Migration Policy in the Post-Soviet Period. Migration in an Era of Restriction and Recession Chapter: 211–232.

Hoang L. 2015. Post-Soviet Governmentality and Migration Securitization in Russia. Geoforum, 67: 1–3.

Kolstø P. 2014. Russia's Nationalists Flirt with Democracy. Journal of Democracy, 3(25): 120–134.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 16.02.2026
Поступила после рецензирования: 19.03.2026
Принята к публикации: 16.04.2026

Received: February 16, 2026
Revised: March 19, 2026
Accepted: April 16, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игонин Денис Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
ORCID: 0000-0002-8316-6916

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis I. Igonin, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor at the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

УДК 327 324
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-484-496
EDN RSJWUZ
Оригинальное исследование

От «триумфа демократии» к «тирании алгоритма»: новые вызовы демократии в эпоху цифровой революции

Бугров Р.В., Семенов О.Ю.
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: bugrov@imomi.unn.ru, semenov@unn.ru

Аннотация. В современном мире происходит фундаментальная трансформация политических процессов под влиянием стремительного развития генеративного искусственного интеллекта. Цель данной работы – оценить масштаб и характер воздействия передовых цифровых технологий на архитектуру демократического выбора, анализируя переход от классических моделей волеизъявления к алгоритмически управляемой реальности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления новой экономической логики политической коммуникации, где предельная стоимость создания убедительного контента стремится к нулю, а механизмы «сикофантства» и микротаргетинга создают угрозу эпистемологической безопасности общества. В статье на основе эмпирических данных глобального избирательного цикла 2024 года исследуется практика применения синтетических медиа и дипфейков, ставших повсеместным инструментом политической борьбы. Особое внимание уделяется феномену «дивиденда лжеца», который подрывает доверие к институтам власти, и рискам становления «алгократии», где ключевые решения принимаются непрозрачными моделями транснациональных корпораций. Авторы приходят к выводу, что сохранение демократии требует не просто адаптации к новым условиям, а проактивного построения демократической инфраструктуры ИИ, способной перенаправить технологический потенциал с манипуляции на усиление гражданского участия.

Ключевые слова: либеральная демократия, генеративный искусственный интеллект, эпистемологическая безопасность, манипуляция общественным мнением, выборы 2024 года, дипфейки, цифровая революция, алгократия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Бугров Р.В., Семенов О.Ю. 2026. От «триумфа демократии» к «тирании алгоритма»: новые вызовы демократии в эпоху цифровой революции. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 484–496. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-484-496. EDN: RSJWUZ

From the “Triumph of Democracy” to the “Tyrany of Algorithms”: New Challenges for Democracy in the Era of Digital Revolution

Roman V. Bugrov, Oleg Yu. Semenov
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia
E-mail: bugrov@imomi.unn.ru, semenov@unn.ru

Abstract. In the contemporary world, we can observe a fundamental transformation of political processes triggered by the rapid development of generative artificial intelligence. The purpose of this work is to assess the scale and nature of the impact of advanced digital technologies on the architecture of democratic choice, analyzing the transition from classical models of expression of will to algorithmically controlled reality. The relevance of the research is justified by the need to understand the new economic logic of political communication, where the

© Бугров Р.В., Семенов О.Ю., 2026

marginal cost of creating compelling content tends to zero, and the mechanisms of "sycophancy" and microtargeting pose a threat to the epistemological security of society. Based on empirical data from the global election cycle of 2024, the article examines the practice of using synthetic media and deepfakes, which have become a ubiquitous tool of political struggle. Special attention is paid to the phenomenon of the "liar's dividend", which undermines trust in government institutions, and the risks of becoming an "algocracy", where key decisions are made by opaque models of multinational corporations. The authors conclude that preserving democracy requires not just adapting to new conditions, but proactively building a democratic AI infrastructure capable of redirecting technological potential from manipulation to increased civic participation.

Keywords: liberal democracy, generative artificial intelligence, epistemological security, manipulation of public opinion, 2024 elections, deepfakes, digital revolution, algocracy

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Bugrov R.V., Semenov O.Yu. 2026. From the "Triumph of Democracy" to the "Tyrany of Algorithms": New Challenges for Democracy in the Era of Digital Revolution. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 484–496 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-484-496. EDN: RSJWUZ

Введение

В начале 1990-х американский политолог Фрэнсис Фукуяма провозгласил наступление «Конца истории» – триумфа либеральной демократии, ознаменовавшего итог идеологического противостояния двух «полюсов» Холодной войны [Фукуяма, 2010]. Но, как оказалось, история полна непредсказуемых поворотов. Прошло не так уж много времени, как призрак «конца истории» замаячил уже над самой идеей демократии, бросая вызов ее фундаментальным ценностям. Оказалось, научный прогресс и технологическая революция в сфере искусственного интеллекта могут создать угрозу беспрецедентной степени манипуляции выборным процессом и поставить под сомнение саму концепцию либеральной демократии, основанной на свободном выборе.

Авторы настоящей статьи убеждены, что современный анализ демократии в цифровую эпоху требует ухода от абстрактного «западноцентричного» взгляда и должен фокусироваться на конкретных политико-технологических режимах, новых акторах власти (цифровые элиты, алгоритмы) и геополитической конкуренции за цифровой суверенитет, а основной же вопрос сегодня – не просто «выживет» ли демократия, а какая форма коллективного принятия решений и на чьих ценностных основаниях утвердится в мире, где технологическая мощь становится главным ресурсом власти?

Центральную проблему настоящего исследования составляет вопрос: как в условиях геополитической турбулентности и технологической революции трансформируются фундаментальные принципы суверенитета, публичности и народовластия и способна ли демократия не просто защититься от манипуляций, но и предложить созидательную, суверенную модель интеграции ИИ в общественно-политические процессы.

Объект и методы исследования

Объект исследования – трансформация политического пространства и институтов демократии под воздействием генеративного ИИ в контексте становления многополярного мирового порядка (2024–2026 гг.). Методологическая основа работы строится на междисциплинарном синтезе современных подходов:

- онтологический и акторно-сетевой анализ политики используется для деконструкции новых конфигураций власти, позволяя авторам изучать не только традиционные институты, но и алгоритмы, платформы, большие данные как полноправных участников политического процесса, формирующих новые «властные альянсы». Такой взгляд позволяет деконструировать новые «властные альянсы», формирующиеся между технокорпорациями и государственными

институтами, требуя при этом междисциплинарного синтеза, включая элементы сетевого анализа и социальной когнитивистики. В духе современной политической онтологии мы исследуем, как цифровые технологии не просто инструментальны, но трансформируют саму ткань политической реальности, переопределяя понятия суверенитета, публичности и управления;

- дискурс-анализ и прогностическое сценарное моделирование позволяет выявить имплицитные модели будущего, на основе которых, в свою очередь, строятся сценарии – от пессимистичного до трансформационного. Анализ нарративов, циркулирующих в научной литературе, медиа и политических заявлениях, позволяет выявить скрытые ценностные установки и модели будущего, которые конкурируют в публичном поле;
- кейс-стадиз использования ИИ в выборах 2024–2025 гг. служит эмпирическим фундаментом для верификации теоретических гипотез, позволяет исследовать каузальные механизмы и контекстуальную специфику, выявляя, как одни и те же технологии (например, дипфейки) используются для разных целей в разных политических режимах. Мы применяем вторичный анализ данных социологических исследований и отчетов международных организаций, чтобы на конкретных примерах проиллюстрировать глобальные тренды, такие как кризис атрибуции атак и размывание информационного суверенитета.

Результаты и их обсуждение

О кризисе модели западной, прежде всего европейской, либеральной демократии говорят уже относительно давно. В 2019 году в интервью газете The Financial Times президент РФ В.В. Путин утверждал, что современная либеральная идея изжила себя окончательно [Интервью президента РФ Путина В.В., 2019]. Трудно не признать, что в последнее десятилетие ценности свободы, мультикультурализма, глобализма и универсализма, на которых строилась политика большинства западных государств, столкнулись с серьезными вызовами миграционного кризиса, экономической стагнации, ростом национализма и, как результат, с возрастанием популярности правых и крайне правых политических партий и идеологий. Примечательно, что даже между демократическими союзниками проявились разногласия о том, что есть настоящая демократия. Примечательным событием стало выступление вице-президента США Дж. Вэнса 14 февраля 2025 года. В Мюнхене на конференции по безопасности он откровенно раскритиковал руководства европейских стран, заявив, что под предлогом сохранения демократической модели они на самом деле отказываются от принципов свободы слова и самой демократии, которые традиционно считаются фундаментальными ценностями Западной цивилизации [Munich Security Conference, 2025, P. 15–24]

Растущая идеологическая поляризация в Европе и мире может иметь негативные последствия на устойчивость различных политических режимов и стать настоящим испытанием для демократических режимов стран Европы и «Западного мира» в целом. Революционное развитие цифровых технологий и науки в целом стали новым фактором в политических процессах современного мира. Мы далеки от мнения, что только технологии являются источником политических разногласий, но они могут быть акселератором различных процессов в политике и обществе. Примером могут послужить события в Мья́нме в 2016–2017 годах, когда социальные сети и их алгоритмы фактически способствовали распространению призывов к геноциду и этнической чистке народа рохинджа [Schissler M., 2025].

В последнее время мы можем наблюдать настоящую революцию в развитии новых цифровых технологий, в первую очередь искусственного интеллекта (ИИ). По нашему мнению, эта технологическая революция имеет потенциал кардинально изменить не только образ жизни людей, но и наш образ мыслей и наше мировоззрение, а вместе с ними и политические институты. В ближайшей перспективе недобросовестное использование алгоритмов может привести к снижению доверия к институту выборов и демократическим процедурам в целом. Уже сейчас новые технологии, благодаря доступности и относительной дешевизне, стали заметным, если не главным политическим орудием современных избирательный баталий и оказывают явное влияние на результаты выборов.

По мнению экспертов «Международной группы по информационной среде» (IPIE), стремительное развитие технологий на базе ИИ угрожает подорвать легитимность выборов и разрушить политический консенсус, который строится на основе доверия к публичному слову и визуальному доказательству. Без этих базовых принципов социального контракта демократические общества просто не смогут эффективно функционировать. Опубликованный IPIE в 2025 году доклад, основанный на анализе эмпирических данных 2024 года – так называемого «года супервыборов», когда к избирательным урнам пришло более половины населения Земли, – предоставляет нам уникальную возможность взглянуть на реальную, а не теоретическую картину применения этих технологий. Статистика поражает своим охватом: инциденты с использованием генеративного ИИ были зафиксированы в 80 % стран, где проходили конкурентные национальные выборы, а две трети выявленных фактов применения ИИ были охарактеризованы как имеющие негативное влияние на ход выборов [Trauthig et al., 2025, P. 3]. Эти данные являют собой объективное свидетельство того факта, что технология перестала быть экзотикой или прерогативой технологически развитых держав, став повсеместным и активно используемым инструментом политической борьбы.

Детальный анализ структуры этих инцидентов разрушает некоторые популярные мифы: так, вопреки ожиданиям о доминировании сложного микротаргетинга (который составил лишь около 4 % от зафиксированных случаев), абсолютное большинство (90 %) инцидентов было связано с созданием синтетического контента – аудио, видео и изображений, что подтверждает тезис о доступности инструментов: создать фейковое видео проще и дешевле, чем выстраивать сложную инфраструктуру скрытого таргетинга. При этом в 46 % случаев источник атаки оставался неустановленным, что демонстрирует главную проблему цифровой эпохи – проблему идентификации, то есть когда почти половина атак совершается анонимно, классические механизмы политической ответственности перестают работать [Bontcheva et al., 2024]. Иностранное вмешательство было подтверждено в 20 % случаев, что также является крайне высоким показателем, свидетельствующим о размывании государственного суверенитета в информационном пространстве.

География применения ИИ в 2024 году показала разнообразие тактик: если в США и Европе мы наблюдали довольно сложные операции влияния (например, использование ИИ предположительно иранскими акторами для генерации полярных комментариев или создание фальшивых аудиозаписей звонков Джо Байдена, призывающих не голосовать на праймериз), то в странах Азии технологии использовались иначе. Ярким примером стала Индонезия, где избирательный штаб Прабово Субианто (в итоге избранного, кстати, президентом страны) использовал генеративный ИИ не столько для очернения оппонентов, сколько для «смягчения» имиджа кандидата: с помощью сервиса Midjourney был создан образ «милого» аватара, что позволило кандидату с военным прошлым и неоднозначной репутацией завоевать симпатии молодежи [Rest of World’s AI Elections Tracker, 2024]. Этот факт демонстрирует, что угроза ИИ исходит не только от «черного пиара», но и от «мягкой» манипуляции реальностью, где синтетический образ полностью замещает реальную личность политика.

Другой показательный кейс произошел в Пакистане, где партия бывшего премьер-министра Имрана Хана использовала ИИ для клонирования голоса своего лидера, находящегося в тюрьме, чтобы проводить виртуальные митинги и мобилизовать сторонников. Это пример «двойного назначения» технологий: с одной стороны, ИИ помог обойти государственную цензуру и репрессии, с другой – создал прецедент, когда политический процесс ведется с помощью цифрового двойника, подлинность действий которого невозможно верифицировать в реальном времени.

Однако наиболее тревожным сигналом стал прецедент в Румынии: здесь использование сложной сети ботов и ИИ-генерации контента для продвижения одного из кандидатов достигло таких масштабов, что Конституционный суд был вынужден аннулировать результаты первого тура президентских выборов. Это первый в истории случай, когда «цифровой шторм» привел к юридическому краху избирательного процесса на национальном

уровне, а румынский кейс в целом наглядно показал: если ранее влияние интернет-технологий считалось косвенным фактором, то теперь оно признано юридическим фактом, способным делегитимизировать волеизъявление миллионов граждан [Nash, 2025].

Статистика IPIE также указывает на гендерный аспект дезинформации: женщины-политики несоразмерно чаще становились жертвами порнографических дипфейков и гендерно-ориентированных атак, целью которых было не обсуждение их программы, а унижение и вытеснение из публичного поля; в Мексике, например, подобные кампании против кандидатов-женщин приобрели массовый характер. Все эти данные подводят нас к выводу, что 2024 год стал точкой невозврата: ИИ перестал быть «потенциальной угрозой» и стал «оперативной реальностью», формирующей ландшафт власти во всем мире [Marchal et al., 2024].

Наибольшую обеспокоенность вызывает эффективность современных генеративных технологий при создании правдоподобного контента. Поддельные видео, фотографии, голоса, текстовые истории, сгенерированные ИИ-инструментами, стали частью ежедневного информационного пространства. Данные материалы, созданные по технологии «дипфейк» (deepfake), практически неотличимы от оригинальных материалов и могут иметь широкий спектр воздействия на общественную безопасность. Кроме воздействия на мнение избирателей, синтетические материалы могут используются для поддержания высокого уровня напряженности на международной арене, дискредитации действий местных органов власти и разжигания общественного напряжения. Например, современные генераторы видео на основе ИИ за считаные секунды могут создать видео, где якобы президент США Д, Трамп поддерживает одного из кандидатов на выборах в Польше, или ролик, в котором истребители ВВС Индии и Пакистана нарушают воздушное пространство друг друга, или фото, где строительная техника разрушает Маникарника-гхат – исторический памятник и место паломничества индусов [больше примеров см. Myers, Thompson, 2025].

Кроме создания различного контента, ИИ может успешно применяется и в распространении недостоверных информационных материалов. С помощью алгоритмов стало возможным массово создавать поддельные аккаунты (боты) в социальных сетях и активно, в автоматическом режиме, вести деятельность, схожую с деятельностью обычных пользователей, но при этом выполнять политическую задачу, например, внедрять заданный нарратив в дискуссионное пространство. Кроме этого, алгоритмы могут использоваться для агитации, нацеленной на определенную группу людей. Например, ИИ-боты могут осуществлять персонализированные обращения через мессенджеры или звонки к избирателям, что заметно сократит расходы заинтересованной стороны при минимальной потере качества. Таким образом, новые технологии повышают фактор непредсказуемости в избирательном процессе.

Конечно, государственное и общественное регулирование вносит коррективы в правила применения цифровых технологий. Например, на уровне ЕС еще в 2022 году были приняты нормы, определяющие ответственность социальных сетей и разработчиков цифровых сервисов за недостаточный контроль (модерацию) контента, закон также обязывает раскрывать информацию об алгоритмах и удалять недостоверную информацию [Regulation (EU) 2022/2065]. Более того, в 2024 году ЕС представил первый в мире основной закон об искусственном интеллекте (AI Act). Кроме обязательной маркировки ИИ-контента или интерактивного сервиса на основе ИИ, закон регулирует, какие алгоритмы могут легально применяться в странах ЕС, а какие запрещены. Под запрет попали все системы ИИ, которые считаются явной угрозой правам человека, безопасности и благополучию личности. Например, в ЕС законодательно запрещено применять системы: социальной оценки, оценки или прогнозирования риска совершения отдельных уголовных преступлений, нецелевое использование материалов Интернета или камер видеонаблюдения для создания или расширения баз данных по распознаванию лиц, распознавание эмоций на рабочих местах и в учебных заведениях, биометрическая классификация для определения определенных защищенных характеристик, удаленная биометрическая идентификация в режиме реального времени для правоохранительных целей в общедоступных местах [Regulation (EU) 2024/1689]. Как мы видим, в списке присутствуют

сферы, крайне интересные с точки зрения правоохранительных сил и мер социальной инженерии, и вполне естественно, что закон делает ряд исключений, особенно для органов охраны общественного порядка и полиции, что в очередной раз подтверждает наличие вечного конфликта между личным и общественным интересами.

В то же время прогресс в технологиях развивается намного быстрее регулирующего законодательства. Особую сложность в выявлении данных фактов играет не только качество подделки, но и способность создавать массовый информационный шум, который сложно отсеивать в ограниченное время избирательной компании или политического кризиса. Например, разработчик мессенджера Telegram *ежедневно* блокирует более *сотни тысяч* сообществ и групп и еще больше удаляет информационных материалов, нарушающих правила пользования (порнография, террористические сообщества и другой нелегальный контент) [Telegram Moderation Overview], но при этом полностью отследить весь контент вряд ли возможно без потери пользовательской привлекательности. В то же время поддельная новость, дискредитирующая конкретного человека и компанию, может существовать недолгое время, но иметь длительный негативный эффект. Особенно эффективно могут срабатывать информационные «вбросы» о террористических угрозах или информация, разжигающая социальные и религиозные противоречия. Потенциал влияния настолько велик, что соблазн манипулирования общественным мнением с помощью новых технологий не обошел стороной и вполне респектабельные массмедиа. В ноябре 2025 года вскрылись факты подделки документального сюжета медиагигантом BBC, в котором путем монтажа («склейки») различных выступлений Д. Трампа создавалось впечатление, что он активно призывал к захвату здания Капитолия в 2021 году [Castle, 2025]. Подобные факты еще больше подрывают доверие к общественным и корпоративным институтам и усложняют модерирование со стороны властей.

Необходимо отметить, что важной особенностью современного этапа цифровой революции стало повышенное внимание государств к технологиям на базе ИИ. Можно утверждать, что в мире развернулась настоящая гонка в сфере искусственного интеллекта. Крупнейшие игроки: США, Китай, ЕС, стремятся максимально продвинуться в создании более эффективных моделей на базе ИИ и готовы тратить огромные суммы на эти проекты[121]. Например, ставится цель получить так называемый «Общий ИИ», способный решать разноплановые задачи на уровне человека и выше. Уже сейчас некоторые доступные специализированные алгоритмы поражают своими способностями, например, беспилотные технологии в такси и транспортных перевозках. Более того, в такой высоко персонализированной сфере, как медицина, уже сейчас ИИ-помощники дают статистически более точные диагнозы, нежели профессиональные врачи [Goh et al, 2024]. Но для обучения и развития более эффективных и доступных инструментов нужно огромное количество данных. Особенно это важно в таких чувствительных для личности областях, как медицина и общественный порядок. По этой причине технологические корпорации и государства стремятся заполучить как можно больше информации о своих пользователях. Таким образом, страны с меньшими ограничениями на защиту персональных данных и приватности могут получить преимущество, а излишнее регулирование может стать причиной отставания в новой гонке. Уже упомянутый закон ЕС об ИИ пытается защитить права личности, ограничивая применение алгоритмов социальной инженерии, в то же время Китай активно применяет технологии ИИ как раз в тех областях, где ЕС их ограничивает. Таким образом получается, что общественный контроль и передовое законодательство потенциально может ограничить конкурентное преимущество европейских стран в глобальном соперничестве за лидерство в ИИ.

Что касается предвыборных кампаний, вопрос использования персональных данных пользователей имеет важное значение для определения потенциала использования ИИ. Пример компании Cambridge Analytica, которая уже около десяти лет назад с помощью социально-психологического портрета пользователей социальных сетей смогла успешно предлагать свои

[121] Например, президент США в 2025 году объявил о выделении 500 млрд долл. на развитие ИИ.

услуги участникам одних из самых скандальных избирательных кампаний того времени (голосование по Брекзит и выборы в США в 2016), показывает, насколько высок потенциал применения алгоритмов для успешной манипуляции общественным мнением. Особенно роль алгоритмов возрастает в мире, где большинство современных людей активно пользуются интернет-сервисами. Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ), около 6 млрд людей на планете являются интернет-пользователями, что составляет около 3/4 от всего населения, и доля пользователей постоянно растет [Measuring digital development, 2025]. В наиболее развитых странах этот показатель значительно выше и составляет до 94 %. Для нас наибольший интерес представляют не просто количество людей, имеющих доступ к интернету, а активные пользователи различных социальных интернет-сервисов. Например, в западной Европе, по данным Евростата, в 2023 году в среднем по ЕС около 3/5 от всего населения пользовались социальными сетями [Eurostat, 2024]. Среди молодых людей до 29 лет активность, связанная с созданием профиля пользователя и публикацией сообщений, в 2024 году была типичной для более значительной части населения – 88 %. [Eurostat, 2025]. С точки зрения сбора и накопления данных о пользователях с целью более глубокого обучения алгоритмов, способных подстраиваться под социально-психологический портрет конкретного пользователя, это бесценная тренировочная площадка. Информация, которой пользователи добровольно делятся с владельцами алгоритмов, выбирая удобство в обмен на приватность, с одной стороны, позволяет делать сервис более персонализированным и актуальным (подбор друзей, музыки и другого контента по интересам), а с другой – доступ к персональным данным открывает практически неограниченные возможности по контролю как за политическими оппонентами, так и обычными гражданами. Именно доступ к данным пользователей и лежал в основе недавнего конфликта США и Китая по поводу продажи части сервиса Tik Tok американской компании. Применение ИИ с учетом достижений современной науки, прежде всего когнитивной психологии, [например, см. Канеман Д., 2018] позволяет выявлять индивидуальные предпочтения пользователей и подстраивать информационный поток под нужные задачи. Успешные манипуляции общественным и личным мнением становятся доступны технологическим гигантам в беспрецедентном масштабе.

Однако для понимания всей глубины происходящих процессов недостаточно констатировать факт сбора данных, необходимо детально рассмотреть функциональную архитектуру влияния ИИ на политический дискурс, которая базируется на нескольких ключевых механизмах, фундаментально меняющих экономику и логику политической коммуникации.

Прежде всего, речь идет об экономическом аспекте создания контента: если ранее производство качественной агитации, написание речей, создание визуальных образов и видеороликов требовало работы штата профессионалов и значительных бюджетов, то генеративный ИИ снизил предельные издержки на производство одной единицы контента практически до нуля. Это явление, описываемое как «коллапс стоимости создания убедительной политической коммуникации», позволяет любым акторам – от маргинальных партий до иностранных разведок – наводнять информационное пространство высококачественным синтетическим контентом. После этапа обучения модели генерация миллионов уникальных сообщений, адаптированных под конкретного избирателя, не стоит практически ничего [Hassim, Nasir, 2025], а это уже создает ситуацию, когда демократический диалог, традиционно основанный на обмене аргументами, подменяется автоматизированным потоком симулякров, объем которого превышает когнитивные способности населения к его фильтрации.

Вторым критическим аспектом является трансформация самой среды распространения информации через алгоритмическое курирование и ранжирование (algorithmic curation and ranking): современные платформы не просто отображают контент, они конструируют реальность пользователя. Алгоритмы, оптимизированные на вовлечение (engagement), естественным образом отдают приоритет эмоционально окрашенному, поляризующему контенту, и соответствующие исследования показывают, что ИИ-системы, используемые в социальных медиа, выполняют функцию «кросс-катингового дизайна» (cross-cutting design

choices), который вместо расширения кругозора часто запирает пользователя в эхо-камерах При этом сами модели ИИ, используемые для генерации ответов или текстов, склонны к явлению, известному как «сикофантство» – стремлению подтверждать уже существующие предубеждения пользователя, даже если они объективно ложны. Таким образом, техническая ошибка эволюционирует уже в фундаментальную угрозу эпистемологической безопасности общества: граждане перестают получать объективную картину мира, оказываясь в комфортной, но искаженной информационной капсуле.

Более того, оксфордский исследователь К. Саммерфилд и его коллеги предлагают разделять воздействие ИИ на три уровня: эпистемологический, материальный и фундаментальный [Summerfield et al., 2025]. Если с материальным уровнем (атаками на инфраструктуру выборов) спецслужбы научились справляться, то эпистемологический удар оказывается куда более разрушительным: ИИ способен осуществлять «гиперубеждение» (hypersuasion) – генерировать аргументы, которые статистически наиболее эффективно воздействуют на конкретного индивида, эксплуатируя его психологические уязвимости, выявленные на основе цифрового следа. Экспериментальные же данные показывают, что большие языковые модели (LLM) могут быть столь же убедительны, как и люди, а в ряде случаев – например, в персонализированных диалогах, – превосходить их, особенно при использовании тактики насыщения фактологически непроверяемыми утверждениями.

Особую же тревогу, как нам представляется, вызывает функционирование подобных технологий в режиме «черного ящика», когда прозрачность алгоритмов таргетинга политической рекламы остается минимальной. Избиратели видят персонализированные сообщения, но общество лишено возможности обратного контроля: никто не знает, какие именно обещания даются конкретным узким группам избирателей и не противоречат ли они друг другу. Это создает феномен «сегментированного убеждения», при котором политик может транслировать взаимоисключающие тезисы разным аудиториям, оставаясь непойманным на лжи, поскольку общее публичное пространство дискуссии фрагментируется на миллионы приватных диалогов между ботом и избирателем [Tappin et al., 2023]. При этом масштабные исследования показывают, что использование генеративного ИИ в дезинформационных кампаниях часто носит характер «неавторизованного вмешательства», где грань между иностранным влиянием и внутренней политической борьбой стирается [Goldstein et al., 2023].

Таким образом, мы совершенно определенно переходим от модели «публичной сферы» Ю. Хабермаса к модели алгоритмически управляемого восприятия, где свобода воли избирателя незаметно корректируется невидимой рукой кода, что, на наш взгляд, ставит под угрозу саму суть демократического выбора, превращая его из акта сознательного волеизъявления в результат поведенческого инжиниринга.

С фундаментальной точки зрения, революция в технологиях коммуникации и ИИ вынуждает задуматься о том, что означает свобода слова в современном мире. Социальные сети и другие сервисы коммуникации, которые по идее должны способствовать свободному распространению информации, свободе слова и другим атрибутам демократического общества, создают новые вызовы демократическим принципам. Полная свобода слова в цифровой среде оборачивается неконтролируемым распространением как фактов, так и недостоверной и дискредитирующей информации, создавая информационный «шторм», зачастую состоящий из контента низкого качества, в котором трудно определить, что правда, а что ложь или фантазия. При этом попытки правительств регулировать данный процесс приводят к решениям, которые заметно ограничивают свободу и права гражданина на частную жизнь. В большинстве стран уже действуют законы наподобие принятого в Великобритании в 2023 году «Закона о безопасности в интернете». Согласно современным требованиям безопасности, все, что написано и высказано в сети, даже в приватном разговоре, доступно для третьих лиц (контролирующих органов) и таким образом потенциально может быть использовано против автора, а в некоторых случаях стать причиной административного или уголовного преследования [UK Online Safety Act, 2023]. Таким образом, новые средства коммуникации требуют от государства и общества но-новому оценить понятие свобода слова и приватность.

Однако наиболее коварная угроза, которую несет с собой эпоха генеративного ИИ, лежит не столько в плоскости создания фальшивок, сколько в разрушении самой концепции истины. Исследователи называют этот феномен «дивидендом лжеца» (liar's dividend): в мире, где любое видео или аудиозапись могут быть подделаны с идеальной точностью, у недобросовестных политиков появляется универсальный инструмент защиты, а именно возможность объявить любые реальные компрометирующие материалы – будь то запись коррупционных переговоров или видеозапись преступления – результатом работы нейросетей [Goldstein, Lohn, 2024]. По мере того, как общество становится все более осведомленным о возможностях дипфейков, растет и скептицизм по отношению к любой информации вообще, а с другой стороны – парадоксально, но просвещение граждан о технологиях ИИ может не защитить их, а наоборот, сделать циничными и недоверчивыми даже к авторитетным источникам, будь то журналисты или официальные лица.

Это явление бьет по самому фундаменту демократии, поскольку собственно демократия как система опирается на «эпистемологический консенсус» – общее понимание того, что является фактом, а что вымыслом, но ИИ размывает эту общую почву. Если граждане не могут договориться о базовых фактах реальности, политическая дискуссия становится невозможной, уступая место трайбализму и слепой вере в «своего» лидера, и, как отмечается в современных исследованиях, это может привести к необратимому загрязнению «цифрового общественного достояния» (digital knowledge commons) [Huang, Siddarth, 2023]. Данные, на которых обучаются будущие модели ИИ, будут все больше засорены синтетическим, предвзятым и ложным контентом, создавая замкнутый круг дезинформации, из которого человечеству будет крайне сложно вырваться.

Кроме того, мы наблюдаем фундаментальный сдвиг в распределении власти: контроль над самыми мощными моделями ИИ сосредоточен в руках горстки транснациональных корпораций, базирующихся преимущественно в одной юрисдикции. Эти компании, по сути, становятся архитекторами демократических процессов в других странах, определяя правила модерации, фильтрации и распространения политического контента, что создает риск «алгократии» – власти алгоритмов, где решения о том, какой голос будет услышан, а какой заглушен, принимаются непрозрачным кодом, а не демократическими институтами [Danaher, 2016]. В условиях, когда технологический прогресс опережает способность государств к регулированию, корпоративные интересы могут начать превалировать над общественными, а демократические процедуры превратятся в ширму для технологического манипулирования.

Впрочем, разумеется, было бы однобокостью и ошибкой рассматривать ИИ исключительно как вестника апокалипсиса, ведь технологии несут в себе и потенциал для обновления демократии. Эксперты указывают на возможности использования больших языковых моделей для «делиберативной демократии»: ИИ может помогать находить точки соприкосновения в полярных дискуссиях, суммировать тысячи мнений граждан для законодателей, упрощать доступ к сложным юридическим текстам и даже модерировать споры, снижая градус агрессии [Boehmer, et al. 2025]. Концепция «генеративного гражданского участия» предполагает, что при правильной «тонкой настройке» на демократические ценности ИИ может стать инструментом, возвращающим голос рядовому избирателю, помогая ему формулировать запросы к власти и контролировать бюрократию [Bakker et al., 2024].

Фундаментальный вопрос, таким образом, заключается не в том, «хорош» или «плох» ИИ для демократии, а в том, кто и с какими целями управляет его архитектурой: выбор стоит между сценарием, где ИИ усиливает авторитаризм и хаос через микротаргетинг и дипфейки, и сценарием, где он становится помощником в гражданском просвещении и поиске консенсуса. Но для реализации второго сценария необходимы не просто запретительные меры, а проактивное создание «демократической инфраструктуры ИИ» – прозрачной, подотчетной и нацеленной на общественное благо, а не только на максимизацию прибыли от удержания внимания пользователей. Если этого не сделать, риск перехода от «триумфа демократии» к «тирании алгоритма» станет неизбежной реальностью нашего века.

Заключение

В качестве заключения мы можем отметить, что современные выборы и общественная политика подвержены заметному влиянию новых, быстроразвивающихся технологий на базе ИИ. Существующие инструменты позволяют различным заинтересованным группам осуществлять масштабную манипуляцию общественным мнением через персонализированную подачу информации и создание дезинформационного контента с помощью генеративных моделей, что может вызвать подрыв доверия к демократическим институтам.

Фундаментальная трансформация политического ландшафта, обусловленная коллапсом стоимости производства убедительного контента и внедрением алгоритмов «сикофантства», привела к возникновению феномена сегментированного убеждения, когда демократический диалог подменяется автоматизированным управлением восприятием, а эпистемологическая безопасность граждан оказывается беззащитной перед скрытыми механизмами микротаргетинга и персонализированной пропаганды.

Эмпирический же опыт глобального избирательного цикла 2024 года наглядно продемонстрировал, что генеративный искусственный интеллект перестал быть гипотетической угрозой и превратился в повсеместный инструмент политической борьбы, характеризующийся массовым распространением синтетических медиа и кризисом атрибуции, что не только размывает границы между иностранным вмешательством и внутренней конкуренцией, но и порождает эффект «дивиденда лжеца», разрушающий доверие к любым источникам информации.

Таким образом, перед современными государствами стоит экзистенциальный выбор между сползанием в «алгократию», где политическая повестка формируется непрозрачными моделями транснациональных корпораций, и построением суверенной демократической инфраструктуры ИИ, способной перенаправить мощь больших языковых моделей с манипуляции на усиление делиберативных процессов, поиск общественного консенсуса и возвращение субъектности рядовому избирателю.

Для адаптации же демократических институтов к новым технологическим реалиям необходимо совершенствование законодательства, в том числе международного, в сфере регулирования ИИ; развитие цифровых компетенций граждан для критического восприятия информации; разработка общих этических стандартов применения ИИ в политической сфере.

Список источников

Интервью президента РФ Путина В.В. газете The Financial Times, 27 июня 2019 года (стенограмма) Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836 (дата обращения 25.12.2025)

Munich Security Conference 2025 Speech by JD Vance and Selected Reactions /Selected Speeches held at the Munich Security Conference, ed. B. Franke, Vol. II, 2025, 115. Electronic resource. Available at: https://securityconference.org/assets/02_Dokumente/01_Publikationen/2025/Selected_Key_Speeches_Vol._II/MSC_Speeches_2025_Vol2_Ansicht_gek%C3%BCrzt.pdf (accessed 20 January 2026).

Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) //OJ L 277, 27.10.2022. Electronic resource. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng (accessed 20 January 2026).

Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) //OJ L, 2024/1689, 12.7.2024. Electronic resource. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401689 (accessed 20 January 2026)

Список литературы

Канеман Д. 2018 Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 653.

Фукуяма Ф. 2010. Конец истории и последний человек. М., АСТ, 2010. 588.

Bakker M.A. et al. Fine-Tuning Language Models to Find Agreement among Humans with Diverse Preferences //Advances in Neural Information Processing Systems (NeurIPS). 2024. Electronic Resource. Available at: https://openreview.net/forum?id=G5ADoRKiTyJ (accessed 20 January 2026).

Boehmer N., Fish S., Procaccia A.D. Generative Social Choice: The Next Generation //Proceedings of the 42nd International Conference on Machine Learning, PMLR 267: 4627–4659, 2025. Electronic Resource. Available at: https://proceedings.mlr.press/v267/boehmer25a.html (accessed 20 January 2026).

Bontcheva K. et al. Generative AI and Disinformation: Recent Advances, Challenges and Opportunities // European Digital Media Observatory (EDMO). 2024. Electronic resource. Available at: https://edmo.eu/wp-content/uploads/2023/12/Generative-AI-and-Disinformation_-White-Paper-v8.pdf (accessed 20 January 2026).

Castle S., Two Top BBC Leaders Quit Over Editing of Trump Documentary //The New York Times, Nov. 9, 2025 Electronic resource. Available at: https://www.nytimes.com/2025/11/09/world/europe/bbc-resignations.html?searchResultPosition=2 (дата обращения 25.12.2025)

Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation //Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. P. 245–268. Electronic Resource. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-015-0211-1 (accessed 20 January 2026).

Goh E., Gallo R., Hom J., et al. Large Language Model Influence on Diagnostic Reasoning. A Randomized Clinical Trial //JAMA Netw Open. 2024, Vol. 7, No. 10. Electronic Resource. Available at: https://jamanetwork.com/journals/jamanetworkopen/fullarticle/2825395#249968648 (accessed 20 January 2026).

Goldstein J.A. et al. Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations //arXiv preprint. 2023. Electronic resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2301.04246 (accessed 20 January 2026).

Goldstein J., Lohn A. Deepfakes, Elections, and Shrinking the Liar's Dividend //Brennan Center for Justice. 2024. Electronic resource. Available at: https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/deepfakes-elections-and-shrinking-liars-dividend (accessed 20 January 2026).

Hassim M.N., Nasir N.N.A.M. The Role of AI in Shaping Political Discourse on Social Media // International Journal of Research and Innovation in Social Science (IJRISS). 2025. Vol. IX, Issue X. Electronic Resource. Available at: https://rsisinternational.org/journals/ijriss/uploads/vol9-iss10-pg5817-5827-202511_pdf.pdf (accessed 20 January 2026).

Huang S., Siddarth D. Generative AI and the digital commons //arXiv preprint. 2023. Electronic Resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2303.11074 (accessed 20 January 2026).

Marchal N. et al. Generative AI Misuse: A Taxonomy of Tactics and Insights from Real-World Data //arXiv preprint. 2024. Electronic resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2406.13843 (accessed 20 January 2026).

Myers S.L., Thompson S.A.A.I. Is Starting to Wear Down Democracy //The New York Times, June 29, 2025 Electronic resource. Available at: https://www.nytimes.com/2025/06/26/technology/ai-elections-democracy.html (дата обращения 25.12.2025)

Nash R. The Romanian 2024 Election Annulment: Addressing Emerging Threats to Electoral Integrity // The International Foundation for Electoral Systems (IFES). 2025. Electronic resource. Available at: https://www.ifes.org/publications/romanian-2024-election-annulment-addressing-emerging-threats-electoral-integrity (accessed 20 January 2026).

Schissler M. Beyond Hate Speech and Misinformation: Facebook and the Rohingya Genocide in Myanmar // Journal of Genocide Research, 2025, Vol. 27, No. 3, 445–470. Electronic resource. Available at: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14623528.2024.2375122 (accessed 20 January 2026).

Summerfield C. et al. The Impact of Advanced AI Systems on Democracy // Nature Human Behaviour. 2025. Vol. 9. P. 2422. Electronic Resource. Available at: https://www.nature.com/articles/s41562-025-02309-z (accessed 20 January 2026).

Tappin B.M. et al. Quantifying the Potential Persuasive Returns to Political Microtargeting //Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120, No. 25. Electronic Resource. Available at: https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2216261120 (accessed 20 January 2026).

Trauthig I., Howard P.N., Valenzuela S. (eds.). The Role of Generative AI Use in 2024 Elections Worldwide. Technical Paper 2025.2 // International Panel on the Information Environment (IPIE). Zurich, 2025. Electronic Resource. Available at: https://www.ipie.info/research/tp2025-2 (accessed 20 January 2026).

UK Online Safety Act 2023. A Primer on the New Law for Relevant Service Providers. October 2024. Electronic Resource. Available at: https://www.lw.com/admin/upload/SiteAttachments/UK-Online-Safety-Act-2023.pdf (accessed 20 January 2026).

Wei J. et al. Simple Synthetic Data Reduces Sycophancy in Large Language Models // Google DeepMind Research. 2023. Electronic Resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2308.03958 (accessed 20 January 2026)

References

Kahneman D. 2018. Dumaj medlenno... reshaj bystro [Thinking, Fast and Slow] M., AST, 653.

Fukuyama F. 2010. Konecz istorii i poslednij chelovek [The End of History and the Last Man], M., AST, 588.

Bakker M.A. et al. Fine-Tuning Language Models to Find Agreement among Humans with Diverse Preferences //Advances in Neural Information Processing Systems (NeurIPS). 2024. Electronic Resource. Available at: https://openreview.net/forum?id=G5ADoRKiTyJ (accessed 20 January 2026).

Boehmer N., Fish S., Procaccia A.D. Generative Social Choice: The Next Generation //Proceedings of the 42nd International Conference on Machine Learning, PMLR 267: 4627–4659, 2025. Electronic Resource. Available at: https://proceedings.mlr.press/v267/boehmer25a.html (accessed 20 January 2026).

Bontcheva K. et al. Generative AI and Disinformation: Recent Advances, Challenges and Opportunities // European Digital Media Observatory (EDMO). 2024. Electronic resource. Available at: https://edmo.eu/wp-content/uploads/2023/12/Generative-AI-and-Disinformation_-White-Paper-v8.pdf (accessed 20 January 2026).

Castle S., Two Top BBC Leaders Quit Over Editing of Trump Documentary //The New York Times, Nov. 9, 2025 Electronic resource. Available at: https://www.nytimes.com/2025/11/09/world/europe/bbc-resignations.html?searchResultPosition=2 (дата обращения 25.12.2025)

Danaher J. The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation //Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29. P. 245–268. Electronic Resource. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-015-0211-1 (accessed 20 January 2026).

Goh E., Gallo R., Hom J., et al. Large Language Model Influence on Diagnostic Reasoning. A Randomized Clinical Trial //JAMA Netw Open. 2024, Vol. 7, No. 10. Electronic Resource. Available at: https://jamanetwork.com/journals/jamanetworkopen/fullarticle/2825395#249968648 (accessed 20 January 2026).

Goldstein J.A. et al. Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations //arXiv preprint. 2023. Electronic resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2301.04246 (accessed 20 January 2026).

Goldstein J., Lohn A. Deepfakes, Elections, and Shrinking the Liar's Dividend //Brennan Center for Justice. 2024. Electronic resource. Available at: https://www.brennancenter.org/our-work/research-reports/deepfakes-elections-and-shrinking-liars-dividend (accessed 20 January 2026).

Hassim M.N., Nasir N.N.A.M. The Role of AI in Shaping Political Discourse on Social Media // International Journal of Research and Innovation in Social Science (IJRISS). 2025. Vol. IX, Issue X. Electronic Resource. Available at: https://rsisinternational.org/journals/ijriss/uploads/vol9-iss10-pg5817-5827-202511_pdf.pdf (accessed 20 January 2026).

Huang S., Siddarth D. Generative AI and the digital commons //arXiv preprint. 2023. Electronic Resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2303.11074 (accessed 20 January 2026).

Marchal N. et al. Generative AI Misuse: A Taxonomy of Tactics and Insights from Real-World Data //arXiv preprint. 2024. Electronic resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2406.13843 (accessed 20 January 2026).

Myers S.L., Thompson S.A.A.I. Is Starting to Wear Down Democracy //The New York Times, June 29, 2025 Electronic resource. Available at: https://www.nytimes.com/2025/06/26/technology/ai-elections-democracy.html (дата обращения 25.12.2025)

Nash R. The Romanian 2024 Election Annulment: Addressing Emerging Threats to Electoral Integrity // The International Foundation for Electoral Systems (IFES). 2025. Electronic resource. Available at: https://www.ifes.org/publications/romanian-2024-election-annulment-addressing-emerging-threats-electoral-integrity (accessed 20 January 2026).

Schissler M. Beyond Hate Speech and Misinformation: Facebook and the Rohingya Genocide in Myanmar // Journal of Genocide Research, 2025, Vol. 27, No. 3, 445–470. Electronic resource. Available at: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14623528.2024.2375122 (accessed 20 January 2026).

Summerfield C. et al. The Impact of Advanced AI Systems on Democracy // Nature Human Behaviour. 2025. Vol. 9. P. 2422. Electronic Resource. Available at: https://www.nature.com/articles/s41562-025-02309-z (accessed 20 January 2026).

Tappin B.M. et al. Quantifying the Potential Persuasive Returns to Political Microtargeting //Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120, No. 25. Electronic Resource. Available at: https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2216261120 (accessed 20 January 2026).

Trauthig I., Howard P.N., Valenzuela S. (eds.). The Role of Generative AI Use in 2024 Elections Worldwide. Technical Paper 2025.2 // International Panel on the Information Environment (IPIE). Zurich, 2025. Electronic Resource. Available at: https://www.ipie.info/research/tp2025-2 (accessed 20 January 2026).

UK Online Safety Act 2023. A Primer on the New Law for Relevant Service Providers. October 2024. Electronic Resource. Available at: https://www.lw.com/admin/upload/SiteAttachments/UK-Online-Safety-Act-2023.pdf (accessed 20 January 2026).

Wei J. et al. Simple Synthetic Data Reduces Sycophancy in Large Language Models // Google DeepMind Research. 2023. Electronic Resource. Available at: https://arxiv.org/abs/2308.03958 (accessed 20 January 2026)

Интернет-ресурсы

Eurostat: 59 % of EU individuals using social networks in 2023. Eurostat. 19 March 2024. Electronic resource. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20240319-1 (дата обращения 25.12.2025)

Eurostat: 97 % of young people in the EU use the internet daily. Eurostat. 15 July 2025. Electronic resource. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-eurostat-news/w/edn-20250715-1 (дата обращения 25.12.2025)

Measuring Digital Development. Facts and Figures 2025 //International Telecommunication Union Electronic resource. Available at: https://www.itu.int/itu-d/sites/statistics/ (accessed: 21.01.2026)

Telegram Moderation Overview. Electronic resource. Available at: https://telegram.org/moderation (accessed: 25.12.2025)

Rest of World's 2024 AI Elections Tracker //Rest of World. 2024. [Электронный ресурс] Electronic resource. Available at: https://restofworld.org/2024/elections-ai-tracker/ (accessed 20 January 2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.02.2026
Поступила после рецензирования 20.03.2026
Принята к публикации 21.04.2026

Received February 20, 2026
Revised March 20, 2026
Accepted April 21, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугров Роман Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0003-0863-465X

Семенов Олег Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
ORCID: 0000-0003-0324-3350

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman V. Bugrov, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Department of World Diplomacy and International Law, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Oleg Yu. Semenov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-497-510
EDN SGKDLT
Оригинальное исследование

От баланса сил к балансу интересов: эволюция системы международных отношений

Бурганова И.Н.
Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: burganovain@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется фундаментальная трансформация логики функционирования современной системы международных отношений, заключающаяся в переходе от классической парадигмы баланса сил к новой конфигурации баланса интересов. Автор приходит к выводу, что доминирующая цель государств смещается от предотвращения гегемонии любого государственного актора к сложному процессу согласования зачастую несовпадающих национальных интересов, включающем как государства, так и международные институты. Для верификации данного тезиса применяется метод историко-структурного анализа, позволяющий проследить эволюцию системы баланса сил от ее институционализации до кризисных моментов. На основе компаративистского изучения Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем выявляются ограничения парадигмы баланса сил и переход к балансу интересов. В качестве ключевых триггеров наблюдаемого сдвига были определены следующие факторы: усложнение структуры международной системы (переход к полицентричности); процессы глобализации и наличие глобальных проблем; громадные потери от ведения прямых военных действий; возросшая взаимозависимость акторов на международной арене. Делается вывод, что современная полицентричная система международных отношений основана на многосторонней дипломатии и институциональном взаимодействии в связи с нарастающим количеством глобальных проблем, начиная от изменения климата, пандемий до рисков киберпреступности. Поэтому многие вопросы международной повестки дня нельзя решать только с помощью военной силы. Необходима кооперация государственных акторов в решении ключевых проблем. Автором предложены сценарии развития системы международных отношений в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Ключевые слова: международные отношения, баланс сил, баланс интересов, многополярность, полицентричность, Вестфальская система, Венский конгресс, глобальное управление, национальный интерес

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Бурганова И.Н. 2026. От баланса сил к балансу интересов: эволюция системы международных отношений. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 497–510. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-497-510. EDN: SGKDLT

© Бурганова И.Н., 2026

From a Balance of Power to a Balance of Interests: The Evolution of the International Relations System

Inna N. Burganova
Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 46000, Russia
E-mail: burganovain@yandex.ru

Abstract. The article explores the fundamental transformation in modern international relations system functioning logic, which consists in the transition from the classical paradigm of the balance of power to a new configuration of the balance of interests. The author suggests that the dominant goal of states shifts from preventing the hegemony of any state actor to a complex process of coordinating often conflicting national interests, which includes both states and international institutions. To verify this thesis, the method of historical and structural analysis is used, which allows to trace the evolution of the balance of power system from its institutionalization to crisis moments. Based on a comparative study of the Westphalian, Vienna, Versailles-Washington, and Yalta-Potsdam systems, the study reveals limitations of the balance of power paradigm and the transition to a balance of interests. The following factors have been identified as key triggers for the observed shift: the complexity of the international system (the transition to polycentrism); globalization processes and the presence of global challenges; the enormous losses incurred from direct military action; and the increased interdependence of actors in the international arena. The article concludes that the current polycentric system of international relations is based on multilateral diplomacy and institutional cooperation to address the growing number of global challenges, from climate change and pandemics to the risks of cybercrime. Therefore, many issues on the international agenda cannot be resolved solely through military force. Cooperation between state actors is necessary to address key challenges. The author proposes scenarios for the development of the international relations system in the short, medium, and long term.

Keywords: international relations, balance of power, balance of interests, multipolarity, polycentrism, the Westphalian system, the Congress of Vienna, global governance, national interest

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Burganova I.N. 2026. From a Balance of Power to a Balance of Interests: The Evolution of the International Relations System. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 497–510 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-497-510. EDN: SGKDLT

Введение

Современная архитектура международных отношений претерпевает значительные изменения. Традиционная парадигма на протяжении столетий, связанная с понятием «баланс сил», заключалась в недопущении доминирования любого другого актора для поддержания системной стабильности [Waltz, 1979], что демонстрирует определенные ограничения данной конструкции. В первую очередь это касается комплексной оценки международных отношений. Если раньше главным приоритетом для стран выступала идея недопущения верховенства какого-либо государственного участника, то в дальнейшем можно заметить иные мотивы, предполагающие паритет разнородных интересов, выражаемых не только позициями суверенных государств, но и наднациональных организаций, транснациональных корпораций и пр. [Nye & Keohane, 1971; Keohane, 1984]. Эта трансформация предполагает пересмотр базовых принципов, на которых зиждется международный порядок.

Целью данного исследования является анализ причин и характера эволюции перехода от системы баланса сил к системе баланса интересов. Для ее достижения ставятся следующие задачи:

1. Провести ретроспективный анализ генезиса системы международных отношений в рамках конструкции «баланс сил».

2. Выявить комплекс причин и факторов, которые обусловили сдвиг системы международных отношений от баланса сил к балансу интересов.

3. Предложить возможные сценарии развития международных отношений, исходя из конструкций «баланс сил» и «баланс интересов».

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступила эволюция системы международных отношений от баланса сил к балансу интересов. Теоретической базой исследования выступили различные подходы. Работа опирается на традиции классического политического реализма (Г. Моргентау, К. Уолц), акцентирующего роль анархии, национального интереса и распределения мощи [Morgenthau, 1948; Waltz, 1979] между государственными акторами, а также на неореалистский анализ международных систем. В то же время для объяснения современной динамики привлекались элементы теории комплексной взаимозависимости (Р. Кохейн, Дж. Най, 1977) и конструктивистские подходы, учитывающие роль нормативных институтов и нематериальных факторов [Wendt, 1992]. Методологически исследование строится на историко-структурном анализе, который позволил выявить долгосрочные тенденции международных отношений, а также на компаративистском методе, который применялся при сопоставлении систем международных отношений.

Результаты и их обсуждение

Современная система международных отношений за последние годы переживает серьезную трансформацию. В первую очередь это касается ее конфигурации. Если раньше главными максимами для государства в мировой политике было не допустить доминирования других государственных участников и таким образом обеспечить международный порядок, то в настоящий момент страны сосредотачивают свои усилия на паритете не только собственных, но и иных интересов в лице государственных акторов и международных организаций. Такая трансформация предполагает исследование каузальных моментов, почему так произошло. В работе автор предпринимает попытку проанализировать смену парадигм во внешнеполитическом курсе государственных акторов в зависимости от господствующих принципов международной политики. Привычное восприятие международных отношений строится на понятии «баланс сил», когда нарушение равновесного состояния между странами выступает четким сигналом асимметрии безопасности современного мира.

Темпоральная оценка такой системы затрагивает стартовые точки ее начала. Рождение системы баланса сил логично рассматривать с 1648 г., а именно с Вестфальского мирного договора, поскольку появились юридически равные суверенные государства, именно это заложило «игровое поле» для баланса сил. Государства действовали в соответствии со своими национальными интересами и руководствовались идеей суверенного статуса на международной арене, при этом активность страны в мировой политике была связана с категорией «сила» на уровне территориальных границ и людских ресурсов [Будаева, 2014].

В то же время механизмом баланса сил явились коалиции, которые должны были не допустить гегемонии какой-либо державы на международной арене (Утрехтский договор 1713 г.). Узловым моментом этого события явились комплиментарные соглашения между Францией и Великобританией, Францией и Нидерландами, Францией и Савойей, Францией и Португалией [Хайруллин, 2015]. В результате подписанных договоров в Европе и в мире складывается такое соотношение сил, которое акцентировало внимание на сдерживании Франции и недопущении гегемонии Парижа [Фархутдинов, 2019].

Однако позднее в рамках Венской системы международных отношений конструкция баланса сил претерпела определенные изменения. В ней на первое место выходит не просто равновесие, а регулируемое равновесие [Хайруллин, 2015]. Оно подразумевало сохранение хрупкого мира за счет создания коалиций и возможностей стран вмешиваться в дела друг друга. Действие баланса сил на Венском конгрессе было связано с «европейским концертом» (Concert of Europe) [Якубовская, 2003].

Сравнительная оценка Венской системы и последующей Версальской дает возможность говорить о сильных сторонах первой, поскольку Франция не была уязвлена [Таньшина, 2017]. На Аахенском конгрессе в 1818 г. было решено, что Франция возвращается в коалицию четырех ведущих государств наряду с Россией, Великобританией и Пруссией, что обеспечило нивелирование жестких кровопролитных конфликтов в дальнейшем. Что касается негативных сторон такого баланса сил (в рамках Венской системы), то они были выражены краткосрочным характером состояния стабильности на международной арене. Короткий период мира мог нарушаться за счет либо усиления, либо ослабления одних государств над другими. Поэтому происходила перманентная смена конфигурации государств на международной арене за счет образования новых союзов.

К началу XX в. произошло обострение противоречий за счет колониального раздела мира между сильнейшими странами. Система баланса сил в рамках Версаля как никогда была завязана на национальных интересах ключевых государственных акторов. Париж, Лондон и Вашингтон стремились к реализации своих внешнеполитических доктрин практически без учета коммунитарных интересов. К тому же Версаль подразумевал создание институционализированной структуры в виде Лиги Наций. С одной стороны, появление международной организации, позиционирующей отказ от применения военной силы в межгосударственной коммуникации, демонстрирует «пацифистский знак» в риторике политических лидеров и элит. С другой – отсутствие ригидных инструментов по отношению к государственным акторам по недопущению захвата территорий, проявлению агрессии к другим игрокам международного сообщества демонстрирует неэффективность деятельности Версаля. Проблема безопасности уходит в небытие на фоне политики умиротворения европейских стран со стороны Парижа и Лондона по отношению к насильственным действиям Берлина (аншлюс Австрии, раздел Судетов).

В дальнейшем Версальская система привела к реваншизму униженной Германии и началу II Мировой войны.

Окончание II Мировой войны способствовало изменению системы международных отношений к качественно другому состоянию. Вместо Лиги Наций* (*хотя официально организация завершила свое существование в 1946 г.) в мире появилась Организация Объединенных Наций (ООН). Баланс сил стал более жестким за счет блокового формата между НАТО (США) и ОВД (СССР). Балансирование проходило по линии гонки вооружений, при этом Москва и Вашингтон стремились к ядерному сдерживанию друг друга.

Зона ответственности за стабильность и устойчивость мира лежала на НАТО и ОВД в лице США и СССР. При этом непримиримость капиталистической и социалистической системам ограничивала рамки международной системы в виде идеологических парадигм. В то же время жесткие прямые вооруженные конфликты оказывались вне поля непосредственной коммуникации ведущих стран мира на фоне появления у них ядерного оружия.

После распада СССР мир становится однополярным, что в корне нивелирует идею равновесия [Лукьянов, 2020]. В итоге в системе международных отношений нарастало количество локальных конфликтов, особенно по периметру постсоветского пространства. Еще одним изменением становится тенденция полицентричности, когда на международной арене возникают мощные центры влияния (США, Китай, ЕС, БРИКС и пр.).

С 2000-х годов современная система международных отношений расставляет новые акценты и происходит переход от баланса сил к балансу интересов:

1. Международные отношения приобретают характер многополярности. Наличие такого плюрализма разнообразных участников (государственные акторы, международные форматы, транснациональные корпорации и проч.) способствует большей хаотизации и отсутствию порядка в системе равновесия [Кузьмина, 2021].

2. Параллельность процессов глобализации/деглобализации ведет к разнонаправленным тенденциям во внешнеполитической деятельности государственных акторов. С одной стороны, наличие глобальных проблем толкает страны на коммунитарные меры для их нивелирования. С другой – происходит ломка политических, экономических и культурных границ в межгосударственной коммуникации, что приводит к проблеме снижения собственного суверенитета государственных акторов.

В связи с нарастанием процессов глобализации и глобальных проблем систему международных отношений стал характеризировать баланс интересов. Баланс интересов позволил странам решать большое количество вопросов.

В настоящий момент баланс интересов испытывает серьезные проблемы, начиная от растущего соперничества сильных игроков международного сообщества (США и Китай), роста локальных конфликтов до применения санкционных мер, торговых войн или выхода государств из международных соглашений (США вышли из Парижского климатического соглашения) [Пекарникова, 2023], поэтому современные реалии проходят по линии поиска равновесия между балансом сил и балансом интересов.

Причины перехода системы баланса сил к балансу интересов

Поскольку нас интересует сдвиг конструкции от баланса сил к балансу интересов в системе международных отношений, то важно обозначить каузальные моменты такого перехода. Важно сделать оговорку, что данный переход не является завершенным процессом, он отражает существующую тенденцию. Такая трансформация скорее позволяет сделать вывод об усложнении самой системы международных отношений, при этом баланс сил перестал быть ее ключевым регулятором.

Во-первых, наличие глобальных проблем становится важным фактором, способствующим переходу от баланса сил к балансу интересов. Баланс сил стремится к силовому превосходству, а глобальные проблемы не решаемы с помощью военных инструментов. Пандемии, нелегальная миграция, изменения климата, кибербезопасность и другие вопросы мировой политики нивелируются сегодня на уровне переговоров, сотрудничества, саммитов и прочих коллективных форм, которые позволяют найти общие точки соприкосновения. Также баланс сил «работает» против конкретного противника (отдельных стран), а глобальные проблемы не заточены на конкретные страны. Их безотносительность заставляет страны объединяться для их решения. Логика противовеса в свете баланса сил перестает функционировать, поскольку нельзя бороться с глобальными вызовами в одиночку. Только общая воля участников международных отношений может обеспечить их безопасность. Интерес за выживание в этих обстоятельствах заставляет их договариваться и решать сложнейшие глобальные вопросы. Перед лицом таких вызовов геополитические противоречия стран смещаются в сторону сотрудничества и кооперации. В качестве примера можно вспомнить действия государственных акторов во время пандемии коронавируса, когда они, несмотря на политику «вакцинного национализма», старались сотрудничать друг с другом через ВОЗ [Sanjmyatav, 2020], то есть интерес к коллективной безопасности стран оказался выше их национальных интересов.

Во-вторых, осознание государствами колоссальных потерь после Первой и Второй мировых войн. Сдерживание других игроков с помощью военных действий приводит к большим жертвам, огромным расходам и становится сильнейшим тормозом для развития

государств. Поэтому конфликтный потенциал государственных акторов начинает проходить по линии отказа от военно-политического противостояния, смещаясь в сторону экономической конкуренции. На международной арене можно увидеть рост значимости «мягкой силы, которая ориентирована на атмосферу убеждения и привлечения других стран. Здесь результаты межгосударственных отношений определяются мотивами симпатии и уважения на уровне добровольного принятия других стандартов в образовании или культуре [Салин, 2019]. С помощью «мягкой силы» страны легитимизируют свои интересы, например, привлекая других участников на свою сторону с помощью обучения в своих университетах или распространения культурных норм. Также «мягкая сила» дает возможность выстраивать игрокам международного сообщества конструктивный диалог, поскольку интересы страны становятся интересны другим игрокам международного сообщества. Интерес к культуре, экономическому благополучию начинает перевешивать идею силового доминирования. Кейсами, демонстрирующими «мягкую силу» на международной арене, являются действия КНР [Панцерев, 2017]. Проект «Один пояс – один путь» позволил Китаю активно развивать инфрастуктурные проекты (строить транспортные коридоры, порты, железные дороги) [Бурганова, 2022], активно развивать свои образовательные проекты (Confucius Institute), работать над культурными обменами или создавать цифровые инициативы (5G от Huawei). Грамотная политика КНР не «заставляет» страны выбирать Пекин, а скорее предлагает развивать собственные страны с помощью китайских инвестиций, технологий и продукции [Hu, 2024].

В-третьих, фактором перехода от баланса сил к балансу интересов становится усложнение структуры международной системы. Происходит удивительный феномен, когда государственные акторы одновременно могут быть активными участниками различных форматов. То есть страна может быть партнером США по военному сотрудничеству в одном регионе (например, Индия в QUAD против КНР) и в то же время может покупать у РФ оружие, тем самым нарушая санкционную политику Белого Дома, а также осуществлять сотрудничество с Пекином в рамках БРИКС [Bardi, 2022]. Итогом такой ситуации становится полная бессмысленность в выстраивании какого-либо постоянного союза или коалиции против отдельных участников международного сообщества. Также множественность акторов подразумевает появление не только государственных игроков (международные организации, транснациональные корпорации, неправительственные организации, террористические организации и пр.). Их деятельность идет вразрез интересам государственных участников. Международные форматы формируют нормативные правила (ООН, ВОЗ, ВМФ и др.), которым вынуждены подчиняться государства. ТНК (транснациональные корпорации) лоббируют свои интересы на рынке, что может нивелировать государственный суверенитет. НПО (неправительственные организации) скорее ориентируются на общественное мнение, а государства руководствуются узкими национальными интересами. Террористические организации заточены на совершение терактов, распространение деструктивных идей, что противоречит интересам государства в области безопасности. Поэтому конструкция баланс интересов позволяет балансировать акторам не только в выражении своих интересов, но и на уровне коммуникации с остальными игроками международного сообщества.

В-четвертых, фактором перехода конструкции от баланса сил к балансу интересов становится возросшая взаимозависимость игроков. Феномен взаимозависимости наиболее очевиден в применении санкций. Если раньше ограничительные меры больше относились к полю деятельности баланса сил, что в настоящий момент санкции смело можно рассматривать как вспомогательный инструмент баланса интересов. Например, применение санкционного механизма в отношении РФ было направлено на нанесение ущерба ее экономике, но в то же время можно увидеть, что западные страны вынуждены были вводить исключения (поставки продовольствия, ядерные материалы, лекарства),

чтобы не допустить большого урона своей экономической системе. При этом Российская Федерация, вводя контрмеры, также использует исключения, чтобы не навредить себе. Логика феномена взаимозависимости заметна как в двухсторонних, так и многосторонних отношениях акторов на международной арене. США зависят от сборки электроники в КНР. В свою очередь, Пекин заинтересован в американском оборудовании для производства чипов (ASML, Applied Materials). Такая взаимозависимость стран предполагает применение не тотальных мер (блокада) против друг друга, а точечных инструментов (например, санкции против Huawei). Также взаимозависимость работает по принципу «вызов – реакция». Например, США, обладая глобальным превосходством в финансовой сфере (американский доллар), тем не менее вынуждены ориентироваться на другие страны. То есть Белый Дом, отсекая некоторые государства от системы SWIFT, сталкивается с проблемой недоверия к доллару и стремлением других акторов к иной альтернативе. Поэтому США вынуждены учитывать реакцию остальных участников финансового рынка.

Кейсом, демонстрирующим переход от силового сдерживания (баланс сил) к балансу интересов, является так называемая сделка по иранской ядерной программе (СВДП, 2015 г.). До сделки страны использовали жесткие инструменты (баланса сил). Это заметно на санкционных действиях Вашингтона по отношению к Тегерану, дипломатической изоляции этой страны, угрозах военных ударов со стороны США и Израиля. Однако в сделке стороны показали использование инструментов баланса интересов. Интересы международного сообщества были направлены на недопущение создания ядерной бомбы Тегераном. Иран, в свою очередь, надеялся на снятие экономических санкций и на получение возможности создания мирного атома [Малмир, 2019]. В итоге Тегеран согласился на инспекции и свертывание программы в обмен на снятие санкций. Последующие события показали, что участникам сложно поддерживать баланс интересов (США вышли из сделки в 2018 г.) [Гончаренко, 2025].

Сравнительная характеристика системы международных отношений на уровне баланса сил и баланса интересов

Поскольку современная системы международных отношений отличается переплетением баланса сил и баланса интересов, то важно конкретизировать отличия первой конструкции от второй. Для удобства автор исследования дает краткую характеристику обеих парадигм и рассматривает их в табличном виде, что делает данный анализ более четким и понятным (см. таблицу).

Баланс сил завязан на идее, что ни одно государство не обладает превосходством, которое позволило бы ему довлеть над другими участниками на международной арене, что позволяет миру находиться в стабильном состоянии, при этом акторы руководствуются идеями безопасности и выживания с помощью противовесов. Такое балансирование происходит как внутри, так и за пределами государственных границ участников. Мотив внутреннего балансирования позволяет наращивать собственную мощь в разных сферах – от экономики, политики до вооружения. Внешнее балансирование сопровождается созданием союзов и блоков, причем баланс сил не характеризуется постоянством, он меняется, потому что рост мощи какого-либо государства заставляет остальных акторов реагировать и заключать новые союзы для того, чтобы снова восстановить равновесие. При этом конструкция баланса сил имеет недостатки, поскольку она не гарантирует мир. Образование новых союзов и коалиций может стать причинами начала военных действий (создание Антанты и Тройственного союза из-за нарушения баланса сил в Европе привело к Первой мировой войне) [Сенокосов, 2019]. Так же слабой стороной баланса сил явилась проблема истощения ресурсов и экономических потерь из-за не всегда целесообразного наращивания военной мощи.

Что касается конструкции баланса интересов, то она зиждется на принципиально иных началах, которые определяют международный порядок. В этой схеме интересы абсолютно каждого государственного актора имеют значение, они легитимны и признаются другими игроками в разнообразных секторах, будь то экономика, политика, безопасность или культура. Причем эти интересы могут не совпадать. Важный акцент коммуникации стран смещается в сторону поиска компромисса в условиях глобальных проблем. Стороны уходят от противоречий и конфликтов и идут на уступки, если это необходимо. Важной стороной диалога выступает стремление акторов к созданию устойчивых правил и международных институтов, которые способствуют снижению образования неопределенности в отношениях друг с другом, а также могут уменьшать количество рисков и вызовов на международной арене. Кроме того, поле баланса интересов дает участникам международных отношений больше возможностей для лавирования с помощью применения инструментов дипломатии и переговорного процесса.

Таблица
Table

Сравнительный анализ конфигурации баланса сил и баланса интересов
Comparative analysis of the balance of power and the balance of interests

Критерий сопоставления	Баланс сил	Баланс интересов
1	2	3
Исторические вехи	Классический баланс сил с 1648–1914 гг. (военные коалиции, колониальный раздел); 1945–1991 гг., биполярный баланс сил на уровне НАТО и ОВД; с 2008 г. по настоящий момент – доминирование баланса сил в условиях полицентричности (санкции, нарастание локальных конфликтов)	1991–2008 гг. – расширение международных форматов, глобализация, создание ВТО; с 2008 г. по настоящий момент – совместный поиск решений по глобальным вопросам
Цель	Обеспечить международный порядок на международной арене; предотвратить гегемонию других участников международных отношений; стабильность системы международных отношений	Обеспечить безопасность акторам международного сообщества; предотвратить конфликты на международной арене; долгосрочная стабильность системы международных отношений
Основные инструменты и средства	Военная сила; союзы и коалиции; ограничительные меры (санкции); гонка вооружений; силовое сдерживание; дезинформация	Многосторонние соглашения; дипломатия и переговоры; посредничество; «дорожные карты»
Природа международных отношений	Анархическая	Управляемая (из-за взаимозависимости участников МО и идеи сотрудничества для решения глобальных проблем)
Главные участники международных отношений	Государства	Государства, международные организации, транснациональные корпорации и пр.
Безопасность на международной арене	Обеспечивается собственной силой государства и созданием равновесия на международной арене с помощью союзов и коалиций	Обеспечивается взаимозависимостью стран за счет получения взаимной выгоды, создания глобальных правил и институтов
Характер взаимодействия с другими участниками МО	Игра с «нулевой суммой» (выигрыш одного – проигрыш другого)	Игра с «ненулевой суммой» (выигрыш одного – выигрыш всех, проигрыш одного – проигрыш всех)

Окончание таблицы

1	2	3
Слабые стороны	Сопровождается гонкой вооружений и несет риски начала новых военных действий	Требует доверия между участниками международных отношений; бюрократизация совместных решений из-за большого количества участников МО; невозможность эффективного и сильного ответа на односторонние силовые действия отдельных участников МО
Примеры в истории и современности	а) классический баланс сил – создание коалиций против наполеоновской Франции и Германии перед Первой и Второй мировыми войнами; б) биполярный баланс сил – противостояние НАТО и ОВД в холодной войне, сопровождавшейся гонкой вооружений; в) полицентрический /многополярный баланс сил – расширение НАТО на восток для сдерживания РФ; расширение сотрудничества РФ и КНР для сдерживания Запада; появление AUKUS (США, Великобритания, Австралия) для сдерживания КНР; использование ограничительных мер (санкций)	а) Парижское климатическое соглашение 2015 г. [The Paris Agreement] – глобальная программа, охватывающая множество стран по борьбе с изменением климата; б) расширение ЕС на восток в 2004 и 2007 г. (Польша, Чехия, Венгрия и пр.). Новые члены ЕС получили гарантии безопасности, а давние акторы ЕС добились расширения рынка сбыта, дешевую рабочую силу; в) усиление борьбы стран с терроризмом после 11 сентября 2001 г., когда США легитимизировали свое право на военную операцию в Афганистане, РФ и КНР смогли провести внутренние кампании в Чечне и Синьдзяне

Возможные сценарии состояния системы международных отношений

Поскольку конфигурация системы современных международных отношений находится под воздействием как баланса сил, так и баланса интересов, то встает логичный вопрос о перспективах дальнейшего развития МО и возможных сценариев будущего.

Дальнейшие перспективы существования системы международных отношений логично выстраивать в зависимости от временных сроков:

1. Среднесрочный сценарий (на ближайшие 5–10 лет).

Конструкции баланс сил и баланс интересов параллельно существуют на международной арене. Первый (баланс сил) больше присутствует в военно-политической сфере, второй (баланс интересов) – в экономических и глобальных вопросах. Поэтому логичным выглядит ситуация, что страны будут выстраивать свой диалог с теми участниками, кто им реально стратегически близок. Четким примером здесь будут выступать уже созданные конкурирующие коалиции между собой (НАТО и AUKUS / Россия и Китай) [Ермаков, 2022]. В логику такого противостояния вписываются американские ограничения по поводу китайских компаний, при этом сотрудничество между сторонами будет присутствовать, так как государственные акторы зависят друг от друга (технологии, редкоземельные металлы и пр.). Также страны-конкуренты будут сотрудничать по линии решения конкретных глобальных проблем (климат, пандемии, кибербезопасность). Возможно, в этой логике роль универсальных организаций (ООН) будет ослабевать из-за бюрократизации и большого количества участников данных форматов. Данный сценарий достаточно опасен из-за угрозы роста локальных конфликтов.

2. Долгосрочный сценарий с оптимистичным прогнозом.

Преимущественное применение баланса интересов игроками на международной арене возможно только в том случае, если все стороны согласятся на создание более функциональных форматов по сравнению с современными. К сожалению, деятельность ООН все чаще вызывает нарекания. Создание мини-форматов по типу Организации Объединенных Наций может привнести определенную пользу за счет наделения ими реальных полномочий. Также возможен вариант сужения вопросов, т. е. когда данные организации осуществляют свою деятельность только по конкретным вопросам, начиная от климата, освоения космоса или применения искусственного интеллекта и пр. Таким образом, конфликтный потенциал в одной сфере сознательно отделяется от других сфер.

Помимо этого, реализация такого сценария была бы более вероятной, если бы количество акторов, входящих в такие мини-форматы, было бы меньше. Большое количество акторов не позволяет оперативно принимать решения, в отличие от малых организационных структур. Такой сценарий имеет минусы, поскольку не всегда страны на международной арене действуют рационально и сдержанно.

3. Долгосрочный с пессимистичным сценарием.

Перспективы подавления баланса сил над балансом интересом могут возобладать, если участники международных отношений все чаще и больше будут применять открытую силовую политику в отношениях друг с другом, а также если откажутся от практики кооперации в решении глобальных проблем. К сожалению, нынешняя ситуация с нарастанием конфликтов (Украина, Тайвань, Сектор Газа и пр.) служат «плохим сигналом» и свидетельствуют о стремлении ряда участников нарушать существующий статус-кво. Силовая борьба государств усиливается на уровне космоса, киберпространства [Костина, 2022]. Такой сценарий имеет большие риски в виде прямой военной конфронтации с применением ядерного оружия.

4. Краткосрочный, более вероятностный сценарий, исходя из текущих событий.

Стратегическое противостояние США и Китая с применением конструкции баланса сил. Стороны применяют инструменты санкционного механизма в отношении друг друга, используют средства военного сдерживания в Тихом океане, а также соперничают за союзников на международной арене [Джагаев, 2022]. При этом в самой системе международных отношений действует конструкция баланса интересов. Например, коммуникация западных стран и РФ проходит в логике вынужденного баланса интересов (зерно, ядерная стабильность). Инструменты баланса интересов можно найти на уровне торгового сотрудничество между КНР и ЕС, США и Индией и пр. Рисками такого сценария является наличие дипломатических трудностей и сложного поиска компромиссов.

Заключение

На сегодняшний день система международных отношений параллельно детерминирована как балансом сил, так и балансом интересом. С одной стороны, странам приходится решать огромное количество глобальных проблем, с другой – нарастает количество локальных конфликтов.

Переплетение конструкций баланса сил и баланса интересов находится на стыке нескольких уровней. Во-первых, на глобальном уровне безусловно детерминирует логика баланса интересов. Транснациональные проблемы сложно решать силовыми способами без поиска компромиссов по их нивелированию.

Во-вторых, на уровне ключевых акторов (США, КНР) можно увидеть сохранение парадигмы баланса сил, особенно в военной и технологических сферах. Стороны применяют торговые войны, ограничительные меры, лишь бы не допустить превосходства конкурентов.

В-третьих, на региональном уровне наблюдается ассиметричное использование инструментов баланса сил и баланса интересов. В ЕС партнеры пытаются найти общие точки соприкосновения и интегрироваться в разных вопросах, что касается Ближнего Востока, то здесь чаще приходится говорить о жесткой конфронтации [Аватков, 2014].

Эволюция системы международных отношений от баланса сил к балансу интересов была вполне объективной и закономерной за счет множества факторов, начиная от усложнения самой системы (расширения акторов), «дороговизны» прямых военных действий до появления глобальных проблем и возросшей взаимозависимости государственных акторов. Если классический анализ сил был заточен на идее предотвращения силовой гегемонии какого-либо актора, то баланс интересов ориентирован на постоянный поиск компромиссов, переговоров по решению совместных вопросов. Это не значит, что баланс сил не применяется на международной арене, но он перестал быть единственным регулятором отношений между странами. Поэтому современные государства применяют логику баланса интересов для агрегирования своих интересов. Он становится эффективным механизмом в продвижении своих интересов в условиях взаимозависимости и на уровне международных форматов, при этом страны извлекают необходимые выгоды и минимизируют возможные риски. Что касается сценариев будущего развития системы международных отношений, то наиболее вероятным прогнозом выступает стержневое противостояние Пекина и Вашингтона с применением конструкции баланса сил. В то же время остальные участники международных отношений существуют в логике вынужденного баланса интересов. Хочется надеяться, что акторы применят максимум дипломатических усилий, переговорной практики для сохранения стабильности всей системы международных отношений.

Список литературы

Аватков В.А. 2024. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке. *Среднерусский вестник общественных наук,* 19(4): 14–35. doi 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35

Будаева С.В. 2014. Баланс сил как общий принцип равновесия в современных международных отношениях. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 9(112): 73–79.

Бурганова И.Н. 2022. Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 22(2): 226–231. doi: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231

Гончаренко В.Ю. 2025. Разногласия США и ЕС после выхода Вашингтона из ядерной сделки по Ирану при первом президентстве Д. Трампа. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 4: 53–65.

Джагаев О.А. 2022. Проблема Южно-Китайского моря как фронт противостояния КНР и США. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 12, 2(83): 577–582. doi 10.35775/PSI.2022.83.2.027

Ермаков С.М. 2022. Влияние AUKUS на систему международной безопасности. *Проблемы национальной стратегии*, 1(70): 130–152. doi 10.52311/2079-3359_2022_1_130

Костина А.Д. 2022. Противостояние США с другими государствами в космическом пространстве на примере взаимоотношений с КНР. *Вопросы политологии*, 12, 9(85): 3161–3166. doi 10.35775/PSI.2022.85.9.031

Кузьмина О.В. 2021. Глобальная система международных отношений на рубеже 2020-х годов: тенденции и риски развития. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*, 10, 3(37): 236–242. doi 10.35775/PSI.2021.37.3.008

Лукьянов В.Ю. 2020. Гармонизация системы международных отношений XXI века: использование исторического опыта. *Век глобализации*, 2(34): 72–84.

Малмир Э.Н. 2019. Актуальные проблемы реализации иранской ядерной программы. *Вестник экономики, права и социологии*, 1: 97–101.

Панцерев К.А. 2017. Китай – глобальный актор мировой политики: к вопросу архитектуры нового международного порядка. *Диалог: политика, право, экономика*, 2(5): 5–13.

Пекарникова М.Е. 2023. Изменение вектора климатической политики США в 1992–2023 годах. *США и Канада: экономика, политика, культура*, 10: 70–80. doi 10.31857/S2686673023100073

Салин П.Б. 2019. «Мягкая сила» как внешнеполитический ресурс современных государств в контексте образовательной политики. *Власть*, 27(5): 169–173.

Сенокосов А.Г. 2009. Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891–1923). *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 14: 72–81.

Таньшина Н.П. 2017. Венская система и Венские соглашения: Взгляд из Франции. *Россия и современный мир*, 4(97): 61–76.

Фархутдинов И.З. 2019. Доктрина о Вестфальской мирной системе: мифы и реалии. *Евразийский юридический журнал*, 6(133): 21–31.

Хайруллин Э.Р. 2015. «Баланс сил» как концепция безопасности в теории и практике международных отношений. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, 3(7): 115–119.

Якубовская И.В. 2003. Баланс сил в международных отношениях 1895–1898 гг.: «европейский концерт» и двусторонние соглашения. *Вестник Новгородского государственного университет*а, 25: 33–40.

Badri A. 2022. Quad and the Indo-Pacific: Examining the Balance of Interest Theory in Quad Coalition. *Strategic Analysis*, 46(6): 601–613. doi: 10.1080/09700161.2022.2149981

Hu M. 2024. Multi-Vectorality of the PRC'S Modern Foreign Policy: Balance between Global Ambitions and Regional Interests. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 9–5(96): 117–120.

Keohane, Robert O. 1984. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 290 p.

Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr. 1977. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 273 p.

Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr., eds. 1971. Transnational Relations and World Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 428 p.

Morgenthau, Hans J. 1978. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed., Revised. New York: Alfred A. Knopf, 688 p.

Sanjmyatav B. 2020. Coronavirus Pandemic (COVID-19) and its Aftermath on Contemporary World Affairs. *Евразийство и мир*, 1: 61–73. doi 10.18101/2306-630X-2020-1-61-70

Waltz, Kenneth N. 1979. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 251 p.

Wendt, Alexander. 1992. «Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics». *International Organization*, 46(2): 391–425. doi: 10.1017/S0020818300027764

References

Avatkov V.A. 2024. Voenny`j faktor v regional`nom balanse sil na Blizhnem Vostoke [The Military Factor in the Regional Balance of Power in the Middle East]. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 19(4): 14–35. doi 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.

Budaeva S.V. 2014. Balans sil kak obshhij princip ravnovesiya v sovremenny`x mezhdunarodny`x otnosheniyax [The Balance of Power as a General Principle of Equilibrium in Modern International Relations]. *Transbaikal State University Journal*. 9(112): 73–79.

Burganova I.N. 2022. Politicheskie aspekty` sopryazheniya proektov E`konomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza dlya Rossijskoj Federacii [Political Aspects of the Integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union Projects for the Russian Federation]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 22(2): 226–231. doi: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231

Goncharenko V.Yu. 2025. Raznoglasiya SShA i ES posle vy`xoda Vashingtona iz yadernoj sdelki po Iranu pri pervom prezidentstve D. Trampa [Disagreements between the United States and the EU after Washington's Withdrawal from the Iran Nuclear Deal during the First Presidency of Donald Trump].

Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies. 4: 53–65.

Dzhagaev O.A. 2022. Problema Yuzhno-Kitajskogo morya kak front protivostoyaniya KNR i SShA [The Problem of the South China Sea as a Front of the China-US Confrontation]. *Voprosy nacional`nyx i federativnyx otnoshenij*. 12, 2(83): 577–582. doi 10.35775/PSI.2022.83.2.027

Ermakov S.M. 2022. Vliyanie AUKUS na sistemu mezhdunarodnoj bezopasnosti [The Influence of AUKUS on the International Security System]. *National Strategy Issues*. 1(70): 130–152. doi 10.52311/2079-3359_2022_1_130

Kostina A.D. 2022. Protivostoyanie SShA s drugimi gosudarstvami v kosmicheskom prostranstve na primere vzaimootnoshenij s KNR [The US Confrontation with Other States in Outer Space on the Example of Relations with China]. *Voprosy politologii*, 12, 9(85): 3161–3166. doi 10.35775/PSI.2022.85.9.031

Kuzmina O.V. 2021. Global`naya sistema mezhdunarodny`x otnoshenij na rubezhe 2020-x godov: tendencii i riski razvitiya [The Global System of International Relations at the Turn of the 2020s: Trends and Development Risks]. *Eurasian Union: Issues of International Relations*. 10, 3(37): 236–242. doi 10.35775/PSI.2021.37.3.008

Lukyanov V.Yu. 2020. Garmonizaciya sistemy` mezhdunarodny`x otnoshenij XXI veka: ispol`zovanie istoricheskogo opy`ta [Harmonization of the 21st Century International Relations System: Using Historical Experience]. *Vek globalizatsii*. 2(34): 72–84.

Malmir E.N. 2019. Aktual`ny`e problemy` realizacii iranskoj yadernoj programmy` [Current Issues in the Implementation of the Iranian Nuclear Program]. *The Review of Economy, the Law, and Sociology*. 1: 97–101.

Pantserev K.A. 2017. Kitaj – global`ny`j aktor mirovoj politiki: k voprosu arxitektury` novogo mezhdunarodnogo poryadka [China as a Global Actor in World Politics: Towards the Architecture of a New International Order]. *Dialog: politika, pravo, e`konomika*. – 2017. 2(5): 5–13.

Pekarnikova M.E. 2023. Izmenenie vektora klimaticheskoj politiki SShA v 1992–2023 godax [Changes in the US Climate Policy Vector in 1992–2023]. *USA & Canada: Economics, Polinics, Culture*. 10: 70–80. doi 10.31857/S2686673023100073

Salin P.B. 2019. «Myagkaya sila» kak vneshnepoliticheskij resurs sovremenny`x gosudarstv v kontekste obrazovatel`noj politiki [«Soft Power» as a Foreign Policy Resource of Modern States in the Context of Educational Policy]. *The Authority*. 27(5): 169–173.

Senokosov A.G. 2009. E`volyuciya Antanty` kak voenno-politicheskogo soyuza (1891–1923) [The Evolution of the Entente as a Military-Political Alliance (1891–1923)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie.* 14: 72–81.

Tanshina N.P. 2017. Venskaya sistema i Venskie soglasheniya: Vzglyad iz Francii [The Vienna System and the Vienna Agreements: A View from France]. *Russia and the Contemporary World*. 4(97): 61–76.

Farhutdinov I.Z. 2019. Doktrina o Vestfal`skoj mirnoj sisteme: mify` i realii [The Doctrine of the Westphalian Peace System: Myths and Realities]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. 6(133): 21–31.

Khairullin E.R. 2015. «Balans sil» kak koncepciya bezopasnosti v teorii i praktike mezhdunarodny`x otnoshenij [The Balance of Power as a Concept of Security in the Theory and Practice of International Relations]. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*. 3(7): 115–119.

Yakubovskaya I. V. 2003. Balans sil v mezhdunarodny`x otnosheniyax 1895–1898 gg.: «evropejskij koncert» i dvustoronnie soglasheniya [The Balance of Power in International Relations, 1895–1898: The «European Concert» and Bilateral Agreements]. *Vestnik NovSU*. 25: 33–40.

Badri A. 2022. Quad and the Indo-Pacific: Examining the Balance of Interest Theory in Quad Coalition. *Strategic Analysis*, 46(6): 601–613. doi: 10.1080/09700161.2022.2149981

Hu M. 2024. Multi-Vectorality of the PRC'S Modern Foreign Policy: Balance between Global Ambitions and Regional Interests. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 9–5(96): 117–120.

Keohane, Robert O. 1984. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 290 p.

Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr. 1977. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 273 p.

Keohane, Robert O., and Joseph S. Nye, Jr., eds. 1971. Transnational Relations and World Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 428 p.

Morgenthau, Hans J. 1978. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed., Revised. New York: Alfred A. Knopf, 688 p.

Sanjmyatav B. 2020. Coronavirus Pandemic (COVID-19) and its Aftermath on Contemporary World Affairs. *Евразийство и мир*, 1: 61–73. doi 10.18101/2306-630X-2020-1-61-70

Waltz, Kenneth N. 1979. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 251 p.

Wendt, Alexander. 1992. «Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics». *International Organization*, 46(2): 391–425. doi: 10.1017/S0020818300027764

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.12.2025
Поступила после рецензирования 20.02.2026
Принята к публикации 21.04.2026

Received December 20, 2025
Revised February 20, 2026
Accepted April 21, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия
ORCID: 0000-0003-3634-1141

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna N. Burganova, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia